БИБЛИОТЕКА
ТОМСКОЙ ПОЭЗИИ И ПРОЗЫ

IX

Библиотека томской поэзии и прозы

Издание Томской писательской организации

Библиотека томской поэзии и прозы

том 9

Николай Хоничев

Дмитрий Коро

Владимир Пшеничный

Валентина Чубковец

Софья Рубакова

Борис Пейгин

— ТОМСК —
2018

ББК 84(2Р)6
Б59

Н. В. Хоничев, Д. Н. Коростелёв (Коро), В. А. Пшеничный, В. А. Чубковец, С. Б. Рубакова, Б. С. Пейгин. Библиотека томской поэзии и прозы. Литературно-художественное издание. Том 9 — Томск, 2018. — 420 с.

Литературно-художественное издание
«Библиотека томской поэзии и прозы»
издаётся при поддержке
губернатора Томской области
Сергея Анатольевича Жвачкина

© Томская писательская организация, 2018

Николай ХОНИЧЕВ

Родолена

Городская сказка о любви

Николай Васильевич ХОНИЧЕВ

Родился в Томске. В 1981 году окончил среднюю школу № 42. По образованию — биолог, в 1987 году окончил биолого-почвенный факультет Томского государственного университета. 23 года отработал по специальности в областном Центре защиты леса (инженером, главным инженером, начальником отдела).

С 2000 года — член Союза писателей России, с 2007 года — член-корреспондент Академии Поэзии. Автор пяти книг стихов. Автор-исполнитель более 50 песен на свои стихи и музыку. В 2001 году записал диск «Златокрылая листва», в 2010 — второй диск «Танго-коньяк». Участник, неоднократный лауреат и член жюри городских конкурсов поэзии (в 1993 году занял первое место). Выступления проходили на Алтае, в Кузбассе, Москве, Франции, Италии, Египте.

Стихи Николая Хоничева публиковались в журналах и альманахах: «Томская старина», «Сибирская старина», «Сибирские Афины», «Начало века», «День и ночь», «Огни Кузбасса», «Озарение», «Лесная новь», «Студенческий меридиан», «Наш современник», «Академия Поэзии», «Бийский вестник», «Московский вестник».

Книги: «Любовь-переливница», «Созвездие сирени», «Буквица», «Венерин башмачок», «Ходики дождя», «Любоснежник» и другие.

Награждён Золотой Есенинской медалью «За верность традициям русской культуры и литературы» (данная общественная награда учреждена издательством газеты «Литературное Подмосковье» и Союзом писателей России) и медалью «За заслуги перед Томском» (2004).

Родолена

(Городская сказка о любви)

Глава 1. ЖЕНЩИНА ИЗ БОТАНИЧЕСКОГО САДА

Инженер Каштанов достал из кошелька небольшую связку ключей. Одним открыл железную дверь подъезда, другим — железную дверь на этаже и третьим — дверь собственной квартиры. Он зверски устал, оформив на работе довольно сложный пакет документов для отправки в Москву. Каждое слово выверял, каждую фразу проговаривал про себя. Усталость была на клеточном уровне. С удовольствием снял костюм, надел трико и поставил разогревать сковороду с тушёной цветной капустой в панировочных сухарях. Залил воды в белый «Филипс» и тоже включил. Засыпал в заварной чайник лепестки каркаде. После чего прошёл в гостиную, нажал кнопку пульта телевизора и сел на диван.

Когда минут через пятнадцать ужин был готов, Каштанов услышал поскрёбывание ключа в двери.

— Это я, — донёсся знакомый женский голос. Невысокая молодая худенькая зеленоглазая женщина проскользнула в кухню и потянулась губами к лицу Каштанова. Он откликнулся, провёл пальцем по знакомому желобку на её спине. Женщина задрожала и обняла его за шею. Потом возмущённо заговорила.

— Представляешь, завкафедрой поставил Людке часов на треть меньше, чем мне. Издевательство! Они думают — я ломовая лошадь. За день в трёх корпусах занятия — пойди, побегай! — Женщина заговорила быстрее, маленькие руки отчаянно жестикулировали. Она заметалась по комнате, и Каштанов с досадой подумал, что всё будет как обычно. Не догадывался только, что так скоро…

— Гори они все синим пламенем! — воскликнула женщина и вдруг заполыхала сама. Только не синим, а каким-то странным, металлически-зелёным огнём. Голос её становился всё глуше, пламя сильней, но вещи в квартире не горели. Столб зелёного пламени поначалу взметнулся до потолка, но потом становился всё ниже, пока не исчез.

Казалось бы — без следа. Но след был.

Зелёное, похожее на изумруд, ромбовидное восьмигранное зёрнышко было бережно поднято Каштановым с пола и положено на стол. С великим вздохом инженер пошёл в ванную, принёс эмалиро-

ванный таз и поставил в гостиной. Потом ещё раз сходил в ванную и пришёл с большим зелёным ковшом воды. Осторожно положил в центр таза изумрудное зёрнышко и стал поливать его водой из ковша. Зёрнышко посветлело, набухло. Пробился росток. Он рос и рос, приобретая очертания обнажённой женской фигуры. Каштанов продолжал поливать, пока женщина полностью не возродилась.

Инженер принёс металлически-зелёное шёлковое покрывало, бережно накинул ей на плечи. Она открыла глаза и положила руки, в свою очередь, на плечи ему. Он поцеловал ей ладони, разложил диван, взял её на руки.

— Нельзя так волноваться, — сказал Каштанов и очень осторожно опустил её на диван. Лёг рядом.

Женщина глубоко вздохнула.

— Вот опять новое платье покупать. Разоришься ты на мне.

— Что же с вами, с женщинами-растениями, делать. Учись владеть эмоциями.

— Не могу, родной, сам знаешь. Эмоции, загнанные вглубь, сушат и старят. Ты же не хочешь жить со старой шваброй.

— Не хочу, — пробормотал Каштанов, сцеловывая капельку воды с юного и прекрасного лица. — Слушай, а откуда у тебя такое имя странное — Родолена?

— С Мадагаскара, — улыбнулась женщина.

— А похоже на что-то славянское.

Каштанов стал вспоминать.

Женщины-растения очень влюбчивы и ласковы, но требуют ухода. Как никто, нуждаются в нежности и ласке. Внимания требуют тоже постоянного. От сильного волнения, вызванного грубостью и несправедливостью, — сгорают в зелёном огне. Возрождаются при поливе. Одежда сгорает тоже, поэтому супруг должен иметь энное количество денег про запас всегда.

Откуда занесло это волшебное зёрнышко, которое Каштанов целовал, благодарил Бога за счастье — великое, неизбывное?

Он помнил свой животный ужас, когда после очередного самовозгорания Родолены у него случайно разбились очки, а зёрнышко откатилось куда-то. Каштанов долго не мог его найти, пока не отыскал запасные очки.

Вскоре после знакомства Родолена поступила в педагогический институт и окончила его. Была оставлена в аспирантуре, очень быстро защитила кандидатскую диссертацию. Ботанику она знала идеально. Каштанов научил её готовить семь разновидностей супов, которые он освоил за годы холостяцкой жизни.

Долгое время друзья и знакомые считали инженера Каштанова старым холостяком, тюфяком, а он был просто стеснительным человеком, побаивающимся активных женщин. Студентом в университете Каштанов стеснялся своей близорукости, потом — маленькой

инженерской зарплаты. Хотя внешне Каштанов был симпатичным. Даже красивым. Высокий рост. Густые тёмные волосы. Тёмные прямые брови. Серо-голубые глаза с очень густыми, длинными ресницами. Пару раз пробовал отращивать усы, один раз — бороду, но всегда сбривал. Любил быть молодым.

В студенческие годы девушки на него заглядывались. Но он любил одну. Потом она бросила его. Каштанов ушёл в работу.

Жизнь изменилась после тридцати лет.

Каштанов тянулся к природе.

Однажды сотрудники его отдела провели культурное мероприятие — сходили в ботанический сад. Экскурсия плавно перетекала из субтропического зала — в тропический, из субэкваториального — в экваториальный. Каштанов вдыхал неведомые ароматы. И както машинально поднял с пола странное изумрудное зёрнышко. Он завернул его в кусочек бумаги и положил в левый боковой карман рубашки.

Тот июньский день вообще был странным. Полил сильный дождь, и у Каштанова резким порывом ветра вывернуло зонт-полуавтомат. Как назло, плащ инженер не надел. Промокнув до нитки, Каштанов уже добежал до своей улицы. И вдруг почувствовал, что возле сердца что-то давит. Инженер обалдел от удивления, ибо из левого кармана прямо на глазах росло что-то живое. Потом карман лопнул. Каштанов почувствовал резкий толчок и упал. Как на полотне импрессиониста, сквозь мокрые очки он увидел обнажённое женское тело.

— Согрей меня! — протянула она руки, и он стал лихорадочно снимать мокрую рубаху и накидывать ей на плечи. Они помчались к его подъезду. Благо — соседей не встретилось.

Они вбежали на третий этаж, инженер открыл дверь.

— Ты кто? — уже в квартире спросил Каштанов.

— Родолена, — устало выдохнула она…

Хуже всего было, когда отключали воду. Без воды Родолена, как Ихтиандр, жить не могла. Резко становилась вялой и неразговорчивой. Каштанов брал большую канистру и шёл за водой к ближайшей колонке.

На вопрос: «Где ты нашёл эту женщину?» он хотел всю оставшуюся жизнь отвечать так, как отвечал немногочисленным друзьям:

— В ботаническом саду.

Глава 2. В ПАРИЖЕ

Женщина-растение Родолена от сильных эмоций могла сгорать в зелёном огне и возрождаться от полива. Но в силу того, что она была женой инженера Каштанова, кандидатом биологических наук,

преподавателем, ей приходилось эти самые эмоции контролировать. Когда она их контролировать не могла — другое дело. Но имелась одна примета, один индикатор, по которому Каштанов определял — загорится она или нет.

Волосы. Дело в том, что естественным цветом волос Родолены был зелёный. Причём — ярко-зелёный. Но даже в наше демократическое время приходить преподавателю на занятие с таким диким цветом волос было нежелательно. И Родолена красила волосы в золотистый или в чёрный цвет. Но во время кризисов, перед сгоранием, краска с волос исчезала. Минуты на две, на три. И они становились своего естественного, ярко-зелёного цвета.

Кроме того, Родолена способна была мёрзнуть от косых взглядов. И ей зачастую было зябко даже летом. Особенно у неё мерзли руки. Поэтому она носила перчатки до самого конца мая и с самого начала сентября. А в холодные дни и летом. На спектакли или концерты, куда иногда ходила с Каштановым, — бальные, до локтей, на улицу — кожаные, замшевые или шёлковые.

И если не брать во внимание такие тонкости, во всём остальном это была замечательная женщина, умная, тонкая, красивая, с мелодичным голосом. Очень ласковая, преданная, оплетавшая партнёра, как вьюн. Всему, что её интересовало, она обучалась быстро и легко. Если бы ей попался свободолюбивый мужчина, которому друзья важнее семьи, она не смогла бы с ним жить. Но инженер Сергей Каштанов был застенчивым, семейным человеком, сторонящимся шумных компаний. Друзья ему были, по большому счёту, не нужны. Пиво и водку он не пил, не курил, футбол или хоккей не любил. Из алкогольных напитков предпочитал в небольших количествах тонкое мускатное вино, причём пить его любил вместе с Родоленой. И слушать её рассказы. Сам голос жены настраивал Каштанова на спокойное и уверенное состояние. Когда Родолена жаловалась или обижалась на кого-то, Сергей Каштанов, наоборот, говорил с ласковой иронией.

Больше всего она знала о растениях. О них Родолена могла рассказывать бесконечно и очень увлекательно.

Родолене подруги оказались тоже не нужны. Говорить о том, что с тобой происходит, даже одной подруге — нежелательно. Зачем лишние сплетни?

Студенткой, послушав лекции или выполнив практическую работу, она бежала домой. Став преподавателем — аналогично.

А в жизни Каштанова произошла приятная перемена — на работе в системе лесного хозяйства его повысили до начальника отдела. Денег стало, соответственно, больше, и супруги начали подумывать о заграничной поездке. Предпочтение было отдано Франции.

Каштанов сходил в три туристические фирмы, и в последней ему понравилось. Вместе с женой Каштанов выбрал подходящий авто-

бусный тур. Она прикинула, когда пойдёт в отпуск, он — тоже, и вопрос был решён.

Больше всего Сергей Каштанов волновался, чтобы Родолена не запылала в дороге или, упаси Бог, в Париже. Но он подумал, что радость от дворцов и парков будет настолько великой, что жена сможет удержать свои эмоции.

Началось оформление документов. Слава Богу, российский паспорт у Родолены был. Его пришлось оформлять, как только они сошлись, то есть как только Сергей Каштанов нашёл в ботаническом саду зелёное зёрнышко, ставшее его женой. Ну, с датой рождения оказалось всё в порядке — записали день, когда он это зёрнышко нашёл, минус двадцать лет. С отчеством сложнее. Родолена смутно помнила, что выращивал её в столице Мадагаскара садовник-итальянец Николо. Он и послал в ботанический сад несколько зёрнышек, из которых предполагалось вырастить растения. Почему Родолена не попала на грядку — вот вопрос. Местом рождения Каштанов посоветовал записать их город, потому что Антананариву (столица Мадагаскара) — название, которое без бутылки не выговоришь.

Таким образом, на свет появилась двадцатилетняя Родолена Николаевна Каштанова, 27 июня родившаяся. Менять своё имя на Елену или Алёну она отказалась категорически, а Сергей Каштанов не стал настаивать. А если есть российский паспорт — нетрудно сделать и заграничный.

Супруги на поезде добрались до Москвы.

В Москве в начале четвёртого туристическая группа собралась возле поезда «Москва — Брест». Через некоторое время, когда состав уже вовсю катил к Бресту, Каштановы прошли инструктаж.

Всё было замечательно, кроме одного — Родолена решила не краситься. Во-первых, постоянное перекрашивание волос могло провоцировать вспышки. А во-вторых, Родолена полагала, что Париж — свободолюбивый город, и там не будут обращать внимание на такие пустяки, как зелёные волосы. И причёска её пылала ярко-травяным огнём.

Рано утром группа вышла из поезда и разместилась в автобусе.

Когда прошли границу Белоруссия — Польша и катили по аккуратным польским дорогам, Родолена пожаловалась:

— На предпоследнем кресле старушка наградила меня таким взглядом, что стало морозно, как на Северном полюсе. Б-р-р. Что людям надо?

— Она тебе завидует, — пошутил Каштанов и забеспокоился:

— Костюм одела тёплый?

— Тёплый. Юбка и жакет велюровые. С зелёными волосами не каждый костюм смотреться будет. К нам в супермаркет в прошлом месяце завозили нежно-нежно шоколадный с оранжевым оттенком

— хватило ума купить. Я, наверное, единственная в автобусе, кто в июне берёт собачью подстёжку под костюм. Но холод — он тоже собачий. Согрей меня.

Каштанов привычно обнял левой рукой плечи жены, в правую руку взял обе её руки и начал усиленно согревать дыханием.

Родолена постепенно отогрелась до того, что сняла нежно-зелёные шёлковые перчатки.

И всю поездку казалось, что кризиса не будет. В Париже их поселили в отеле «Централь» в номере со светло-лиловыми стенами и балочным потолком.

Утром они спускались на лифте в подземный этаж и садились на венские стулья за стол с жёлто-оранжевой клеёнкой. Родолена заказывала зелёный чай, а Каштанов — какао. Съедали по круассану, по два бутерброда со сливочным маслом и джемом, благодарили официантку и шли гулять по Парижу.

Каштановы плавали на кораблике по Сене, поднимались на лифте на второй уровень Эйфелевой башни. Листали старые журналы и просматривали афиши прошлых лет у букинистов. Обедали в недорогих кафе Латинского квартала. Предпочитали вкусное эскарго из улиток и луковый суп. Ездили на экскурсии в Версаль, Нормандию и Фонтенбло.

Наступил предпоследний день в столице Франции. Они самостоятельно сходили в бесплатный музей Карнавале, несколько часов гуляли по двум старинным особнякам этого удивительного музея, посидели на лавочке площади Вогезов у памятника Людовику Тринадцатому.

Когда проходили по Новому мосту, Родолена подошла к красному каштану за памятником королю Генриху IV. Внизу манил сквер Вер Галан, только женщина не стала спускаться туда, а приложила руки к стволу дерева. В этом районе было довольно шумно, гудели машины, разговаривали туристы, но Родолену, казалось, это совсем не беспокоило.

— Ну, и что ты чувствуешь? — улыбнулся Каштанов.

— Подожди, Серёжа. Каштан говорит, что надо опасаться маленького человека. Что бы это могло означать?

— Каштан по-русски говорит? Или по-французски? — ещё больше разулыбался Каштанов, думая, что слова Родолены — шутка.

— Я по-французски понимаю, но говорить ещё не могу. А каштан говорит на древесном языке. Его все растения понимают.

Её беспокойство стало нарастать ближе к обеду, когда они гуляли по Латинскому кварталу.

Она несколько раз обернулась назад. Каштанов спросил:

— Что-нибудь случилось?

— Не знаю. Я чувствую. Как тебе объяснить?.. Ещё и волосы не накрашены. Так у тебя было бы минуты две-три в запасе… Серёжа,

слушай. Если со мной что-нибудь случится, смотри внимательно, чтобы кто-то другой не схватил зёрнышко раньше тебя. Тогда мы точно уже никогда не увидимся. У меня ощущение, что кто-то хочет посадить зерно — моё зерно, меня — в землю. А мне это ещё рано и совсем не хочется.

Родоленино беспокойство передалось Каштанову. Она посидели у отеля Клюни, вышли к фонтану Сен-Мишель. И тут она тревожно сказала:

— Скорее. Тут есть рядом какой-нибудь парк?

— Должен быть. А, вспомнил! Тут недалеко растёт самое старое дерево Парижа. На обзорной экскурсии рассказывали.

— Быстрей туда. Там меньше народу.

Они побежали в парк-сквер Вивиани. Самое старое дерево Парижа — ложная акация робиния — осталось справа. Это было очень почтенное дерево, которое опиралось на бетонную плиту. От старости.

— Оно тут с начала семнадцатого века, — рассказывал Сергей.

И тут Родолена вспыхнула. Перед глазами Сергея Каштанова промелькнула женская фигурка в светло-шоколадном велюровом костюме, с зелёными волосами. Несколько мгновений — и зелёное пламя её поглотило.

Каштанов, помня просьбу Родолены, кинулся на это место. И с удивлением увидел, как туда же бросается маленький человек, явно с тем же намерением. Но Каштанов его опередил. Левой рукой он сжал руку человечка, а правой схватил изумрудное зёрнышко. Человечек вырвал свою руку и в отместку сорвал очки Каштанова и отшвырнул их в сторону. Как в замедленной съёмке, увидел Сергей летящие очки, пока они мгновенно не растворились в близоруком тумане. Но драгоценное зёрнышко было у него. Человечек убежал. Каштанов нашёл свои очки возле старого дерева. Они, к счастью, были из небьющегося стекла.

Каштанов понёсся в отель. Погода портилась. Небо заволокли тучи. Всю дорогу до отеля Каштанов молил Бога, чтоб не хлынул дождь. Особенно когда бежал по улице Сен-Дени, по кварталу красных фонарей.

Но просьбы не помогли. И дождь всё-таки хлынул. Родолена стала возрождаться из зерна. Какая-то проститутка с диким удивлением посмотрела на внезапно возникшую голую женщину с зелёными волосами. Каштанов тут же набросил на Родолену свой пуловер. Они неслись по бульварам, мимо квартала чернокожих и, наконец, вот он — отель. Быстро взяли ключ, ёжась под любопытными взглядами портье (кроме пуловера, одежда на Родолене отсутствовала), поднялись на пятый этаж, зашли в свой уютный номер и обессиленно опустились на кровать. Потом посмотрели друг на друга и неуёмно захохотали. А потом…

Такой ночи любви у них ещё никогда не было!

Когда на следующее утро туристическая группа покатила в Брюссель, Родолена задумчиво сказала:

— Кто же это пытался похитить моё зерно? Может, в этом разгадка всей жизни моей.

И всю дорогу до Бельгии промолчала.

Глава 3. ГРЫЗУНЫ

В этот майский вечер Каштанов пришёл с работы озабоченным. Завтра предстояло выехать за город и обследовать плантации сосны и кедра.

Дело в том, что подросшие культуры кедра грызли какие-то вредители. Деревца были уже приличными по росту — полтора, а то и два метра. И вот то в одном, то в другом месте они желтели. В прошлом году Каштанов обследовал эти же самые культуры. Для него выкопали одно из деревьев. На стволике явственно были видны следы погрызов.

А сейчас начальство требовало определить конкретно вид грызуна, потому что деревья продолжали сохнуть.

— Ты чего такой грустный? — спросила Родолена.

Она откуда-то принесла кусок мягкой в четверть квадратного метра нежно-голубой ткани и вышивала в левом нижнем углу красную розу. Полоска зелёной травы уже была вышита по низу. Вначале женщина хотела сделать гобелен или что-то в этом роде и повесить на стену. Но потом у Родолены возникли сомнения.

Каштанов объяснил ей ситуацию.

— Понимаешь, я не знаю, как определить вид этого самого грызуна. Потому что это не личинка, допустим, восточного майского хруща или жука. Личинка лежит в земле, её всегда можно выкопать и посмотреть возраст. Взрослое насекомое можно поймать. А как быть в данной ситуации — ума не приложу.

У Родолены лицо стало загадочно-ехидным:

— Это значит, Серёженька — надо звать меня. Ты когда поедешь?

— С утра.

— У меня завтра пара с обеда. Если у вас в машине место будет, и если привезёте меня в университет до двух…

— Конечно, будет. И привезём.

— Тогда договорились.

Наутро Каштанов заехал за женой в университет, и «уазик» повёз их на плантации хвойных культур. Когда приехали, шофёр, к счастью, отпросился минут на двадцать заехать ещё в одно место.

Они пошли на поле, где росли сосновые и кедровые культуры. Среди зелёных растений выделялись три деревца с рыжей хвоей. Каштанов ощупал хвою.

— Вот они. Что скажешь?

Родолена внимательно осмотрелась.

— А что тут сказать? Трансформироваться надо.

Родолена положила ладонь на землю. Рука потемнела, вытянулась в корень и ушла под землю. А за ней туда перетекло тело Родолены. На поверхности осталась только одежда. Это было настолько удивительно, что Сергей снял очки, протёр их и снова надел, не веря глазам. Если бы не одежда жены, лежащая на земле, ни за что бы не поверил.

Родолена видоизменилась в сосновое деревце. Она сразу увидела двух грызунов. Они очень походили на земляных собачек, часто вредящих садам. Для их питания были созданы идеальные условия: молодые культуры сосны и кедра со свежими корнями. Но всё-таки Родолена попыталась решить вопрос миром.

— Здравствуйте!

— Привет!

— А вы не могли бы найти себе питание где-нибудь в другом месте?

Собачки откликнулись.

— А зачем? Здесь такие, м-м-м... вкусные корешки. Их так много. Кстати, ваши корешки тоже очень симпатичные. Нужно попробовать.

Родолена мгновенно вышла наружу и видоизменилась в человека. Достала из сумки бутылочку со спиртом, кусок ваты и тщательно протёрла руки. Потом сказала Каштанову:

— Вредят земляные собачки. А вот как их напугать и заставить уйти отсюда — вопрос. Они очень упрямы. Тут надо что-то изящное придумать. Чтобы как можно меньше вмешиваться.

Она потрогала указательным пальцем переносицу.

— Ага. Кажется, придумала. Только бы он был на месте.

— Кто?

— Хорёк. Лесной хорёк. Слушай, мы поедем тем же путём?

— Конечно.

— Когда я скажу, можно будет машину остановить?

— Да. А зачем?

— Увидишь. Только бы он был на месте.

Они сели в подъехавший «уазик» и покатили обратно. Где-то через километр пути Родолена попросила остановить и подождать минут десять, жестом поманила Сергея.

Метрах в пятнадцати от дороги в лесу под деревом была нора. Родолена присела на корточки и стала произносить какие-то звуки. Но всё было бесполезно. Из норы никто не появлялся. Они подождали минут пятнадцать. Потом огорчённая Родолена пошла к машине:

— Странно. Нора, похоже, свежая. Где же хозяин? Серёжа, а тебе ещё раз не дадут машину, чтоб сюда приехать?

— Дать-то дадут. Был бы результат.

— Давай дня через два опять сюда приедем, ближе к вечеру. В крайнем случае — ты знаешь, кто вредит.

— Хорошо.

И они приехали через два дня. На этот раз повезло больше.

Подойдя к норе, Родолена поговорила, и вскоре оттуда показалась бурая, с белыми пятнами вокруг рта и на краях ушей мордочка хорька. Вначале недоверчиво, а потом смелей, хорёк потянулся к Родолене.

Минут пять они переговаривались, потом он дал почесать себя за ухом и погладить спинку. Родолена угостила его жареной куриной ножкой и поманила Сергея обратно в машину.

— Всё в порядке. Хорёк знает это место. Если не съест грызунов, то напугает здорово.

— Ты нору хорька увидела, когда мы сюда в первый раз ехали?

— Угу. В тот раз его не было дома. Кстати, хорька зовут Фома. К счастью, он активен в сумерках.

Родолену и Сергея привезли домой. Она разогрела борщ, но когда стала его разливать по тарелкам, нечаянно капнула жирный бульон себе на бледно-зелёный шёлковый халат. Огорчилась, долго застирывала его. После ужина опять взяла голубой лоскут и стала заканчивать вышивку.

Вечером лицо Родолены сияло:

— Я придумала, как использовать ткань.

— Какую ткань?

— Ту, что планировала для гобелена. Гобелен — сильно сказано. Лучше использовать её иначе.

Родолена просто пришила к ней голубую тесьму, и получился нарядный фартук. Женщина надела его перед зеркалом, полюбовалась на бант, разгладила и оправила все складки.

— Замечательно! Теперь он будет защищать меня от грязи, пыли и жира, когда я убираю или готовлю. Давай смотреть телевизор.

Глава 4. О ЧЁМ КРИЧАЛИ УТКИ

В это субботнее утро Сергей проснулся от приятного запаха, доносящегося из кухни. Жены рядом не было. Он быстро оделся.

Родолена в зелёном шёлковом халате и голубом переднике с красной розой что-то готовила одновременно в двух кастрюльках и на сковородке. Она была сосредоточенна, как всегда. Пожалуй, даже больше.

— Всё будет готово минут через сорок пять. Пока есть время — вымой пол, пожалуйста. Ведро, швабра и тряпка в ванной. А то мы его уже давно не мыли — пыль до потолка.

Родолена отличалась чистоплотностью, но из-за занятости (подготовка к занятиям) каждую субботу в квартире не убирала. По настроению.

Каштанов вымыл полы во всей квартире — благо линолеум быстро моется. Даже половики успел вытрясти.

Зато и приготовила Родолена гречневую кашу с гуляшом просто божественно.

— Я в гречку добавила паприку, зиру, куркуму и барбарис — как для плова — а получилось пикантно. Серёжа, давай ещё мебель протрём и статуэтки на шкафах. Чтобы всё было красиво.

— Только минут двадцать давай переварим. А то я так наелся — дышать не могу. Ты замечательно приготовила.

И он потянулся губами к лицу жены. Они слились в поцелуе.

Когда уборка была сделана, Каштановы пошли гулять. Родолена и Сергей выбрали свой самый любимый маршрут.

Они прошлись по Тверской, свернули направо на улицу Герцена, потом налево на улицу Дзержинского. Прошли квартал старинных деревянных особняков, и вышли в Преображенский сквер. Здесь стояла белая часовня с золотым куполом.

Каштанов любил этот сквер. Да и всё было замечательно. Тёплая погода начала сентября. Выходной. На клумбах ещё вовсю цвёл шафран. Он обнял жену левой рукой, а в правую взял её ладони и стал целовать. Она погладила его по щеке, положила голову ему на плечо. Задумчиво проговорила:

— Когда-нибудь здесь будет памятник замечательному лесоводу Сергею Каштанову. А я вырасту над тобой деревом, и буду шептать тебе о любви.

— Каким деревом?

— Не знаю. Может — берёзой. Может — липой. Мне же не ведомо, какое дерево даёт моё зерно. А может, оно будет совсем необычным. Я вообще думаю, что мои сгорания и возрождения не могут бесконечно продолжаться. Каждый такой цикл, увы, заканчивается. И я не знаю — когда. Поэтому, на всякий случай, если вдруг я сгорю, а ты начнёшь поливать зерно и я не смогу из него возродиться…

— И что?

— Дай подумать. Если это произойдёт в сезон посева — закопай зёрнышко здесь. Земля хорошая.

— А если не в сезон посева?

— Тогда дома в цветочный горшок.

— А как часто поливать?

— Постарайся интуитивно. Плюс к тому — как часто будут дожди или снега. Дождя за окном долго нет — вот и поливай.

— Я надеюсь — это случится через много-много лет.

— Я тоже на это надеюсь. Мы с тобой шесть лет прожили, и ещё,

я надеюсь, проживём счастливую жизнь. Каждый день любить друг друга — это ли не счастье?

Они прошли к старинному Буфф-саду, мимо деревянной кирхи с синей крышей, и свернули к Игуменскому озеру. В нём жили утки. Тут было царство юных любителей природы. Юннаты занимались в домике неподалёку. Повсюду цвели цветы.

Они задумчиво стояли у воды. Внезапно Родолена сделала смешное лицо и несколько раз крякнула. Самое интересное, что какое-то время спустя утки ей ответили.

Она ещё раз крякнула. И опять послышались утиные голоса.

Каштанов с изумлением посмотрел на жену.

— Ты знаешь утиный язык?

— Знаю.

— Но когда ты его изучила?

— Недавно. Серёжа, чтобы узнать о себе, я изучила бы любой язык.

— Трудно было?

— Не очень.

— И что тебе сказали утки? О чём они кричали? Верней, крякали.

— Да ничего конкретного. Обещали уточнить у других птиц. Советовали опасаться сорок. Интересно — почему?

Спустя две недели Каштановы пошли на прогулку по такому же маршруту. Благо, сентябрь продолжал радовать хорошей погодой.

Но с самого утра Родолена была взволнована. За шесть лет совместной жизни Сергей хорошо изучил свою жену. Все оттенки её настроений. И перед прогулкой положил в сумку большую коричневую шаль. На всякий случай.

Они прошли половину Преображенского сквера. Не доходя до часовни волосы Родолены позеленели. Она крикнула:

— Скорее!

И побежала за скамейки на траву под берёзой. Родолена едва успела скинуть и отшвырнуть в сторону полусапожки, как её охватило зелёное пламя. Но едва пламя прогорело а Каштанов зашарил взглядом по траве, юркая сорока сунулась в сыровато-суховатую траву, схватила зелёное зернышко и поспешно взлетела. Всё это произошло в несколько секунд.

Знакомый страх охватил душу Сергея Каштанова. Только, в отличие от Парижа, всё было страшней. И реальней. Когда на твоих глазах твою жену съедает какая-то сорока…

Немногочисленные посетители сквера увидели роскошное зрелище. Вот в зелёном огне сгорает странная женщина с позеленевшими волосами. Потом её кавалер с дикими глазами бросается бежать за сорокой, выхватив из сумки коричневую шаль. Словно пытаясь поймать этой шалью сороку. Но сорока стала летать значительно медленнее. Что-то ей мешало.

Не долетев до рынка, в пределах сквера, она села на двойной шестигранный фонарь под старину. И тут люди увидели, как птица начинает расти. Она увеличилась в два раза… в четыре раза… раздулась и с невыразимым звуком лопнула.

На фонаре в полусонном состоянии сидела красивая женщина с зелёными волосами, абсолютно голая, со следами сорочьей крови и некоторого количества чёрно-белых перьев. Каштанов позвал её:

— Родолена, счастье моё, слезай.

Она ошалело посмотрела на себя, вокруг и вниз на землю.

— О, кошмар! Что со мной? Серёженька, помоги мне.

— Давай осторожнее, я подстрахую.

Родолена аккуратно слезла с фонаря на скамейку, брезгливо скинула с себя перья. Каштанов накинул ей на плечи коричневую шаль. Она обула на босу ногу полусапожки, и они быстрым шагом устремились домой. Не так быстро, как в Париже, но всё-таки.

Родолена долго, тщательно мылась под душем. Потом надела бледно-зелёный шёлковый халат. За чаем она наконец-то улыбнулась.

— Мне и тебе повезло, что у сороки в желудке была влажная среда. Или она воды из лужи попила. Быть съеденной сорокой — нонсенс. Но почему сорока? И почему именно меня? Неужели моё зерно такое привлекательное? Ещё одна загадка.

Глава 5. МОНСТЕРА

В этот апрельский ранний вечер Каштанов направился к Родолене на работу. Они договорились сходить сегодня в театр. А у неё на кафедре объявили субботник. Недавно Родолена Николаевна позвонила по сотовому телефону, сказала, что заканчивает протирать коробки с гербарием и можно подходить. На работе Сергея тоже отпустили пораньше.

Каштанов прошёл по широкой лестнице главного корпуса университета на второй этаж и свернул направо. По обеим стенам длинного коридора повесили портреты профессоров, которые преподавали в университете в девятнадцатом и двадцатом веках. Выпускник университета Каштанов посмотрел на молодые лица бывшей заведующей кафедрой ботаники и декана. Их не было в живых, но когда Каштанов учился, они ещё были полны сил и работали. Славное студенческое время.

Каштанов ещё раз свернул по коридору направо и осторожно открыл дверь кафедры. Только два человека было большом кабинете с многочисленными цветами в горшках. Доцент Василий Александрович Кучерявый и сама Родолена. Женщина была очень счастли-

ва. А на лице Кучерявого было выражение непритворного страха. Даже ужаса.

— Серёженька, посиди пять минут. Я сейчас ещё пару листьев у монстеры протру и освобожусь.

Родолена в серо-зелёном халате протирала огромную монстеру — растение в большом белом горшке, с крупными кожистыми листьями, отдалённо напоминавшими кленовые.

Каштанов сел на стул. Родолена окончила протирать растение, сполоснула тряпку и аккуратно разложила её на батарею. На других батареях также сушились тряпки. Женщина сняла халат и повесила плечики с ним между шкафами:

— Послезавтра у меня с утра два практических занятия с первокурсниками. Таблицы, гербарии, покровные, предметные стёкла и чашки Петри лаборантка приготовила. Всё.

Каштанов помог ей надеть тонкое зелёное пальто. Сергей заметил, что Родолена при уходе не сказала Василию Александровичу «До свидания».

— У вас что-то случилось? — спросил Каштанов.

Родолена шла по коридору с мечтательной улыбкой, опустив глаза и поправляя лёгкий шёлковый светло-золотистый шарф. Потом достала из сумочки тонкий золотой браслет с Фениксом и надела на левое запястье. Привычно взяла Каштанова под руку, а он так же привычно ласково сжал её ладони.

— Случилось. Я, кажется, смогла пересилить себя и не сгореть. А сегодня была очень близка к этому.

— Расскажи.

И Родолена рассказала. Всё началось с того, что многолетняя заведующая кафедрой отдала Богу душу. Как правило, кафедральные профессора сидят на своих местах, пока из них песок не посыплется. Или пока их не вынесут вперёд ногами. И на должность заведующего кафедрой был назначен Василий Александрович Кучерявый. Пришёл он откуда-то из сельского хозяйства. Среднего роста, энергичный, весьма полнеющий. И в отличие от своей фамилии — абсолютно лысый. Докторской диссертации у него ещё не было, но так бывает. Сама Родолена давно защитила кандидатскую, а сидела на должности ассистента, ибо не было вакантного доцентского звания. Несмотря на то, что Кучерявому близилось к шестидесяти, он был большой любитель слабого пола. Видимо, Василий Александрович остался равнодушен к прелестям трёх свободных кафедральных женщин и положил глаз на Родолену Николаевну, молодую замужнюю особу, не проявлявшую к нему никакого внимания.

Он неоднократно предлагал подвезти её с работы на своей машине, но она всегда отказывалась, предпочитая общественный транспорт. Один раз Василий Александрович пристал к ней во время празднования Восьмого марта. Она поглядела на него с холод-

ным презрением, и он стушевался. Тогда он стал делать мелкие пакости, придираться по работе, лишать премиальных. Тут Василий Александрович был большой специалист. Бедная Родолена пару раз сгорала и возрождалась из пепла по этой причине. А сегодня объявили субботник на кафедре. Конечно, пыли на коробках за несколько лет скопилось много. Сотрудники привели в порядок свои рабочие места и стали потихоньку расходиться по домам. Остались только молодая инженер-лаборант, Родолена и Василий Александрович. Он вдруг попросил:

— Родолена Николаевна, вы помоложе, залезьте на эту лестницу, там, на шкафу лежат папки. Надо их протереть.

Родолена, не думая ни о чём плохом, стала подниматься по лестнице. Василий Александрович как бы незаметно обнял её за ноги. Но никто не заметил, как правая рука Родолены стала вдруг вытягиваться, подобно змее. Она дотянулась до цветка, погладила его по стеблю, и вдруг горшок со шкафа с грохотом упал. Рука немедленно приняла свои обычные размеры. Горшок не разбился, так как был небьющийся, но весьма увесистый. Кучерявый вздрогнул, лаборант заахала и стала убирать. Тогда Родолена Николаевна спустилась с лестницы и сказала лаборантке:

— Валечка, зайди, пожалуйста, в деканат, возьми у Ларисы Григорьевны расписание занятий на следующий месяц.

Деканат был в другом крыле.

Валя пошла в деканат. Когда она вышла, у монстеры в белом горшке от небольшого ствола сами собой стали вырастать лианоподобные стебли.

Один стебель охватил Василию Александровичу ноги, другой — руки, третий — горло. А Родолена сразу выросла раза в два. Василий Александрович упал в кресло и задрожал от страха. А Родолена звонким, звенящим голосом сказала:

— Василий Александрович, кажется, нам надо объясниться. У вас на размышление пять минут. Скоро у этой монстеры появится ещё две пары стеблей — одна залезет вам в уши, а ещё пара — в нос. Отчего вы умерли — не определит ни один эксперт. Потому что и следов этих стеблей не будет. Вы ко мне ещё будете приставать?

Лиана чуть ослабила горло Василия Александровича.

Он прохрипел:

— Нет, не буду.

— Вы будете мне делать всякие неприятности по работе?

Лиана опять сжала его шею. Он сдавленно прошептал:

— Нет, простите меня, пожалуйста. Я не буду.

— Хорошо. А это — чтоб вы помнили о своих словах.

Лиана подняла Кучерявого в воздух вверх ногами и стала трясти. Лицо ловеласа-неудачника побагровело, и лиана его опустила на пол. После этого стебли исчезли, а Родолена приобрела свой обыч-

ный рост. Василий Александрович заполз в кресло и уставился на Родолену долгим удивлённым взглядом. Он словно онемел.

К моменту прихода Каштанова на кафедру прошло минут пятнадцать. Инженер-лаборант ушла домой.

— А разве монстера относится к лианам? — спросил Сергей.

— Конечно. Семейство ароидных. Только пока она в горшке — лианоподобные стебли не очень большие. Но я попросила монстеру, и она мне помогла.

Родолена Николаевна лучилась от счастья. Она выкрасила волосы почти в золотой цвет и была необыкновенно красива.

Каштановы шли по главному проспекту, потом заглянули в кафе «Буланже», где съели по солянке и кессадилье, благо до театра оставалось пройти каких-нибудь пятнадцать минут.

Глава 6. ДЖОВАННИ

Родолена очень любила цветы. Со временем она принесла домой отростки от многих кафедральных цветов. И очень аккуратно и красиво распределила их по квартире. Скажем — около телевизора или компьютера — кактусы. На окнах — герани.

Каштанов к цветам был тоже привязан, хотя и в меньшей степени, чем жена.

Он очень любил душистую герань. Однажды Родолена принесла с кафедры отросток душистой герани, она прижилась, и по утрам Сергей Каштанов с удовольствием вдыхал аромат этого растения, прежде чем идти на работу. Своеобразная ароматерапия.

В тот вечер в начале мая Родолена, как всегда, окончив занятия, вышла из главного корпуса университета с намерением идти на троллейбус и ехать домой.

И тут к ней неожиданно подошёл сухопарый дедушка с длинными кудрявыми седыми волосами. Взгляд его маленьких чёрных глаз был очень пронзительным, упрямым и неприятным. Серая широкополая шляпа старичка была потёртой, одет он был в серое драповое пальто.

— Родолена Николаевна!

— Да. Что вам угодно?

— Здравствуйте! Меня зовут Джованни. Я приехал к вам издалека. Искал вас. Пойдёмте, сядем на лавочку. У меня к вам очень серьёзный разговор.

Родолена подумала, что этот человек нуждается в консультации по её специальности. На неё дохнуло холодом, она поёжилась, но согласилась. Они присели на лавку неподалёку от голубых елей, и Джованни начал.

— Как же долго я вас искал. Десять лет. За это время вы успели окончить университет, защитить кандидатскую диссертацию,

выйти замуж. Но судьба ваша весьма необычна. Видите ли, не знаю даже, как начать. Вы, Родолена Николаевна, растение. Женщина-растение. Вы, являетесь собственностью ботаника, который вас вывел, можно сказать — впервые, вырастил, вдохнул в вас жизнь, и по случайной роковой ошибке выслал в этот город в ботанический сад. Может быть, в этот пакетик зерно положил не он. Сложный вопрос. Всё было бы намного проще, если бы в ботаническом саду вас не выронили и ваш будущий супруг вас не подобрал. Я почти нашёл вас в Париже, но ваш супруг опять-таки не дал возможности унести зёрнышко его законному владельцу. Между тем — хозяин ждёт. Мы должны будем уехать, Родолена Николаевна, улететь на Мадагаскар. Там вы совершите свой обряд самосжигания и превращения в зерно. После полива вы возрождались, но постепенно теряли свою жизненную силу. Мы не будем вас поливать, как делал ваш преданный, но недалёкий супруг. Вы будете находиться в сухом помещении, затем вас посадят в землю, и появится куст с будущими семенами-женщинами. Вы дадите начало новой жизни, даже многим жизням. Мы выведем расу абсолютно новых людей. Нынешний мир погряз в пороках. Постепенно, за многие годы, мы заменим людей на эту новую расу. Но это, так сказать, долгосрочная перспектива. А пока вы нужны, чтобы учёный мог подать заявку на Нобелевскую премию. Насколько я знаю — он очень долго вас выращивал. Были сложные опыты по генетике и селекции. Но сейчас до премии осталось совсем немножко.

Родолена слушала, вначале с любопытством, а потом — с ужасом. Она понимала, что разгадка её жизни происходит сейчас, но даже не думала, как это тяжко. Потом сказала:

— Я — гражданка России. Я десять лет живу в этом городе, окончила университет, защитила кандидатскую диссертацию, веду практику по морфологии растений. У меня есть муж, которого я очень люблю. Мне ничего другого не надо.

— Но вы себе не принадлежите. Вы растение. Я уговариваю вас, а между тем, это так же глупо, как если бы я уговаривал берёзу или, как она у вас называется, осину.

— Я говорю вам — нет. Никогда.

Старичок начал раздражаться.

— Вы не хотите по-хорошему. Тогда вас похитят. В вашей мафиозной стране всегда можно найти, как это по-русски — отморозков. Если посулить им денег, помогут.

— Сомневаюсь. Найти таких людей вы можете. А похитить меня — очень большой вопрос.

— Берегитесь, Родолена Николаевна. Я не отступлюсь. Вы будете увезены. Но можете и не попасть к вашему профессору. Вас отдадут, скажем… в цирк. Где вас будут заставлять сгорать и возрождаться для почтеннейшей публики.

— Сомневаюсь. И давайте закончим наш малоприятный разговор.

Родолена встала и пошла на остановку, оставив старичка с перекошенной от злости физиономией сидеть на лавке. Он, правда, крикнул ей напоследок, что остановился в отеле «Бон Апарт». И свой номер телефона. Дома Родолена рассказала обо всём Каштанову. Он понюхал душистую герань и протёр очки.

— Может, это сумасшедший какой-то?

— Не думаю. Скорее — пожилой мафиози. Но подготовиться ко всякого рода случайностям просто необходимо. Тебе, Серёжа, придётся приходить меня встречать по вечерам. Я буду звонить по сотовому телефону и называть точное время. А ты — идти в университет и ждать меня в вестибюле или на кафедре. Дело очень серьёзное. Тебя это не затруднит?

— Какая ерунда. Ты же знаешь, что я готов пожизненно тебя встречать, из какой угодно страны.

Родолена погладила его по щеке. Потом взяла золотое перо и принесла из коридора длинные зелёные перчатки из тончайшей кожи.

— Такую вещь приходится портить. Я их в Париже купила. Ладно, может быть, отстираю.

И нанесла на каждую аккуратный маленький рисунок, напоминающий очки, и на ладони — какие-то узоры.

Три недели всё было спокойно. Сергей Каштанов регулярно приходил и ждал жену в вестибюле университета.

Наступил июнь. Черёмуха благоухала.

Каштанов заметил серебристую «Тойоту» с тонированными стёклами. Она стояла слева от входа. Он предупредил жену. Каштановы вышли на свежий воздух.

Когда из машины одновременно выскочили четверо здоровых парней и устремились к супругам, Родолена крикнула:

— Серёжа, берегись. Дождались.

Они сработали очень быстро. Но одного Каштанов ударом в челюсть откинул в сторону. Другого пнул. Двое остальных схватили женщину за запястья. И тут началось шоу. Руки женщины стали виться, как лианы. Но нет, это были не лианы, а две очковые змеи. Они зашипели. Похитители отпрянули, но Джованни откуда-то из-за деревьев крикнул:

— Хватайте её. Это маскарад.

Родолена зловеще улыбнулась.

— Ах, маскарад!

Лианы-змеи схватили двух парней за ноги и зашвырнули их на голубые ели. Одна из лиан — рука Родолены — обвилась вокруг горла третьего похитителя.

— П-п-помогите, — прохрипел он и улетел на ближайшую липу.

Четвёртый не стал дожидаться своей участи и убежал в рощу. Джованни исчез. Тоже в рощу?

Каштановы быстрым шагом прошли на остановку.

— Красиво это у тебя получилось — сказал Сергей. — Я и не думал, что ты у меня такая сильная.

— Это, Серёженька, только начало. Хотя мои способности ограничены. А эти люди могут пойти на что-то более изобретательное.

— Посмотрим.

Глава 7. ЕЩЁ УВИДИМСЯ

С попытки похищения Родолены прошло около трёх недель. Пару раз на неё пытались напасть, но выглядело это довольно жалко.

В первый раз Родолена распылила концентрированный аромат багульника болотного. Его ещё называют болотной одурью. Этот ядовитый аромат, кстати, поражающий нервную систему, издают цветы, листья и побеги багульника. Аромат сработал на манер газового баллончика. Похитители вырубились у машины минут на тридцать. От этой болотной одури Сергей и Родолена едва успели отбежать.

Во второй раз Родолена сама превратилась в лиану и уползла по белой стене главного корпуса университета. Похитители сели в машину и уехали.

Каштанов был рядом с женой и в первый, и во второй раз. Хотя и осознавал, что толку от него было мало. Всё очень быстро происходило. Ну, для страховки и уверенности жены.

В этот раз, кстати, Родолена минут через сорок спустилась обратно по фасаду главного корпуса университета. Каштанов смотрел, как она превращается из лианы в человека, и думал — насколько ему повезло с женой.

Он ждал её на лавочке. Она обессиленно села и сказала:

— Эти ребята начинают меня раздражать. Там, на крыше, столько голубиного помёта! Приходится тратить лишнюю энергию на превращение в лиану и своей одежды. Серёжа, посмотри на спине — я не запачкалась?

Пару раз Родолена сгорала и возрождалась дома. Она гордилась, что научилась задерживать этот процесс и могла успевать раздеться.

Каштанов стал замечать, что знакомая «Тойота» торчит возле его места работы. Спасало то, что Сергея увозила на работу и привозила домой служебная машина. Теперь она везла его до университета.

Поливая цветы, Родолена сказала:

— Они поменяли тактику. Детей у нас нет, значит — будут пытаться похитить тебя. Такой поворот событий надо предусмотреть. Вот, возьми, Серёжа. На случай нападения. Это превратит тебя в

лиану минут на десять-пятнадцать. Зацепиться за любую, самую гладкую поверхность и убежать — сможешь. На больший срок дать препарат не могу. Он не очень полезен для здоровья. Только потренируйся дома.

И дала мужу белый бумажный пакетик с кофейного цвета порошком.

Каштанов потренировался. И получилось это у него не хуже, чем у жены. Он превратился в крупную лиану, прополз по потолку и, коснувшись пола, принял человеческий облик.

— Всё хорошо. Только надо быстрее. У тебя будет очень мало времени.

Но дальше слежки у места работы Каштанова дело не пошло.

Когда Сергей встречал Родолену в очередной летний день, она сказала:

— Сегодня нам с тобой надо сходить к отелю «Бон Апарт». Мне сказал знакомый шафран с клумбы, что вечером в семь часов у Джованни будет важный телефонный звонок. Очень интересно узнать — о чём.

— Ты хочешь прийти к нему в гости?

— Надеюсь, что нет. Попробую подслушать с улицы.

Вначале они сели на скамейку у отеля. Родолена была сосредоточенна и молчалива. Вдруг встала и поманила Сергея за собой. Они расположились у здания справа за бюро путешествий. В этом бюро, кстати, были приобретены путёвки в Париж.

Правая рука Родолены стала превращаться в пять вьюнов (по одному от каждого пальца), которые быстро поползли по кирпичной стене. Самый юркий, от указательного пальца, просунул любопытную цветочную головку в приоткрытое окно второго этажа. Звонок сотового телефона Каштанов услышал. Но говорил человек очень тихо, причём на итальянском. Прошло минут пятнадцать. Потом послышался громкий стук закрываемого окна, и Сергей увидел выражение боли на лице Родолены. Вьюны исчезли, превратившись в кисть руки женщины. Супруги быстро убежали и перевели дыхание около Дома учёных.

Родолена дула на правую руку. Ноготь указательного пальца посинел.

— Я идиотка. Не надо было проникать цветком в его номер. Но иначе я не смогла бы расслышать все слова, что говорит собеседник. Игра стоила свеч.

— И о чём они говорили?

— К счастью, я знаю итальянский. Вот телефонный разговор Джованни.

— Вы болван, Джованни, — сказала трубка. — Не смогли справиться с одной слабой женщиной.

— Слабой! — заорал Джованни. — Да она сильнее всех знакомых мужиков. Она дружит с растениями. Превращается во вьюны, в лианы, во что угодно. Да если б я об этом знал, ни за что не согласился бы на ваше предложение. На одних местных бандитов сколько было трат!

— Ну конечно, — устало ответил мужской голос. — А вы хотели, чтобы такая необычная женщина по рожденью не обладала бы способностями. — Я вкладывал в неё все свои знания. Я горжусь ей. Родолена — мой самый большой успех в жизни. К сожалению, она должна дать жизнь новым Родоленам, новым семенам. Она — мой самый удачный опыт.

— Тогда сами приезжайте и уговаривайте ваш удачный опыт на что угодно. Только деньги не забудьте мне заплатить.

— Операцию похищения Родолены временно прекратить. К ней нужен другой подход. Если сможете — добудьте мне волос с её головы. Один волос. Если нет — прекращайте всё и уезжайте, пока моя ученица не попробовала на вас силу всех растений Земли. Придёт время — она сама прибежит ко мне. Не забудьте оставить ей мой номер телефона.

— Сомневаюсь, что она будет вас искать.

— Увидим. Срок её жизни — меньше, чем у обыкновенного среднего человека.

— Вот весь разговор. Пойдём в сквере присядем. Меня сильно знобит. После таких разговоров — будто на Северном Полюсе побываешь.

Они сели на скамью, и Родолена прижалась к груди мужа спиной, а он поцелуями старался унять боль в её пальце. Она прикрыла изумрудные глаза.

— Видимо, с Джованни предстоит ещё одна встреча. Надеюсь — последняя. Значит — ему нужен мой волос. Я это могу устроить.

И она загадочно улыбнулась.

С утра Каштановы пошли гулять. Было воскресенье. К ним подбежал большой ничейный белый пёс по кличке Дружок. Родолена характерным причмокивающим звуком поманила Дружка в большой двор сороковой школы, где она и Сергей остановились возле детской площадки. Родолена быстрым движением вынула из пакета куриные кости и бросила псу. Тот благодарно стал есть. Тогда женщина достала из этого же пакета расчёску и несколько раз провела по бокам Дружка. Тот заворчал, но потом снова стал грызть кости. Начесав достаточное количество собачьих волос, Родолена хитро улыбнулась и положила их в целлофановый мешочек.

Через несколько дней Джованни позвонил ей. Они договорилась о встрече. Там же, в университетской роще.

Родолена со смехом рассказывала, как она очень аккуратно раз-

бросала несколько собачьих волос по бархатной блузке. Джованни признал своё поражение. Извиняться не стал, однако очень сожалел, что Родолена не откликнулась на предложение Николо. Несколько раз задел рукой Родолену, вроде бы невзначай.

Дома Родолена достала белую щётку для чистки одежды. Вычищая с блузки непослушные волосы Дружка, женщина говорила, что надеется никогда больше не встретить Джованни на своём пути.

Глава 8. БОЛЕЗНЬ РОДОЛЕНЫ

Надо сказать, что за десять лет совместной жизни Родолена никогда ничем не болела. Нет, её знобило от косых взглядов и слов, она сгорала и возрождалась, но никаких серьёзных заболеваний не возникало.

И поэтому, когда в июле она почувствовала себя плохо, Каштанов очень испугался. Тем более, что проявление болезни было у женщины на коже.

Кожа Родолены позеленела. Она стала довольно забавного травяного цвета, и было бы очень весело, если бы не так грустно. К тому же Родолена жаловалась на боль в районе печени. Однажды Сергей видел по телевизору женщину с серебряным цветом кожи. Не в фантастическом фильме, а натурально — в документальной съёмке. Серебра в ней оказалось больше, чем надо. Но женщину с зелёным цветом кожи ему видеть не приходилось.

Надо было что-то делать. Родолена принимала какие-то препараты, но ничего не помогало. Кожа её становилась всё более зелёной. Хорошо, что июль — отпускное время. Можно было сидеть дома. Но оно, это время, увы, проходит.

Сегодня была годовщина свадьбы. Ровно десять лет назад Родолена и Сергей зарегистрировали свои отношения. Он с утра сходил в магазин и купил большой букет роз. Родолена расцеловала мужа, но ей сейчас было не до цветов.

После долгих колебаний женщина решила пойти на УЗИ. Неведомо — какое строение внутренних органов у женщин-растений. Вначале надежда была на то, что в кабинетах УЗИ, как правило, приглушённый свет.

Но потом Родолена решила подстраховаться. Наверняка придётся раздеться до пояса. К тому же, аппарат, которым водят по телу, влажный. Наносят то ли глицерин, то ли гель какой-то.

Родолена отыскала крем телесного цвета, который мог держаться на коже часа два. Но на всю фигуру его просто не хватило. С помощью Сергея крем был нанесён на лицо и тело Родолены до пояса.

Она выкрасила волосы в золотистый цвет, долго накладывала

крем и пудру на лицо, надела глухое тёмно-синее платье с воротником до подбородка и длинными рукавами. Внимательно подбирала чулки, туфли, широкополую шляпу с вуалью, остановившись на белом цвете. Долго думала, надевать или нет длинные гипюровые перчатки. Их можно было спрятать под рукава. Решила — не стоит, они могли стереть крем с рук. Просто взять с собой на случай, если крем начнёт исчезать. Главное было — не попадать под прямые солнечные лучи, чтобы не вспотеть.

Поэтому до больницы Каштановы шли по самым тенистым улочкам.

В поликлинике напротив института ей сделали УЗИ. Однако ждать приёма пришлось прилично. Органы Родолены оказались в порядке, как у обычных людей. Но в печени очень удивлённая женщина-врач обнаружила насекомых — шесть небольших жуков, размером с божью коровку. Она сделала несколько снимков, которые передала Родолене.

Когда Каштановы шли к трамвайной остановке, Сергей заметил:

— Солнышко моё, кажется, крем теряет силу.

Женщина держала его под руку. Он показал на левую кисть Родолены, которая довольно явственно позеленела. Родолена достала из сумки зеркальце и посмотрела на лицо.

— Ужас! Как лягушка. Подбородок начинает зеленеть. Тебе, Серёженька, придётся на кафедре определить жуков. Это, скорее всего, случилось, когда я превращалась в растения. Из-за проклятого Джованни. Хотя Василий Александрович тоже свою лепту внёс. Когда я видоизменяла руки, насекомые в них и вселились. И проникли в печень. Да что говорить! На каждом кусте, на любом дереве обитает минимум десять видов насекомых.

— Определить-то жуков можно, но жуки находятся в тебе, это раз. А фото чёрно-белое, это два. Они очень похожи на листоедов — но что это даёт? Я, конечно, посмотрю по определителям. Ты назовёшь виды монстеры, лиан и вьюна, в которые превращалась. Но, боюсь, вид определить не смогу: фотографии нечёткие.

Родолена густо напудрила лицо. Потом надела перчатки, заправив их под рукава.

Каштанов бережно взял под руку жену и думал, что если даже он определит насекомых до вида — это может ничего не дать. Чем их выводить из организма Родолены?

Лучше бы пойти погулять в Буфф-сад. Но Родолена предложила на остановке «Дом учёных» проехать на трамвае до старой крепости. Она любила трамваи. Каштанов знал об этом. Знал он и о том, что умница Родолена может что-то придумать за это время.

Как назло, в трамвае к ним подошла Ольга. Она работала с Родоленой на одной кафедре. Ольга была очень любопытна. И большая сплетница. Она была одинока, и в своё время Родолена советовала

заведующему кафедрой Василию Александровичу обратить на неё внимание. К сожалению, он Родолену не послушал.

Ольга грузновато уселась на сиденье впереди Каштановых, развернулась и начала:

— Как проводишь отпуск?

— Нормально.

— Чем занимаешься?

— Едим, пьём, гуляем, любим друг друга.

— И всё?!

— А чем ещё могут заниматься влюблённые люди?

— Так вы же так давно женаты.

— Ну и что?

— И не надоели друг другу?

— Нет.

Каштанов улыбнулся и добавил:

— Эти десять лет пролетели для меня, как один день.

Ольга помрачнела, а он с тревогой заметил, как Родолена стиснула зубы и сжала его руку в своей. А это означало, что скоро жена загорится. Минут через пятнадцать-двадцать.

— А тебе не жарко в перчатках?

— Сегодня десять лет, как мы поженились. Почему бы не надеть одну-две детали того свадебного наряда.

— Ой, что это у тебя с волосами?

— А что?

— Они зеленеют. Ой, куда вы?

— Тебе показалось! — крикнула Родолена.

Как раз в этот момент объявили их остановку, и Каштановы спрыгнули с трамвая и галопом побежали от Каменного моста на Воскресенскую гору, к старой крепости.

Люди были у музея города, но у частокола их почти не было.

Родолена сорвала перчатки, сбросила шляпу, туфли. Едва Каштанов успел всё это взять в руки, как женщина заполыхала холодным зелёным огнём.

Через несколько минут Сергей подобрал изумрудное зёрнышко и побежал вниз по улице Бакунина, свернул на Обруб, потом направо по Шишкова, через Аптекарский мост, Алтайскую и Тверскую. В квартире он стал поливать зёрнышко, и спустя какое-то время Родолена возродилась. И чудо — кожа её была белоснежной, как до болезни. Зелёный цвет исчез полностью.

— Согрей меня, — послышался родной голос.

Он укутал её в большое махровое полотенце, и они целовались до изнеможения. Больше печень Родолены не болела, а повторное УЗИ не выявило в этом органе никаких жуков.

Глава 9. РОСЯНКА

Ольга — кафедральная приятельница Родолены — пригласила её с мужем к себе на дачу.

Родолена сказала об этом Сергею.

Было лето, июнь, и Каштанов согласился. На маленькой «Тойоте-дуэт» Ольга привезла их.

Её участок был неподалёку от городского кладбища. Они объехали его с правой стороны, потом покрутились среди сосновых и кедровых холмов. Подъехали к симпатичному одноэтажному деревянному домику и участку.

На шести сотках были разбиты грядки и клумбы с цветами. У домика рос огненный шар, у забора — кусты малины и чёрной смородины. Слева от домика были два больших куста жимолости с поспевшей ягодой. Глубоко справа росли старые деревца облепихи.

Ольга показала ключ с чистейшей холодной водой недалеко от участка. Сергей помог ей принести воды.

На грядках формировала свои кочаны капуста. И было ей очень неуютно. На капусте ползали в большом количестве пёстрые, слегка опушённые гусеницы. И поедали они эту капусту с большим удовольствием. А вокруг вились белые бабочки. С чёрными пятнышками на уголках крыльев — капустницы и с чёрными прожилками — боярышницы. Видимо, совпал лёт капустниц и боярышниц.

Ольга пожаловалась:

— Ничего не могу с ними сделать. Гусениц сниму, а потом приеду на следующей неделе — их ещё больше. Вы раздевайтесь, загорайте. Будет желание — можете пару грядок прополоть. Вот этих. Тяпки в кладовке. Она открыта. А я минут на двадцать отлучусь. В магазин схожу.

Ольга вышла. Каштанов пошёл в кладовку за тяпкой. Родолена подмигнула Каштанову и сказала:

— Надо ей немножко помочь.

Каштанов подумал, что она говорит про обработку грядок. Но Родолена загадочно улыбнулась и превратилась в какое-то странное растение. Вернее — в какие-то растения. Она размножилась. Зелёные листья, железистые волоски, липкая жидкость на них.

Каштанов озадаченно спросил:

— Родолена, ты где?

— Я здесь, — хором откликнулись растения. — Я — росянка. Сейчас увидишь, что будет.

И все бабочки вдруг полетели на эти листья. Что их так манило — непонятно.

Началось активное улавливание и переваривание насекомых.

Когда Ольга пришла, Родолена едва успела принять свой обыч-

ный облик. Она стояла с тяпкой у грядки, кашляла и долго отплёвывалась.

— Что с тобой? — спросила Ольга.

— Воды попила, а она не в то горло попала.

— Ой, а бабочек-то нет. А что случилось?

— Улетели.

Родолена и Сергей весело переглянулись. Он добавил:

— Зови нас чаще — бабочки совсем исчезнут.

Кстати, гусениц на капусте тоже не было. Что с ними успела сделать Родолена — неведомо.

Грядки были доведены до ума. Родолена с Сергеем сходили на сосновый холм, и она с великим удовольствием ныряла в землю, превращаясь в лесные цветы. В основном — в фиолетовые цветы лесной герани.

Каштановы нарвали самых первых маслят.

Дома Родолена приготовила грибной суп. Каштанов ел его и думал, что если Ольга ещё раз позовёт на участок, нужно согласиться.

Глава 10. СТАРАЯ ПАПКА

Шло время. Родолена Каштанова научилась задерживать минут на тридцать своё сгорание. В целом это происходило у неё где-то раз в три месяца. И первые две трети этого срока супруги блаженствовали. А потом приходилось планировать время, мотивируя своё отсутствие на работе. Иногда, при сильных волнениях, Родолена могла вспыхнуть и раньше. Но тогда Сергей старался быть рядом с женой.

К тому же существует сотовая связь. В экстренных случаях Родолена звонила и точно называла место своего сгорания, если не было сил и времени добежать до дома. Дома она обычно делала это в ванне.

В эту субботу, как обычно, Родолена вытирала в квартире пыль и поливала цветы. А Сергей решил перебрать бумаги в своём письменном столе. Он внимательно их просматривал, кое-что рвал, пока не добрался до старой папки.

Родолена, помимо морфологии и систематики растений, очень любила поэзию. Далеко не всю, в основном двадцатый век. Самым любимым её поэтом был Вознесенский. У него она находила ответы на многие жизненные вопросы.

Сергей достал папку и открыл её. Потом посмотрел на Родолену и улыбнулся. Она поймала его взгляд, присела на ручку кресла.

— Что это у тебя за папка? Ты мне её никогда не показывал.

— Это мои стихи.

— Чьи стихи?

— Мои.

— Ты пишешь стихи! — в глазах жены вспыхнуло неподдельное удивление.

— Писал.

— Когда?

— С шестнадцати до двадцати восьми лет.

— А почему мне никогда не говорил?

— Считал, что они несовершенны.

— Очень интересно. И что в папке?

— Распечатка избранных стихов и три журнальных публикации. Вырезки.

— Тебя публиковали в журналах?!

— Да. Я к своему творчеству строго относился. Но в те годы считался подающим большие надежды.

Родолена от удивления широко раскрыла травяные глаза. За двенадцать лет совместной жизни Каштанов ни разу не заговаривал о поэзии. Она положила влажную зелёную тряпку на стол, обняла Каштанова и произнесла таким голосом, каким могла только она:

— Почитай, Серёжа.

И Каштанов без предисловий начал читать. Он прочёл пять или шесть стихотворений. Когда Каштанов сделал паузу, Родолена расцеловала его и восторженно прошептала:

— Серёженька, ты настоящий поэт!

Каштанов вспотел от удовольствия, и жена вытерла его лоб своим голубым фартуком с красной розой.

— А почему ты так рано бросил писать стихи?

— Рано? А в каком возрасте их бросил писать Рембо? Я оставил это дело, потому что ушёл в работу и в производство. Сама понимаешь — в провинциальном городе поэзией не проживёшь. А я по натуре сибарит. Люблю хорошо поесть. А на всё деньги нужны. Кроме того, я тогда активно ухаживал за одной красавицей, посвящал ей стихи. Кстати, они после знакомства с ней значительно улучшились. Качественно. Вон, видишь — на шкафу — позолоченная роза. Это мой приз. Первое место в областном конкурсе поэзии. Тогда мне казалось — я могу покорить мир. Но через пару лет женщина уехала в другой город навсегда.

— А ты?

— Год пил, потом была дальняя экспедиция в леса, а потом…

— Что потом?

— А потом я встретил тебя, — и Каштанов поцеловал жену в нос.

— И что, стихов всего одна папка?

— Интересный вопрос. Видишь ли, когда женщина уехала, я сжёг большую часть написанного. С моей точки зрения, стихотворения были средними. И какие-то образы когда-то кем-то уже использовались. За двенадцать лет творчества я достаточно насмотрелся на всяких разных стихотворцев и начитался их произведений. Остались

только те вещи, которые прошли проверку временем. Их тоже двенадцать. Можно предлагать в любую антологию. В любой журнал.

— Ты смелый человек.

— Мне после её отъезда вообще жить не хотелось. А теперь я с тобой такой счастливый. И мне совсем не надо никаких стихов. Я даже не знаю, буду ли когда-нибудь продолжать писать.

Но ещё одно стихотворение Сергей написал.

Дело в том, что потихоньку пришло время встречи Нового Года.

Родолена принесла с кафедры когда-то росток диффенбахии. А она растёт довольно быстро, и в конце концов выросла почти до потолка. И тогда Каштановы решили не покупать ёлку или пихту, а нарядить диффенбахию. Это было настолько необычно, что Сергей не выдержал и написал новое стихотворение, которое озвучил за праздничным столом.

Нарядим диффенбахию, как ёлку.
Высокая — упёрлась в потолок.
Чтоб сердце бы восторженное ёкало.
Желанье чуда — это не порок.

Нарядим диффенбахию, как ёлку.
Блестят, подобно ящеркам, листы.
Я загляну под лиственную юбку,
Сойдя с ума от жажды красоты.

Сюда — игрушку клюквенного цвета,
А васильковый шар — под потолок.
Фарватер новогоднего корвета
Неясен, но совсем не так далёк.

Вдали туман. А что в тумане проку?
Лишь в айсберг бы не врюхаться впотьмах.
Нарядим диффенбахию, как ёлку.
*И пусть она сияет в облаках.**

Родолена каждый Новый год старалась делать запоминающимся. На этот раз она откуда-то запустила в комнату светляков. В середине зимы. Когда Каштанов выключил свет, в квартиру пришло сказочное зрелище. Светляки кружились вокруг диффенбахии, словно в свадебном танце. Это было волшебно.

Каштанов обнял жену. В своём новом золотистом мерцающем платье она выглядела удивительно красивой. Сергей налил в бокалы шампанское. Пора было встречать Новый Год.

* Стихотворение Н. Хоничева

Глава 11. ПОДАРОК ДЛЯ МАТЕРИ

У Сергея Каштанова была мать — Ирина Петровна. Когда-то они жили всей семьёй, но Ирина Петровна с мужем развелась и воспитывала сына одна. Ничего не скажешь, высшее образование он получил. Но самым правильным своим шагом вот уже двенадцать лет Сергей Каштанов считал размен их двухкомнатной квартиры на две однокомнатные и то, что он живёт отдельно от матери.

Уж больно активно она вмешивалась в личную жизнь сына. Ирина Петровна считала, что он ей обязан помогать за то, что она его родила, воспитала, дала высшее образование. Считала необходимым давать Сергею постоянные советы — как жить. А Каштанов был поклонником западной системы взаимоотношений родителей и детей: до двадцати одного года воспитываешь — и всё. Дитё самостоятельное.

И поэтому, когда Сергей и Родолена Каштановы сошлись, он больше всего боялся, чтобы мать не узнала про особенности жизни жены, про сгорания и возрождения. У матери были подруги, с которыми она делилась по телефону всем.

Надо сказать, что Сергей оградил себя от вмешательства матери довольно жёстко. Она без звонка не могла прийти к нему домой. Родолена полностью поддерживала такую линию поведения, потому что сама излишней общительностью с друзьями и знакомыми не отличалась. К тому же Каштановы считали: «Мой дом — моя крепость». А разрушить эту крепость очень легко сплетникам, даже если это самые близкие люди.

Но какое-то минимальное общение со свекровью приходилось поддерживать. Помимо телефонных разговоров Каштановы ограничивались тем, что раз в квартал приходили к Ирине Петровне в гости. Или звали её к себе.

Ирина Петровна знала, что жена сына преподаёт ботанику в университете. Мать Сергея, как и Родолена, очень любила цветы. Ирина Петровна смирилась с существованием снохи. А Родолена давала ей по её просьбе те или иные отростки.

Но всё равно — квартира сына манила мать как магнитом. Она видела, что сын с женой живёт в одно дыхание и завидовала — у неё с мужем такого не было. К тому же в квартире Каштановых всегда был необычный и очень приятный аромат.

Однажды, накануне дня рождения Ирины Петровны, Родолена спросила:

— Слушай, а у твоей мамы никогда не было друга? Человека, который любил её в юности, но не сложилось.

— Мне она ничего не говорила. Потом — это было бы заметно. Нет, у мамы такой язык, что отпугнёт любого ухажёра.

— А может, ей на день рождения подарить кота? Котёнка малень-

кого. Она будет о нём заботиться. Ирина Петровна вряд ли поедет в другой город, поэтому кот будет всегда при ней.

— Не знаю. Думаю, можно и кота.

Они сходили к ней на день рождения и, помимо цветов, подарили котёнка.

Ирина Петровна подарок приняла, но почему-то решила, что сын и сноха хотят от неё отвязаться. Эта мысль не давала ей покоя несколько месяцев.

Как-то она решила прийти к сыну без предупреждения. А вот этого делать было не нужно. Именно в тот день Родолена бежала с работы домой, чувствуя, что скоро произойдёт то, что случается с ней в среднем каждые три месяца.

Ещё на улице Ирина Петровна её увидела и окликнула:

— Родолена Николаевна, а я к вам. Ой, у вас волосы зелёные…

Но Родолена, озабоченная предстоящим, галопом пробежала мимо, открыла дверь, захлопнула её за собой, скинула всю одежду, вбежала в ванную и сгорела в зелёном холодном пламени.

Ирина Петровна поспешила за Родоленой. На её глазах сноха захлопнула за собой дверь. Ирина Петровна поднялась на третий этаж и начала бешено звонить и стучать.

К счастью, Сергей тоже торопился домой. Родолена позвонила ему на сотовый, предупредила. Не сказала она только, что мать придёт следом.

Он зашёл в подъезд и с первого этажа услышал, как Ирина Петровна стучит кулаком по двери. Она бушевала:

— Безобразие! Твоя жена мне даже не открыла! Захлопнула дверь у самого моего носа. Это что за порядки такие?!

Каштанов молча открыл дверь, и мать зашла в квартиру вслед за ним.

— И где твоя благоверная? Где она?

Сергей пробежал в ванную, поднял изумрудное зёрнышко, облегчённо вздохнул и сказал:

— Мне кажется, тебе показалось. Её нет. Она на работе.

— Да вот её одежда. Вот обувь, плащ, шарф. Именно в этом она была одета. И ещё — у неё были зелёные волосы.

— Мама, тебе показалось. У Родолены есть похожая одежда. Родолена ещё не пришла с работы. И главное — у неё никогда не бывает зелёных волос.

— Ну, правильно. Ведь мать у тебя дура. Ничего не видит, сноху узнать не может.

— Когда хочешь прийти, надо предупреждать звонком. Телефон для этого и существует. Кстати, я тебя об этом неоднократно предупреждал.

Сергей холодно посмотрел на мать. Кое-как отпоил Ирину Петровну чаем и выпроводил.

Он возродил Родолену. Та привела себя в порядок и улыбнулась:

— Думаю, больше твоя мама не будет без спросу к нам приходить.

И Родолена что-то зашептала комнатным растениям в горшках.

Ирина Петровна пришла к себе домой. Она сняла пальто и подошла к телефону. Её раздирало. Она хотела тут же позвонить подруге и поделиться всем, что увидела, и что накопилось на душе. Сказать, какая сноха стерва, ведьма, сын — подкаблучник, что с этим надо что-то делать, что сноха красит волосы в зелёный цвет и так далее.

Но едва она коснулась пальцем диска телефона, даже ещё не угнездившись в кресле, послышался странный голос:

— Оставь сына в покое.

Это промяукал молодой кот.

Ирина Петровна онемела. А «усатый-полосатый» ещё раз, пристально глядя ей в глаза, врастяжку произнёс:

— Оставь сына в покое. Оставь Родолену в покое.

Но это было ещё не всё. Аспарагус, взмахнув густой зелёной гривой, прошелестел:

— Оставь сына в покое. Оставь Родолену в покое.

И душистая герань на окне, и все цветы зашептали:

— Оставь сына в покое. Оставь Родолену в покое.

К счастью, Ирина Петровна упала в обморок не на пол, а в кресло. Долго и обессиленно сидела.

С этого дня всё изменилось. Нет, Ирину Петровну подмывало позвонить и облегчить душу, но кот словно чувствовал. Когда она брала телефонную трубку и хотела поговорить хоть с кем-нибудь о чудесах, он произносил:

— Оставь сына в покое.

Больше кот ничего не говорил. Только мяукал.

То же самое было с растениями. Они шептали ту же самую фразу, повторяя её с завидным постоянством. Как они услышали просьбу Родолены — загадка.

Ирина Петровна понимала, что если кому-то расскажет про говорящих кота и растения, её, в лучшем случае, поднимут на смех даже самые близкие подруги. А этого ей бы совсем не хотелось.

К тому же кот был очень умным и даже испражнялся в унитаз.

Глава 12. ВОЗВРАЩЕНИЕ

Однажды в августовскую субботу Каштановы решили сходить за грибами. На остановке «Тверская» останавливались две маршрутки, которыми без пересадок можно было доехать в посёлок Тимирязево. Тимирязевский бор был славен грибами на весь город.

Родолена и Сергей оделись в полевые костюмы, взяли по неболь-

шой корзине и пошли на остановку. Народу на остановке было мало. И вдруг Каштанов услышал голос, от которого оцепенел:

— Ну, здорово, Сергей Васильевич!

Каштанов обернулся и увидел невысокого человека с седыми волосами и бородой и пронзительными чёрными глазами.

Родолена сразу почувствовала напряжение мужа. Когда он напрягался, то говорил короткими предложениями или отдельными фразами.

— Привет.

— Давно не виделись. Лет двенадцать или пятнадцать.

— Четырнадцать.

— Ну, у тебя всегда была хорошая память.

— Не жалуюсь.

— Чем сейчас занимаешься?

— Руковожу отделом.

— А стихи продолжаешь писать?

— Крайне редко.

— Зря. В прошлые годы ты подавал большие надежды.

— Я счастлив.

— Это ты к чему?

— К твоему утверждению, что хорошие стихи обязательно пишутся от боли. А я считал и считаю, что поэзия на восемьдесят процентов создаётся от радости и гармонии. Боль я стараюсь не испытывать. А в писательской организации что нового?

Человек пожал плечами и весомо сказал:

— У нас сейчас много нового. Я руковожу литературным альманахом. Печатаем и своих авторов, и москвичей, и зарубежных. Ты прислал бы мне подборочку стихов для очередного номера.

Родолена обрадовалась:

— Серёжа, вот и славно. Обязательно пришли стихи.

Человек улыбнулся.

— Жена?

— Жена.

Родолена не могла понять, отчего ей вдруг стало как-то неуютно под пронизывающим взглядом незнакомца. Он открыл сумку.

— Вот мой электронный адрес. Я альманах делаю дома. И свой телефон дай на всякий случай. Да, пару слов о себе напиши. Где родился, учился, публиковался. Фотографию не забудь.

И подал Каштанову визитную карточку.

Маршрутный автобус наконец-то показался. Каштановы коротко попрощались с негаданным собеседником.

В автобусе Родолена спросила Сергея:

— Кто это?

— Бухтармин. Иннокентий Бухтармин. Известный местный писатель. Большой пробойной силы.

— А почему в разговоре с ним ты так напрягся? Даже вены вздулись.

Каштанов задумчиво сказал:

— Я не знаю, какой он сейчас. Но в годы моей литературной юности подлец был хронический. Печатал только своих фаворитов. А меня вёл в литературу другой человек. С Бухтарминым мы даже подрались однажды. Я ему тогда всё высказал. А тут ещё я расстался с тогдашней своей любовью Анжеликой и отошёл от литературной жизни.

— Но сейчас другое время. Пошли ему стихи. Я хоть на работе похвастаюсь, что муж у меня талантливый поэт.

Каштанов ткнулся жене носом в плечо. Улыбнулся:

— Так уж и талантливый.

— Не прибедняйся, Серёжа. Мы когда выходим?

— Скоро будет остановка «Катюша». Это магазин. Там и сойдём.

Они вышли из маршрутки, прошли чуть-чуть прямо, потом налево и опять прямо по Старо-Трактовой улице. Шли около километра мимо дач. Потом начался сосновый бор.

Каштанов хорошо знал это место.

— Здесь невозможно заблудиться. Обрыв, две деревни и дорога. А грибы всегда бывают.

Они набрали по корзине грибов, попадались разные: моховики, лисички, козляки, маслята, волнушки.

Присели отдохнуть. Родолена достала воду в бутылке и пирожки. Сергей спросил:

— А в грибы или, допустим, папоротники ты превращаться не можешь?

— Могу, но не делаю этого. Превращаться во мхи, папоротники, хвощи, плауны очень тяжело. Женщины-растения — цветковые. Папоротник не может цвести, потому что размножается спорами. А грибы — это вообще особое царство. Болеть после превращения будет всё тело, каждый нерв.

Они перекусили и пошли обратно на автобус.

Стихи Каштанов выслал на адрес Бухтармина. Месяца через три тот позвонил, просил зайти в писательскую организацию и забрать авторские экземпляры альманаха. Сергей спросил Родолену:

— Завтра пойдёшь со мной в писательскую? Не хочу туда один идти. Всё как ты хотела. Меня опубликовали.

— Я же говорила, что ты у меня умничка. Конечно, пойду. Надо что-то взять. Поблагодарить Бухтармина.

— Да я взял уже.

В старинном здании они шли по длинному коридору второго

этажа. Зашли в предпоследнюю дверь направо. За старым столом сидело человек десять. Поэты, прозаики, фотографы, художники. Бухтармин встал из-за стола.

— О, вот это гости! Познакомьтесь, кто не знает: Сергей Каштанов. Талантливый поэт, очередная публикация которого состоялась в этом номере альманаха. Был очень известен в нашем городе четырнадцать лет назад. Публиковался в журналах. Потом исчез, чтобы сейчас вернуться. А эта красавица — его жена. Он её сам представит.

Сергей и Родолена сели на свободные стулья. Альманах сиял красивой обложкой. Каштанов достал из сумки роскошную бутылку. Глянул поверх золотой оправы очков.

— Портвейн. Настоящий, португальский.

Бухтармин просиял:

— Сергей Каштанов всегда умел жить. Боже ж ты мой! Аромат один чего стоит. Ну, с возвращением в литературу!

Пирушка продолжалась. Вдруг Родолена встала и подошла к увядшим цветам в горшках.

— А что с ними?

Бухтармин откликнулся:

— Да отмечали событие и забыли закрыть окно. Растения, похоже, не выносят холода. Придётся выбрасывать.

Родолена погладила листья, и они ожили. Она поочерёдно возродила к жизни все цветы.

— Как вам это удалось? — спросила главный бухгалтер, юркая, подвижная старушка с рыжими волосами. — Они же мёртвые были. Мёртвые! Это чудо какое-то. Вы волшебница.

Родолена скромно села за стол. Поправила волосы:

— Растениям досталось. Но их ещё можно было спасти.

Бухтармин изумлённо произнёс:

— Меня трудно чем-то удивить. Вам, Родолена, это удалось. По такому поводу грех не выпить.

Пирушка окончилась часов в десять вечера: портвейном компания не ограничилась. Прощаясь, Бухтармин дал Каштанову авторские экземпляры альманаха и сказал:

— На следующей неделе, в пятницу, будет большой литературно-музыкальный вечер, посвящённый альманаху. С представлением авторов. Я тебя приглашаю. Надеюсь, как выступать — не забыл?

— Да я сто лет не выступал.

— Вспомнишь. Да, хорошо бы ты спел что-нибудь. Гитары там будут.

Родолена опять удивилась:

— Серёжа, ты ещё и поёшь?

Бухтармин поднял брови:

— А он вам ни разу не пел? Своей жене?! Вы сколько живёте вместе?

— Тринадцать лет, — ответила Родолена.

— Сергей Васильевич умеет скрывать таланты. Как Штирлиц.

Каштанов был под хмельком, чего не позволял себе давно. Домой они пришли с Родоленой весёлые.

— Как я завтра на работу пойду? — сказал Каштанов, раздеваясь — Будет важное совещание.

— Ничего, я тебе помогу. Чай с лимоном и рассол у нас есть.

К назначенному времени зал искусств библиотеки имени Пушкина был полон.

Но Сергей с Родоленой пришли заблаговременно и сидели в первом ряду. Бухтармин с юной холодновато-обаятельной поэтессой Ариной Гномовой были ведущими. Когда очередь дошла до Каштанова, он прочитал два стихотворения и спел романс под гитару. Голос был высоким, но очень приятным. Сергей видел счастливое лицо Родолены. Слушая, она полностью ушла в песню. Аплодисменты были долгими.

— Серёженька, это чудо какое-то! Я тобой горжусь.

Каштанов нежно взял жену за руку и перевёл дыхание.

И началось. Бухтармин стал звать его еженедельно на заседания литературной студии, где Каштанову приходилось вспоминать прежний опыт по обсуждению рукописей. Однажды вечером, после долгого заседания и возлияния, Бухтармин спросил:

— Ты на меня до сих пор обижаешься за тот случай?

— Случаев было многовато. То, что ты год кормил меня обещаниями публикации в московском альманахе, а вместо моих стихов напечатал свою тогдашнюю фаворитку — цветочки. То, что прилюдно высмеял меня на дне рождения моего литературного учителя Ефремова, травил в газетах… Теперь всё это меня мало волнует. Я обрёл себя в науке и производстве. У меня настолько интересная жизнь, что тебе и не снилось.

— Мне сейчас очень тяжело.

— А чего тебе не хватает? Все твои желания в литературе исполнились…

— Враги вокруг. Сволочи. Ни на кого положиться нельзя.

— Ну, насчёт этого я ничего сказать не могу. Мне кажется — вокруг хорошие люди.

Каштанов ушёл. Через несколько месяцев Сергей узнал, что Бухтармин покончил с собой. По личным причинам.

Родолена налила в бокалы вина и сказала:

— Благодаря Бухтармину я узнала, что ты хорошо поёшь. И стихи напечатали.

Глава 13. АНЬЕЛЛА ДОР

Цвела липа. Замечательно цвела. Тонкий медовый аромат щекотал ноздри Родолене и Сергею, когда они шли по городу.

Когда они проходили мимо краеведческого музея, в здании которого размещался и малый концертный зал, Родолена остановилась у объявлений.

— Подожди-ка. Выставка старинных цирковых и концертных афиш из коллекции местного краеведа Платона Стасова. Серёжа, давай зайдём. Я так давно не была в этом музее, да и ты тоже. Хочу посмотреть на старинные афиши.

В последнее время Родолена говорила, что всё повторяется в жизни по спирали, и уже было когда-то. И кто-то с такими же способностями, как у неё, посещал город. Сергей к этому относился скептически, считая, что Родолена одна-единственная, и кроме неё никого с такими способностями в их городе никогда не было.

Они взяли билеты и прошли на второй этаж. Афиши были расположены весьма живописно. Каштановы, не торопясь, осмотрели один зал, потом перешли во второй. И тут Родолена вскрикнула:

— Серёжа, смотри!

Каштанов взглянул и поразился. На старой афише конца девятнадцатого века было написано: «Аньелла Дор. Только один концерт. Проездом из Америки во Францию. Сгорание и возрождение из пепла». И портрет этой самой Аньеллы Дор в огне. Лицо было нарисовано довольно стандартно. Особого сходства с Родоленой Сергей не заметил. Но сфотографировал афишу своим, недавно приобретённым, «Кэноном», который брал теперь на прогулки.

Они прошли к заместителю директора — красивой черноволосой женщине, и она дала телефон Платона Стасова.

Родолена позвонила ему, похвалила выставку и спросила о гастролях Аньеллы Дор. Стасов ответил:

— Это давнее время. Афиша досталась мне от бабушки. Артистка приезжала к нам летом 1892 года, и действительно было только одно выступление. Но у меня сохранилась фотография этой самой Аньеллы, купленная на представлении. Если она вас так интересует, могу дать отксерокопировать.

Родолена с радостью согласилась. Но спросила при этом:

— А в местной прессе были объявления или заметки о гастролях?

— Вам надо сходить в областную или в университетскую библиотеку, поднять газеты за 1892 год и посмотреть.

Они сходили в гости к Стасову. Платон показал коллекцию пивных этикеток и пробок, дал для ксерокопирования фотографию Аньеллы Дор. Едва Родолена взглянула на неё, как тут же схватила руку Сергея и сжала.

— Серёжа, ты только посмотри!

На пожелтевшей фотографии в старинном платье и шляпке стояла Родолена.

— Ну, что ты теперь скажешь?

Они горячо поблагодарили Стасова, вышли, откопировали фотографию и вернули её краеведу.

— Теперь, Серёженька, надо искать в библиотеках информацию.

Родолена сходила в университетскую библиотеку, а Сергей — в областную. Информации оказалось очень мало. Только в одной газете. Сообщалось о большом успехе Аньеллы Дор, а также что артистка посетила университет и осмотрела город. Родолена задумчиво сказала:

— Искать в городе её следы бессмысленно. Пожалуй, о ней может рассказать только старая липа в университетской роще.

— Почему именно липа?

— Сейчас двадцать первый век. Аньелла Дор выступала в девятнадцатом. Университет открыли в 1888 году. Рощу формировали из новых посадок и старых деревьев. А липе этой около двухсот лет. Должна помнить. Хотя надежда слабая.

Вечером, часам к семи, Каштанов у главного корпуса университета встретил Родолену. Они свернули налево и подошли к старой липе. Родолена встала лицом к университету и прислонила руки ладонями к стволу. Она ласково стала гладить дерево и что-то шептать.

Внезапно потемнело. Летние вечера светлые, а тут будто надвигалась гроза. Но грозы не было. И людей не стало.

Вдруг справа показались мужской и женский силуэты. Парочка подходила всё ближе, а когда она поравнялась с липой, Сергей и Родолена переглянулись.

— Тебе они никого не напоминают? — прошептала Родолена.

Женщина была вылитая Родолена, только с другой причёской, в старинном платье и шляпке, как на фотографии. А мужчина — во фраке, цилиндре, с усами и бородкой…

— Серёжа, если ему убрать усы и бороду и надеть очки, он будет твоей копией.

Каштанов изумлённо посмотрел на своего двойника и прислушался. Мужчина и женщина тихо беседовали.

— Господи, как же я устала! Я сгораю раз в три месяца, а на гастролях приходится это делать чуть не каждый день.

— Потерпи, милая. Осталось два города. Потом уедем в Италию.

— Доживу ли я до Италии? Саша, мне очень плохо. Я трачу последние силы. Боюсь сгореть и не возродиться.

— Осталось всего два города. А потом год можем жить потихоньку на заработанные деньги. Или положить часть из них в банк под хорошие проценты.

— Меня всё раздражает. Это имя глупое — Аньелла Дор…

— А ты бы хотела быть Анной Дуровой, как в паспорте. Но на такую фамилию зритель не пойдёт. После гастролей ты станешь моей женой. Анной Ореховой. Потерпи, родная моя.

Мужчина поцеловал у женщины руку. Она постояла у липы, потом прислонила к ней руки, как Родолена.

Женщины стояли около дерева напротив друг друга. Родолена видела сквозь ствол голубоватое лицо Аньеллы Дор. Женщины смотрели друг на друга, словно и не было ствола. Потом Аньелла глубоко вздохнула и ушла со своим Александром. И вновь посветлело.

Родолена ласково погладила старую липу:

— Спасибо, милая. Что бы я делала без тебя?

Родолена и Сергей сели на лавку. Долго молчали. Наконец Каштанов спросил:

— Что это было? Призраки?

— Не знаю, Серёжа.

— Только теперь понимаю Гамлета у Шекспира: «Есть многое на свете, друг Горацио, что и не снилось нашим мудрецам».

— Понял наконец, — Родолена положила голову ему на плечо. — Я сама поняла теперь многое.

— Что именно?

— Не догадываешься?

— Догадываюсь, но скажи ты.

— Джованни врал, когда говорил, что я ботаником выведена впервые. Это уже было. И в образе Аньеллы прошло через наш город. Далее: трёхмесячный ритм сгорания и возрождения — нормальный. Если чаще его стимулировать, можно подорвать здоровье.

— Что-то ещё?

— Скорее всего, следы Аньеллы, или Анечки, теряются. Может быть, она умерла в Италии. А может — превратилась в семечко и дала дерево. А теперь прочитай Аньелла Дор справа налево. И всё поймёшь.

Глава 14. ЧТО СКАЗАЛА ЭЛЕОНОРА?

Каштановы решили съездить на неделю в Москву. В отпуск.

Поселились они в ведомственной гостинице для работников лесного хозяйства. В Пушкино. При институте повышения квалификации. Два года назад Каштанов эту самую квалификацию и повышал. Оттуда в столицу каждые двадцать минут шёл автобус и регулярно — электричка.

Родолена и Сергей с удовольствием бродили по столице, фотографировались, гуляли по музеям, храмам, галереям, заглядывали

в свой любимый Театр оперетты. Обедать или ужинать заходили в Центральный Дом литераторов.

Однажды они заехали на Ваганьковское кладбище. Посмотрели могилы Высоцкого, Миронова, Даля. У могилы Сергея Есенина Каштанов смущённо спросил жену:

— А ты смогла бы разгадать давнюю историческую загадку?

— Какую загадку?

— О гибели Есенина.

— Ты имеешь в виду вопрос о том, сам он повесился или помогли?

— Да. Я прочитал об этом довольно много книг. О Есенине большая литература. Но вопрос так и остался открытым. Много писали о проломе в его голове между бровями. Я сомневаюсь, что решатся на эксгумацию. Будут спорить в печати, ковыряться в мемуарах, толковать об этом.

— Я могу спросить у растений и птиц. Поговорить с деревьями. Всё зависит от того, сгнил ли гроб. Только, ради Бога, не проси, чтобы я ощупывала череп Есенина сама. Можно видоизмениться в корни сосны или другого дерева, но ощупывать скелет корнями — это всё равно, что пальцами.

— Нет, конечно. Просто, если есть желание, спроси у птиц и трав. Знаешь, меня исторические загадки никогда не волновали. А вот эта — интересует очень.

Родолена присела у памятника и стала гладить траву и цветы и что-то им шептать. Посвистела соловью, погладила старый вяз. Потом сказала:

— Похоже, нам придётся прийти сюда ещё раз. Ты завтра вечером не побоишься погулять по кладбищу?

— Ты ведь будешь со мной?

— Конечно.

— Ради такой разгадки — не побоюсь.

— Чудесно. Теперь вот что. Эту разгадку сможет нам принести мышь. Если тебя удовлетворят её объяснения.

— Какая мышь? — удивился Каштанов.

— Старая кладбищенская мышь. Очень благородных мышиных кровей. Зовут её Элеонора. Видишь ли, если я правильно понимаю, на черепе Есенина должен быть след от пролома. В случае, если пролом был. В Киеве облик Ярослава Мудрого в Софийском соборе Герасимов восстановил по останкам. Им несколько сотен лет. Шрам на черепе у Ярослава Мудрого сохранился. Теоретически, если Сергей Есенин был убит в декабре тысяча девятьсот двадцать пятого года, то след от пролома на его голове тем более должен сохраниться. Кто может нам в этом помочь? Во-первых, растения. Но трава и цветы на могиле Есенина не имеют длинных корней. Тем более, крышка гроба закрыта. Во-вторых, птицы. Но ваганьковские соловьи мо-

гут только петь, и в этих песнях информации по нашему вопросу — ноль. В-третьих, энергетические наслоения на старых деревьях. Очень интересный, перспективный, но крайне зыбкий объект. Что нам дадут деревья, увидим завтра. В-четвёртых, грызуны — наши самые надёжные информаторы. Не забыть для мышки купить семечек.

— Умница!

Родолена порозовела от удовольствия.

— А откуда ты узнала, что мышь зовут Элеонора?

— Услышала мышиный голос около её норы. Другая мышь звала.

Родолена взяла Сергея под руку, и они пошли к выходу.

На следующий вечер Каштановы вновь пришли на кладбище. Родолена поёжилась и сказала:

— Пойдём к могиле поэта Сергея Городецкого.

У могилы Городецкого Родолена присела на корточки. Там была мышиная нора. Женщина стала тихо насвистывать. Минуты через две показалась рыжевато-серая мышь.

— Познакомься — это Элеонора, о которой я тебе рассказывала.

Родолена стала издавать какие-то звуки, пищать. Элеонора ей отвечала.

— И что она говорит? — спросил Каштанов.

— Просит нас ещё часа полтора погулять по кладбищу. А потом подойти к есенинской могиле.

Они пошли по кладбищу. Темнело. Родолена подошла к старому дереву.

— Оно должно помнить похороны Есенина. Не знаю, что оно покажет. Мне бы посмотреть картинку после похорон.

Родолена стала гладить старый ствол. Каштанов различил, как меняется всё вокруг. Они попали в тысяча девятьсот двадцать пятый год. Могил стало значительно меньше.

— Так… Вот вечер после похорон. Зима. А вот ночь. Ха, а призрака Есенина нет. Был бы самоубийца — обязательно вился бы.

— А самоубийцы дают призраки?

— Как правило. Впрочем, это можно проверить. Посмотрим тысяча девятьсот восемьдесят четвёртый год. Похороны министра внутренних дел. В восемьдесят втором застрелилась его жена. А он — в восемьдесят четвёртом. Очень любили алмазы, картины и другое добро… Да вот они.

Родолена приблизила изображение. Каштанов увидел могилы министра, его жены и два синеватых призрака — женский и мужской. Сидели на своих могилах и о чём-то разговаривали.

— Ну, что я говорила! Приятнее всего, точнее, спокойнее, чувствуешь себя на могиле артистов — спокойная смерть. Как правило, от алкоголя.

Давай на всякий случай посмотрим тысяча девятьсот пятьдесят

четвёртый. Похороны генерала армии, Героя Советского Союза. Застрелился, когда обвинили в заговоре Берии. Не вынес позора, хотя, кажется, виновен не был. Так… несколько дней спустя… ночь… вот он.

Грустный призрак в военной форме плыл среди могил.

— А Есенина нет. Призрака нет. Значит, поэт был убит. Смотрю через два дня, через четыре, пять, шесть. Нет его.

Родолена играла на коре дерева, как на клавиатуре компьютера.

— Ну, всё. Спасибо, милое. Пойдём к Есенину.

— А откуда ты узнала об этих людях?

— Прочитала. Сейчас обо всём прочитать можно. Вот могила Есенина. Полтора часа прошло. Где Элеонора?

Мышь показалась спустя несколько минут. Она оживлённо пищала и цокала. Родолена сочувственно ей вторила. Они прошли до могилы поэта Сергея Митрофановича Городецкого, и Родолена отдала Элеоноре мешочек с семечками.

На выходе с кладбища Каштанов спросил:

— Ну, и что удалось узнать от Элеоноры?

— Она пробралась в могилу, пощупала череп и сказала, что на нём, кажется, есть какой-то шрам. Но что можно требовать от мыши? Она ведь анатомию человека не изучала. Информацию, полученную от неё, учёным не представишь. Всё, что я сделала, сделала только для тебя, мой дорогой. Чтобы ты был спокоен: историческая загадка решена. Относительно. А теперь — посмотри в пакете зелёную шаль. Я совсем замёрзла.

Глава 15. ПРЕВРАЩЕНИЯ

В этот выходной Каштанов работал над статьёй, а Родолена тренировалась. Она училась превращаться, или оборачиваться, как Родолена любила говорить, не снимая одежды.

Для этого она надела зелёное струящееся платье, зелёные чулки, тонкие фисташковые перчатки и туфли. И волосы были тоже зелёными.

— Серёжа! Прервись, пожалуйста.

— Две минуты. Мысль хорошую зафиксирую.

Он дописал абзац.

— Весь к твоим услугам.

— Сейчас я обернусь виноградом. Принеси лестницу. Когда по потолку пойдут грозди — три из них сорви. Именно сорви.

Родолена превратилась в виноградную лозу и поползла по потолку. Её лицо проступило в виноградных листьях. Спросило:

— Готов?

— Готов.

Каштанов залез на лестницу и сорвал три жёлто-зелёные грозди винограда. Родолена приняла человеческий облик. Она сняла с правой руки перчатку. На перчатке отсутствовали указательный, средний, безымянный пальцы.

— Замечательно. Сейчас я обернусь кустом ореха-лещины. Также сорви несколько орехов.

Она надела порванную перчатку и превратилась в куст. Каштанов взял пиалу и сорвал семь орехов. Родолена вернула себе человеческий облик. Перчатки превратились в митенки — перчатки без пальцев. Родолена задорно покрутила розовыми пальчиками:

— Теперь попробуем превратиться в яблоню.

Каштанов сорвал несколько яблок, а у Родолены исчезли пуговицы на платье. Она обернулась грушей — на платье был сорван воротник. Она устало села на диван.

— Всё. Я научилась. Теперь давай попробуем виноград, орехи, яблоки и груши.

Каштанов принёс щипцы и расколол орехи. Подозрительно понюхал, а потом попробовал виноград. Родолена удивилась:

— Ты что?

Каштанов шкодливо улыбнулся:

— Вдруг они имеют вкус пуговиц, воротника на платье или перчаток.

— Шутишь? Превращение было абсолютно полным.

Она съела виноградину.

— Замечательный виноград.

Каштанов засмеялся.

Родолена сняла митенки и сказала:

— Нет, всё-таки я такие не люблю. Греть они не греют. Да и некрасивые. Мне кажется, их надевают те, кто любит выпендриваться.

— Или те, кто превратил пальцы от них во фрукты.

Родолена засмеялась:

— Я поклонник классики. Короткая или длинная, но перчатка должна закрывать ладонь целиком.

Она надела другую пару. Каштанов решил, что Родолена продолжит превращения. Но она скинула платье и туфли и заскочила Каштанову на колени. Родолена сняла ему с носа очки. От перчаток пахло душистой геранью. Он втянул любимый запах, и его охватило желание…

Расслабленные, они лежали с женой на диване. Родолена прошептала:

— Ты знаешь, наверное, проще покупать фрукты в магазине или на рынке.

Глава 16. СОН-ТРАВА

Помимо домашних цветов, Родолене нравились и лесные цветы.

Из весенних цветов — сон-трава.

Из летних — венерины башмачки: настоящий, жёлто-лилового цвета, и крупноцветковый, дивного фиолетового цвета. Они относились к семейству орхидных, а Сергей Каштанов заметил, что жена далеко не равнодушна к орхидеям. Несколько горшков с орхидеями было у них дома. Эти цветы вызывали у неё какой-то особый трепет.

А с сон-травой у Родолены было явно связано какое-то очень приятное воспоминание. Потому что она при этом закрывала глаза и на губах у неё появлялась мечтательная улыбка. Потом Каштанов понял, что за воспоминание так грело его жену. Потому что каждый год, весной, Родолена звала его в одно и то же место — на пикник. Так ему говорила она.

Каштанов привык, что жена всегда права, поэтому молча собирал шампуры, шашлычницу, закупал мясо, брал бутылку лёгкого мускатного вина, и они с Родоленой садились на одну и ту же маршрутку. Выезжали за город, сворачивали направо, некоторое время шли через лес и выходили на огромную поляну. Впереди были обрыв и река, слева — глубокий сухой луговой склон.

Это и было время цветения сон-травы (прострела) — травянистого растения семейства лютиковых. Дело в том, что Родолена — женщина-растение — любила превращаться в сон-траву. Эти цветы имели две разновидности — нежно-золотистую и фиолетовую. Родолена предпочитала превращаться в фиолетовую разновидность. Сон-трава цвела у начала склона. Родолена оборачивалась сон-травой ненадолго, минут на тридцать-сорок.

И прилетал шмель. Дело в том, что женщине очень нравилось, когда шмель опыляет её. Опыление цветов — половой процесс.

Интимная жизнь Каштановых была гармоничной. Родолена никогда не жаловалась на мужа. Но что-то требовала её натура. Чего-то хотела странная травяная кровь.

К счастью, Сергей Каштанов не вдумывался в такие тонкости. Нравится жене становиться цветком — слава Богу. Слушать ласковое жужжание шмеля, получать на пестик тычинки — это же так приятно.

Каштанов вспомнил, что ещё в детском саду однажды всем детям, и ему тоже, давали после концерта искусственные цветы к майским праздникам. И сделаны были эти цветы из бумаги очень похожими на сон-траву. Жёлтые и фиолетовые. Маленькому Серёже Каштанову достался тогда фиолетовый цветок.

И в этот раз Каштановы пришли, и сели, как обычно, на старые брёвна. На это место часто приходили любители пикников, поэтому Каштановы постарались быть пораньше. Сергей поставил шашлыч-

ницу, стал готовить угли и шампуры. И, как всегда, жена сказала ему очень ласковым голосом:

— Серёженька, Бога ради, следи, чтоб цветок никто не сорвал. Я стану фиолетовым цветком вот здесь, в самом начале оврага. А то буду я мёртвая и без ног. Без корней. Шмель скоро прилетит.

Родолена входила в землю начиная с правой руки. Вначале ушли пальцы, затем ладонь. Потом уменьшились и исчезли голова, левая рука, туловище и ноги.

На сухой прошлогодней траве осталась только одежда: полусапожки, джинсы, блузка, куртка, косынка…

Прилетел солидный лесной шмель. Он был по натуре своей джентльменом. Родолена за это очень его ценила. И теперь она, ставшая фиолетовым цветком сон-травы, закричала вместе с другими цветами:

— Ко мне, пожалуйста, ко мне! Как я по вас соскучилась!

— Я польщён. Здравствуйте. Я тоже соскучился. Но не всё так просто. Мне надо было разогреть своё тело. Сами понимаете — грудные мышцы должны работать, чтобы я мог гудеть, разогревать своё гнездо и прилетать на цветы раньше других насекомых.

И шмель присел на цветок. Родолена стонала от наслаждения:

— Ах, это ни с чем не сравнимо! Спасибо!

— Всегда рад услужить.

Можно было оставить одежду Родолены там, где она лежала. Тем более, что лежали вещи в строгом порядке, так как их хозяйка вот-вот вернётся. Но могли прийти люди. Каштанов бережно подобрал одежду, посмотрел на часы и пошёл жарить шашлыки.

Он увлёкся и совершенно не заметил, как на поляну пришли женщина с маленькой девочкой. А та сразу закричала:

— Мама, ой какие красивые цветочки!

И побежала их рвать. Каштанов услышал эти слова, и его прошиб холодный пот.

— Подождите! — закричал он и помчался навстречу. — Эти цветы нельзя рвать. Они в Красной книге.

Каштанов оказался возле девочки очень вовремя.

Поскольку она уже протянула руку над цветком. От одной мысли, что им могла оказаться Родолена, давление Каштанова взвилось на недосягаемую высоту. Он кое-как перевёл дыхание.

— Не надо рвать эти цветы. Их очень мало. Они могут радовать собой ещё многих людей, кто придёт сюда.

— Ну и что. А я хочу сорвать на память. Хоть один цветок. Вот этот — большой, фиолетовый.

И девочка опять протянула руку.

— Не надо! — взвыл Каштанов.

— Да что вы пристали к ребёнку, — рассердилась мамаша, — какое вам дело до этих цветов?

— Ну послушайте! — закричал Каштанов. — Вон там, подальше, метрах в двадцати растут точно такие же цветы. — Вы их сорвите.

— Ненормальный какой-то. Дочка, пойдём туда. Там действительно растут точно такие же цветы.

Девочка испуганно поглядела на совершенно дикого Каштанова и пошла вслед за мамой.

Минуты через две Каштанов расстелил одежду Родолены по земле в таком же порядке. Женщина в неё вошла, точнее — втекла, и стала вновь самой собой. Удовлетворённо потянулась, но вдруг увидела серое лицо Каштанова.

Его трясло. Он рассказал жене всё, как было. Она погладила Сергея по лицу, потом встала за его спиной. Поколдовала, делая движения над его затылком и снижая кровяное давление. Виновато улыбнулась:

— Серёжа, я всё поняла. Больше никогда не буду превращаться в цветок в людном месте. Прости, пожалуйста.

Они обнялись и долго смотрели на реку. Река была по-весеннему полноводной, но довольно грязной.

Шашлыки стали аппетитно пахнуть. Каштанов повернул их, и через несколько минут снял с огня.

Родолена нарезала хлеб, огурцы и помидоры. Каштанов разлил в стаканчики вино и произнёс:

— Ты даже не представляешь, как я боюсь тебя потерять.

Родолена серьёзно посмотрела на него:

— Очень хорошо представляю. И люблю, и ценю тебя за это. А мы сейчас за что будем пить?

— За весну.

Глава 17. КЛАДОИСКАТЕЛИ

И Родолена, и Каштанов были бюджетниками. С фиксированной заработной платой. Ассистент на кафедре получает немного. Начальник отдела — значительно больше. Семье из двух человек, без детей, хватало. Особенно когда Родолена более-менее научилась управлять своим сгоранием и раздеваться перед этим процессом. Приходилось меньше тратиться на одежду. Но жизнь порой преподносит сюрпризы, и они не всегда бывают приятными.

У Каштанова на работе начались реформы в лесном хозяйстве. Годовые планы стали просто огромными. И однажды отчёт о выполнении планов был отправлен в Москву с опозданием. В результате весь отдел лишили премий, и Каштанова как начальника — тем более. В течение двух месяцев на банковскую карту скидывался только оклад без премиальных.

Супруги стали думать о дополнительных деньгах. И Родолена

решила заняться поисками клада. Дело в том, что город, в котором они жили, был довольно старым. До революции — купеческим. И, помимо домов кирпичных и панельных, оставалось много деревянных построек. Они, простояв сто с лишним лет, потихоньку гнили, разваливались и сносились. Конечно, памятники сибирского деревянного барокко или модерна восстанавливались. Иначе зарубежным гостям и показать-то было бы нечего. Но фоновая застройка в деревянных кварталах, увы, продолжала гнить и исчезать.

И Родолена решила воспользоваться своим знанием трав, умением с ними общаться, чтобы найти в домах, предназначенных под снос, что-то ценное. Благо, наступил май и трава, не говоря о деревьях, пошла в буйный рост.

Она не могла этого делать зимой. Родолена говорила:

— Под снегом деревья и травы спят.

Но сейчас, в конце весны, по вечерам они надевали джинсы, старые куртки. Сергей брал небольшую лопату, и супруги шли на старые улицы, где встречались дома с заколоченными окнами, обнесённые панелями и намеченные под снос.

Если там росла хотя бы одна травинка, Родолена присаживалась, что-то шептала, осторожно гладила её и получала нужную информацию. Информация эта, конечно же, была примитивной. Особых мозгов у травы нет. Но кое-что узнать было можно.

В таком-то углу, на такой-то глубине находится металлический кругляшок. Как правило, попадались монеты девятнадцатого века, медные или серебряные. Одна или две. Один раз Каштанов откопал приглашение в Общественное собрание. В другой раз — жемчужную бусинку. В третий раз — старинную бутылку.

Родолена ездила в разные места. Советовалась со старыми деревьями. Особенно — тополями. По вечерам устало говорила Сергею:

— Под вокзалом находится металлический ящичек. Под заводом тоже. Дома старые снесли, здания построили, а ящички не выкопали.

— Наверное, не до того было.

— И всё-таки не может быть, чтобы нам не повезло. Понимаешь, Серёжа, не может!

И она прижалась горячим лбом ко лбу Сергея.

Один раз, казалось, им выпала удача. Родолена посоветовалась со старым тополем в Буфф-саду, и тот сказал ей, что под ним находится какая-то коробка.

Поздно вечером Каштанов начал раскопки, и коробочку нашли. Часа через полтора. Оказалось — она заполнена пуговицами. Пуговицы были старыми и довольно красивыми, но это были всего лишь пуговицы. Каштанов ничего не сказал. Он дико устал. И на работе, и сейчас, когда надо ходить вечерами и что-то разыскивать.

Родолена засела в библиотеки, пытаясь найти ответ. Она подни-

мала подшивки старых газет, пытаясь одной ей понятным способом отыскать информацию.

Женщина советовалась со всеми деревьями возрастом больше ста лет. Оставался один район в городе, где они ещё не были.

Маршрутный автобус, который туда ходил, пришлось ждать на остановке довольно долго, но всё-таки он привёз их в этот очень милый район. Они гуляли вокруг старого пруда, рядом с которым росли очень мощные тополя с широкими стволами.

Родолена подошла к одному из деревьев и приложила ладонь к коре. Она поочерёдно переговорила со всеми тополями вокруг пруда. И улыбнулась:

— Вот здесь. Под этим деревом.

— Опять какой-нибудь ящичек с пуговицами?

— Серёжа, у нас с деньгами — швах. Если у тебя на работе ещё как следует подкрутят гайки, а ты, упаси Бог, не выдержишь и уволишься, на что тогда мы будем жить? Моей зарплаты не хватит. А у тебя и так скачет давление. Каждое утро вся подушка мокрая. Тебе, кстати, надо искать более спокойную работу. Я-то не брошу, и буду любить тебя даже нищим, как Евтушенко в своём стихотворении говорил. Но сейчас, пока судьба нам благоволит, почему бы не воспользоваться её дарами? Эти деньги и так сто лет лежат в земле. Пора их извлечь наружу. Надо, чтоб на книжке находилось хотя бы тысяч пятьсот. Это минимум. Если что со мной случится, чтобы тебе хватило на первое время.

— А что с тобой может случиться?

— У меня не выходят из головы слова Николо из его телефонного разговора с Джованни: «Придёт время — она сама прибежит ко мне». И ещё: «Срок её жизни — меньше, чем у обыкновенного среднего человека». О каком времени он говорил? Может, о том, что циклов между сгораниями и возрождениями остаётся у меня всё меньше…

Каштанов поморщился, потому что это было правдой. Только эту правду он всё время от себя отгонял. Сергей переключился на поиски.

— Ты уверена, что мы здесь что-то найдём?

— Тут старый купеческий район. Даже дома и церковь сохранились. Сейчас проверим.

Её правая рука видоизменилась. Указательный палец стал вытягиваться и уходить в землю. Минут через десять рука приняла свой обычный вид. Родолена достала влажную ароматизированную салфетку и старательно вытерла кисть руки.

— Метра полтора. Копай вот в этом месте. Земля рыхлая. Всё будет замечательно.

Темнело. Хорошо, что лопата была острой. Каштанов копал до тех пор, пока не услышал долгожданного звяканья металла о металл.

— Отдыхай, родной. Теперь всё в порядке.

Сергей вытащил небольшой сундучок, и они с женой спрятали его в просторную сумку. Каштанов тщательно всё закопал. Родолена старательно стряхнула с Сергея песок и глину.

Дома Сергей Каштанов аккуратно вскрыл сундучок. В нём были золотые и серебряные монеты девятнадцатого века. Много. Настоящее богатство. Каштанов как-то даже не думал, что будет столько. Он спросил:

— А во что на этот раз у тебя превратилась рука?

— В корни одного растения, которые очень быстро вытягиваются в длину.

Родолена помассировала кисть.

— После этих превращений руки всегда ноют.

Каштанов удивлялся — как Родолена всё хорошо продумала. У него на книжке лежала теперь весьма порядочная сумма. Причём деньги были положены на счёт Сергея. Себе Родолена не отложила ничего, считая себя с мужем неразделимыми. Тут было ещё одно соображение. Если Родолена Каштанова сгорит и не возродится, снять деньги с её счета будет Сергею лишней головной болью.

А впрочем, с работы Каштанова пока не увольняли, и жизнь была неплохой. У Родолены тоже дела складывались вполне прилично. По крайней мере, не хуже, чем были.

Глава 18. ДРАКОНОВО ДЕРЕВО

Родолена не могла иметь детей, потому что она была женщиной-растением. Об этом она сказала Сергею ещё при первом знакомстве. Она могла стать кустом, цветущим одним-двумя крупными фиолетово-голубыми цветками.

Каштанов не воспринимал бездетность как проблему. К тому же в душе он сам был большим ребёнком, нуждавшимся во внимании. И такое внимание с лихвой получал от Родолены. Со своей стороны, всю зарплату до копейки Каштанов отдавал ей, полностью полагаясь на её вкус к ведению хозяйства. И никогда не пожалел об этом.

Иногда он удивлялся, как интересно сложилась его судьба: найти такую необычную женщину с такими способностями!

В последнее время Каштанов стал мечтать о море. О море с маленькими двойными ракушками и моллюском посередине, которые в Италии используют в пищу для спагетти с морепродуктами. И мелкими серыми остроконечными витыми раковинами с раками-отшельниками, и крохотными округлыми буро-лиловыми ракушечками. А повсюду плавают медузы — мелкие, на которых можно не обращать внимания, и крупные. Этих стоит опасаться, боясь ожогов. А над клумбами летают редкие бабочки махаоны. Всего этого

нет в Сибири, но морской бриз очень нужен слабеющему с возрастом здоровью.

Дома Каштанов, как всегда, сел на диван и включил телевизор. Через некоторое время жена позвала ужинать. После плова Родолена подала на десерт сладкое из льняного семени и сахара. Поджарила семя, залила сахарным сиропом. Получилось очень вкусно. Родолена смотрела, как Сергей насыщался.

— Серёжа, не знаю, как тебе сказать.

Каштанов расслабленно улыбнулся:

— Как-нибудь скажи.

— Нам, похоже, надо будет в отпуск съездить на Канарские острова.

Каштанов присвистнул:

— А что так далеко?

— Ты не думай, у меня нет желания изображать из себя новую русскую. Просто на Канарских островах растёт драконово дерево. Очень редкое и необычное. А у меня… У меня срок жизни к концу подходит. Я тебе не говорила. В последнее время я стала сильно слабеть. И недавно списалась с ботаником Николо. А он в письме сказал, что женщины-растения живут пятнадцать лет. И помочь мне, похоже, может только драконово дерево. Его смола. Только она способна немного продлить мне жизнь. Дело в том, что когда-то изначально родоленовые кусты росли рядом с драконовыми деревьями. То ли корни соприкасались, то ли что, но драконово дерево словно подпитывало наши жизни. Своеобразный симбиоз. Правда, деревья эти очень редкие, и растут только в нескольких местах.

Каштанов клял себя. Ведь видел, что с женой неладно. И что кожа её приобрела серый оттенок, видел. И что утомляться она стала часто. Списывал это на её работу в университете. Скрыл тревогу, улыбнулся:

— А сколько этих Канарских островов?

— Семь. Фуэртевентура, Гран Канария, Йерро, Ла Гомера, Ла Пальма, Лансароте и Тенерифе. Вот на Тенерифе нам с тобой и надо будет поехать.

— А почему именно туда?

Там есть город — Икод де Лос Винос. А в нём — очень старое драконово дерево.

Сергей сладко потянулся:

— А море там хорошее?

— Там Атлантический океан.

— Ну, если океан — тогда поедем.

— Спасибо.

— Пока не за что.

Пришло время отпуска. Началось привычное оформление туристической путёвки.

Каштановы прилетели на Тенерифе. Разместились в отеле.

В ближайшее свободное время пошли искать это дерево.

Родолена спасалась от солнца широкополой шляпой.

Дерево и вправду было величаво. В высоту около двадцати метров. Его крона была похожа на огромную шляпу гриба. Или на зонт. Но ствол в диаметре достигал четырёх метров. Листья кожистые, острые, до шестидесяти сантиметров в длину и около четырёх сантиметров в ширину.

— Эти деревья могут доживать до пяти тысяч лет, — сказала Родолена.

Она подошла и взяла в металлический стаканчик смолы. Смола была красного цвета.

— Кровь дракона, — улыбнулась Родолена.

— Теперь твоя жизнь продлится до пяти тысяч лет, — улыбнулся Каштанов.

— Если бы. Дай Бог ещё лет пять протянуть. Это обычный человек может до ста двадцати лет дожить. И не доживает он только потому, что злоупотребляет алкоголем, табаком, да и экология оставляет желать лучшего. А возраст женщин-растений ещё никто не мог продлить. Пятнадцать лет и всё. Я попытаюсь поставить на себе эксперимент — может, кровь дракона сумеет помочь.

Она погладила дерево.

— Теперь, Серёжа, когда я сгорю, моё зерно тебе придётся вначале окунать в смолу, а уже потом поливать. Посмотрим, на сколько её хватит.

Они прошли в относительно безлюдное место, где было несколько пальм.

Родолена помазала этой смолой за ушами, потом запястья и в районе горла. Её лицо и руки сразу порозовели.

Но вдруг Родолена запрокинула голову назад и стала содрогаться. Она сжала пальцами виски. Какое-то время женщина стояла, раскачиваясь. И внезапно отделилась от земли. Как будто стала очень лёгкой. Она летела по воздуху. Шляпа свалилась с головы. Родолена была уже на уровне вершины кроны. Но она успела схватиться за пальмовый лист и зависла в воздухе.

Ветер был довольно лёгким. В Родолене будто бы не стало веса.

Каштанов стоял у пальмы и не знал, чем помочь. Почему-то у жены пропал голос. Она умоляюще смотрела. Держась одной рукой за пальму, пыталась жестикулировать другой. Каштанов влез по стволу метра на два. И Родолена сама, перехватываясь, попыталась спуститься вниз. Так они продвигались друг к другу, а когда сблизились, Сергей схватил руку Родолены и осторожно начал спускаться. Оказавшись на земле, обнял совершенно невесомую жену.

— Что случилось? Чем помочь? — бормотал он.

— Сейчас пройдёт, — прошептала Родолена.

Она начала постепенно тяжелеть, пока не приобрела более или менее нормальный вес.

— Видимо, сила драконова дерева входит таким образом. Спасибо, Серёжа, что поймал меня. А то бы улетела твоя жена в дальние края.

— Ты сама успела зацепиться за пальму.

— Зацепиться-то успела, а до земли могла не добраться.

Родолена глубоко вздохнула:

— Теперь буду знать, что после нанесения на тело смолы я примерно на полчаса становлюсь легче древесного семечка. Значит, это надо делать только дома.

Глава 19. СНЕГИРЬ

Начальник отдела Каштанов устало потёр глаза, отвлёкся от компьютера, встал и посмотрел в окно. Перед управлением росло пять лиственниц. И на одной из них полыхал красной грудью снегирь. Он что-то щебетал увлечённо и активно. Говорил: «Фью-фью». При этом смотрел прямо на Каштанова.

Было начало марта. В марте, вообще-то, снегири улетают в лес на гнездовые участки. А этот словно хотел о чём-то предупредить.

Ещё держался снег, но что-то чувствовалось. Когда Сергей после работы вышел на улицу, воздух ему показался уже весенним. Каштанов машинально посмотрел на лиственницу и очень удивился.

Снегирь не улетел. Он спустился на нижние ветви, смотрел на Сергея и опять что-то увлечённо насвистывал. Словно предупреждал о чём-то.

И тут зазвонил сотовый телефон. Каштанов взял его и услышал голос, который пятнадцать лет назад грезился ему во сне. Этой женщине он посвящал стихи. Её звали Анжелика.

— Здравствуй!

— Здравствуй!

— Не узнал, что ли?

— Узнал.

— И что?

— А что?

— Встречаться-то будем или нет?

— Давай встретимся.

— Что-то радости в голосе не слышу.

— У меня многое изменилось.

— И всё-таки?

— Давай увидимся.

— Где, когда?

Сергей был взволнован. Жизнь отладилась. И тут снова эти переживания. Но он уже был не тот, что прежде. Родолена за полтора десятка лет настолько властно вошла в их совместную жизнь, что расставаться с ней никакого желания и возникнуть не могло. Каштанов начал прокручивать в голове все перипетии своих отношений с Анжеликой. Это было время, когда молодой поэт Сергей Каштанов блистал на городских конкурсах поэзии и безумно любил Анжелику. Отношения были очень бурными. Они ссорились, мирились…

У Сергея Каштанова была очень характерная черта. Он всегда все свои дела доводил до конца.

Каштанов выбрал кафе неподалёку от своего дома. Оно было в итальянском стиле.

Она опоздала всего на пять минут. За это время Родолена успела позвонить Каштанову. Он пригласил её в это же самое кафе, предполагая, что долго в нём не задержится. Годы Анжелику почти не изменили. Тёмно-русые волосы, золотистого цвета глаза, чуть вздёрнутый нос, правильный драконий рот. Каштанов поднялся, снял с неё пальто. Она внимательно его осмотрела, с головы до пят, улыбнулась:

— Ты хорошо выглядишь.

— Да. Думаю, что да.

— На прежнем месте? Инженером?

— Начальником отдела. А ты как живёшь?

— Живу. Работаю менеджером. Ты женат?

— Да. А ты?

— Я свободна. Точнее — в разводе. А у тебя — кто она?

— Преподаёт ботанические предметы в университете. Ассистент.

— Дети есть?

— Нет.

— А тебя возраст не тревожит?

— Человек рождается и умирает один. Может — потом когда-нибудь. А у тебя дети есть?

— Дочка. Она родилась через полгода после того, как мы расстались.

— От твоего бывшего мужа?

— Носит его фамилию, но похожа на тебя. Я генетическую экспертизу не проводила. А ты счастлив?

— Как никто на свете. Моя жена сейчас подойдёт.

И Родолена подошла. Они познакомились, поговорили очень короткое время. Женщины оценили друг друга, и Родолена пошла домой.

Анжелика прищурилась ей вслед.

— И ты на ней женат и любишь её?

— Да.

— Но ведь она… Она как растение. Такое ощущение, что у неё нет своего мнения совсем. Она растворилась в тебе.

— Ну и что? Это и есть любовь.

— Для тебя это любовь? Твоя Родолена — без бутылки такое имя не выговоришь — она никакая. Она несвободна.

— А что такое — свобода? Родолена может уйти от меня, когда ей вздумается. Но сомневаюсь, что уйдёт. Ей со мной хорошо. А мне — с ней.

— Ты всегда отличался эгоизмом.

— А ты вспомни, как мы расставались. Я предлагал тебе выйти за меня замуж, а ты говорила…

— Это было давно.

— Ты говорила мне, что пыталась меня полюбить. Дважды. Не смогла. Что ты хочешь от меня? Мне пришлось выкинуть тебя из сердца.

— Чтобы впустить туда это растение?

— Ты так говоришь, потому что тебе нечего сказать. Родолена прекрасна. И я очень счастлив.

— Раньше ты приглашал меня домой.

— Я могу тебя пригласить и сейчас к нам домой. Но будешь ли ты счастлива? Мы создали свой мир. Нам вдвоём в нём хорошо.

— Нет, пожалуй, не стоит. Мой телефон у тебя определился. Звони.

— Тогда прощай.

Каштанов подозвал официанта, рассчитался за обоих, поднялся и вышел.

Дома он снял пальто и прошёл на кухню.

Родолена задумчиво смотрела в окно. На дереве горделиво сидел снегирь.

— Сегодня я зашла на кафедру, но тихо. И услышала, как наши кафедральные дамы говорят о тебе.

— Обо мне?

— О тебе. «Такой красивый седеющий мужчина. И что он в ней нашёл?»

Каштанов подошёл к окну, обнял Родолену за плечи и поцеловал в затылок.

— Это правда. И что я в тебе нашёл?

— Смотри, Серёжа! Он прощается.

— Кто?

— Снегирь.

— Это ты его позвала?

Родолена помолчала, потом сказала загадочную фразу:

— Птицы очень мудры.

Форточка была открыта. Снегирь протяжно пропел: «Дию» и улетел.

Глава 20. ЧЕТВЁРТАЯ СВАДЬБА

— Ты не хочешь сходить со мной на свадьбу? — спросил Каштанов, когда вечером они с Родоленой расположились у телевизора.

— На какую? — улыбнулась Родолена.

— Друг у меня в очередной раз женится. В четвёртый.

— А кто он?

— Он врач. Я тебе о нём не говорил. Потому что он как-то много лет не появлялся на горизонте.

— Любопытно.

Лет до тридцати, до знакомства с Родоленой, у Каштанова было два друга. Он был тогда бедным инженером, и друзья его особым богатством тоже не отличались. Потом Сергея повысили до начальника отдела. А до этого он встретил Родолену, и его жизнь полностью изменилась.

Каштанов никогда особенно не нуждался в мужской дружбе. Он нуждался постоянно в любимой женщине, которая была бы и женой, и сестрой, и матерью, и другом.

Каштанов не был очень уж честолюбивым человеком. Он был, скорее, рабочей лошадкой. Если по работе приходили какие-то грамоты или благодарности, Сергей воспринимал это иронично. Однако всегда им радовался, полагая, что зря государство награждать не будет. А счастливый случай может и не повториться.

Честолюбие проявлялось, когда он следил за регулярностью публикаций своих статей. Но работа его отдела была преимущественно производственная, и научные статьи выходили редко. На них у Каштанова не всегда хватало времени.

Ему приходилась всё время контролировать своё давление, ибо склонность к гипертонии, особенно в последние годы, была очень выражена.

Друзья были очень разными людьми, периодически встречались, сбрасывались, покупали пива или чего покрепче. Особой привязанности между ними не было, но всё-таки что-то сближало эту троицу — инженера Каштанова, пропойцу-художника и врача.

Весьма пьющий художник не так часто появлялся на горизонте. Он жил в Академгородке, а туда Каштанов ездил редко. Только в том случае, если надо было, говоря по-простому, оторваться. Через несколько лет художник умер от цирроза печени, и Каштанову на память остался портрет. Художник изобразил Сергея в молодые годы.

С врачом они встречались чаще. Тот был интеллигентным человеком. Звали его Евгений. Познакомились они в студенческой туристической поездке. В город Бишкек.

Когда вернулись, Каштанов помогал ему выносить из квартиры старую мебель, ибо тот решил сменить обстановку.

Впоследствии он регулярно звал Каштанова на свои свадьбы. Сергей приходил. Евгений любил розы.

Каштанов гулял у него на трёх свадьбах. Брал гитару и пел под неё. Он гулял у Жени не только на свадьбах, но и на презентациях — открытиях кафе. Одно время тот занимался пищевым бизнесом.

Это были весёлые праздники. Гости отрывались по полной программе.

Потом стали появляться явно заказные статьи, в которых то неизвестный клиент писал, что кулебяка в кафе была с червями, то ещё какие-то голословные обвинения предъявлялись. Женю это потрясло, он свернул бизнес, тем более, что тот не был особо прибыльным. И занялся своим основным делом — лечением людей. Каштанов ещё раз помог ему: надо было очистить от мусора здание, намеченное Евгением под частную клинику за городом. Но и клиника особого дохода не приносила, Женя перевёл клинику в город, поменял её профиль, и только после этого дела стали налаживаться. Он пропадал на долгое время, потом снова звонил.

Сергею стало неудобно, что не позвал Женю на свою свадьбу с Родоленой. Но ведь и свадьбы как таковой не было. Просто посидели тогда вдвоём в кафе.

Каштановы долго обсуждали, какой бы Жене сделать подарок. Сошлись на том, что розы купят обязательно. Но хотелось сделать что-то необычное.

— Я знаю, — сказала Родолена. — Ты спой какую-нибудь из своих божественных песен.

— Б-р-р.

— Не б-р-р, а спой. И не романс, а что-нибудь одновременно мелодичное и с быстрым ритмом. Чтобы я могла бы станцевать под неё и сделать сюрприз гостям.

— Я никогда не видел тебя танцующей.

— Да я и сама не пробовала. Но ритмы какие-то появились, они внутри меня, и осталось только сделать рисунок танца.

— А какой сюрприз ты хочешь приготовить?

— Не знаю точно, но что-нибудь придумаю. Только сделай песню, какую я прошу.

Легко сказать — сделай. Раньше над песнями Каштанов работал подолгу. Но тут, как ни странно, песня появилась быстро. Часа за два.

В назначенное время Каштанов с женой пришли в кафе «Медведь».

В своём зелёном шёлковом платье Родолена сияла.

Дородный тамада лет тридцати пяти вёл программу. Сценарий был как на обычной свадьбе. Произносились тосты за молодых, за родителей и так далее. Очередь дошла до Каштанова и Родолены.

Сергей взял гитару, а Родолена вышла на середину зала. Каштa-

нов запел. Куплеты были медленными, а припевы — очень быстрыми, ритмичными.

Под первый куплет Родолена пошла плясать. Пока медленно. А когда пошёл быстрый припев, Родолена внезапно превратилась в апельсиновое дерево. Она кружилась вокруг своей оси, а на тарелки гостям посыпались спелые апельсины. Обалдевшие гости наградили выступающих бурными аплодисментами.

Потом она опять обернулась в человека, движенья снова стали медленными. Но вот под припев она превратилась в яблоню, и спелые красно-жёлтые яблоки падали на тарелки.

Завершила свой танец, став грушей, и в тарелках заблагоухали ароматом свежие «конференции». Это был совершенно фантастический номер. Гости сидели, раскрыв от изумления рты.

— Как вы это делаете? — в десятый раз вопрошал между номерами тамада. — Умоляю, давайте обменяемся сотовыми телефонами.

Наступило время прощания.

— Старик, ну я в полном отпаде. Это было волшебно, — говорил Евгений. Его молодая жена с пожирающим любопытством смотрела на Каштановых. — Ты приходи в гости. А то всё как-то некогда.

— Да мы заглянем, заглянем, — успокаивал его Каштанов, помогая Родолене надеть плащ.

Они шли по осеннему вечернему городу. Родолена загадочно улыбалась:

— Серёжа, а может, плюнуть нам на нашу работу, пойти в искусство? От желающих ведь отбою не будет. Только таксу установить чёткую. Миллионерами станем.

Каштанов погладил её по волосам.

— А сил у тебя на это дело хватит?

Родолена грустно вздохнула.

— К сожалению, сил-то как раз в обрез.

Глава 21. НИКОЛО

Родолена слабела. Кожа приобрела сероватый оттенок. Женщина пудрилась, пользовалась косметикой. Однажды она сказала:

— Надо позвонить Николо. Может, что-то посоветует. Хотя вряд ли. Но это единственный выход.

— У тебя есть его номер телефона.

Родолена позвонила. Николо ответил. Он был уже стар. Давно переехал с Мадагаскара в Рим. В его тоне не было ни удивления, ни сострадания.

Можно было попросить Николо сделать приглашение, но этого не захотела Родолена. Поэтому Каштановы взяли тур в Италию и начали оформлять документы.

Вечером «газель» увозила Каштановых в Новосибирск. А потом — перелёт Новосибирск – Москва – Рим. Аэропорт Фьюмичино. В столице Италии Родолена и Сергей сняли номера в недорогом отеле.

Была середина апреля.

Каштановы гуляли в парках Вилла Торлония, Вилла Боргезе. Сфотографировались у памятника Пушкину. Родолена созвонилась с Николо. Она говорила по-итальянски. Он назначил встречу.

Николо был седой человек с большой лысиной, идущей ото лба, глубокими морщинами и двумя бородавками на правой щеке. Но выглядел не стариком, а пожилым мужчиной. В глазах сверкал огонь.

Он долго смотрел на Родолену, потом попросил показать ему руку. Родолена протянула ему ладонь. Николо внимательно посмотрел на кожу и ногти. Потом глянул на лицо, очень внимательно посмотрел в глаза, потрогал щёку Родолены. Криво усмехнулся:

— Когда вы последний раз сгорали и возрождались?

— Две недели назад.

— Удивительно, что возродились. Я изучаю женщин-растений пятьдесят пять лет. Вам осталось жить месяца два. Благодарите своего мужа. Он очень хорошо заботится о вас. Следующее сгорание будет последним. После него вы не возродитесь. Вам всё понятно?

— Да.

Родолена ни единым вздохом не выдала своё настроение.

— Я вам предлагал, когда вы были молоды. Вы и сейчас не стары, но это по человеческим меркам. Срок жизни женщин-растений пятнадцать лет. Правда, и тогда вам пришлось бы пожертвовать жизнью, вернее, существованием. Но вы дали бы жизнь новому кусту. Что ж, вы протянули двадцать лет. В российском паспорте вас оформили двадцатилетней. Вам повезло. Когда-то вы были самым лучшим моим экземпляром. Зерно было очень крупное. Эх, если бы его по ошибке не услали в Сибирь. В той партии было ещё одно зерно. Менее крупное. Пришлось его посеять через пять лет. Самый здоровый возраст. Следующий куст был более пышным. Кстати, можете познакомиться. Долли, зайди ко мне, голубушка! Между прочим, это ваша, как бы сказать… племянница.

Вошла черноволосая девушка в джинсах и белой блузке. Каштановы поразились. Она была похожа на Родолену, как родная дочь.

— Долли Наро. Прошу любить и жаловать, как у вас в России говорят. Её способности очень похожи на ваши, Родолена. В растениях разбирается, как никто. Кстати — пишет диссертацию. После вас, Родолена, это моя самая большая удача.

Родолена усмехнулась. Николо сел за стол.

— Николо, вы по-прежнему хотите подавать на Нобелевскую премию?

— Не знаю. Я становлюсь стар. А к старости исчезает честолюбие.

— Из этой девушки вы тоже планируете сделать куст?

— Тоже не знаю. Скажу по секрету, предпочёл бы из кого-то другого. К ней я привык. Как к родной дочери. Она называет меня отцом.

— Вот так же и я привыкла к Серёже. А вы подсылали ко мне Джованни.

— К сожалению, наука не оперирует такими терминами как «любовь» и «дружба». И эту науку надо было развивать. У меня тогда хватило ума отозвать Джованни. Кстати, я отдаю должное вашей придумке с собачьими волосами. С ними пришлось повозиться. Впустую.

— Скажите, Николо, а вам известна такая женщина — Аньелла Дор?

Старик замолчал, потёр мочку правого уха. Потом неторопливо встал, подошёл к шкафу и вынул из него небольшую розовую папку с материалами. На папке было написано «Аньелла Дор». Николо подал папку Родолене, потом спросил:

— Вы нашли о ней какие-то сведения?

— В пределах старых газет и афиши. Какая была её дальнейшая судьба?

— У неё была печальная судьба, если такую судьбу можно назвать печальной. Она была печальна с точки зрения обывателя. А с точки зрения учёного и вклада в науку — судьба Аньеллы Дор счастливая. В папке вырезки из газет тех лет. Одно время собирал. Я догадывался, что она могла гастролировать в вашем городе в конце девятнадцатого века. Кажется, это был тысяча восемьсот девяносто второй год?

— Да.

— После гастролей в вашем городе она дала ещё два или три концерта и уехала в Европу вместе со своим мужем Александром Ореховым. Неведомо, откуда взялось её зерно в России. Попало оно к этому самому Орехову. Он был всю жизнь циркачом. Вначале униформистом — обслуживал арену во время представлений. Судя по всему, она превратилась в женщину во время дождя. А когда Орехов с ней познакомился и пообщался, то понял, какое сокровище ему досталось. Почему она назвалась Анной Дуровой, я не знаю. Видимо, какие-то манипуляции с документами.

И старик очень внимательно посмотрел на Родолену. Она ненадолго покраснела, потом улыбнулась. Николо продолжил:

— Свой цирк он бросил. Анна Дурова стала Аньеллой Дор, и они начали самостоятельные гастроли. Я не знаю, любил он её или нет. Видимо, любил, раз они поженились. Но работала она как каторжная. Время между циклами сгорания и возрождения, как вы знаете, три месяца. Ну, плюс один-два дня. Бедняжка иногда сгорала и возрождалась три-четыре дня подряд. Огромная трата сил. Но деньги

они сэкономили. Она не давала ему пить и всю бухгалтерию держала под строгим контролем. Однако весь свой потенциал Аньелла израсходовала года в два. Когда они приехали в ваш город, её силы оказались на пределе. По окончании гастролей они уехали в Ниццу. Деньги-то были — здоровья не было. У Аньеллы. Она купалась в море, обедала с Ореховым в дорогих ресторанах… Ничего не помогло. Аньелла, видимо, почувствовала, что может не возродиться, и уговорила своего мужа посадить зерно. Только не в Ницце, а в другом городке, неподалёку от Монако. К счастью, там жил мой дед.

— И Орехов согласился?

— Она болела. Аньелла вообще могла не дать никакого куста. Но у ней был ещё один — последний цикл. И куст появился! Этот куст даёт очень красивые, бирюзово-лиловые большие цветы. Но всего один или два. Через несколько дней цветы опадают, а куст в этот же год засыхает и гибнет. Но семена, драгоценные изумрудные семена, дающие женщин-растений, они есть. Вот, смотрите. Это ваш куст, куст, который вы, Родолена, могли бы дать, если бы согласились.

Николо показал цветную фотографию цветущего куста, действительно очень красивого. Старик разволновался, отхлебнул чаю из чашки, принесённой Долли. Родолена посмотрела снимок, но осталась равнодушной. Только спросила:

— А какая судьба была у Александра Орехова?

— Очень грустная. Он пропил и проиграл в казино все деньги, которые Аньелла заработала. Ходят слухи, что на последние монеты купил бутылку вина и револьвер. Заказал яхту и, выпив вино, покончил с собой в море.

Глава 22. ДОЛЛИ НАРО

Николо помолчал и спросил:

— Куда вы поедете дальше?

— Заедем в Венецию, Верону и Милан, а потом — во Францию с заездом в Монако.

— То есть в Ницце вы остановитесь?

— Да, с двумя ночёвками.

— У меня к вам будет одно необычное дело. Но, зная вашу тонкость, Родолена, я хотел бы вас попросить. Дело в следующем. В Ницце находится призрак Аньеллы Дор.

Родолена до крайности удивилась.

— Но ведь она не кончала с собой. Какой смысл призраку маяться на этой земле? Скорей, это призрак Александра Орехова должен был остаться. Он ведь, как вы сказали, покончил самоубийством.

— Призрак Орехова мог находиться на этой земле, пока не настало время его естественной смерти, если бы он не покончил с собой.

Это наказание для самоубийц — они возвращаются на дожитие, либо находятся это время в виде призрака. Но почему-то призраком стала Аньелла Дор, а она этого, согласитесь, не заслужила. Возможно, решили, что её частые циклы и есть самоубийство, но тогда почему по прошествии более ста лет её душа ещё на земле…

— А что я должна сделать?

— Да просто поговорить с девочкой. Если сумеете — помочь. Если нет — так нет. Когда я был в Ницце, то видел её. Но она не стала со мной разговаривать. А я хотел помочь. Может быть, её душа зацепилась за жизненный цикл какого-то растения. Такое бывает, но крайне редко. Она крутится у побережья. Давайте я вам на бумаге нарисую.

Николо нарисовал. Родолена задумчиво сказала:

— В нашем городе я однажды видела Аньеллу Дор, прислонившись к старой липе. Помнишь, Серёжа?

Каштанов утвердительно кивнул. Николо улыбнулся.

— Это не призрак. Это всего лишь память старой липы. Энергетические наслоения. А в Ницце — настоящий призрак.

Долли показала Родолене и Сергею теплицы и цветы в них. Родолена и Долли вернулись и отошли в другую часть комнаты. Повсюду стояли шкафы с книгами и горшки с цветами. Женщины пристально смотрели друг на друга. Долли спросила:

— Так вы из России?

— Да.

— Никогда там не была.

— Я в Италии тоже в первый раз.

— Как у вас хватило смелости отказаться от предложения Николо?

— Я не хотела превращаться в куст. И потом — любовь. Любовь выше науки, Долли. Любовь вообще — выше всего. Но за неё и платить приходится очень высоко.

— Я могу вам чем-то помочь?

— Вряд ли. Я хочу только пожелать вам найти свою любовь.

— Я не знаю, что это такое.

— Если суждено, узнаете. Прощайте.

— Прощайте.

И Каштановы ушли. Какое-то время Долли сидела на стуле, задумавшись. Вдруг вскочила, забежала в свою комнату, а потом помчалась им вслед.

К счастью они далеко не отошли. Сергей и Родолена сидели на лавке под сосной в своей излюбленной позе. Родолена положила голову ему на плечо, а он обнял её левой рукой, а в правой держал её ладони и грел их, перебирая пальцы.

Долли подошла к ним и сказала, чуть запыхавшись:

— Возможно, мы не увидимся. Вот, возьмите в подарок.

И подала красивый золотисто-розовый платок с изображением Колизея. Родолена посмотрела на неё своими изумрудными глазами и взяла подарок.

— Спасибо, Долли! Мне он будет напоминать об Италии. Что же вам подарить? Головного убора я не взяла. Платка у меня тоже нет. Может быть, это…

Родолена достала из сумочки маленькую книгу. Стихи Вознесенского.

— Не знаю — понравится ли вам. Для этого надо изучить русский язык. Хотя у него, я думаю, были переводы на итальянский. Мои руки мёрзнут просто кошмарно. Серёжа согревает меня почти двадцать лет. Ваш отец всё-таки подумал обо мне косо.

— А вам самой не понадобится эта книга?

— Мне жить осталось не очень долго. Мы в Риме ещё будем два дня. Съездим на кладбище Тестаччо, сходим в Ватикан. Хочу посмотреть собор святого Петра. Итальянцы — добрый народ.

— Я никогда не видела призраков.

— Знаете, Долли, я тоже. Надеюсь, Аньелла не страшная.

— Скажите, а у вас нет сожаления, что жизнь так быстро пролетела?

— Есть, конечно. Но, Долли, я все двадцать лет прожила, как один день.

Каштанов сказал первую фразу за время знакомства:

— Мы очень бережно относились друг к другу. Ни разу не поссорились. Мы ловили каждое дыхание друг друга, как награду.

— Поверьте, Долли, это правда. Я не отказалась бы ни от одной минуты. После меня останутся научные статьи в журналах, куча всяких женских тряпок и много домашних цветов. Да и что такое смерть в нашем с вами понимании? Пустая зелёная оболочка от зёрнышка?

Они очень тепло попрощались. Когда Каштановы сидели в кафе у Колизея, пили красное вино и ели пиццу с морепродуктами, Родолена грустно произнесла:

— Ну, вот и всё. Помнишь, когда-то в Париже мы не знали ничего. А теперь всё абсолютно ясно. Хоть я и бодрилась в разговоре с Долли, на самом деле — очень тяжело.

И Родолена стёрла слезу с лица Каштанова. Хотя у самой глаза были полны слёз.

Каштановы съездили в Милан с готическим собором Дуомо. Побывали в изящной Вероне с домом Джульетты. Погуляли по мостам и улочкам Венеции, поплавали на гондоле. Купили сувениры в магазинчиках на мосту Риальто.

В княжестве Монако супруги не пошли в казино, долго осматривали парки и сады.

В розарии Принцессы Грейс Родолена не выдержала. Ушла из

своей одежды и минут на пять превратилась в розу, потом — в другую. Это было волшебное зрелище. Родолена осмотрела розарий, ныряя в землю, видоизменяясь в цветы. Цветов было множество. Розы необыкновенной красоты и ароматов. Каштанов улыбался, потому что узнавал розы, в которые превращалась жена. Они были весьма необычны. В них мелькало лицо Родолены.

Поплавав среди цветов, Родолена аккуратно обернулась человеком, точно войдя в свою одежду.

— Ах, это необыкновенно! Я превращалась последовательно в несколько десятков кустов роз, а их тысячи. Спасибо, Серёжа, за этот царский подарок. На свою зарплату ассистента я бы никогда не смогла сюда приехать.

Каштанов улыбнулся:

— В платке, который подарила Долли, ты сама напоминаешь розу.

— Долли умница. Кстати, она тоже может научиться превращаться в цветы. Если уже этому не научилась.

— Экзотические кактусы пойдём смотреть?

— А времени хватит? Когда на автобус?

— Должно хватить.

— Только в кактусы я превращаться не буду.

Глава 23. ПРИЗРАК УСЫХАЮЩЕЙ СОСНЫ

После Монако была Ницца.

Удивительный, тёплый город. Цветущие малиновым цветом олеандры. Бирюзовая морская вода. Открыточный отель «Негреско». Английская набережная.

Они пошли по берегу моря, поднялись на Замковый холм. Шли, словно по спирали. Повсюду росли деревья и цветы.

Одна сосна была пожелтевшей. Возле неё Родолена сказала Сергею:

— Вот здесь надо караулить призрак Аньеллы Дор. Придётся эту ночь не ложиться спать.

— Но хотя бы сейчас-то мы пойдём и вздремнём? Ещё день белый.

— Да, часов до одиннадцати вечера можно.

Они действительно вздремнули в номере отеля.

Стемнело. Сергей и Родолена вышли из отеля и направились к холму. Поднялись на него. Обнявшись, сидели на лавке. Прошло около трёх часов.

Родолена задрожала:

— Серёжа, вон она!

У сосны показалась синеватая тень. Она походила на сгусток воздуха. Чем дольше Родолена и Сергей всматривались в ночную Ниц-

цу, тем отчётливей была видна фигурка в платье девятнадцатого века и лёгкой шляпке.

— Аньелла! — негромко позвала её Родолена.

Фигурка вздрогнула, посмотрела на Каштановых, но убегать или исчезать не стала. Наоборот, подошла, вернее, подплыла к ним.

— Кто вы?

— Туристы.

— Тембр голоса. У женщин-растений особый тембр голоса…

У неё самой был странный, глуховатый голос.

— Здравствуйте, Аньелла!

— Здравствуйте! Как вас зовут?

— Родолена.

— А мужчину с вами? Как он похож на Сашу!..

— Сергей, — представился Каштанов.

— Откуда вы обо мне узнали?

— От Николо.

— Неприятный человек. Я видела его лет сорок назад.

— Сейчас он старик.

— Что вам от меня нужно?

— Поговорить.

— Времени много. Спрашивайте. Я не стала бы к вам подходить, если бы не узнала в вас мою пра-пра-правнучку.

Лёгкая Аньелла села напротив них на цветок. Родолена взволнованно спросила:

— Что с вами случилось, когда вы сгорели?

— Вы ведь тоже скоро сгорите, так? Я это чувствую по вашему голосу и по виду. И сгорите вы навсегда. Бедный Серж. Он вас любит. Не повторите моей ошибки. Всё очень просто. Когда мне стало совсем худо, перед сгоранием, — я обняла эту сосну. Ослабела и обхватила дерево. И частично перешла в неё. Моя душа стала частью души сосны. А сосна живёт и двести, и триста лет. И теперь я призрак этой усыхающей сосны. Скоро она совсем пожелтеет. Саша поднял зёрнышко и посадил там, где я просила. А моя душа расщепилась. Часть её ушла в зерно, часть — осталась здесь. И крутиться мне тут ещё несколько лет, пока с сосны не опадёт хвоя, и она не будет считаться погибшей. А что со мной потом будет — я не знаю.

— Орехов застрелился?

Аньелла засмеялась и отрицательно помотала головой:

— Нет. Это всё слухи. Он потом приехал сюда. Видите ли, за мной оставили право, вернее, возможность заходить в сны. Я воспользовалась этой возможностью — и вошла в сон к Александру. Чувствовала, что он спивается и может плохо кончить.

— И он приехал?

— Приехал сразу же. И целых пятьдесят два года приходил ко

мне. В последние годы был старенький совсем. Умер сразу после Второй мировой войны. В год её окончания.

— И всё это время он приходил к вам?

— Раза четыре в неделю. Когда я умерла — будем говорить так — ему было тридцать лет. Хотя состояние моё он порастратил. А жить без меня не мог. Семьи так и не завёл. Любовницы у него были, конечно. Хотя со временем он переключился на ночной образ жизни. Ночью мы общались. Его считали здесь за тихого помешанного. Ему было всё равно. Мне, если честно, тоже. Время было сами знаете какое. Революции, две мировые войны… И мы говорили, говорили обо всём. Я только после смерти оценила его любовь. Её силу. Я выходила с ночи до рассвета. Обнять он меня не мог. Мы придумали особые ласки. Хотя моё прикосновение — это как лёгкий порыв ветерка.

— И вам никогда не было тяжело?

— Конечно, было. Я тосковала по цирку. Хотя мой номер не советую повторять никому. Я полностью сорвала себе здоровье.

— А после Александра?

— Тут рядом интересное кладбище. Герцен, родственники Гарибальди. Кое-кто в виде призраков летает. Общения хватает. Дело в том, что душа Саши на земле не осталась. Он был православным, грехов на нём не было. Когда он заболел и уже умирал — навсегда прощаться очень тяжело было. Неизвестно — увидимся или нет. Он хотел застрелиться, отравиться или повеситься, чтобы со мной остаться. Я отговорила. Его могли отправить в тело новорождённого. Хотя — доживать пришлось бы немного. Мы часто обсуждали эту тему. Остались воспоминания. А вы? Вы счастливы?

— Да.

— Пойдёмте спустимся к воде.

Аньелла и Каштановы спустились к морю. Оно было спокойным. Аньелла пробежала по поверхности воды.

— Люблю море. Всегда любила. Вон ракушка большая. Возьмите на память. А то скоро утро. Мне через час уходить.

Каштанов долго думал. У него в голове возник один вопрос к Аньелле. Но для себя Сергей никак не мог его сформулировать. А между тем это был очень важный вопрос, от которого зависела вся его дальнейшая жизнь. Он всматривался в призрак Аньеллы, делая это очень красноречиво. Она время от времени ловила его взгляд, улыбалась, но ничего не говорила.

Разговаривала с ней Родолена. Они долго беседовали. Аньелла задумчиво касалась прозрачной ногой воды. Но вот она взлетела над маленькими волнами.

— С вами хорошо. Мне пора. Прощайте, Серж!

Аньелла Дор помолчала, а потом, глядя ему в глаза, сказала очень отчётливо:

— Серж, если вы любите, то сделаете, как задумали. Родолена, береги его. Он будет тебе нужен всегда. Прощайте!

Аньелла растаяла.

— О чём она говорила? — спросила Родолена.

Каштанов опустил глаза, улыбнулся.

— Серёжа, что ты задумал?

— Ничего плохого.

— Это что ещё за секреты?

Он ласково потрогал носом её щёку. Родолена потянулась губами к его губам. Каштановы медленно пошли в отель. Светало.

Глава 24. ВМЕСТЕ

Сил у Родолены становилось всё меньше и меньше.

Она бодрилась, как могла. Однако два месяца постепенно, но неотвратимо проходили. А между тем по паспорту ей подходил только сороковой год — самый расцвет этих самых сил. Смола драконова дерева больше не помогала.

На работе всё было прекрасно. Наконец-то Родолена стала доцентом — после полутора десятков лет ожидания.

И к Сергею Васильевичу Каштанову подступал юбилей. Даже двойной. Его пятидесятилетие и двадцатилетие совместной жизни с Родоленой. Только настроение у Каштанова было нерадостное. Он видел, что состояние жены неважное, и не знал, как помочь. Слова ботаника Николо сбывались на глазах.

Родолена чувствовала свой возможный конец и была особенно предупредительна к мужу. Старалась приготовить ему еду вкусней, покупала небольшие подарки. Учила, сколько раз надо поливать то или иное растение в комнате.

Только она часто задумывалась. Словно хотела о чём-то его попросить или что-то предложить.

В день их юбилеев, так совпало, готовился бал. Не совсем обычный. На площади, у Белого дома. Участвовать могли все желающие. Жители города любили танцевать.

Родолена умоляюще посмотрела на мужа, и Каштанов согласился. Бал планировался на два часа дня. Была суббота. Праздничный ужин дома они решили провести часов в шесть. Продукты были закуплены.

Родолена вышла на минуту. Каштанов бродил по квартире. Смотрел на цветы. Понюхал душистую герань. Посмотрел в шкафу на платья жены, её плащи, пальто. То, что она скоро может навсегда уйти, было дико. Столько прекрасного наполняло их жизнь.

Родолена долго думала, какое платье надеть. И выбрала свой любимый цвет — нежно-зелёный. В уши вставила любимые серьги с

тремя изумрудами на каждой — подарок мужа. На голову надела золотую диадему. На левую руку — золотой браслет с Фениксом.

Несколько танцев было пройдено. Каштановы танцевали безукоризненно. Казалось, всё пойдёт спокойно. Но после вальса она шепнула:

— Серёжа, мне что-то нехорошо. Похоже — как в песне поётся — пора настала расставаться. Я хочу тебе сказать, что была самой счастливой женщиной на Земле. Потому что у меня был ты. Ты ещё проживёшь долго. Вспоминай иногда обо мне. Зёрнышко можешь сохранить или посадить в парке. Хотя, боюсь, толку будет мало.

Каштанов решился спросить наконец:

— А я смогу сгореть вместе с тобой?

— Не знаю. А зачем тебе это? Я, правда, не знаю.

— Я этого хочу. Я без тебя не смогу жить. Просто не смогу.

— Не надо, Серёжа. Ты должен жить.

— Для кого?

— Для…

Она не договорила. Только быстро спускалась к реке. Подальше от людей. Но когда огромный бал у Белого дома…

Каштанов шёл за ней.

Сергея Васильевича Каштанова никогда раньше не тянуло кинуться в зелёное пламя. Все двадцать лет он просто боялся это делать.

Родолена приподняла длинное платье. Волосы у неё позеленели. Глаза ярко сверкнули, а потом начали покрываться туманом. Каштанов почувствовал, что она вот-вот заполыхает. Он крепко обнял жену, закрыл глаза. Родолена вначале дёрнулась, потом страстно обняла, обвила его, как делала много раз…

Они вспыхнули вдвоём на глазах огромного количества изумлённого народа. Зелёное пламя погорело минуты две и погасло. И не стало ни Родолены, ни Сергея Каштановых…

Огромный зал. Абсолютно голые, блестяще-зелёные стены. На зелёном полу лежали мужчина и женщина в бальных костюмах. Они не двигались, не дышали, но так сильно обнимали друг друга, что казалось — объятия не смогут разомкнуться никогда.

Возле них возникли две фигуры. Белая и чёрная. Может, это были ангел-хранитель и демон-искуситель. Демон заговорил первый:

— Ну и что мне прикажете с ними делать? Всё было замечательно продумано. Она сгорает и умирает. Всё по правилам. Женщины-растения долго не живут. Он живёт ещё лет тридцать или чуть больше (у его матери хорошие гены). Садит зерно в землю. Поливает его водой и слезами. Оно, естественно, не всходит. Он весь уходит в работу, стареет, болеет и умирает.

— Что-то вы набросали какой-то печальный сценарий.

— Отнюдь. Можно придумать и другой. Она сгорает и умирает.

Он покупает водку и начинается медленное падение в пропасть. На работе долго терпят, потом, после трёх-четырёх предупреждений и нескольких выговоров, его увольняют. Он пропивает всё что можно, квартиру, счёт в банке и… опять-таки финита ля комедия. Или, погоревав, сходится с этой своей бывшей, как её, с Анжеликой.

— А он предпочёл пожертвовать остатками своей жизни ради того, чтобы продлить жизнь любимой.

— И как теперь поступить? Во-первых, отныне и до конца своих дней они будут сгорать и возрождаться вместе из одного зерна. Где бы они ни были, каждые три месяца своей совместной жизни Каштановы обречены обняться и сгореть. Во-вторых, кто, позвольте спросить, их, то есть это зерно, будет поливать? В-третьих, а если они поссорятся? Я не знаю, сколько эти Каштановы вместе протянут, лет пятнадцать, наверное. Но в случае ссоры жизнь у них обещает быть тяжёлой. Я даже не знаю, куда забросить зерно. То ли им самим перед сгоранием намачивать тряпку и превращаться в зерно на ней. Чтобы на ней же и возрождаться от влаги. То ли подбросить его этому сумасшедшему ботанику, чтобы он довёл их до конца. Тем более, что если раньше из зерна получались только женщины, то теперь есть вероятность появления мужчины.

— Вряд ли они поссорятся, если за двадцать лет не поссорились. Сомневаюсь насчёт ботаника. Он может придумать какую-нибудь каверзу. Скажем, будет держать их по три месяца в разлуке, а потом после сгорания опять разлучать. А им друг без друга тяжело. У них совпадение характеров на девяносто процентов. Я посмотрел гороскопы. Каштанов сделал всё правильно.

Чёрный брезгливо нагнулся и отвернул рукав и бальную перчатку на руке Родолены. Постучал пальцем ниже и выше локтя в нескольких местах. Ухмыльнулся.

— Парротия персидская.

— Что, позвольте?

— Она перед сгоранием превратила свои объятия в железное дерево. На всякий случай. Сомневалась, волновалась, а так перед уходом сжала благоверного, что он бы и пикнуть не смог.

— Вот это любовь!

— В таком случае, курируйте их до конца. Мне они неинтересны. Растительная жизнь. Ни тебе ссор, ни скандалов, ни грехов. Ариведерчи!

И чёрный исчез. Ангел-хранитель улыбнулся. Он подошёл к Родолене и Сергею.

— Да, таких вещей тебе не понять. По-другому устроен. Но вопросы поставил верно…

Ангел-хранитель появился на квартире Каштановых, намочил зелёную тряпку и расстелил её в ванне. Аккуратно достал изумрудное зёрнышко, положил его на тряпку, улыбнулся чему-то своему и исчез.

Родолена. Вторая жизнь

(Городская сказка о любви)

Глава 1. КАШТАНОВ

— Серёжа, у тебя щетина зелёная — сказала Родолена.

— Что? — не понял Каштанов.

— У тебя щетина на лице зелёная. Ты брился утром вчера, в субботу, а сегодня воскресенье, вечер. Завтра на работу.

Каштанов подошёл к зеркалу. Действительно, щетина, слегка отросшая над верхней губой, на щеках и на подбородке, была зелёной.

Жена Сергея Васильевича Каштанова, женщина-растение Родолена подчинялась своеобразному трёхмесячному ритму, сгорая в зелёном огне, превращаясь в зерно и возрождаясь в человека под влиянием влаги. Они очнулись обнажённые вечером в ванне после того, как сгорели вместе на городском балу. Сергей спас жену во время последнего в её жизни сгорания, подарив ей остаток своей жизни.

Начальник отдела Сергей Васильевич Каштанов был высоким полнеющим мужчиной. Многие годы его сопровождала стрессовая гипертония, которую Каштанов переносил молча, переживая внутри себя. Обычно это вызывалось несправедливыми упрёками начальства. Родолена своего мужа знала великолепно и всегда старалась психологически разгрузить. И лучше накормить.

К своим пятидесяти годам он набрал вес до ста десяти килограммов. Это скрадывалось просторными двубортными костюмами и ростом. К тому же супруга настолько вкусно готовила, что отказаться было практически невозможно. Каштанов родился под знаком Тельца. Это опять-таки не способствовало похуданию. Тельцы бывают и язвенного сложения, но Сергей Васильевич к таковым не относился. Умница жена готовила из продуктов, которые сильную полноту не вызывают, но сидячая работа…

Тогда, в субботу, выйдя из ванны, он сразу заметил у себя отсутствие живота.

— Смотри, Родолена! Я похудел килограммов на двадцать!

— Ага. И ещё, Серёжа, у тебя волосы позеленели.

Каштанов привык, что после возрождений Родолена всегда красит свои ярко-зелёные волосы в золотистый или в тёмно-русый цвет. К тому, что красить волосы придётся и ему, надо было привыкать дополнительно.

— Ерунда, Серёжа. Будем вдвое больше краски брать. У тебя

многое изменится. Ты стал частью растения, половину сил отдал мне — ничего удивительного. Но кое-что у тебя добавится из моих возможностей. А главное — худоба тебе идёт, ты такой красивый!

Каштанов посмотрел на свои ярко-зелёные волосы в зеркало и сказал:

— С таким цветом волос прийти на работу — точно уволят. Или позвонят в Сосновый Бор.

В Сосновом Бору находилась старейшая в городе психолечебница.

А в воскресенье Родолена сказала:

— Ничего. Бог с ней, с зелёной щетиной. Ты побреешься в понедельник утром. А сейчас я схожу куплю краску. Попробую подобрать твой оттенок. Волосы надо покрасить сегодня. В понедельник, уходя на работу, под пиджак надень жилет, чтобы не было видно, как ты похудел. Скажешь, что перешёл на сильную диету. Дня через четыре все привыкнут.

В понедельник Сергей Васильевич сидел на планёрке, слушая бесконечные разговоры начальника и ловя себя на странной мысли. Он думал — как хорошо было бы залезть в цветочный горшок, да чтоб видоизмениться в корни, стебли и листья. Эта мысль пришла неожиданно, и Каштанов, зная способности Родолены, с удивлением ощутил, что сам может ими обладать.

Сергей Васильевич сказал об этом своей жене. Родолена, убирая со стола после ужина посуду в раковину для мытья, только усмехнулась:

— То ли ещё будет. Кстати, мысль не приходит просто так. Ты попробуй.

— Что попробовать? — не понял Каштанов.

— Попробуй видоизмениться в цветок. Ты ведь не просто мужчина теперь. Ты мужчина-растение.

— А в какое растение мне видоизмениться?

— Ну, хотя бы в твою любимую душистую герань. Вон она в горшке на окне. Ты нюхаешь её каждый день. Горшок просторный. Тебе надо представить, что ты — душистая герань. Ты уже превращался в растение на короткое время. Помнишь?

— Помнить-то помню. Но сам процесс уже забыл. Сколько лет прошло.

— Тебе нужно представить, что руки твои — это листья, туловище — стебель, ноги — корни. Ты ведь об этом думал на планёрке? Ну, вот и воплощай. Стоп! Подожди. Ты ведь мужчина-растение только два дня. Тебе всё надо начинать постепенно. Как первокласснику в школе.

Родолена помыла посуду, вытерла руки и откинула назад прядь волос.

— Возьми горшок с геранью, Серёжа, и отнеси его в комнату.

Родолена расстелила на полу газету, и Каштанов поставил на неё горшок с душистой геранью.

— Теперь надо раздеться догола.

— Совсем догола?

— Абсолютно. Чтоб и нитки не было на теле. Давай я тоже разденусь. Так тебе проще будет.

Последовало минутное молчаливое раздеванье и шелест одежды. Каштанов уже привычно снял с себя всё. Обнажённая Родолена сосредоточенно смотрела на горшок.

— Так. Ты, Серёжа, единственный в мире мужчина-растение. Ты должен помнить, что мои способности есть и у тебя. Просто их надо развить. Довести до автоматизма. Со временем тебе даже раздеваться не надо будет — ты сможешь превращать одежду в части растения. Хотя это довольно трудно, и даже я стараюсь этого не делать. Когда могу. И ещё. Ты должен, превращая себя в растение, мысленно сосредоточиться на земле в горшке. На субстрате, в который должны войти твои видоизменённые в корни ноги. А иначе есть риск превратиться в растение, но свалиться мимо горшка.

Родолена положила пальцы рук на край горшка. Каштанов повторил её движение.

— Теперь, Серёжа, делай то, о чём я говорила. Представляй, что руки твои — это листья…

— Всего два?

— Не поняла.

— У меня две руки. Листа тоже два будет?

— Сколько представишь себе, столько и будет.

Каштанов попытался это сделать. Даже глаза закрыл. Когда открыл — увидел, что ногти и пальцы рук позеленели, тело — начало зеленеть, а вот ноги остались такими, как прежде. У Родолены всё было в порядке. Она многократно уменьшилась в размерах, перетекла в горшок, тело превратилось в стебель, руки — в листья, и вот она уже весело шевелит этими руками-листьями.

Далеко не сразу, часа через два, после девятой или десятой попытки ему удалось превратить своё тело в растение. Всё это время Родолена превращалась туда и обратно вместе с ним. Он последовательно учился уменьшаться в росте, видоизменять свои руки в резные листья душистой герани, а главное — втягивать ноги-корни в цветочный горшок.

Потом они долго мылись в ванне. Потом Родолена улыбнулась и сказала:

— Давай, Серёжа, муската выпьем. За твой талант и мою вторую жизнь.

Глава 2. СМОКОВНИЦА

Вечером в субботу, тёплым днем конца апреля, Родолена и Каштанов сидели на скамейке в парке напротив жёлтого здания института систем управления. За двадцать лет он несколько раз менял своё название. Справа от него были художественная школа из красного кирпича и мемориальный сквер. Слева шла дорога на улицу Московский тракт. Около клумбы напротив института, по другую сторону проспекта, был фонтан.

Родолена поправила свою новую шляпу цвета кедровой хвои. Она купила её недавно в каком-то недурном секонд-хэнде и долго примеряла дома на свои, выкрашенные в золотистый цвет, волосы. Взглянула Каштанову в глаза и усмехнулась.

— Кстати, если о наших последних приключениях написать Николо — он от зависти помрёт.

— Помереть — не помрёт, а вот заново каких-нибудь бандитов прислать может. Чтоб нас похитить уже вдвоём. Как великий вклад в науку. Ещё бы! Единственный в мире мужчина-растение. И женщина-растение, живущая вторую жизнь.

— А потом напишет «Пособие по превращению для мужчин-растений». Собственно, в эти самые растения.

— Что-то нос у меня с утра чешется. К чему бы?

Родолена засмеялась, накинула на Каштанова свой прозрачный зелёный шарф и потрогала по носу.

— Серёжка, обалдеть, ты такой красивый! Тебе пятьдесят, а выглядишь лет на тридцать пять. А на сколько лет выгляжу я?

— Лет на двадцать пять.

— Ой ли?

— Абсолютно так.

Родолена задумалась.

— Знать бы — на сколько лет нас хватит. Ты сумасшедший. Жил бы да жил. Оживив меня, ты вдвое сократил себе оставшуюся жизнь! Ты понимаешь это?!

— Зато я научился ценить каждый день. И потом — зачем нужна такая жизнь, где нет тебя?

Родолена взяла его лицо в свои руки. Они прижались лбами, потёрлись носами и жадно стали целоваться. Каштанов обнял её, как делал это все двадцать лет совместной жизни. Минут через сорок Родолена виновато спросила:

— Что-то мне холодно. Повышенная замерзаемость. А пойдём, знаешь куда?

— Куда?

— В ботанический сад. Ведь оттуда всё у нас началось.

— Пойдём. Если он работает.

— Работает. В нём у меня есть несколько подруг.

Они прошли по университетской роще. Каштанов озабоченно произнёс:

— На нас тут клещи не прыгнут?

— Не должны. Рощу вообще-то обрабатывают. Хотя мы теперь люди-растения, может, клещи таких не трогают. Интересный вопрос — влияние клещевого энцефалита на кровеносную систему людей-растений.

Они открыли железную дверь и вошли в ботанический сад. Корпус с оранжереями работал.

Родолена и Сергей Васильевич сняли плащи. Женщина достала из маленькой сумочки свёрнутый целлофановый пакет, подала мужу и шепнула:

— Возьми с собой.

— Зачем?

— Там увидишь.

Они прошли по оранжереям. Родолена обратилась к молодой сотруднице.

— Скажите, а фиговое дерево — инжир — смоковница — плодоносит?

— Нет. К сожалению. Хотя у нас есть и женское, и мужское деревья инжира. Очень жаль.

Когда сотрудница отошла, Родолена понизила голос:

— Ещё бы! У инжира очень сложная система размножения. Деревья — раздельнополые. На одном дереве — мужские цветы, не плодоносят, на другом — женские. Только один вид осы — бластофага весной откладывает яйца в мужские деревья на мужские цветы, летом самки молодых ос переносят пыльцу на женские деревья. К осени инжир снова зацветает, и яйца откладываются снова в мужские цветы мужских деревьев.

— А главное — где им эту осу взять?

— С мужских цветов. Поехать туда, где растёт инжир, привезти весной яйца осы в мужском цветке инжира и попытаться пристроить его на местный экземпляр дерева. Но самое главное — у меня есть несколько яиц этих ос. С собой. Представляешь, мне привёз их с конференции мой знакомый — сотрудник кафедры зоологии. Я несколько лет назад ему сказала, а он запомнил. Конференция была в другой стране. И сейчас мы попробуем эти яйца на наш мужской инжир пристроить.

Родолена подошла к фиговому дереву. И тихо сказала:

— Так, никого нет. Серёжа, учись. В следующий раз в лиану превращаться тебе придётся.

— Зачем?

— Угощать меня молодым инжиром.

Держа в руке маленькую открытую пробирочку с яйцами осы, Родолена изящно выскользнула из одежды. Каштанов только успел

схватить платье, чулки и туфли и проворно спрятать их в пакет. Родолена, позеленев и вытянувшись, перетекла в землю, а потом тончайшая лиана зазмеилась вокруг фигового дерева. Лиана доползла до цветка. Каштанов увидел, как пробирочка вошла в цветок. На всё потребовалась минута. Так же быстро лиана спустилась. На отростке лианы проступила голова Родолены.

— Серёжа, быстро вытаскивай мою одежду. Сотрудницы оранжереи идут сюда.

Он поставил туфли, положил на них чулки, прикрыв всё это платьем. Лиана вползла в одежду, превращаясь в Родолену.

К моменту, когда сотрудницы оранжереи подошли к ним, Родолена старательно разглаживала морщинки на левом рукаве. Она спросила сотрудницу:

— Лариса, мы как-нибудь ещё зайдём?

— Заходите. Буду рада.

— Вдруг инжир даст плоды.

Лариса засмеялась.

— Очень сомневаюсь. Хотя ты у нас везучая.

Супруги оделись и вышли на улицу. Родолена чуть-чуть сдвинула набок шляпу цвета кедровой хвои и как обычно взяла Каштанова под руку.

— Летом молодые самки ос понесут пыльцу на женские цветы. Ой, Серёжа. Давай сядем на скамейку, где нет людей. Я, кажется, перепутала чулки и надела чулок с левой ноги на правую.

— А ты их чувствуешь?

— Увы.

Осенью, но не этого, а следующего года Каштановы снова пошли в ботанический сад. К тому времени Сергей Васильевич научился весьма недурно превращаться в различные растения. Они погуляли по роще, потом прошли в знакомую оранжерею. Родолена радостно засияла.

— Вот оно — женское фиговое дерево, а вон — плоды инжира. Значит, юные осы летом всё-таки опылили его. Серёжа, готовься превращаться в лиану!

Самым трудным было, сорвав несколько плодов инжира и грациозно положив их на ладонь жены, аккуратно вползти в собственную одежду.

О том, как рады были сотрудники сада, Родолена впоследствии часто вспоминала.

Глава 3. БЕРЁЗА

Однажды в октябре Сергея Васильевича попросили провести одно деликатное обследование. Его подвезли на «тойоте» на улицу Герцена. Здесь, рядом с городским садом, был известный в городе

бассейн. Когда-то в детстве Серёжа Каштанов учился в нём плавать с пенопластовой доской.

Ситуация была в следующем. Какой-то важный чиновник построил на видном месте гараж. Причем сделал это на корнях берёзы. И теперь хотел добиться разрешения, чтоб её срубить.

Давать такое разрешение Сергею Васильевичу Каштанову очень не хотелось.

Дело в том, что берёза была ещё весьма крепкая, к тому же находилась в центре города, где вообще рубить было запрещено. Дерево можно было только списать по санитарному состоянию, но таковое у берёзы было хорошим. Каштанов догадывался, что его поэтому и пригласили осенью, когда листва с деревьев облетает и списать их по болезни проще.

Он приехал, выслушал хозяина гаража — субъекта средних лет, с холодными и хитрыми глазками. Потом сказал, что примет решение позднее, отказался от обеда в ресторане, куда его зазывал хозяин гаража, и уехал домой.

Дома вечером обо всём рассказал жене. Каштанов потёр переносицу.

— Дело в том, что я ещё плохо знаю древесный язык.

— А давай прогуляемся до этого места — предложила Родолена.

Они прошлись по городу до улицы Герцена.

Родолена обошла гараж, погладила ствол дерева, пошепталась с ним.

— Сама берёза передвинуться не может. Гараж на неё поставили недавно. Если бы, Серёжа, ты был Юрием Деточкиным с подъёмным краном из фильма «Берегись автомобиля», всё было бы решено. А так… Короче, нам нужно превратиться в какие-то сильные деревья около гаража и сдвинуть его метра на два. Только сделать ночью, чтоб никто не видел. Пойдём, на лавочке посидим.

Они пошли по улице Герцена. У городского сада Родолена мечтательно сказала:

— Как было бы хорошо, если б люди и природа научились жить в гармонии!

Потом она долго и увлекательно рассказывала Сергею о губоцветных растениях. Каштанов спросил её про интересное растение этого семейства — буквицу лекарственную.

— Это название так и просится для твоей будущей книги стихов — сказала она.

— Ты думаешь, у меня когда-нибудь выйдет книга? — засомневался Каштанов.

— А почему бы и нет? — ответила жена.

— А может просто — «Буквица»?

— «Буквица» — это выдающееся название. А «Буквица лекарственная» — великое. Понимаешь — тут совпадение биологии и

литературы. Названия заглавной буквы на странице, собственного названия растения и лекарственности стихов.

Поздним вечером они вернулись на место берёзы и гаража.

— Серёжа, с двух сторон превращаемся в сосны, поднимаем на корни гараж и двигаем его изо всех сил.

Скинув одежду, они быстро видоизменились в тридцатиметровые сосны, приподняли на крупные узловатые корни гараж и сдвинули его метра на три от берёзы.

Берёза долго их благодарила на тихом древесном языке.

Каштановы, быстро одевшись и дрожа от холода, побежали домой.

Когда на следующий день в управление приехал хозяин гаража, Сергей Васильевич попросил подвезти его ещё раз к месту обследования. Каково же было удивление хозяина гаража, когда он увидел обновление.

— Ничего не понимаю. Гараж стоял в другом месте.

— Больше от меня ничего не требуется? — язвительно спросил Каштанов. — Счастливо оставаться.

Глава 4. ТОБОЛЬСКОЕ ПРЕВРАЩЕНИЕ

Был чудесный пятничный июньский денёк. С понедельника Сергей Васильевич Каштанов уходил в отпуск. А через неделю — Родолена Николаевна.

Он открыл дверь квартиры. Родолена пришла раньше и сидела у компьютера.

Ей предстояла командировка.

В Тобольске была намечена конференция по проблемам кедра. Родолена готовила доклад, с которым должна была выступать. Супруги договорились ехать вместе. А после Тобольска они запланировали путешествие в Рим.

Родолена всё-таки не удержалась и в письме рассказала старику Николо о том, как получила вторую жизнь. Тот забросал её письмами, умоляя Каштановых приехать в Италию, жалуясь, что ему уже немного осталось жить, и он хочет своими глазами подивиться на такое чудо. Николо даже обещал сделать приглашение и бесплатное проживание в отеле на двоих, что частично окупило бы поездку. И Каштановы согласились, потому что других планов на отпуск у них не было.

В гостиной на столе и на стульях лежало не меньше двадцати книг по проблемам кедра, с закладками. Женщина яростно вносила правки, переходя то на английский, то на русский шрифты. Ощущение было, что от её пальцев идёт пар.

Каштанов поцеловал жену в затылок. Она обернулась, быстро ответила на поцелуй и опять повернулась к экрану.

— Сейчас, Серёжа. Вставлю ещё четыре правки, и всё.

— Ладно, я купил блины-полуфабрикаты. Разогрею. Ты ужинала?

— Нет. Разогрей, пожалуйста. Я четыре часа сижу над докладом.

В понедельник надо было ехать. Билеты были куплены заранее.

Каштанов любил иногда заходить на городской железнодорожный вокзал. Ему вообще нравилось ездить в поездах. Ещё с детства.

Супруги зашли в купейный вагон. В нём была скидка на проезд. На верхние полки. Дешевле, чем на нижние полки в плацкартном вагоне.

Поезд отъехал от перрона. За окном пролетел тополиный привокзальный сквер. Рядом стояли дома-«хрущёвки», в одном из которых маленький Серёжа Каштанов жил с мамой и папой на улице Нахимова. Когда родители ещё не развелись.

В Тюмени три часа ждали на вокзале, и ещё три часа ехали на поезде до Тобольска.

От вокзала на автобусе номер четыре Каштановы доехали до центра. Они остановились в уютной гостинице «Сибирь» на третьем этаже. Этаж и вся гостиница были оформлены в стиле ретро — мебель, старые фотографии, предметы быта. Вечером Родолена и Сергей прошлись по улице Ремезова. Город явно располагал для прогулок.

Утром завтракали в ресторане на первом этаже.

Внешне у Каштановых всё было по-прежнему, только с той поправкой, что жизнь вообще не стоит на месте. Родолена Николаевна трудилась на той же кафедре ботаники доцентом. Читала лекции, вела практику. Правда, практических занятий стало меньше. Сергей Васильевич всё так же руководил отделом в управлении. Только отдел разросся до полутора десятков человек.

Они научились контролировать свой необычный растительный ритм с точностью до дня. В своём городе, за два месяца до Тобольска они превратились в зерно, успев быстро раздеться и намочив тряпку в ванной. Обнялись, вспыхнули, превратились в восьмигранное зерно и возродились в ванной от влаги.

На следующий день было дневное заседание конференции. Участники съехались из разных городов Сибири.

Родолена с блеском прочитала свой двадцатиминутный доклад и ответила на многочисленные вопросы. После обеда Каштановы продолжили ходить по старинному сибирскому городу. Посмотрели на памятники Петру Ершову, Фёдору Достоевскому. Обошли все музеи компактного центра Тобольска.

Внезапно Сергей Васильевич вцепился в металлические перила смотровой площадки, отделявшей верхний город от нижнего и скривился от боли.

— Серёжа, что с тобой?! — встревожилась Родолена.

— Болит, — простонал Каштанов.

— Где болит?

— Всё тело. Мочи нет!

— Что случилось?

— Месяц назад я превратился в папоротник, — выдохнул Каштанов.

— В папоротник? — изумилась Родолена. — А зачем?

— Поэкспериментировать захотелось.

— Я же говорила тебе однажды, что это очень опасно. Отдав мне часть своей жизни, ты превратился в высшее растение. С цветами. Папоротник — споровое растение. Грибы, хвощи, плауны — все споровые, когда в них превращаешься, вызывают острую боль.

— Я думал, что боль будет именно когда превратишься. Оказалось — никакой боли. Из меня получился весьма недурственный орляк. Боль пришла позднее, через неделю. Я вновь, минут на пятнадцать-двадцать превратился в папоротник. Боль прошла. Неделю не приходила. А теперь вот опять.

— Всё ясно. Это как наркотик. И боль не пройдёт до конца нашего цикла. Пока не сгорим и не возродимся. А что побудило тебя превратиться в орляк?

— Я прочитал однажды про огнецвет — цветок папоротника. Что, когда в ночь на Ивана Купалу увидишь цветущий папоротник, тебе откроется язык зверей и птиц, тайны земли, заветные клады. И решил попробовать.

— Серёжа, но это же легенда, сказка. Ради Бога, не повторяй больше подобных экспериментов. И потом, как мужчина-растение, ты должен знать язык растений и птиц. Не может цвести никакой папоротник. Ты же биолог. Вам что, цикл развития папоротника не давали?

Каштанов вытер пот со лба и тихо сказал:

— Я почему-то не научился понимать язык растений и птиц. Вот воробей чирикает, а для меня это только чириканье и ничего больше. Я подумал — пусть легенда, но что-то в ней же есть. Вдруг поможет.

— Странно. Хотя — ты первый в мире, точнее, первый в истории мужчина-растение. Как у тебя наши свойства будут проявляться, это науке неизвестно. Ладно, потом потренируемся.

— Хорошо. А сейчас мне бы в лес. Боль такая противная, впору выть.

Родолена огляделась.

— Тут ближайший лес — или старое Завальное кладбище, где похоронены декабристы и автор «Конька-горбунка» Ершов, или на краю холма, где памятник Ермаку. Памятник Ермаку всё-таки ближе. Побежим к нему. Там есть небольшая роща.

Каштановы очень быстрым шагом пошли к памятнику-колонне Ермаку. На ходу у Сергея Васильевича начали зеленеть волосы. Ког-

да в роще никого поблизости не стало, Каштанов быстро разделся до костюма Адама и ушёл в землю.

Весёлое колечко молодого орляка то входило, то выходило из майской травы.

Родолена собрала одежду Сергея и ждала.

Через двадцать минут он, счастливый, обернулся опять в человека и быстро оделся. Предусмотрительная Родолена подала ему бейсболку, ибо травяные волосы Каштанова переливались всеми оттенками зелёного цвета.

— Господи, хорошо-то как! — воскликнул Каштанов.

— Замечательно, — уныло отозвалась Родолена. — Тебе до конца цикла ещё не меньше четырёх раз нужно в папоротник превращаться. Хорошо ещё, что Рим — очень зелёный город. Придётся итальянским соснам–пиниям увидеть папоротник из Сибири. То-то обрадуются. Пошли покупать краску для волос, горе моё. Завтра последнее заседание конференции.

Глава 5. РИМСКИЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ

— Кажется, аэропорт Толмачёво — сказала Родолена. — Подъезжаем.

Каштановы вместе с другими пассажирами покинули «газель».

Из Новосибирска Родолена и Сергей на самолёте летели в Рим. В ожидании самолёта попили кофе в кафе, а потом досмотр, проход и пристёгивание ремней в самолёте. Пока летели до Рима, Родолена дремала, а Сергей про себя повторял фразы на итальянском языке.

Аэропорт Фьюмичино принял их вечером. Сергей Васильевич, как и Родолена Николаевна, к моменту полёта почти в совершенстве знал итальянский. Он не знал его, когда они с женой в первый раз летали. Но после превращения в растение усилилась скорость выучивания языков. Хотя с языками трав было ещё проблематично — доходил какой-то общий смысл. Родолена говорила, что это дело наживное, главное — настроиться. На эту настройку времени не было, ибо работа отнимала его львиную долю.

Они прошли в здание римского аэропорта, получили свои вещи.

Каштановы поменяли российские сим-карты сотовых телефонов на итальянские, и Родолена стала созваниваться с Николо. После приветствий тот сказал, чтоб ждали, и что Долли Наро и его помощник выезжают для встречи. Сказал название и адрес отеля. Назвал также свой адрес и попросил приехать завтра в двенадцать.

Родолена записала, и они уселись в зале ожидания. Аэропорт им понравился демократичностью и удобством.

Через полчаса сотовый Родолены зазвонил, помощник спрашивал, где они. Попросил выйти на улицу.

Долли приветливо улыбнулась и поочерёдно обнялась с Родоленой и Сергеем. К ним подошёл среднего роста человек лет сорока пяти, с широкой улыбкой и колючим взглядом карих неприятных глазок. Сверкнули белоснежные зубы. Он сжал руку Родолены и горячо её потряс, энергично пожал руку Каштанову и представился:

— Альфредо.

Они уложили сумки, сели на задние места легковой машины и поехали. Темнело.

Альфредо завёз Каштановых в дом-колодец на улице Буонарроти, Долли поднялась с гостями на второй этаж, помогла им устроиться в дешёвом номере, попрощалась, и Альфредо её увёз. Каштановы переночевали, утром долго нежились в постели. После принятия водных процедур стали собираться. Родолена долго, как обычно, подбирала детали к своему платью фисташкового цвета. Выбрала из коробки серьги, бусы. Потом спросила:

— Серёжа, а тебе кое-что не показалось странным?

— Что именно?

— Альфредо относился к Долли как хозяин.

— А в чём это выражалось?

— Он был за рулём. Она сидела рядом с ним. И он, как бы невзначай, положил свою ладонь на её колено. Правда, быстро убрал. Но я заметила.

— Может, любят друг друга. Или у итальянцев так принято.

— Не знаю. Но, честно говоря, взгляд у него неприятный. Если Долли действительно влюбилась — я ей не завидую.

Каштановы покинули отель.

Николо жил в небольшой однокомнатной квартире на первом этаже с маленьким садиком в балконной части. Обстановка аскетичная — книги, папки с бумагами. Правда, мебель была старинной.

Николо с жаром поздоровался и предложил гостям сесть на маленький кожаный диван у балкона.

Ботаник очень похудел. Стал медленно ходить. Но голос был по-прежнему твёрдым. Он горячо произнёс:

— Рассказывайте, рассказывайте!

— С какого момента? — спросила Родолена.

— А как уехали тогда из Италии. С этого момента. Мне всё интересно.

И Родолена стала рассказывать. Они вели беседу на итальянском. Сергей иногда вставлял свои фразы.

Старик не перебивал. Минут через двадцать пошёл на кухню позаботиться о чае.

Сам принёс поднос, на котором стояли ароматный чай с бергамотом, сахар, земляничное варенье и печенье. Беседа слегка оживилась.

Родолена закончила. Николо улыбнулся.

— Да, поразительная история! Вы пейте чай, не стесняйтесь. Вашему самопожертвованию, Сергей Васильевич, можно позавидовать.

Каштанов пожал плечами. Николо взял печенюшку.

— Нет, нет, не возражайте. На это способен далеко не каждый.

— А кто такой Альфредо? — спросила Родолена.

— Альфредо — мой помощник. Не очень хорошие способности к науке, но недурные организаторские таланты.

Родолена улыбнулась.

— А как поживает Долли Наро?

— Очень даже неплохо. Учится в Римском университете. Кстати, часа через два она подъедет. Слава Богу, не забывает старика. А вы, Родолена и вы, Сергей, конечно, не согласитесь стать кустом, чтоб дать новые поколения людей-растений?

Родолена закашлялась, захлебнувшись, и отрицательно помотала головой.

Долли действительно пришла.

Но после фразы Николо о кусте Каштановы почувствовали себя неловко. Фразы превратились в дежурные. Каштановы и Долли посидели немного и откланялись.

Долли начала увлекательно рассказывать о Риме и показала храм Санта Мария Маджоре. Отпуск надо было проводить интересно и познавательно. Для себя Родолена и Сергей купили путеводитель по вечному городу, и на другой день уже самостоятельно начали осматривать храмы и музеи, изредка заглядывая в магазины.

Так прошло пять дней. На шестой день они забрели в парк Вилла Торлония. Сюда, предварительно позвонив, должна была подойти Долли и сводить их в Римский университет. Повсюду росли сосны-пинии, пальмы, кипарисы и другие деревья.

Каштановы присели на лавку около маленькой оливковой рощи. Супруги в отеле сдали на время документы и деньги на хранение. Родолена поправила шляпу и сказала:

— Серёжа, сегодня жарко. Сходи, набери, пожалуйста, воды. У входа есть фонтанчик — серый, с коричневой волчьей головой. Вот, возьми бутылочку.

Каштанов взял пластиковую бутылочку и пошёл к входу в парк. Он набрал воды и вернулся к оливковой роще. Но Родолены на скамейке не было.

Каштанов насторожился. Сергей Васильевич присел на скамью и стал ждать. Родолена не подходила. Он достал сотовый телефон, набрал номер жены. А потом что-то случилось. К скамейке подошли какие-то мужчины. Трое. Один с наручниками.

Каштанов мгновенно всё понял, обернулся вьюном, завязал телефон в своём растительном теле и, как змея, заскользил по траве к деревьям. К ногам незнакомцев упала только одежда Сергея Васильевича. Они изумлённо смотрели на вьюн. Потом закричали:

— Ловите его!

Как бы не так.

Вьюн быстро дополз до пальмы, поднялся на неё метра на два, перепрыгнул на сосну-пинию и лианоподобно пополз вверх по стволу.

А Родолена очнулась, связанная, в какой-то квартире. Это не было жильё Николо.

Рядом сидел Альфредо и ядовито улыбался.

Главное, она не чувствовала ни рук, ни ног. Хотя голова работала ясно.

Мужчина довольно потёр ладони.

— Можете не беспокоиться. Вы под наркозом. Когда-то давно Джованни говорил, на что вы способны. Но я не повторю его ошибки. Я дождусь, пока вы не превратитесь в зерно. Мужа вашего уже должны схватить. Этот старый дурак Николо стал сентиментален. Он вырастил потенциальные деньги и не может ими воспользоваться.

Родолена засмеялась.

— Альфредо, отпустите меня. Вы даже не представляете, какую силу пытаетесь обуздать. Удвоенная растительная сила и сила любви.

У мужчины зазвонил телефон. С улыбкой он взял трубку, но через несколько секунд его лицо исказилось.

— Болваны! Кретины! Схватить его!

— Что, не удалось схватить Серёжу? Отпустите меня, Альфредо. Я всё забуду. Неужели вы не понимаете, что нельзя сделать счастливым никого помимо воли. Нельзя делать то, что хотел Николо, но одумался, и теперь хотите сделать вы.

— Замолчите. Буду вас держать, пока не превратитесь в зерно. Финита ля комедия.

Лицо Родолены стало злым.

— В последний раз предупреждаю.

— Заткнитесь!

А Каштанову на сосне дико захотелось стать папоротником. Кстати, именно сегодня ночью они с Родоленой должны были превратиться в зерно.

Преследователи сидели вокруг сосны, вглядываясь в крону. Вьюн-Каштанов изогнулся и перелетел на соседнюю сосну. Быстро сполз со ствола, превратился в папоротник и заскользил вокруг деревьев.

Было очень интересно наблюдать за незнакомцами.

Они бегали по парку, пытаясь схватить колечко молодого папоротника, но всё было тщетно.

Смеркалось. Потом наступила ночь.

Это случилось одновременно. В парке Вилла Торлония маленький росток папоротника покинул землю, вспыхнув, сгорел в метал-

лически-зелёном огне и превратился в четырёхгранное зёрнышко-пирамидку.

И в квартире связанная женщина вытекла из одежды и верёвок, затянувших её руки и ноги, и сгорела в таком же зелёном пламени. А потом превратилась в такую же пирамидку, стукнулась о стену и со свистом прошила изумлённого Альфредо на несколько сантиметров ниже пупка. Он с раскрытым ртом упал на колени. Пирамидка вновь отрикошетила от стены и набрала какую-то сумасшедшую силу и скорость. Она пробила стекло окна и улетела.

Две маленьких четырёхгранных зелёных пули с огромной скоростью летели навстречу друг другу. Они стукнулись одна о другую, превратились в восьмигранное изумрудное зерно, которое упало в фонтан на площади Навона. Из зерна в воде возникла крохотная фигурка обнажённых мужчины и женщины, сжимающих друг друга в объятиях. Фигурка росла, росла…

Хорошо, что была ночь. Усталые Родолена и Сергей вылезли из фонтана. Они сели на лавку. У них были зелёные волосы и зеленоватые тела. Мужчина и женщина стали дико, неуёмно хохотать. Наконец Родолена сказала:

— Придётся превращаться в растения и возвращаться в отель. Хорошо, что мы сдали на вахту деньги и документы. Только, ради Бога, не превращайся в папоротник.

— Не буду. Я в него уже превращался.

— Слава богу. Тогда во вьюн. В Риме старых стен достаточно.

— Мне в парке пришлось выронить одежду и телефон.

— Ничего. Потом найдём.

Очень внимательные случайные ночные прохожие могли видеть два вьюна, которые быстро переползали с одной стены на другую. Огни вывесок, луна и звёзды, яркие, как тропические бабочки, освещали дорогу. Ночь была удивительно тёплой.

Глава 6. ДОЛЛИ

После наслаждения от ночного Рима Каштановы потихоньку приползли на свою улицу Буонарроти, через двор проникли на второй этаж в свой номер. К счастью, форточка была не закрыта. Каштановы втекли через неё. После приключений проснулся аппетит. Они сделали бутерброды с моцареллой, разлили по стаканам вино и долго обсуждали выпавшие на их долю приключения. Каштанов спросил:

— А отпечатки твоих пальцев остались в квартире?

— Не думаю. Я была на какой-то кровати, связанная. Хотя платье осталось там. Я пыталась двигаться, но с трудом — наркоз действовал. Альфредо, скорее всего, тяжело ранен. Когда я превратилась в

зерно и меня стало кидать, он оказался на моей траектории. В этом случае, как выяснилось, я не могу себя контролировать. Честно говоря, с таким удовольствием летела через тело этого подлеца…

Рано утром они вновь посетили парк. Благо у Родолены и Каштанова были запасные платье, рубаха и джинсы. Волосы не стали перекрашивать. Родолена надела шёлковый зелёный платок, а Сергей — зелёную бандану. Брюки и рубашка Каштанова, сброшенные вчера, были недалеко от скамейки. Минут пять тщательных поисков, и в траве обнаружился телефон Сергея Васильевича. Он посмотрел на поступившие звонки. Их было семь. Все звонки вчерашние: шесть — от Долли, один — от Николо.

Минут через пять сотовый зазвонил. Это была взволнованная Долли. Она узнала, где они, и хотела подойти.

— Интересно, Долли в курсе проделок Альфредо? — спросил Каштанов.

— Вряд ли. Хотя я уже ничему не удивляюсь.

Родолена закрыла глаза и положила голову на плечо Каштанову.

Долли нашла их минут через сорок. На её вопрос, почему она не могла вчера до них дозвониться, Родолена ответила:

— Спасались от вашего друга Альфредо.

И Родолена подробно рассказала Долли о римских приключениях. Долли внимательно выслушала. Она стала очень грустной и бледной.

— Мне очень жаль, что всё так получилось. Я ничего не знала. Я не была в восторге от Альфредо, когда он за мной ухаживал, но он гораздо старше меня и умеет скрывать свои истинные чувства. Похоже, мне придётся превратиться в зерно. Я не смогла найти настоящую любовь. Может, мои потомки будут счастливее.

Родолена разволновалась.

— Долли, превращаться или не превращаться — это каждый решает сам. Мы все рано или поздно превратимся в зёрна, но, мне кажется, вы торопитесь.

— Какие у вас дальнейшие планы?

— За неделю мы в основном осмотрели достопримечательности Рима. У вас замечательные парки. В Сибири нам их точно будет не хватать. С великим удовольствием побыли бы ещё, но…

— У вас кончается виза?

В это время зазвонил телефон. Это был Николо. Родолена говорила с ним сухо и отрывисто. А он явно хотел узнать подробности. Разговор длился минут пятнадцать.

— Что он хочет? — спросила Долли.

— В гости зовёт. Извиняется за Альфредо. Спрашивает о наших планах.

— И что вы хотите делать?

— Не знаю. Великого желания нет. Но узнать о его намерениях

имеет смысл. Всё равно скоро уедем. Неприятно, что наш римский вояж заканчивается вот так. Мы едва не погибли, благодаря этому Альфредо.

Родолена встала со скамейки и прошлась шагов на десять. Потом вернулась.

— Понимаете, Долли, мы с Серёжей привыкли в последние годы, что жизнь может прерваться. В любой момент. Но, думается, что это будет не так насильно. Мы никогда не ссоримся, поскольку я знаю, что прав он, а он знает, что права я. Мы живём в одно дыхание.

— Тогда — поедем к Николо? — спросила Долли.

— Давайте, — коротко ответила Родолена и все трое пошли на выход из парка.

Николо ещё раз выслушал упрёки разъярённой Родолены.

— Никто не имеет права покушаться на нашу любовь. Никто на свете! Вы отвратительно подбираете себе помощников. Мы, скорее всего, уже никогда не увидимся. И слава Богу!

Николо сосредоточенно молчал и перелистывал пожелтевшие бумаги.

Наконец он поднял голову и глуховато произнёс:

— Я ещё раз прошу прощения за своего бывшего помощника. Тут есть моя вина. В разговорах с ним я допускал больший процент честолюбия, чем следовало. Я не смог ему внушить, что растение, ставшее человеком, имеет такие же права, как все люди. А вас, Родолена, перед тем, как вы уедете, я попрошу выполнить ещё одну мою просьбу. Наверное, последнюю.

— А если я не хочу её выполнять?!

— Очень жаль. Тогда мы не сможем получить ответ на загадку, которую я пытался разгадать многие годы. Когда именно из семян родоленового куста впервые появилась женщина. Хотя бы ориентировочно. По моим подсчётам, это случилось в первой трети девятнадцатого века. Но я могу ошибаться. Ну что ж, нет так нет. Вы имеете право отказаться.

Родолена смутилась. Она была учёным. Одним из крупнейших ботаников Сибири. И как-то неудобно было покидать Италию, грубо отказав Николо. Всё-таки он много значил в её жизни. Даже отчество у неё в паспорте было «Николаевна». К тому же эта загадка интересовала и Родолену.

— Вы уверены, что я смогу её разгадать?

— У вас необычные способности и дар дипломатии. Долли, при всей моей любви к ней, ими обладает далеко не в полной мере. Кто лучше вас знает язык растений и животных? Кстати, зелёный цвет идёт вашим волосам.

Николо принёс на столик поднос с чаем. Долли ему помогла, положив на тарелочку печенье и конфеты. Все четверо расположились вокруг стола.

Родолена виновато посмотрела на Долли, но смогла пересилить себя. Долли улыбнулась и сказала:

— Я не обижаюсь. Я учусь.

Родолена посмотрела на Николо.

— Говорите.

— Вам известно что-либо о старом римском кладбище Тестаччо?

— Очень мало.

— Это погост, на котором уже три столетия хоронят преимущественно протестантов и эмигрантов. Много людей искусства. Необходимо найти могилу одного молодого русского дворянина-эмигранта, умершего от чахотки. Он мог бы дать ответ на наш вопрос, потому что ему довелось увидеть и пережить именно возникновение женщины из родоленового зерна. И это случилось почти на семьдесят лет раньше Аньеллы Дор.

— Откуда вы это знаете?

— Мне попало в руки любопытное старое письмо. Пишет этот эмигрант, правда, на французском. Здоровье стало его совсем подводить, и однажды он забрёл на кладбище. Начался дождь. Он попытался спрятаться под кипарис. И увидел, как из зелёного зерна возникает женщина.

Дальше у них было знакомство, похожее на ваше с супругом, Родолена. Молодой дворянин снял сюртук, попытался спасти её от дождя. Её спас, а вот сам… Короче, вскоре, через какое-то время, он простудился и, проболев несколько месяцев, умер. Хотя тут есть тоже своя загадка.

— А вы убеждены, что этот эмигрант похоронен на Тестаччо?

— То, что похоронен — убеждён. Информация в прессе проходила. Я не убеждён, сохранилась ли плита. Когда он умер, женщина сгорела у него на могиле в зелёном огне и не возродилась. Видимо — большая любовь. А может, у неё это был предпоследний цикл. Куст, если он рос, естественно, вскоре усох.

— А откуда известно про сгорание?

— Хорошая знакомая дворянина, графиня, писала об этом своей подруге. Это письмо тоже у меня. Но в нём не хватает окончания. Русских эмигрантов в Италии было много. Или просто россиян, любивших Рим. Но откуда мог на Тестаччо взяться родоленовый куст? Тогда, выходит, зарождение родоленовых кустов появилось не на Мадагаскаре, как я думал. И не на Канарских островах под драконовыми деревьями. А здесь, в Италии. Короче, очень много загадок.

Родолена прошлась по комнате Николо.

— А родоленовый куст однодомный или двудомный?

Николо усмехнулся.

— Я же знал, что вы настоящий учёный. А как вы думаете?

— Думаю, что однодомный.

— Правильно. Кстати, он самоопыляется. Только мужские цвет-

ки неплодовиты. То есть на опыление сил хватает, а на создание мужских особей — нет. Вы, Сергей Васильевич, своей самоотверженностью и любовью к жене двинули науку вперёд.

Каштанов слушал и молчал, но потом с улыбкой заметил:

— Боюсь, на мне это движение и закончится.

Николо развёл руками:

— Как знать. Только дальше — область догадок и предположений. Думаю, что во время цветения на куст попали клетки человека. Точнее, яйцеклетки женщины.

Долли поперхнулась.

— А как они смогли на него попасть?

Николо улыбнулся и невозмутимым баском ответил:

— Скорее всего, во время менструации. А вот где, у кого, когда и как это произошло — опять загадка. Полный простор для фантазии.

Выйдя от Николо, Долли и Каштановы минут сорок погуляли и присели в кафе с видом на Колизей. Они изрядно проголодались, а просить Николо поставить на стол что-то посущественнее печенья и конфет не осмелились. Сейчас Сергей Васильевич с удовольствием заказал три пиццы с морепродуктами и бутылку красного сухого.

Родолена медленно цедила вино, глядя сквозь бокал на солнце. Потом произнесла:

— Знаешь, я всё равно счастлива. Что бы завтра на Тестаччо не случилось.

— А что может случиться? — спросила Долли.

— Понятия не имею. Полагаю — что-то удивительное и необыкновенное. А вы, Долли, всё ещё хотите стать зерном и превратиться в куст? Кстати, у вас руки не мёрзнут?

— Руки не мёрзнут. В куст превращаться уже не хочу. Родолена, вы не могли бы меня научить превращаться в растения? Обычные бытовые превращения.

— А вы не умеете?

— Только в зерно по циклу развития. А в травы — почему-то нет.

Они доели пиццы, расплатились и пошли в ближайший парк, напротив Колизея. К счастью, народу там не было. Родолена прошла мимо сосен-пиний и сказала:

— Вот, смотрите — звездчатка у сосны. Её ещё называют стеллария. Симпатичное травянистое растение. Смотрите.

И она перетекла в землю, только её платье Каштанов бережно подхватил. Звездчатка-Родолена помахала цветочной головкой. Потом опять превратилась в человека. Труднее всего для Долли оказалось понять, как одновременно расслабиться и сосредоточиться. Но она оказалась способной ученицей.

Суетились туристы. С лотков продавали сувениры. Вечер был удивительно тёплый.

Глава 7. ТЕСТАЧЧО

Вечером Родолена долго работала с ноутбуком в Интернете. А утром, после завтрака, собиралась особенно тщательно. Положила в сумку целлофановый пакет. Нежно-голубая блузка Родолены с рукавами до локтей и длинная тёмная юбка чем-то неуловимо напоминали девятнадцатый век. Шёлковый платок полностью скрывал зелёные волосы. Из коробки вытащила короткие белые лёгкие перчатки, быстрым движением нанесла на них из флакончика едва уловимый аромат валерианы и надела.

Каштанов выглянул в окно и хмыкнул:

— Вообще-то начало июля.

— Я в Риме иногда замечала женщин в белых перчатках. Они попадались и в прошлый, и в нынешний приезды. Такие женщины носят перчатки изящно и небрежно. Может, эти особы — графского или княжеского рода? Тогда я буду графиня Каштанова. Кстати, одно время я млела от стиля Жаклин Кеннеди. Сколько пар перчаток было у ней?

— Но у тебя совсем другой стиль. И потом, как я помню по фотографиям, собственные руки, точнее, кисти рук, Жаклин не очень нравились. Она умело скрывала их недостатки. И не забывай — Жаклин грызла ногти. Ты похожа, скорей, на Грейс Келли.

Родолена улыбнулась.

— А у тебя в бандане пиратский вид. А у меня красивые руки. Красивей, чем у Жаклин и у Келли. Кстати, Келли тоже любила перчатки. И ногтей я не грызу. А боюсь и холода, и жары. Но сегодня очень хочется выглядеть красивой. А если серьёзно — на Тестаччо много кошек. И общаться придётся с одной из них. А кошки — царственные животные. Это не мышка Элеонора с Ваганьково. Ты представь — с какими тенями им приходится общаться. Царской крови. Нужно произвести впечатление. Надо купить в магазине для кошки сыру. Работать придется втёмную. Похоронен этот дворянин или нет на Тестаччо — неизвестно. Где рос родоленовый куст — тоже.

Сергей Васильевич взял жену за руки и вдохнул аромат валерианы.

— Ох и нанюхаюсь.

— Милый, это для кошки. Чтоб с ней общий язык найти.

Родолена дёрнула его двумя пальчиками за нос, и они вышли на улицу Буонарроти, свернули налево, потом — опять налево. Перешли через дорогу и направились к Колизею. Обогнули его, и минут за тридцать прогулочным шагом прошлись до метро Пирамида. А от метро было рукой подать до кладбища. Они вошли в ворота. Родолена прикидывала.

— Вот пирамида Гая Цестия. Вот могила поэта Джона Китса, умершего от чахотки. Это древняя часть кладбища. Кипарисов тут

нет. Кошек что-то тоже не видно. Перейдём на более позднюю часть. Ага, вот могила Карла Брюллова!

Каштановы любовались надгробиями, кипарисами, цветами. Прошли мимо могилы дочери князя Вяземского. Наконец Сергей Васильевич шепнул Родолене Николаевне:

— Вон какая-то кошка лежит.

Самое интересное, что кошка была не пуглива. Каштановы подошли к ней вплотную, а она как лежала, так и оставалась лежать на могильной белой мраморной плите возле белой часовни с изящными колоннами.

Довольно крупное, тоже белое животное, с чёрным большим пятном на морде в виде маски. Родолена присела рядом и произнесла несколько тихих отрывочных, мурлыкающих звуков. Кошка внимательно посмотрела на Каштановых, и лениво промурлыкала что-то в ответ. Родолена продолжила разговор, потом достала моцареллу и попросила Сергея открыть целлофан. Кошка лапой медленно придвинула к себе сыр и аккуратно стала есть. Вообще вела себя с большим достоинством.

Потом она повела их между могил. Несколько раз мяукнула возле большого кипариса, позволила Родолене почесать себя за ухом и под подбородком и скрылась.

Родолена была в восторге.

— Имя кошки — Татьяна. Она вспомнила рассказ своей пра-пра-прабабушки. Его передавали в их семье. Действительно, был такой случай, когда женщина сгорела в зелёном огне сразу после похорон, на могиле какого-то русского. Но её мама показала ей только этот кипарис. Дерево сохранилось с тех лет. Могила была рядом. Плита со временем исчезла. Попробуем наше старое, испытанное средство разгадки тайн.

И Родолена положила руки на ствол кипариса и погрузилась в его память. Окружающая картина сменилась. Она блуждала по эпохам. Пейзаж был преимущественно вечерним. Менялись времена года, количество могил, погода, люди, одежда. Женщина пыталась найти картинку, о которой говорила Татьяна. Потом подошла к другому кипарису. Проделала то же самое. Потом — к сосне-пинии. Родолена отматывала время то вперёд, то назад. Прошло часа два, когда Каштановы увидели наконец то, что так долго искали.

Сентябрьская погода. Чьи-то похороны с малым количеством людей. Люди потихоньку отходят от могилы, и тут к ней приближается и сгорает молодая женщина…

— Смотри, Серёжа!

Каштанов увидел очень пожилого человека. Старик подошёл к могиле, невозмутимо поднял зерно и скрылся. Родолена гладила кору сосны, но ничего нового увидеть не получалось. Женщина не могла что-то сделать внутри памяти старых деревьев замечательно

красивого исторического кладбища Тестаччо. Скажем, у неё не было сил войти в ту эпоху и взять зерно с могилы после сгорания неизвестной женщины, родной ей по растительной крови.

Родолена отняла руки от дерева и смахнула капельку пота. Картинка сменилась на современную.

— Всё, Серёженька, не могу больше. То, что смогла узнать — узнала. Запомни дату: 23 июня 1824 года. И 25 сентября вечером того же года. Первая дата — когда незнакомка превратилась на этом кладбище из зерна в женщину. Вторая — когда сгорела.

Они сели на лавку. Выглядела Родолена очень усталой. Каштанов достал из пакета бутылку минеральной воды, две булочки и две моцареллы в целлофане. Разорвал целлофан. Они молча поели. Родолена спросила:

— Никаких мыслей?

— О чём?

— О том, как в ту эпоху попасть.

— Человеку это не под силу. У нас ведь нет машины времени. Единственная умная мысль на эту тему у меня есть.

— Какая?

— Мы рано расстались с Татьяной.

Родолена думала секунды три. Потом тыльной стороной руки погладила его по лицу и расцеловала.

— За что я тебя люблю — ты у меня очень умный.

Каштанов почесал мочку уха.

— Только за это?

— Не только. Пошли искать Татьяну.

Минут через десять они нашли кошку. Татьяна лежала на роскошном надгробии. Сергею показалось, что кошка улыбается. И ещё. Когда она с Родоленой заговорили, он вдруг начал понимать кошачий язык. Кошка была весьма деловая. Родолена спросила:

— Люди живут в трёхмерном пространстве. И не могут пройти сквозь время. А могут ли это делать кошки?

— Могут.

— Вы не могли бы помочь нам?

— Как вы себе это представляете?

— Мы превратимся в растения, и вы нас пронесёте.

— Кошки не имеют права что-то с собой проносить в другие эпохи.

Глава 8. АДА РАНЬЕ

Родолена просяще посмотрела на Татьяну.

— Даже две крохотных травинки? Их не будет видно. Мало ли, случайно прицепились на кладбище.

Кошка долго думала, потом лениво сказала:

— Три круга моцареллы. Хочу своих угостить.

Родолена подмигнула Каштанову и, договорившись с кошкой, супруги пошли искать магазин.

По возвращении сумку оставили на время в здании при кладбище. Кошка Татьяна просила отдать сыр, когда всё будет сделано.

Труднее всего было объяснить Татьяне, что нужно попасть именно в поздний вечер 25 сентября 1824 года. В разные времена кошка проходила, образно говоря, через портал, но ей было абсолютно по барабану — в какое именно время она проходит. Проходила Татьяна редко, по своим кошачьим делам.

Родолена подошла к сосне, положила на неё ладони и показала кошке то время, в которое надо попасть. Кажется, Татьяна поняла.

Каштановы быстро разделись, Родолена сунула одежду в пакет и они обернулись крохотными травинками. Зацепились Татьяне за шерсть, и кошка прошла под надгробием.

Целлофановый пакет кошка пронесла в зубах. Каштановы оказались на том же месте, только людей и подавляющего количества могил не было. Быстро оделись. Стоял ранний вечер, по-сентябрьски светлый.

Показалась молодая женщина. Она была одета в простое длинное тёмно-зелёное платье и зелёный чепчик. Женщина не казалась убитой горем. Даже задумчивая улыбка украшала лицо. Но цвет этого лица был серым, как у Родолены перед последним сгоранием. Родолена подошла к ней.

— Извините, пожалуйста. Как вас зовут?

— Ада Ранье. А вы… вы… тоже из женщин-растений?

— Да. Вы узнали?

— По внешности вы — моё зеркальное отражение.

— Я — ваша пра-пра-правнучка. Из другого времени. Расскажите, пожалуйста, что вы помните о себе.

— Немного. Родилась взрослым человеком. Однажды сгорела на этом кладбище. Возродилась в дождь. Алёша, который оказался рядом, накинул на меня свой сюртук. Мы пошли к нему домой и стали жить вместе. Через несколько дней в дверь постучали. Чудаковатый старик, представился Джузеппе, и назвался моим крёстным. Он сказал, что я однажды родилась на его глазах. Только почему-то находилась без памяти. Джузеппе купил мне одежду. Он рассказал, что я родилась из изумрудного зерна, и назвал моё имя. И грустно добавил: «Как мало тебе жить, девочка моя!». И ушёл. Алёша сильно кашлял. И сказал, что скоро умрёт, но ни о чём не жалеет, так как встретил меня. Позавчера он умер. Я рада, что мы с ним в другой жизни увидимся. На Тестаччо эмигрантов запрещают хоронить днём. Поэтому похороны вечером. А я знаю, что сегодня сгорю. У меня оказалась маленькая жизнь.

Родолена с большой любовью и грустью смотрела на Аду. Не вопросительно, а утвердительно заговорила:

— Вы умеете превращаться в другие растения?

— Да. Только делала я это всего три раза.

— Вы умеете сгорать и возрождаться?

— Да.

— Вы умеете контролировать время между сгораниями?

— Да, научилась. Мне остался где-то час жизни.

— У вас мёрзнут руки.

— С утра просто кошмарно. В любую жару. Причём от сильной жары мучаюсь не меньше. К счастью, сейчас осень. Вот, кажется, везут Алёшу. Очень рада была с вами познакомиться. Жаль, что так поздно. Родных людей всегда мало.

Женщины взялись за руки. Они сжали руки так крепко, словно не хотели расстаться. Смола с белых перчаток Родолены прилипла к зелёным перчаткам Ады.

Потом Сергей Васильевич и Родолена Николаевна отошли в сторону, где как ни в чём не бывало лежала кошка Татьяна, и начался печальный обряд похорон. Людей было немного. Кроме Ады всего пять человек. Потом трое ушли, ещё одна женщина тоже отошла на приличное расстояние. А затем… Ада сгорела на холмике.

После этого к могиле подошёл пожилой человек. Он поднял зелёное зёрнышко и быстро направился к выходу. Родолена быстро что-то сказала Татьяне на кошачьем, а потом произнесла:

— Серёжа, пойдём за ним!

Они догнали незнакомца.

— Джузеппе, постойте! — крикнула Родолена.

Он испуганно и резко обернулся. Его голос был тороплив, скрипуч и глуховат.

— У вас такой же голос. И лицо. Только одежда другая.

— Понимаете, я тоже растение. Женщина-растение. Только из другого века. Может быть — родственница Ады. Пожалуйста, ответьте, когда и где вы нашли куст или зерно, из которого Ада родилась?

Джузеппе был очень стар. У него были поразительные по чистоте голубые глаза, в которых была сумасшедшинка гения. Эти глаза при виде Родолены стали настолько счастливыми, что женщина поняла — они пришли в это время не зря.

— Адочка для меня — всё. Тогда в мае с кладбищенского куста я принёс домой зерно. Родилась Ада. Но она почему-то была без памяти. И я отнёс зерно обратно на кладбище. И стал ждать. У Адочки были короткие промежутки между сгораниями. А тут — дождь. На Тестаччо был этот молодой русский. У Ады осталось ещё одно сгорание. Но придётся посадить зерно для куста. Она такая умница. А какая талантливая! Но куст…

Джузеппе закашлялся.

— Куст был ещё очень маленький и молодой. Он дал только одно зерно. А это значит — у неё очень короткая жизнь. Всего три-четыре месяца. Я занимаюсь этими зёрнами пять лет. Их было десять. Десять девочек. Каждая прожила один, два, три месяца. Похоже, надо сменить климат. Адочка прожила дольше всех. Но если сейчас зерно не посадить, уникальное растение прервётся навсегда.

— Мадагаскар? — спросила Родолена.

— Мадагаскар… — задумчиво повторил Джузеппе. А что? Это идея. Спасибо!

— Когда и где вы нашли куст?

— Пять лет назад. В Ницце.

— Зерно упало, и полил дождь?

— Да. Из зерна появилась девушка. Тоже Ада. Так звали мою покойную жену. Я их всех называл этим именем. Главное, чтоб никто не узнал. В мире столько недобрых людей! А вы? Сколько лет живёте вы?

Когда Родолена немного рассказала о себе и познакомила Джузеппе с Сергеем, старик просиял:

— Господи, теперь и умереть не жаль! Как вас зовут?

— Родолена.

— Ваше имя я буду повторять всю оставшуюся жизнь. Я буду молиться за вас! Спасибо, что вы пришли. А вы, молодой человек, берегите её! У вас подлинное сокровище, и это сокровище — ваша жена.

Темнело. Каштановы попрощались со стариком. Он вздохнул.

— Поеду на Мадагаскар. Главное — чтобы не прервалась связь времён…

Родолена и Сергей пошли к Татьяне, разделись, превратились в травинки, и кошка унесла их обратно. Потом Каштановы вновь стали людьми, попрощались с Татьяной, поблагодарили её и отдали кошке сыр. Родолена обессиленно произнесла:

— Одеваемся-раздеваемся. Устала. Пойдём, Серёженька, из этого милого места.

Потом они сидели в том же парке напротив Колизея. Стало совсем темно. Загорелись электрические фонари. Вокруг были величавые и такие близкие сосны-пинии. Родолена медленно сняла перчатки. На ладонной части обеих была смола. Она бросила их в урну, потом тщательно промыла руки в фонтанчике. Села на лавку, потянулась и привычно положила голову Каштанову на плечо.

— Они свою роль выполнили. К тому же смола с трудом отстирывается.

— Тем более, что ты как пить дать с собой прихватила ещё с десяток пар.

— Что ты. Только четыре. Хотя белых среди них нет.

Каштанов прижался к Родолене губами, и минут сорок они находились в состоянии полного блаженства.

Поздно ночью Каштановы ушли на улицу Буонарроти.

На следующий день до отъезда в Ниццу оставалось ещё часов восемь.

Встречу с Николо Родолена предложила провести в кафе «Греко», где сиживал Гоголь. А пока в ожидании старого учёного Родолена и Сергей ели жареные каштаны, медленно-медленно бродили по площади Испании и впитывали все краски вечного города.

В кафе Николо выслушал поразительный рассказ Родолены.

— Ну и кто, по-вашему, Родолена, мог ещё так блистательно выполнить мою просьбу, кроме вас? Кто мог так понять психологию кошек и попасть в другое время? Вам цены нет! Узнать бы оккультную связь родоленовых кустов, Ниццы и Аньеллы Дор.

— Вы думаете, она существует?

— А как же? В мире и во вселенной действуют свои причинно-следственные связи. Люди приходят в какие-то места, порой не зная того, что с этими местами связано. А Джузеппе пытался, хоть и примитивно, провести селекцию. Ему удалось вывести куст, дающий женщин с замечательными чертами. Кроме одной. Короткий срок жизни. Джузеппе как мог старался продлить им жизнь. Судя по всему, после этих событий Джузеппе уехал на Мадагаскар.

Николо вытащил маленькую коробочку и открыл её.

— Надеюсь, Сергей Васильевич не будет ревновать. Эта камея принадлежала моей жене. Она умерла тридцать пять лет назад. Женский профиль на камее удивительно похож на ваш, Родолена. Примите её в знак благодарности и с извинениями за всё.

Камея была действительно хороша. Старинной работы, на голубоватом агате. Белый, словно мраморный, женский профиль. Родолена колебалась. Но Николо настоял.

— Пожалуйста, возьмите. Детей у меня нет, а Долли до вас ещё очень далеко.

На шее Родолены камея смотрелась дивно.

На этот раз они тепло попрощались.

У фонтана Лодочка Родолена положила Каштанову руки на плечи и взволнованно произнесла:

— Жалко Аду, сил нет. Оказывается, за тридцать-сорок минут разговора можно полюбить человека и привязаться к нему. Проговорили совсем мало времени, а я будто очень родное существо потеряла. Такая умница. Всё видела, всё понимала. А сделать ничего не могла. Знаешь, Серёжа, давай, когда придёт наш срок, приедем ещё раз в Рим и сгорим по окончании последнего цикла на Тестаччо. Там так красиво! И много ли места надо для зерна? Детей у нас нет, статьи нужны узкому кругу учёных. Ты уйдёшь на пенсию — другой человек отдел возглавит. После меня — несколько человек спят и

видят, как бы место моё занять. Лет через сто о нас помнить-то никто не будет. А все эти надгробные плиты…

Каштанов подумал-подумал и согласился.

Глава 9. НИЦЦА

Утром из двухзвёздного отеля Ниццы вышли Сергей Васильевич и Родолена Николаевна. Женщина была в глухом зелёном платье выше колен, без рукавов, и бледно-зелёном шёлковом платке. Мужчина в брюках, белой рубашке и бандане. У выхода Родолена попросила мужа подержать сумочку, постояла у растений, что-то шёпотом говоря. Потом Каштановы вышли и направились к Замковому холму. Сергей спросил:

— А что мы туда так рано идём? День сегодня будет очень жаркий. Призрак Аньеллы появится поздно вечером.

— Серёжа, я хочу проверить одну свою догадку.

Каштанов не стал спрашивать — какую. Жена была сосредоточенна и что-то обдумывала. Они поднялись на холм с открыточными видами и прошли мимо цветущих растений к усыхающей сосне. Нашли солнечное место, где не было людей, и Родолена сняла платок.

— Блаженство! Серёжа, сними бандану. Ты тоже растение. Давай немного поучаствуем в процессе фотосинтеза.

Каштанов снял бандану. Зелёные волосы супругов сияли на солнце. Благо, никого рядом не было. Родолена сказала:

— Мы растения. И, следовательно, фотосинтез — наш органический процесс. Мы постоянно красим волосы, боясь нарушить устоявшиеся условности. А не через волосы ли поглощаем углерод и выделяем кислород? Когда приедем домой, проанализируй, пожалуйста, мой и твой волоски. Может, в них есть хлоропласты. А может — если не краситься — то и жить дольше будем? Как ты думаешь?

— Не знаю.

— Меня всё время тянет одеться в зелёное. Но в одежде хлоропластов нет. Растения в большинстве своём не выносят сильный холод и сильную жару. Кроме исключений.

— Но Долли одевается обычно.

— Но и способностей у неё таких, как у меня или у Ады, нет.

Стало припекать не на шутку. Родолена быстро надела шёлковый платок, Сергей — бандану, и они пошли к деревьям. Народу было очень мало. Сели под надёжной тенью и блаженно откинулись на лавке. Потом Родолена посмотрела на свои руки, на которых появилось по внушительному красному и зелёному пятну, и достала из сумочки длинные, выше локтя, кружевные зелёные перчатки. Пахнуло ароматом душистой герани. Надевая их, Родолена с иронической улыбкой сказала:

— От жары растения сохнут. От холода мёрзнут. Проблема женщин-растений. И мужчин тоже. Я не могу даже позагорать, как другие.

— Зато с какой другой женщиной я так часто, несколько раз на дню, вдыхал бы свой любимый аромат?

Родолена села к нему на колени, сняла с себя платок, с него бандану и привычно, ласково положила руки ему на лицо.

— Только в Европе я могу себя чувствовать совершенно свободно. Люди бальзаковского возраста могут вести себя как дети.

Они наслаждались долго, несколько часов. Им любовь никогда не надоедала. Потом попили воды из бутылки.

— Не устал? — весело спросила Родолена.

— Я с тобой никогда не устаю.

— Прохожие, наверно, думают — ненормальные какие-то. Вместо того, чтобы заниматься этим делом в отеле, они развратничают на природе.

— Прохожих мало. А потом, любовь — это не разврат.

— Посмотрим.

И они начали целоваться снова. Каштанов восторженно сказал:

— Ты чудо. За четыре часа четыре половых акта. Я от себя такого в пятьдесят два года и не ожидал.

— Передохнём. Скоро появится призрак Аньеллы Дор.

Но Каштановым пришлось ждать ещё часа два в темноте, пока призрак Аньеллы не появился. Она радостно обняла их, и Каштанов почувствовал на лице мокрый след. Поцелуй Аньеллы Дор. Она зашептала:

— Как вы живёте? Как вообще вы остались живы?

Родолена рассказала всё. Аньелла радостно воскликнула:

— Это великое чудо! Серж, я вами горжусь. Сейчас мы сходим неподалёку на старое кладбище Ниццы.

— Зачем? — спросила Родолена.

— Я прочитала ваши мысли и ваш вопрос. Ещё неделю назад я не смогла бы на него ответить. Но сейчас… Короче, на этом кладбище есть кое-кто. Я познакомлю. Пойдём.

Они пошли на кладбище. Путь освещали звёзды, фонари и Аньелла. Её призрак странно мерцал в темноте. Надгробия, кресты, памятники не пугали.

— Мадлен, вы где? — спросила Аньелла.

Появился призрак женщины средних лет в простом длинном платье восемнадцатого века и с петлёй на шее.

— Расскажите, Мадлен, свою историю. Это мои друзья.

Они вчетвером присели на надгробия, и Мадлен стала рассказывать. Голос её был хрипловатый и жёсткий.

— История моя простая и достаточно грустная. Я доживаю на земле в виде призрака за собственное самоубийство и за убийство, которое совершила. И ни в чём не раскаиваюсь, поэтому, наверное,

столь долгий посмертный срок. Хотя и не знаю, почему моя жизнь была такой трудной. Большая часть срока прошла в Париже, где, собственно говоря, убийство и произошло. А часть срока за самоубийство меня послали отбывать в Ниццу. Во время Великой французской революции я своими руками накинула петлю на шею торговцу, который во время голода таил хлеб. Хотя восставшего народа было много. Просто так получилось. Меня арестовали незадолго до падения Робеспьера. Не за убийство торговца. Просто я была фанатичной поклонницей левых — Эбера и Жака Ру. Тогда приговаривали к гильотине. Когда меня везли в крепость, я попросила остановить телегу на поляне, чтобы испражниться. Присела над каким-то маленьким цветущим кустом, полила его, а потом случилась менструация. В крепости перед гильотиной должна была пройти ещё ночь. Но если моим вишнёвым глазам суждено было погаснуть, то… Короче… я не хотела на тот свет появляться с собственной головой под мышкой. Полагаю, что имею на это право. Оторвала тесёмки от передника, связала их, сделала петлю и удавилась. Вот и всё. В обоих случаях была петля.

— А когда вы погибли? — спросила Родолена.

— Была весна 1794 года. Мне Аньелла рассказывала всякие чудеса о вас. У меня в голове не укладывается. Женщина и растение были всегда для меня очень…

— Очень разными? — вопросительно улыбнулась Родолена.

— Да.

— Ваша менструация дала жизнь новому виду растений. Вы внесли вклад в науку. Дали жизнь Аньелле, мне и другим.

— Чудеса. Значит, моя ничтожная жизнь на что-то пригодилась?

У Мадлен появились призрачные слёзы на глазах, и Аньелла погладила её по голове. Два призрака и двое живых с огромным удовольствием пообщались. У Мадлен кончался срок пребывания на Земле, чему она была весьма рада.

Расстались они под утро очень по-доброму. Оставшееся время Каштановы гуляли по Ницце, перебирали на набережной морские камешки.

— У меня никогда не было такого насыщенного отпуска, — сказал Каштанов.

— Мы сделали то, что необходимо было сделать, — ответила Родолена.

Глава 10. ВРЕДИТЕЛЬ РОДОЛЕНОВЫХ КУСТОВ

Воспоминаний об отпуске хватило почти на год. Через восемь месяцев Родолене прислал тревожное письмо Николо. Куда-то пропала Долли Наро.

Они с мужем долго обсуждали этот событие и послали успокаивающий ответ старику. Хотя спокойствия не было.

Однажды, в самом конце мая, Родолена Николаевна выходила с работы на остановку. Она пересекла проспект и села на лавку. И рядом с ней разместился странный человек лет пятидесяти, полный, высокий, в мешковатом длинном сером драповом пальто. Хотя май был тёплым. У незнакомца было какое-то буроватое лицо, пронзительные зелёные глаза и густые, длинные, седоватые усы. Руки он держал в карманах. Родолене стало сразу весьма неуютно и почему-то страшно.

— Родолена Николаевна?

— Да. Кто вы и что вам угодно?

— Кто я? Позвольте представиться: Фагоцитус Родолени. Я — вредитель родоленовых кустов, тот, собственно, кто ими питается. И пришёл вас предупредить, что скоро съем вас и вашего мужа.

— Вы пьяны?

— Вот именно такой глупый вопрос мне задала Долли Наро. Перед тем, как я её…

— Что вы с ней сделали?

— Съел, разумеется. Да, кстати, кроме соков я не пью ничего. Просто вас, точнее, ваш куст произвели на свет люди, и меня, соответственно, тоже. Кто — не скажу. Да это и не важно. Похоже, вы мне не верите. Ну смотрите.

Незнакомец вынул руку из кармана, и в рукаве Родолена увидела зелёную когтистую лапу.

— Уверяю вас, другая рука такая же. Да, вот ещё, полюбопытствуйте.

Он расстегнул на животе пальто, и Родолена увидела ещё две лапы. Фагоцитус застегнулся. Родолена спросила:

— А как погибла Долли?

Фагоцитус Родолени довольно усмехнулся в усы и сказал:

— Она, глупенькая, превратилась в ромашку. А я, когда меня создали, экзамен сдавал как раз по съедению ромашки. Память у меня хорошая. Кстати, я могу превращаться в сотни жуков. А для Долли хватило тридцати.

Фагоцитус презрительно посмотрел на побледневшую Родолену и снисходительно процедил:

— Да вы не бойтесь. Что я, бандит какой. И у меня душа есть. Надеюсь, недели вам хватит, чтоб свои дела в порядок привести. Детей у вас нет, циклов осталось не так чтоб очень много. Я бы не тронул вашего мужа, но он стал растением. Родоленовым растением. Кстати, если хотите, можете со своим мужем довести себя до зерна. Родоленовые зёрна я очень люблю, даже больше, чем листья. У вас ведь скоро окончание цикла. Я полгода езжу по разным местам, где могут быть родоленовые кусты.

— И во многих местах побывали? — пытаясь справиться с охватившим её ужасом, спросила женщина.

— В пяти. Ещё надо в двух местах побывать и дело будет сделано. Одно из этих мест — Россия, Сибирь. Где я сейчас и нахожусь. Просто женщины-растения — это ненормально. Такого не должно быть. И нашёлся человек, который смог исправить эту ошибку природы. Он вывел меня. И вогнал в мою голову очень много свойств. Так что договариваемся — через неделю я появлюсь. Место встречи — эта же остановка. Мы приедем к вам домой, и всё будет сделано. Да, убегать от меня не советую. Я могу чувствовать родоленового человека километров за сто. Вы, конечно, можете превращаться во всякие растения, но ведь и я тоже не промах. По растениям — я всеяден. До встречи!

И странный господин ушёл.

Ни жива ни мертва добралась Родолена Николаевна домой. Она все рассказала мужу.

— Бред какой-то, — сказал Каштанов.

— Серёжа, это не бред. Я увидела у него во рту, частично прикрытом усами, жвалы. Большие мандибулы жука. Я идиотка. Тратила столько времени на поиски своих корней, даже не предполагая, что смертельная опасность рядом. Кто же нас так может ненавидеть? Кто вывел это чудовище? Ну ладно, об этом после. Что будем делать?

— Бежать, — помолчав, ответил Каштанов.

— Куда?!

— А вот тут уже подумать надо. Этот Фагоцитус, вполне возможно, может слышать наш разговор. Если он не блефует.

И Сергей Васильевич показал жестом на лист бумаги.

Родолена всё поняла, взяла ручку и написала: «Говорить будем о любой ерунде, а писать — о главном». И супруги стали говорить обо всём достаточно буднично, параллельно записывая вопросы и отвечая на них. В основном это касалось городов и мест, куда можно убежать и где приготовить Фагоцитусу ловушку. Постепенно Родолена успокоилась. Исписав три листа бумаги, они пришли к выводу, что нужно ехать на остров Ольхон, что на Байкале. Необходимо было найти такое место, которое обладало бы точкой силы. А Ольхон — как раз такое место.

Родолена подошла к окну и замерла.

С той стороны стекла, улыбаясь, им помахал правой передней лапой довольно крупный серый жук, внешне очень напоминающий Фагоцитуса. И улетел.

Сергей Васильевич в последний момент успел его увидеть. Он подошёл на жесты и крик Родолены. И усмехнулся.

— Ну вот, теперь я знаю нашего врага в лицо. А с виду — такой милый жучок.

А Родолена опять подошла к столу и начала писать.

«Серёжа, завтра пойдёшь в поликлинику и возьмёшь больничный. Я дам тебе порошок, который ты вдохнёшь минут за десять перед посещением врача. Две недели тебе обеспечено. А за это время мы успеем съездить на Ольхон. Простуда пройдёт через час после поликлиники».

Родолена тоже взяла больничный лист — благо она была приписана к другой поликлинике.

Ещё двое суток Родолена и Сергей, не расставаясь, штудировали книги по ботанике, зоологии и магии. Родолена рылась в Интернете, пытаясь отыскать легенды о Шаманской скале и других горах Байкала. Потом женщина списалась с Николо и рассказала о последних событиях. Тот посоветовал супругам держаться вместе, пообещав выйти на связь позже.

Это Родолена и Сергей сами понимали. На вокзал покупать билеты, в магазины — везде Каштановы не расставались.

Они ломали голову — кто может так сильно ненавидеть родоленовые растения, чтоб методично их уничтожать.

Главное — ни в одной книге даже намёка не было на ответ. Оно и понятно. Родоленовые растения не были прописаны ни в одном учебнике по ботанике, морфологии и систематике растений. Николо так и не решился дать о них статью, Родолена — тем более. Каким-то шестым чувством мужчина и женщина понимали, что сейчас не время привлекать общественное мнение к такому чуду природы, как родоленовые растения. Потому что пришлось бы отбиваться от роя журналистов, что-то объяснять. Но молчание привело к одиночеству перед опасностью. Потому что знали о ней только Николо, Родолена, Сергей Васильевич, сам Фагоцитус и тот, кто стоял за ним.

Родолена в отчаянии отшвырнула очередную книгу, что десятками брала в библиотеке на день-другой, и подошла к окну.

Серый жук сидел на стекле со стороны улицы.

Глава 11. ПРИКЛЮЧЕНИЯ НА ОЛЬХОНЕ

А ещё через день, вечером Каштановы, с рюкзаком, сумками и спальными мешками садились на поезд, который шёл до Иркутска.

Однако на станции Тайга, где обычно перецеплялись вагоны и где супруги вышли погулять, из соседнего вагона слез человекоподобный Фагоцитус в спортивном костюме с длинными рукавами и улыбнулся. Каштановы приуныли и зашли обратно в вагон.

В Иркутск они приехали рано утром. Потом — «Газель», паром, автобус.

— Серёжа, пожалуйста, будь всегда рядом, никуда не отставай! — шепнула Родолена.

Они вышли на Ольхоне, автобус ушёл. Родолена сразу низко склонилась над травами.

— Вот здесь поставим палатку, — сказала она.

Они растянули палатку. И её окружило широкое кольцо полыни, потом — кольцо шиповника, и несколько колец других растений, преимущественно весьма колючих. Женщина сказала:

— Скорее всего, Фагоцитус уже здесь, на Ольхоне. При его способностях превращаться в насекомых он заполз или залетел в «Газель», и как пить дать — на паром.

Каштанов улыбнулся.

— Мы — как в повести Гоголя «Вий». С кругами. Главное, чтоб он не оказался в нашем кругу.

— Нет, здесь он отсутствует. Хотя надо ещё подстраховаться.

Женщина вытянула вперёд руки и поправила круги, чуть выровняв или передвинув линии растений. Потом Родолена гортанно и хрипловато издала крик, и к ним подлетела внушительных размеров чайка. Они поговорили друг с другом, и чайка улетела, чтоб минут через тридцать вернуться вместе с сорокой. Сорока осталась, а чайка стала кружиться над Байкалом.

Серый жук завис над кругом, и знакомый голос Фагоцитуса начал увещевать беглецов.

— Родолена Николаевна, Сергей Васильевич, ну это же глупо. Вам нужно сдаться.

— Этого никогда не будет, — спокойно ответила Родолена.

— Пеняйте на себя. Я предупредил. Кстати — в последний раз.

Сорока спикировала на жука, но он улетел. Минут через двадцать круги кустов облепили мелкие тли и листовёртки. Они стали усиленно сосать и грызть листья. Но на подмогу Каштановым прилетели другие птицы, которые стали поедать вредителей. Всё это продолжалось несколько часов. Как только кусты редели, Родолена восстанавливала защитные круги. Глухой ночью насекомые отступили. У костра женщина сказала:

— Придётся, Серёжа, нам с тобой превращаться в байкальские водоросли. Споровые растения — а что делать? Я долго думала, умнее ничего придумать не смогла. На Шаманскую скалу мало надежды — даже если там есть духи, против насекомых они, скорее всего, ничего сделать не смогут. Растения спасут, для них мы с тобой — брат и сестра. Но возможности у них ограничены. Долго спасать нас круги не смогут. Чайки предпочитают питаться рыбой. А другие птицы на Ольхоне если и есть, то договариваться с ними долго. Мы даже насладиться не успели романтикой палатки.

— Хотя бы часа два-то поспать сможем?

— Часа четыре сможем. А потом свернём палатку и пойдём к озеру.

Но свернуть не удалось. Через час Фагоцитус появился, вырос-

ший до размеров динозавра, и приблизил к ним пасть со жвалами. Родолена мимолётно взглянула ему в глаза и потеряла сознание. Каштанов мгновенно превратился в свою излюбленную лиану, подхватил Родолену и понёсся к Шаманской скале. Фагоцитус, смеясь, направился вслед за ними. Женщина пришла в сознание, но выглядела очень слабой. Как бы не видя, она смотрела на мужа. Сергей крикнул ей:

— Не смотри ему в глаза!

Однако взгляд Родолены стал вполне осмысленным. Она тоже превратилась в лиану. Женщина была без чувств очень короткое время. За ними летели сотни жуков. Каштановы на мгновение превратились в людей, потом — в корни какого-то растения, и ушли в землю. Фагоцитус превратился в жуков-корнежилов и бросился вдогонку. У воды Каштановы вылезли наружу. Родолена шепнула Сергею:

— Превращаемся в росянок.

— Главное — не смотри ему в глаза, — зашептал Каштанов. — Это не Вий, но что-то дьявольское в нём есть.

— Я поняла, Серёженька!

Они превратились в хищных росянок, и над ними закружился Фагоцитус, разбившийся на множество крылатых созданий. Супруги ловили, ловили рои насекомых, даже не успевая их переварить. Но эту атаку тоже удалось отразить.

Потом Родолена и Сергей тонкими лианами рванули на Шаманскую скалу и там немного перевели дух. Становилось прохладно. Родолена спустилась к воде и потрогала одну водоросль.

— Серёжа, вот в неё нам нужно будет превратиться.

— А мы не застынем в воде? — спросил грустно Каштанов.

Они внимательно посмотрели на водоросль и превратились в неё. Фагоцитус решил, видимо, сделать очередную (а может, и нет) попытку. Он, в свою очередь, обернулся множеством жуков-водолюбов. Водолюбы стали окружать водоросли. Родолена зашептала:

— Водолюбы могут есть нитчатые водоросли…

А потом закричала:

— Серёжа — в лианы!

Водолюбы стали нападать на водоросли.

Каштановы мгновенно выскочили из воды. Перед тем, как превратиться в лианы, Родолена крикнула чайкам:

— Помогите!

Чайки налетели на водолюбов и стали их поедать.

Оставшиеся жуки превратились в Фагоцитуса, но маленького, размером с кошку. Он терял силы.

Не зная, что делать, Родолена и Сергей опять обернулись людьми, женщина схватила горсть песка и запустила в Фагоцитуса. Попала. Сергей сделал то же самое. Фагоцитус упал в воду.

Родолена приблизила губы к воде, что-то побулькала.

И неожиданно с десяток мелких рыбёшек-голомянок и других, более крупных рыб напали на Фагоцитуса. Они раздирали его.

Каштановы смотрели, как Фагоцитуса поглощает Байкал, и было им спокойно, как никогда.

Ещё одна ночь предстояла в палатке на острове Ольхон. Холод был нешуточный. Он проснулся в супругах Каштановых с огромной силой. Сказались усталость, сильное напряжение, многократные превращения и купание в холодном Байкале. Пусть и в изменённом виде.

Родолена, дрожа, надела три свитера, тёплые штаны и вторые, шерстяные носки. Сергея тоже пронзил холод, и он стал доставать вещи. Супруги влезли в один общий спальный мешок. Родолена хитро взглянула и тихо усмехнулась:

— Я посмотрю, как ты, Серёженька, сможешь в эту ночь меня согреть.

— А какой-нибудь новый Фагоцитус нас не достанет?

— Не знаю. Я уже ничего не знаю. Никогда так не уставала. Что за наказание — мы ведь никому не делаем никакого зла.

Каштанов обнял Родолену, она положила голову ему на грудь, и они мгновенно уснули.

Глава 12. САНАТОРИЙ ОТМЕЖАЧ

В нашей истории герои проявляют себя в основном на отдыхе. Но работа у Родолены Николаевны и Сергея Васильевича была достаточно монотонной. Лекции и практические занятия на кафедре, совещания, сбор информации, планы и отчёты в управлении поглощали время супругов Каштановых. Как и у многих, это была работа для зарабатывания хлеба насущного и возможности помазать его сливочным маслом и накрыть парой кусочков копчёной колбасы. Тем не менее, прошёл ещё почти год.

Когда однажды в апрельское воскресенье Сергей Васильевич не смог разогнуть спину, а у Родолены Николаевны от хондроза не смогла повернуться шея, супруги поняли, что байкальские приключения всё-таки даром не прошли. Родолене предложили на работе отдых в санатории Отмежач. Это был известный на всю область санаторий с чудесной минеральной водой. В нём отдыхали приезжие со всей Сибири.

Покупка путёвки, поход в поликлинику, короткие сборы — и вот от автовокзала автобус № 511 везёт Каштановых в санаторий.

Через два с половиной часа — десятиминутная остановка. Несколько деревянных туалетов, кафе и довольно вкусные пироги с капустой, и ещё два с половиной часа в дороге. Получасовая оста-

новка, кафе «Сказка», и через пять минут Каштановых встретил краснокирпичный санаторий Отмежач с фонтаном около реки Ячи.

Их заселили в довольно приличный номер. Врача удивило, что супруги отказались сдавать кровь, а просто выбрали процедуры, связанные с поправкой костного аппарата, ванны с минеральной водой и бассейн.

В этот день на обед был грибной суп и жаркое из форели, потом — процедуры, после ужина — танцы. В общем — всё, как в нормальном санатории.

Дородная белокурая культмассовичка Алёна Юрьевна Титова как могла веселила отдыхающий народ, вовлекая его в различные игры, хороводы, предлагая почитать стихи типа:

Отмежач, отмежач,
Ты поможешь, как врач.
Ты стоишь у реки,
Где луга широки.

Так прошло несколько дней. Вечерами Каштановы полюбили играть на бильярде. Однажды утром на доске объявлений Родолена и Сергей прочитали:

«Сегодня состоится концерт Максима Волкова «Мускатный вальс». Начало в 20-00 часов».

— Пойдём на концерт? — спросила Родолена.

— Пойдём, — согласился Каштанов. — Тем более — я знаю артиста. Вместе когда-то в литературный кружок ходили.

И они вечером пришли на концерт. Исполнитель чередовал свои стихи и песни, программа шла в течение часа с небольшим. У Волкова был своеобразный голос, очень высокий, но приятный. Каштанов уважал исполнителей именно за своеобразие голоса. Если певца можно было узнать по радио без объявления. Кстати, у самого Каштанова был как раз такой голос — очень индивидуальный. Бесцветные оперные голоса оставляли Сергея Васильевича равнодушным. После концерта Волков предложил свои книги и диски. И люди покупали. Кому-то нравились стихи, кому-то песни.

Каштановы подошли к Волкову. Он после концерта сидел за столом и на книгах и дисках раздавал автографы.

— Привет! Узнаёшь? — спросил Каштанов.

Максим поднял усталые серебристые глаза и улыбнулся.

— Привет, Серёжа! Однако, лет пятнадцать не виделись.

— Больше. Лет двадцать пять.

— Да что ты говоришь? Вот время… Слушай, а выглядишь ты просто великолепно.

— А это заслуга жены. Познакомьтесь.

Родолена и Максим познакомились.

— Всегда уважал Максима за спокойствие и огромную выдержку. И за порядочность, — сказал Каштанов.

— Сейчас наговоришь, в краску вгонишь, — улыбнулся Волков.

— Как ты жил всё это время?

— Нормально. Гастролировал, стихи писал. Конечно, были чёрные и белые полосы. Как у всех. Три года назад инсульт перенёс. В слабо-средней степени. После похудел на двадцать пять килограммов и постепенно восстановился. Продолжаю концертировать. И у нас в городе, и в других областях. А ты?

— Лесное хозяйство. Производство. Потом женился. Моя судьба могла бы повторить твою судьбу. Если бы в своё время не ушёл из активного творчества.

Волков предложил:

— По маленькой?

Каштанов ответил:

— Только что-нибудь очень лёгкое.

— У Серёжи тоже давление, — сказала Родолена. — Я пойду к себе в номер, а вы сидите.

Волков пошёл в бар, принёс две рюмки и бутылку.

После того, как выпили, Волков помолчал, потом произнёс.

— У меня перед тобой один долг остался. Дело одно. Я повёл однажды себя некорректно.

— Какое дело? О чём ты?

— Помнишь, ходила в студию красивая такая девушка. Анжелика. Ты ещё тогда влюблён в неё был.

— Ещё бы не помнить.

— Она пришла к тебе на день рождения. И меня ты тогда пригласил. А потом ты подрался со своим другом детства. Художником.

— Пьяные были, — пожал плечами Каштанов.

— А мы с Анжеликой вас тогда разнимали. Так вот, после этого у меня с ней был половой контакт, а она призналась мне, что тебя нисколько не любит.

— Да ладно. Больше четверти века прошло. Я забыл давно. Тем более — у меня сейчас совсем другая судьба. Очень необычная. Необыкновенно счастливая. И другая женщина. Которая меня, к счастью, очень любит. Мы уже вместе десятки лет. А ты женат?

— Нет, к сожалению, — ответил Волков. — Я никогда не умел, как ты, полностью уходить в любовь.

— Некоторые женщины это ценят, некоторые — нет.

Каштанов поставил рюмку на стол.

— Мне пора к жене. Ты когда уезжаешь?

— Завтра в 11 утра.

На следующий день, проводив Волкова, Родолена и Сергей Каштановы гуляли по лесу и любовались ветреницами и кандыками.

— Грустный человек, — сказала Родолена. — Половина песен весёлых, а сам грустный.

— Напомнил мне далёкую эпоху. Когда я был молодым и глупым. И всё-таки я никогда не… Я всегда вёл себя корректно по отношению к друзьям.

Каштанов замолчал.

— Ты что-то тоже загрустил, Серёжа. А давай сыграем в подснежники. Я буду ветреницей, а ты — кандыком. На счёт раз-два-три… Тем более — тут поблизости бьют минеральные источники.

Каштановы превратились в цветы и долго бегали по поляне, периодически ныряя в землю. Остальные цветы удивлённо на них смотрели.

Глава 13. СТАРЫЙ АЛЬБОМ

Обычно Каштановы жили не расставаясь. И только один раз, после возрождения Родолены, Сергей Васильевич Каштанов расстался со своей женой на несколько дней. Уехал июньским днём в Москву на всероссийское совещание. Благо, до очередного цикла было ещё далеко.

В столице долго думал, что подарить жене на день рождения. Она справляла его в тот самый летний день, когда Каштанов нашёл изумрудное зерно. Обычно Сергей Васильевич спрашивал жену о подарке. Они приходили в какой-нибудь магазин, и Родолена абсолютно точно выбирала нужную для неё вещь. Это мог быть кусок ткани, из которого она что-нибудь шила, или какая-нибудь экзотическая коробка конфет в пределах разумной цены. Но тут у Родолены предстоял юбилей, и требовалось что-то особенное. Тем более, супруга не сказала Каштанову, что именно она хочет. А день рождения был в день возвращения Сергея Васильевича. Французские духи не подходили, потому что Родолена была очень привередлива в ароматах (как любая женщина) и предпочитала сложные растительные сочетания, которые делала сама. Золото и драгоценные камни тоже не подходили, тем более, что два кольца, серьги и браслет он ей за совместные годы купил, и она сказала однажды, что этого достаточно.

Каштанов долго и задумчиво бродил по Москве, и вдруг зашёл в магазинчик «Сваровски». И там ему очень понравилось маленькое розовое хрустальное сердечко. Прямо на душу легло. Оно было немножко скошено и напоминало листик. И Сергей Васильевич приобрёл его.

К счастью, жене очень понравилось это сердечко. В нём было отверстие для тесьмы, и Родолена прикидывала — куда она его поместит. Какое-то время она носила сердечко на сотовом телефоне, потом сняла и призадумалась.

У любого человека есть старый альбом. Особенно если он давно

живёт в каком-либо городе. У Сергея Васильевича Каштанова тоже был такой альбом. После смерти матери этот альбом перешёл к нему. Там были родственники, бабушки, дедушки. Обо всех людях в альбоме мама Сергея Васильевича, Ирина Петровна, в своё время рассказала сыну. Каштанов знал, когда они жили, когда умерли. Информацию он тщательно записал на обороте фотографий. (Если она не была записана.)

И только про одного человека Ирина Петровна не знала. Он погиб в 1943 году под Сталинградом, точнее, пропал без вести. Сохранилась только старая, пожелтевшая фотография. 1940 года. Зная, что у него не будет детей, Сергей Васильевич решил впоследствии отдать альбом дальним родственникам. Конечно, будь он более знаменитым, можно было бы отдать альбом в музей. Но Каштанов был здравым человеком. И знал, что людей с такой внешней биографией, как у него, — пруд пруди.

Но пока годы жизни тикали, альбом этот Сергей Васильевич держал у себя, время от времени рассматривая старую фотографию. За этим делом его и застала как-то жена.

— Ты что такой сосредоточенный? — спросила она.

— Годы летят. А на этом фото — единственный из родственников, о котором знаю очень мало.

— Расскажи о нём подробнее.

— Звали его Николай. Он приезжал к бабушке на станцию Тайга. Во время войны. Минут на тридцать. Она успела дать ему баночку мёда, и он уехал на фронт.

Родолена задумалась.

— До станции Тайга два с половиной часа на электричке. Может, съездим?

— Давай. Я там сто лет не был. Может, дом бабушки сохранился, и около него есть какое-нибудь старое дерево.

На следующий день Каштановы ехали на электричке в Тайгу.

Родолена была в серо-зелёном глухом платье ниже колен с рукавами до локтей.

Они вышли из поезда, перешли через железный мост и пошли по длинной улице. Был прохладный день конца июня. Потом Сергей Васильевич предложил свернуть налево.

— Вон — дом бабушки. Смотри — тополь растёт. И довольно старый.

— Попробую с ним поработать.

Женщина подошла к дереву и погладила его. Пальцы забегали по узловатой коре.

Показались призрачные картины памяти старого дерева. Через час с небольшим Родолена позвала мужа и показала картинку.

— Твой родственник уезжал в ночь. Смотри, вот они выходят из дома, твоя бабушка провожает его до вокзала. На фронт.

Словно бледная видеозапись, на тёмной ночной картине высветились люди. Родолена пощёлкала пальцами по дереву. Изображение стало ближе.

— Мужчина такой же, как на фотографии.

Каштанов до боли всматривался в картинку, желая запомнить дорогие мгновения.

Потом Родолена оторвала руки от дерева, и картинка погасла. Женщина поёжилась.

Они поспешили на вокзал и на электричке уехали обратно в город.

На следующий день юбилей Родолены отметили в домашнем кругу, то есть вдвоём. Они прилично выпили шампанского и мускатного вина, когда Родолена вдруг предложила прогуляться до Лагерного сада.

Они тихонько пошли пешком.

Берег сада осыпался. Родолена Николаевна и Сергей Васильевич в последнее время часто прогуливались до Лагерного сада, особенно когда Сергей Васильевич встречал жену около университета.

Мемориальный сквер, обрыв и река чем-то манили Каштановых.

На берегу стоял многоэтажный жилой дом. Сам берег был метрах в пятидесяти от дома. Оползневые процессы давно не давали покоя городу.

Хмельная Родолена критически посмотрела на обрыв и спросила:

— Что делать будем?

— Скорее всего, этот дом расселят.

Родолена положила руки на плечи мужу.

— Ты не хочешь сделать мне и городу подарок?

Её зелёные глаза сияли лукавым огнём.

— Какой?

— Мы приманим берегоукрепляющие растения. И сами превратимся в них на время. Давай совершим маленький подвиг! Подвиг в мирное время.

Каштанов спросил:

— Во что превратимся?

— Давай в малину. Её часто выращивают как противооползневое растение. Я сейчас приманю столько растений, сколько смогу.

Родолена беззвучно зашевелила губами, а на обрыв стали подтягиваться берегоукрепляющие растения.

Родолена и Каштанов видоизменились в малиновые кусты и сплелись корнями. Родолена прошептала:

— Господи, как я тебя люблю, Серёжа! Ненаглядный мой!

Узоры малиновых корней ласкали и гладили друг друга. Листва одного куста целовала листву другого. Два куста передвигались, вальсировали в незримом и плавном растительном танце.

Так прошло часа два.

Каштановы приняли человеческий облик.

Был поздний вечер. Женщина стала дрожать, слабо улыбнулась, достала из сумочки золотую тесьму с розовым сердечком и надела на руку.

— У тебя, Серёжа, замечательный вкус. Всегда восхищалась.

Каштанов обнял жену за плечи, и они пошли домой.

Глава 14. ЛИСТОЕДЫ, ЛУИДЖИ И ЛУИЗА

В эту февральскую субботу Сергей Васильевич Каштанов блаженствовал у компьютера, оттачивая очередную статью. Когда в комнату вошла Родолена, он залюбовался женой. В пятницу был очередной сгорательно-возрожденческий цикл, и волосы Родолены, неокрашенные, светились цветом напитка «Тархун». Поверх золотистого платья сиял металлически-зелёный фартук с золотой буквой «Р» на нагруднике, а в руках было две вафельных зелёных тряпки: мокрая и сухая.

— А не сыграть ли нам в листоедов? — спросила Родолена.

Эта фраза была у них кодовая. Дело в том, что Каштанов очень любил красный борщ. Первые тринадцать-четырнадцать лет совместной жизни готовила в основном Родолена. Красный борщ немыслим без свёклы. А свёкла, особенно когда её трёшь, всегда может выстрелить бордовым соком. Старый фартук Родолены износился, и она превратила в два фартука своё металлически-зелёное шёлковое платье, которое очень любила. Увы, это платье стало изнашиваться. Она чинила его, как могла, придумывала разные банты, но увы. А ей нравился именно этот оттенок зелёного. Родолена никак не могла найти платье точно такого же цвета. После того, как она стала доцентом, времени на работу стало уходить больше. Муж стал чаще помогать жене, тем более, что Родолена не очень любила возиться с сырым мясом. Для мужа Родолена сшила фартук проще и крупнее, для себя — чуть поменьше и поизящнее. На нагрудниках Родолена вышила большие золотые буквы «Р» — на своём, и «С» на фартуке мужа. Когда они однажды пыхтели над приготовлением обеда, Каштанов усмехнулся: «Мы похожи на зелёных жуков-листоедов». Родолена ничего не сказала, но фраза «а не сыграть ли нам в листоедов» означала, что надо готовить еду или заниматься хозяйственными делами.

— Серёженька, нужно подняться на стремянку, смести паутину с углов на потолке и вытереть шкаф. Наши приключения не давали нам этого сделать. Да, чуть не забыла.

Родолена вернулась на кухню, принесла глубокую эмалированную лазурную чашу с тёплой водой и поставила на стол.

Он сладко потянулся и обнял жену:

— Какая ты у меня красивая!

— У тебя тоже волосы зелёные. Так что тебе тоже предстоит быть неотразимым — красивым, мужественным, изумрудно-зелёным. Да, я уже начала готовить твой любимый борщ.

И, пахнув любимым ароматом Каштанова — душистой геранью, жена скрылась на кухне.

Дома Родолена могла заниматься хозяйственными делами долго, так как отличалась пунктуальностью. К тому же, она была очень чистоплотна. Каштанову ничего не оставалось, как залезть с тряпками на стремянку. Он уже полностью вытер шкаф и убрал тенёту с углов, как Родолена крикнула:

— Серёжа, иди скорей сюда!

Каштанов слез со стремянки и, вытирая руки тряпкой, пошёл на кухню.

— Смотри!

Родолена, осторожно приподняв рукой фартук, держала на нём большого зелёного жука.

— Откуда он зимой? — изумился Каштанов.

— Не знаю.

Она боялась жуков, помня о Фагоцитусе. Но этот жук был вполне мирным. И тонким голосом он наскрипывал:

— Посмотрите скайп.

Каштанов включил компьютер и скайп. Жук исчез. На экране показался деловой и сумрачный Николо.

— Здравствуйте, друзья! Дело не требует отлагательств, поэтому я сразу же начну. Мне удалось узнать, кто подсунул нам Фагоцитуса. Я и не думал, что события моей молодости многолетней давности способны воскреснуть вновь. Это относится к тем временам, когда я был студентом. Нас на курсе было двое — самых честолюбивых. Я и Луиджи. Но Луиза — девушка, за которой мы ухаживали вдвоём, предпочла меня. Мы поженились и прожили счастливо двадцать шесть лет. К сожалению, у Луизы было слабое сердце. Случился обширный инфаркт, и она умерла. А Луиджи, похоже, так и не смог простить мне моё счастье с Луизой и её смерть. Он ещё студентом был неплохим энтомологом, и в зрелые годы вывел это чудовище. Луиджи знал, что я занимаюсь родоленовыми кустами. Я знаю, что его конечная цель — погубить меня и дело всей моей жизни. А есть ли у него новые Фагоцитусы — я не знаю. И что делать — мне тоже не ведомо. Если будут какие-то мысли — выходите со мной на связь. Обнимаю.

И экран погас.

— Господи! — простонала Родолена и закрыла лицо руками.

— Я хочу жить как обычный человек, — всхлипнула женщина. — Преподавать и вести практику по растениям, варить тебе борщи и

другие блюда. А приходится всё время бороться за свои жизни.

— Что остаётся? Поедем в Италию и попробуем выйти на этого Луиджи. И спросим, чего ему надо. И не сможет ли он от нас отвязаться. Если он откажется — тогда будем думать.

— У тебя есть какие-то мысли? — с надеждой спросила женщина.

— Мысль пока одна. Но она очень зыбкая и требует подтверждения.

— Всё равно — скажи, пожалуйста.

Каштанов заложил руки за зелёную шевелюру.

— Ты помнишь, как вёл себя Фагоцитус?

— Он превращался в разных жуков и других насекомых. И пытался нас съесть.

— Правильно. А почему он это делал?

— Потому что…

— Ну, ну…

— Потому что искал родоленовые растения. То есть нас.

— Правильно. То есть он был просто запрограммирован — искать и уничтожать нас. А любую программу можно нейтрализовать.

Однако через неделю Николо вновь вышел на связь.

— Через три недели Луиджи приедет в Венецию на карнавал. Он страстно любит карнавалы. Есть возможность там его найти. Но меня он узнает под любой маской.

— Карнавал! — воскликнула Родолена. — Вы с ума сошли! Откуда у нас такие деньги? Одни костюмы сколько стоят.

— Не беспокойтесь. Большую часть расходов я возьму на себя. Вы, Родолена, продиктуете мне данные вашей банковской карты, и деньги будут отправлены. От вас требуется одно — узнать адрес его лаборатории. Находится она где-то в Неаполе. Более подробные инструкции я дам вам через два дня. Когда всё как следует обдумаю. Я тоже не миллионер. Надо так спланировать ваши расходы (я имею в виду ваши с мужем расходы), чтоб вы и с голоду не умерли, и чтоб мне изъян своему карману не сделать. Родолена, не надо на меня дуться за старое. Кажется, так у вас выражаются. Я вам не враг. А задача у нас одна — чтоб вам живыми остаться, и чтоб мне последние родоленовые растения не погубили. До встречи.

Каштанов потёр переносицу.

— В организаторских способностях твоему Николо не откажешь.

— Николо мне иногда чем-то напоминает Сталина. Сколько тот злодейств совершил, а прошла Великая Отечественная война, и до сих пор учёные скрещивают копья — положительная роль у него была в нашей стране или отрицательная.

— Что ж, будем готовиться к карнавалу.

Глава 15. КАРНАВАЛЬНАЯ ВЕНЕЦИЯ

Николо был пунктуален. Ровно через два дня вышел на связь — весёлый и бодрый.

— Я всё обдумал. Итальянские расходы беру на себя. Вам необходимо будет из Санкт-Петербурга прилететь в Венецию и остановиться в маленьком городке Маргери в отеле «Нова Аврора». Это по улице Фрателло Бандьерро. Незаметный отельчик, в котором вы проведёте ночь. Утром вы покинете отель и на автобусе заедете в город Местре. Там по адресу, который назову позже, вы найдёте свои карнавальные костюмы. Выбирал на свой вкус, так что не обижайтесь. Размеры ваши. После этого поедете в Венецию и найдёте отель «Белль эпок». Луиджи остановится в нём. Он страшный франкофил. Кстати, Луиза была француженка. Вы тоже остановитесь в этом отеле и сами сориентируетесь, когда вам переодеться в карнавальные костюмы. Ваша задача — познакомиться с Луиджи и разговорить его. На нём, скорее всего, будет маска баута — одна из древних венецианских масок. Фотографию Луиджи я вам уже выслал. Венеция — один из очень немногих способов увидеть его. Обычно он прячется. И я не знаю — где. Именно в этом нужна ваша помощь. Хотя и не только в этом. Адрес его лаборатории в Неаполе. Адрес — вот главное. Визитная карточка. Держите меня на связи. Удачи.

После того, как экран погас, Родолена задумчиво сказала:

— Одно плохо — наш цикл может произойти в самый разгар карнавала. До поездки, Серёжа, нам надо будет потренироваться, как обычно, сгорать без сгорания одежды. Это несложно — просто скидывать её и сгорать голыми. Но костюмы на нас будут старинными. Историческими. Всяких завязок и крючков полно. Не надо забывать — карнавал проходит зимой. Чтоб нам там совсем не околеть. А то Луиджи и мучиться не надо будет над созданием новых Фагоцитусов — сами вымерзнем. И ещё — нужно как-то замотивировать наш отъезд на две недели.

Оставшееся время до отъезда пролетело незаметно. Потом был поезд до Москвы, пересадка на Ленинградском вокзале, аэропорт в Санкт-Петербурге, пересадка в Прибалтике, Венеция и автобус до городка Маргери. Усталые Родолена Николаевна и Сергей Васильевич заселились в отель, в прозрачном лифте заехали на второй этаж в свой номер и легли спать, даже не поужинав.

Выполняя инструкции, утром съехали, сели на автобус и поехали в город Местре. Долго искали по адресу нужный дом. Хозяин, пожилой разговорчивый итальянец, передал им наряды.

— У Николо неплохой вкус, — заметила Родолена, примеривая серебряно-зелёный наряд с серебряной же полумаской. — Звёзд с неба не хватает, скуповат, но вкус есть.

— Да уж, — отозвался Каштанов, надевая малиново-золотой наряд в стиле восемнадцатого века. Я похож на Казанову, тебе не кажется?

— В тюрьму бы только не попасть, как Казанова.

— Надо постараться.

Они опять переоделись в свою одежду, взяли наряды и на автобусе поехали в Венецию. Не очень долго ходили, пока нашли отель «Белль эпок» (Николо скинул подробную схему), потом устроились в этом трёхзвёздном заведении.

— Номер очень даже ничего, — промолвила Родолена, осматривая витую, с золотом, спинку кровати.

— М-да, неплохо, — ответил Каштанов и поставил сумки.

— Ты не устал?

— Нет. Как узнать, в каком номере остановился Луиджи?

— Придётся использовать наши способности. Только сначала поедим.

Но свои способности по превращению в растения им использовать не пришлось. В роскошном ресторане с бело-золотистыми столами и стульями обедали три посетителя. Один из них, сидевший одиноко за столом, был Луиджи. Его фотографию Николо скидывал по электронной почте. Довольно крепкий жилистый старик с густой копной белоснежных волос. Родолена достала из сумочки ручку и на салфетке написала записку: «Серёжа, для Луиджи я буду Елена Николаевна. Я сейчас выйду на пять минут, а потом мы заведём с тобой разговор о бабочках». Каштанов прочёл, не очень понял, но ничего не сказал. Родолена вышла и минут через десять вернулась с двумя фотографиями.

— Серёжа, — по-итальянски сказала жена, — твой карнавальный кафтан украшен бабочками-крапивницами.

И показала ему снимок его костюма. И при этом пододвинула ему записку, где написала: «Спорь, что это многоцветницы».

— Дорогая, мне кажется, что это многоцветницы.

— А мне всё-таки кажется, что это крапивницы.

— Нет, у крапивниц совсем другой узор на крыльях.

Луиджи слушал-слушал, потом не выдержал и подошёл к их столику.

— Извините, разрешите посмотреть.

Родолена дала ему снимок. Луиджи посмотрел и весомо заметил:

— Мне кажется, это бабочка под названием «Углокрыльница эс-белое».

Родолена всплеснула руками.

— Правда. Абсолютно верно.

— Оригинальный наряд, — сказал довольный Луиджи. — Первый раз на карнавале?

— Да.

— Позвольте представиться, — Луиджи положил на стол визитную карточку. — Профессор Луиджи из Неаполя.

— Мы из России. Елена Николаевна и Сергей Васильевич Каштановы. Биологи.

— Елена Николаевна, где я мог вас видеть? Вы пойдёте на площадь Святого Марка? Там всё начнётся.

— Не знаю, где. На площадь мы обязательно пойдём.

— Тогда жду вас через час внизу, в карнавальных костюмах.

Через час Луиджи был одет в чёрный с серебром костюм и маску баута.

Чем ближе подходили они к площади Святого Марка, тем больше разнообразно одетого карнавального народа встречалось.

Потом было праздненство на площади и плавный полёт девушки-ангела.

Луиджи завёл их в кафе неподалёку от моста Риальто. Они сели за столик, и Луиджи снял маску. Ворот серебряно-зелёного платья Родолены открывал ей шею.

Они заказали по бокалу красного вина и большую пиццу. Разделили на три части и погрузились в еду. Луиджи расспрашивал о России, о биологии. Родолена и Сергей поддерживали светскую беседу. Вдруг Луиджи спросил:

— Елена Николаевна, скажите, откуда у вас эта камея?

Взгляд его чёрных неприятных глаз был пронизывающим.

— Мне подарил её наш хороший друг. А что?

— Она очень похожа на камею женщины, которую я когда-то очень любил. Камея продавалась на мосту Риальто в магазинчике и стоила баснословно дорого. Мой соперник меня тогда опередил. И когда женщина пришла ко мне на наше последнее свидание, и я увидел у неё на шее эту камею…

— Мне очень жаль, — сказала Родолена. Помолчала и сказала:

— Луиджи, а можно вам задать вопрос? Он может быть для вас неприятным.

Он язвительно засмеялся.

— Елена Николаевна, ну какой ваш вопрос может быть для меня неприятным? Мы едва знакомы.

Каштанов похолодел.

— За что вы так не любите родоленовые растения и профессора Николо? За что ваш Фагоцитус погубил женщину по имени Долли Наро и едва не погубил меня? Точнее, нас. Что, только из-за того, что в молодости Николо отбил у вас девушку, ставшую потом его женой?! Но это идиотизм.

На Луиджи было страшно смотреть. По старческому лицу прошла судорога, а глаза наполнились таким количеством злобы и страдания, что Каштанов подвинулся ближе к жене.

— Вы… Вы-ы-ы… — проскрежетал зубами Луиджи.

— Да, мы. Хочу вас предупредить, что победить нас вам не удастся. Никогда! Никто не дал вам права распоряжаться чужими жизнями и губить науку. Прекратите это, пока не поздно!

Родолена жёстко рубила фразы, а из её глаз шёл такой силы зелёный огонь, что профессор вздрагивал. Он вскочил, плюнул в пол и закричал:

— Я вас раздавлю, как вашу Долли! Разотру в порошок! Уроды! Помойка эволюции.

И, схватив маску, выбежал на улицу, где растворился в праздничной толпе.

— Пойдём, родной! — сказала Родолена и взяла за руку Сергея Васильевича.

Народу повсюду было очень много. Родолена сказала:

— Серёжа, надо найти какой-нибудь парк. Хотя бы маленький. В нём будет проще сгорать и возрождаться, чтоб нас не видели. На этот раз придётся делать это очень быстро, чтобы возродиться, пока наши костюмы не унесли. У нас на всё про всё минут тридцать.

Они побежали сколько было сил. Бежали по мостам и мостикам, по средневековым улочкам, мимо храмов, театров, институтов.

— Что делать?! — воскликнула Родолена. — До сгорания осталось минут десять. Скоро волосы позеленеют.

— Вон вдали какой-то парк. И народу немного.

— Скорее туда.

Родолена — придерживая длинное платье, Сергей — намотав плащ на руку из последних сил оказались у маленького парка. Каштанов перепрыгнул за металлическую ограду, подхватил жену, помог ей перелезть. Они спрятались за каким-то кипарисом. Только успели обняться — враз вспыхнули зелёным огнём. Через минуту на земле лежали только пустые костюмы.

Влага в парке была. Изумрудное зерно стало набухать, и через несколько минут обнажённые Родолена и Сергей Васильевич возродились. Придя в себя, пошатываясь и дрожа от холода начала марта, они стали надевать карнавальные костюмы. Родолена прошептала:

— Знаешь, Серёжа, у меня кружится голова, и почему-то немеют ноги.

Родолена опала на Сергея Васильевича. Он левой рукой обнял жену, а правой снял плащ, положил его тёмной стороной на землю и усадил Родолену. За пределами парка слышались музыка, шум фейерверков, пение. Сергей Васильевич встал на колени и попытался согреть женщину, как делал это почти тридцать лет. Родолена повернулась к нему и тоже встала на колени. Каштанов привычно согревал дыханием и поцелуями её руки. Минут через десять женщина согрелась и по привычке стала гладить его лицо.

— Родной мой, твоя жена совсем ослабела.

— Ничего, я тебя понесу.

И Каштанов понёс Родолену по карнавальной Венеции, мимо танцоров, певцов и сказочного многообразия костюмов.

— Подожди, Серёжа! Кажется, ноги начинают реагировать. Я сейчас попробую…

Каштанов поставил жену, она крепко взяла его под руку и, пошатываясь, пошла рядом.

— Серёженька, покупаем четыре бутылки вина, фрукты, две пиццы, идём в номер и пируем.

— А четыре бутылки — не много будет?

— Не много. Я так продрогла, что необходимо согреться.

Мимо прошла пара. Дама была в соболином манто. Каштанов прищурился.

— В России куплю тебе такое же. Чтоб никогда не мёрзла.

— Не надо. Соболей жалко. И потом — ты согреваешь меня лучше всякого манто.

Глава 16. РИМСКИЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ

Хоть Каштанов и грел Родолену, как она говорила, лучше всякого манто, карнавальные наряды в своём номере они не снимали до утра. А может, им казалось, что в номере было прохладно. Николо великодушно разрешил ещё день погулять по карнавальной Венеции и вечером следующего дня ехать в Рим. Поэтому, выпив четыре бутылки вина и съев до крошки фрукты и пиццы, Каштановы разулись и в нарядах, обнявшись, свалились в широкую, королевскую кровать с золотой витой спинкой.

— Я думаю, мы заслужили праздник, — говорила захмелевшая Родолена. — Визитная карточка Луиджи у нас есть. И потом, где мы ещё можем полюбоваться на наши серебряные и золотые руки, которыми мы уже столько сделали? Нигде не сможем. Если Луиджи даже каких-то насекомых приманит — сейчас почти зима. Они все сдохнут. Кстати, кто-то обещал греть меня, как соболиное манто.

— А зачем ты сказала ему обо всём?

— Пыталась пробиться к его тёмной душе.

На следующий день в карнавальных нарядах Каштановы гуляли по Венеции, плавали на гондоле, а вечером уехали в городок Местре, отдали наряды и сели на поезд до Рима. Вокзал Турбентино, потом — Термини, автобус, и вот он, Николо, как будто и не расставались.

— Я уже потерял счёт моим благодарностям вам, Родолена, — говорил Николо, усаживая их на диван.

— Мы скоро в Италии будем жить дольше, чем в России.

— Самое главное вам предстоит в Неаполе. Необходимо выяснить, что заставляет группироваться насекомых согласно воле и приказам Луиджи и как это прекратить. Если вы, друзья мои, смо-

жете это сделать, задача будет решена, уникальные родоленовые растения спасены, а вы — избавите от смертельной опасности как свои жизни, так и жизни совершенно ни в чём не повинных женщин. Родоленовых женщин.

Николо стал накрывать на столик. Как обычно — чай, печенье, конфеты. Родолена вытащила из-под платья камею, подаренную Николо. И спросила:

— Скажите, профессор, а с этой камеей связана какая-то история? На неё обратил внимание Луиджи.

Николо помолчал, потом на его лице появилась саркастическая улыбка.

— Вся история этой камеи только в том, что она когда-то страстно понравилась Луизе. Вы думаете, Родолена, что я скуп? Я не скуп, я экономен. Просто надо знать, на что тратить деньги, и вкладывать их так, чтоб они впоследствии на вас работали. Я жил на хлебе и воде месяцев восемь, чтоб иметь возможность купить эту камею для Луизы. И после этого понял, что приобрёл жену. Луиза оказалась хорошей женой. К сожалению, у нас не было детей. А Луиджи, который вообще-то был щедрее меня, в этой ситуации сплоховал. И Луиза оказалась для него потеряна.

— А где похоронена Луиза?

— На Тестаччо. Она была француженкой.

Родолена спрятала камею под воротник.

— Мы, наверное, сходим на Тестаччо. Можем посетить и последний приют Луизы. Благодаря знакомству с вами, Николо, у нас появились в Италии и Франции странные друзья: кладбищенские кошки, призраки.

Старик усмехнулся:

— Когда занимаешься родоленовыми растениями, перестаёшь чему-то удивляться.

Николо встал, подошёл к шкафу, достал оттуда папку, вынул большую цветную фотографию и показал Родолене.

— Это фрагмент кладбища, а вот здесь — могила моей жены.

Они обсудили подробно все детали предстоящей поездки в Неаполь, вплоть до отхода поезда и цены билета. Женщина спросила напоследок:

— Скажите, Николо, а жив ли Альфредо?

— Альфредо жив. Хотя живот ему врачи долго чинили. Постарел, особенно после смерти Долли. Стал очень набожен. Часто посещает церковь Сан Джованни.

На улице Родолена сказала:

— Надо зайти в магазин, купить моцареллу. Жива ли Татьяна. Мы так хорошо друг друга понимали.

— Жива, конечно, — ответил Каштанов. — Совсем ещё молодая кошка. У тебя есть какие-то идеи?

— Есть одна. Только я проголодалась. Такое ощущение, что Николо питается одними печеньем и конфетами. Я хочу что-нибудь посущественнее. Тем более, что мы в отеле не останавливаемся, а вечером едем в Неаполь. Часов семь у нас есть.

— Да. Не скупой, но экономный Николо, похоже, питается в кафе. Последуем его примеру. Наше любимое кафе у Колизея жаждет накормить двух путешественников пиццей с морепродуктами.

И они покатили свои дорожные сумки к Колизею. Поели, выпили красного сухого, потом пошли пешком до метро Пирамида, где и находилось кладбище Тестаччо.

Погода в начале марта в Риме стояла довольно тёплая. Они отыскали могилу Луизы.

— Серёженька, ты пока посиди на лавке. А я побеседую с моим другом кипарисом.

Родолена стала наглаживать дерево, потом перебирать пальцами, как на клавиатуре. Минут через сорок, довольная, жестом позвала Сергея Васильевича.

— Смотри, вот Луиджи. Два дня спустя, после похорон Луизы, у её ещё свежей могилы. Теперь мы знаем год, месяц, день и час его прихода. Пойду искать Татьяну. Приготовь сыр.

Минут через пятнадцать Родолена с кошкой Татьяной показались из-за надгробий. Каштанов поздоровался с кошкой и подал ей сыр. Татьяна потёрлась об их ноги, зажмурилась, когда Родолена почесала её за ухом.

Родолена помурлыкала с Татьяной, потом Каштановы, раздевшись, обернулись травинками и, уцепившись за кошку, буднично прошли в иное пространство. Потом было быстрое одевание.

Волосы Луиджи были чёрными, как смоль. В глазах таились одновременно грусть и ненависть. Каштановы подошли к могиле.

— Жена? — спросила Родолена.

— Нет, — отрицательно мотнул копной чёрных волос Луиджи. — Любимая.

— Она была хорошим человеком?

Луиджи долго молчал, потом ответил:

— Да.

— Главное — не скатиться до ненависти к сопернику.

— Что вы знаете! — в глазах его сверкнула лютая злоба, и он быстро ушёл.

Каштановы вернулись в своё время. Сели на лавку и долго молчали. Сергей Васильевич поправил шарф.

— Теперь понятно, почему Луиджи в Венеции говорил, будто где-то тебя видел.

— Да, только, боюсь, ничего доброго наша встреча не прибавила. Я старалась, потому что борьба с ним предстоит смертельная. Ну хоть как-то его остановить! Некоторых людей личное горе меняет в

лучшую сторону, ну хотя бы взять того же Альфредо.

— А мне кажется, что в каждом человеке намешано столько всего… Как в мозаике. Если светлых деталей больше — человек развивается по светлому пути. Или борется с собой. А если больше тёмных…

— Тогда возникает вариант Луиджи. Только времени на его исправление у нас нет.

Каштановы встали и покатили сумки к вокзалу Термини. До поезда на Неаполь оставалось не так много времени.

Глава 17. ПРИКЛЮЧЕНИЯ В НЕАПОЛЕ

Пока ехали до Неаполя, Родолена дремала, привычно положив голову на плечо Сергею Васильевичу. Минут за сорок проснулась, сладко потянулась.

— Почему-то устала так, что кошмар. У тебя плечо не затекло?

— Нет, — улыбнулся Каштанов и обнял жену.

Зазвонил сотовый Родолены.

— Да, я слушаю.

И похолодела от ответа. Из трубки донеслось:

— Это Долли Наро. Здравствуйте. Вы где сейчас?

Голос был безусловно её, но какой-то глухой. Счастливая Родолена закричала:

— Здравствуйте, Долли! Как хорошо, что вы живы! Мы едем в Неаполь. Скоро будем.

— А я как раз в Неаполе. Я вас встречу. Какой у вас поезд?

Родолена сказала номер поезда. Потом спросила Каштанова:

— Ты что-нибудь понимаешь?

— Ничего не понимаю. Знаю одно — мёртвую Долли мы никогда не видели. Зерна её тоже. Знаем эту информацию со слов Николо и Фагоцитуса. А если допустить, что Долли просто уехала в Неаполь, порвала с Николо?

— Но у неё не было на то причин.

Каштанов пожал плечами.

— Как сказать. Мы ведь бываем в Италии наездами. Какие у них были отношения?

— Мне кажется — ровные. Что посоветуешь?

— На всякий случай будь готова ко всему. Имею в виду наши быстрые превращения во вьюны. Превращаемся или вместе с одеждой, или без неё. Лучше оговорить все детали здесь. Не забывай — мы вступаем в царство Луиджи.

Между тем, поезд подъехал к Неаполю.

Каштановы взяли сумки и спустились на перрон. Они увидели вдали знакомую женскую фигурку в джинсах, сапогах, чёрной кожа-

ной куртке, золотистом шарфе и золотистом же платке до бровей. Долли на минуту сняла, а потом надела чёрные большие очки.

— Здравствуйте, — сказала Долли, и они поочерёдно обнялись. — Как доехали?

— Проспала всю дорогу, — смущённо сказала Родолена.

— Вы где хотите остановиться?

— Забронировали номер на улице Сан Никола Дея Казетти. Но найти эту улицу будет трудновато.

И Родолена достала схему Неаполя.

— Я вам помогу, — сказала Долли. — Пойдёмте. Тут минут тридцать ходьбы.

Она быстро пошла вперёд, а Родолена тихо сказала мужу:

— Как густо у неё напудрено лицо. И ещё, когда мы обнимались, ощущение было, что её тело пульсирует. Точками. Как при точечном массаже.

Они шли с площади Гарибальди. Рядом проносились мотоциклисты. Повсюду лежали огромные кучи мусора.

Потом они свернули направо. В эту улицу впадали три щелеобразные узкие улицы. Одна из них и была Сан Никола Дея Казетти. Хоть поблизости и слышался громкий говор играющих во что-то пенсионеров, темень была приличная.

Каштановы стали искать свой номер дома. Долли вытянула руку:

— Вон, через дом и ваш отель. Ну а теперь попрощаемся.

— Вы к нам не зайдёте?

— Я бы и рада. Но зачем? Вас сейчас не будет. Никогда…

— Родная, вьюн! — закричал Каштанов. Они бросили сумки (только одежда упала на землю) и мгновенно превратились во вьюны. Поползли по стене дома. Одежда Долли, очки, пудра с лица тоже опали. Из куртки вылетел рой жуков. Жуки с жужжанием кинулись на вьюны. Вьюны превратились в другой вид вьющихся растений. Родолена говорила названия, и они вместе с мужем превращались. Надо было знать — на какие именно растения натренированы жуки-листоеды, и остались ли ещё те, которые они не знают.

Часть жуков составила в воздухе огромное лицо Долли с пустыми глазницами.

— Вон они! — кричало лицо. — Хватайте их.

Вьюны были на крыше. Они ползали по ней, периодически видоизменяясь, так, чтоб жуки не успевали перестроиться. Они спустились с противоположной стены дома и кинулись на соседний. Вьюны-Каштановы в бешеном темпе ползли по домам. Рой жуков становился всё реже и реже. Лицо Долли также превратилось в жуков. Когда Каштановы доползли до набережной Санта Лючия — не осталось ни одного жука. Каштановы приткнулись в виде водорослей под большим камнем и постарались перевести дух.

— Тихий ужас какой-то, — простонала Родолена. — Ты как?

— Хреновато. Кажется, сердце из груди вырвется. Мне, солнышко моё, через два месяца шестьдесят стукнет. Только сейчас об этом вспомнил. Знать бы — на какое расстояние Луиджи нас видит. Просто так отстали жуки или он ещё какую-нибудь каверзу замышляет. Видимо, Луиджи взял телефон Долли и сориентировался по нашему номеру. Но какой гениальный энтомолог! Создать из жуков бедную Долли Наро и управлять ей. Фантастика!

— Одно хорошо. От имени Долли Луиджи уже звонить не сможет. А значит — и пронаблюдать за нами тоже.

— Осталось вернуть сумки. Там ноутбук, все вещи. Когда запахло жареным, я попытался задвинуть их в самый тёмный угол около дома. Но утром их обязательно кто-нибудь найдёт, и тогда всё пропало.

— Отдохнём ещё часик — и в обратный путь. А как ты почувствовал, что Долли — это не она?

— Всё было не совсем то. Главное — пульсация.

Часа полтора искали они свои сумки и одежду, лазая по старым домам и дворам Неаполя, пока не нашли эту щелеобразную улицу.

Зелёными змеями подползли к тому, что осталось от лже-Долли, и приняли обличье людей. Телефон Долли был отключён. Каштанов положил его в целлофановый мешок и засунул в боковой карман своей сумки.

— Потом отдадим Николо на память о Долли Наро. А сейчас это единственная связь с Луиджи.

— А как на него выйти?

— Не знаю. Займёмся телефоном, когда выберемся на безопасное место с возможностью отхода при погоне. Я не знаю, может ли он приказывать жукам, чтоб они караулили на каком-то месте, здесь, к примеру. Но поселяться в этот отель мне расхотелось. Его может пасти Луиджи. Ему известен адрес. Выберемся на безопасное место, свяжемся по скайпу с Николо, пусть поищет нам другой отель.

— А батареи в ноутбуке хватит?

— Минут на сорок хватит. Фокус в том, что я не знаю, обладает ли Луиджи способностью фиксировать в Неаполе наш телефон во время звонков, или он смог наслать на нас лже-Долли по звонку именно её телефона.

— Думаю, всё-таки по телефону Долли.

— Хотелось бы на это надеяться.

Они добрались до моря, и Сергей Васильевич настроил скайп. В телеграфном стиле всё передал Николо, тот просил связаться с ним через пятнадцать минут. Николо отыскал и забронировал им другой отель и скинул схему — как до него добраться.

Ещё час поисков отеля, и совершенно измученные Родолена и Сергей Васильевич свалились на кровать.

Глава 18. ДОМ ЛУИДЖИ

Утром Родолена Николаевна и Сергей Васильевич оставили деньги и ценные вещи в сейфе на ресепшене, а сами пошли искать дом Луиджи. По его визитной карточке Каштановы нашли дом. Симпатичное двухэтажное здание в классическом стиле. Маленький, с десяток деревьев, парк. Сад. Постояли за железными воротами. Сквозь решётку были видны два здоровенных мастифа, лениво гуляющие по двору.

— Очень серьёзные собачки, — сказал Каштанов. — Их раньше разводили для охоты на леопардов.

— Я представляю — каково попасть такой псине на зубок.

— Превращаемся во вьюны — ползём очень медленно, прячась за деревья. Одежду и обувь — в пакет.

Два зелёных вьюна (один — с пакетом) бесшумно переползли ворота и, прячась за деревьями, направились к дому. Часа через полтора Луиджи вызвал машину и уехал.

Окна были закрыты. Вьюны поползли по стене дома на крышу. Через чердак проникли внутрь.

— Главное — найти его лабораторию, — шепнула Родолена.

И не заметили опасность. Ловкая кошка тихо подкралась и вцепилась во вьюн-Каштанова. Он взвыл от боли. Родолена своим телом сплела петлю и накинула кошке на голову. К счастью, та не успела сильно сжать челюсти. Родолена не стала убивать животное, а вместе с Сергеем Васильевичем залезла на высокий шкаф.

На мяуканье кошки пришла горничная, но ничего не увидела. Когда горничная ушла, Родолена на минуту обернулась человеком и быстро сбросила животному какой-то порошок, который кошка с наслаждением слизала и, покачиваясь от усталости и удовольствия, залезла на кресло и заснула.

— Концентрированный раствор валерианы лекарственной, — прошептала Родолена и вновь превратилась во вьюн.

Каштановы, потихоньку ползая, обследовали весь дом, приблизились, насколько было возможно, к лаборатории и затаились на другом шкафу.

Часа через три Луиджи вернулся, пообедал и пошёл в лабораторию.

— Серёжа, за ним, очень быстро и как можно незаметнее, — прошептала Родолена.

Они мгновенно проползли за Луиджи. Комната с высокими стенами. Там тоже стоял большой шкаф, и вьюны немедленно заползли на него. В комнате стояли высокие садки с жуками. На садках были приклеены большие цветные фотографии Долли Наро, Николо, Родолены и Сергея Каштановых.

— Серёжа, — зашептала Родолена, — нам необходимо превра-

титься в мох. Это споровое растение, превращаться в него будет больно и противно, однако я боюсь, что жуки могут реагировать на нас, когда мы — вьюны или другие высшие растения.

— Согласен, — прошептал Каштанов, и они обернулись мхом. Каштанов ощутил на редкость отвратное состояние, сходное с глубочайшим похмельем и тошнотой.

— Здесь слегка влажно, и некоторое время можно не беспокоиться, — шепнула Родолена. — А теперь надо послушать его планы.

К счастью, у Луиджи была привычка говорить с самим собой, когда он был один.

— Н-да, жаль, что идея с Долли Наро так быстро себя исчерпала.

Он отцепил от садка с жуками фотографию Долли и положил её в папку.

— Как же узнать, куда этот мерзавец Николо их заселил. И что делать дальше? Главное — Каштановых надо разлучить хотя бы на пять минут. И справиться с ними поодиночке. Потом приехать в Рим лже-Каштановым, зайти в квартиру Николо и поквитаться. Узнать любым способом — где ещё родоленовые кусты, с которыми справятся мои жуки. И делать всё это надо последовательно. Надо внести в память компьютера все высшие растения, Родолена Николаевна с мужем в них великолепно превращаются. В этом им нет равных. Ну что ж, будем делать супругов Каштановых.

Луиджи подошёл к садкам, на которых были фотографии Каштановых, и открыл их. Подскочил к компьютеру, и его руки быстро забегали по клавиатуре. Из двух садков поднялись два роя жуков. Фотографии Каштановых были у Луиджи и в компьютере. Он, как скульптор, лепил их фигуры, и рои жуков принимали формы Родолены Николаевны и Сергея Васильевича. Луиджи достал из шкафа женский зелёный костюм, очень похожий на повседневный костюм Родолены, женские зелёные туфли, чулки. Несколько движений по клавиатуре — и рой жуков влетел в женский костюм. То же самое Луиджи проделал с мужским костюмом. Луиджи работал вдохновенно, как художник.

— Так, теперь пудра. Её нужно много.

Он пудрил живую мозаику жуков, работая над лицами, как тончайший гримёр.

— Так, о чём же я забыл?

Луиджи уткнулся в компьютер и стал внимательно рассматривать фотографии Родолены и Сергея Каштановых.

— Ага, он постоянно греет ей руки. Понятно, растительная кровь. Ей всё время холодно. А, вот о чём я забыл! Вспомнил! Перчатки. Она в них и летом, и зимой.

Луиджи вытащил из шкафа пару женских тонких зелёных перчаток и достроил портрет Родолены. Ещё несколько яростных движе-

ний по клавиатуре — и вот Каштанов берёт руки Родолены, согревает их дыханием. Портрет оказался настолько правдоподобным, что настоящие Каштановы, превратившиеся в мох, смотрели на это, как на чудо. Их двойники из жуков прохаживались по лаборатории. Луиджи всё время поправлял что-то на компьютере. Потом устало откинулся на стуле и вытер лоб.

— Можно и отдохнуть. Так, фиксируем, сохраняем. Теперь мои милые насекомые смогут воспроизвести фигуры за пять минут. Уф, даже самому нравится. По-моему, я превзошёл самого себя. Кстати, время ужина. Ну, что ж. Я его заслужил.

Луиджи убрал костюмы обратно в шкаф, рои жуков улетели в садки. Профессор вышел из лаборатории в гостиную.

— Гениально, фантастика, — восхитился Каштанов. — Луиджи великий энтомолог!

— Ага, живёт только долго. Этот гений собирается уничтожить нас и весь наш род. Этого взбесившегося гениального маньяка надо останавливать. А вот как это сделать, Серёженька, надо подумать. Если бы мы не проникли в лабораторию и не узнали обо всём, через пару дней…

— Да, узнать адреса отелей в Неаполе и найти нас не так трудно. Тут один вопрос — что нам делать с Луиджи? Программу мы уничтожим, жукам в садки спустим формалин — неизвестно как себя эти твари поведут. А что делать с самим создателем этого чуда? Убить-то мы его с тобой не сможем. Мы без труда, превратившись в соответствующие растения, могли бы задушить профессора, или увезти и утопить его. Я могу убить комара или мошку. Но Луиджи у меня не ассоциируется с комаром. И оставлять его, даже без ничего, весьма опасно. Это маньяк. Он сможет на другом компьютере восстановить свою программу. А это означает — вечный страх для нас. Вдуматься — идиотская ситуация. Двое людей, которым, вернее, одному из которых шестьдесят лет, бегают от восьмидесятипятилетнего человека, спасая свои жизни!

Родолена пригорюнилась. Муж был прав. Она сжала виски.

— Нужно придумать что-то изящное.

— А Татьяна не сможет нам помочь?

— Подожди. Ты имеешь в виду…

— Да. Закинуть его куда-нибудь, но не на сорок лет назад, где он может встретить себя молодого, а во времена Бонапарта, или ещё раньше. Когда не было даже намёка на компьютеры.

— Серёжа, ты гений! Но как мы превратим Луиджи в траву для переноса через портал?

— А помнишь, на заре наших отношений ты превращала меня в растение. На короткое время. Когда я ещё не был с тобой одной крови.

Глава 19. ПЕРЕНЕСЕНИЕ

— Там был очень сложный состав порошка. Что же туда входило?

Родолена потёрла виски.

— Так, я, кажется, вспомнила. Но это нужно сделать не здесь. Серёжа, пока уничтожай программу, а я поищу формалин.

Каштановы, превратившись во вьюны, слезли со шкафа и оделись. Садки были закрыты. Сергей Васильевич без труда уничтожил программу Луиджи. Родолена отыскала формалин, и они быстро засыпали его во все садки, чуть приоткрыв их.

Когда Луиджи, ничего не подозревая, в великолепном настроении вернулся, его ждала печальная картина. Сдохшие жуки, уничтоженная программа. Но Луиджи даже возмутиться не успел. Родолена брызнула на профессора. Он сразу заснул, и супруги положили его в кресло.

— А как будем выносить? — спросил Каштанов.

— Серёжа, по его телефону вызови такси. Он через десять минут проснётся, а я придумала ещё одну штуку.

На профессора снова полетели капли.

Когда Луиджи проснулся, он смотрел на них с наивной улыбкой.

— Здравствуйте, друзья мои! А где мы могли видеться?

— На конференции, профессор, — улыбнулась Родолена, принявшая человеческий облик. — Сейчас начнётся пленарное заседание, такси нас ждёт.

Каштанов помог профессору встать со стула. Они втроём вышли из лаборатории. Изумлённой горничной профессор сказал:

— Это со мной.

Тяжелее всего было пройти мимо свирепых мастифов. Каштановы подумали одновременно — не превратиться ли в растения. Так бы и сделали, но профессор повелительно скомандовал собакам, и они их не тронули.

Каштановы и Луиджи приехали в отель. Родолена усыпила профессора, пока Сергей Васильевич настраивал скайп.

Николо чуть не подпрыгнул от радости, когда увидел спящего Луиджи.

— Великолепно! Брависсимо! Как вам это удалось?

Родолена коротко и точно рассказала, а Сергей Васильевич просил найти легковую машину и приехать в Неаполь, чтоб увезти Луиджи в Рим. Оставалось ждать и периодически брызгать на Луиджи, чтоб тот продолжал спать.

Часов через семь дождались. За рулём был сам престарелый Николо. Они втроём перенесли Луиджи в машину и уехали. По дороге Каштановы рассказали о своём плане. Николо их полностью во всём поддержал. Была бы возможность, он с удовольствием упрятал бы Луиджи в сумасшедший дом. Родолена с усмешкой сказала:

— Профессор, денег у нас в обрез. Надо купить побольше сыра моцареллы. Порций пять. Для нашего большого друга. И вы навсегда избавитесь от вашего главного врага. И мы тоже. А сейчас мне нужно приготовить один порошок…

На Тестаччо Николо увидел, как Родолена работает. Познакомился с кошкой Татьяной. Родолена, Сергей Васильевич и Луиджи обернулись травинками. Две травинки обмотались вокруг задних кошачьих лап, а третью пристроили под хвостом. Татьяна успела за десять минут добежать до времён великой французской революции.

Каштановы оставили на Тестаччо восемнадцатого века спящего Луиджи с его костюмом и вернулись в настоящее время. Николо понял, что в мире есть много неизведанного. На прощанье он расщедрился и в хорошем ресторане заказал для Каштановых роскошный обед из нескольких блюд, и даже кьянти…

Сидя в самолёте и пристёгиваясь, Родолена сказала:

— Конечно, лучше бы Луиджи оставить мужской карнавальный костюм — он в стиле эпохи. Надеюсь, у него хватит ума прийти в какой-нибудь монастырь.

Глава 20. ПОДАРОК РОДОЛЕНЫ

Со времени итальянских событий прошло два месяца, и к Сергею Васильевичу подкатил юбилей. На работе, совершенно неожиданно, ему предложили должность заместителя руководителя управления.

— Да я вообще-то хотел на пенсию уйти, — пролепетал Каштанов.

— Да что вы, Сергей Васильевич, вам на пенсию ещё рано.

Недавно назначенный начальник управления смотрел так ласково, словно Каштанов был его самым лучшим другом. Несколько человек руководящего состава недавно потихоньку ушли, кто на пенсию, кто на другую работу. Каштанов хотел последовать их примеру. Нового начальника воспринимали, как новую метлу.

— Вы работаете начальником отдела уже двадцать восемь лет. Это огромная цифра. Все плановые задания всегда выполняются в срок и с великолепным качеством. Скажу по секрету — вы представлены к правительственной награде. Грамотных, а главное, исполнительных специалистов мало, Сергей Васильевич. К тому же глядя на вас ну кто скажет, что вам уже шестьдесят? Мне сорок пять, а вы выглядите моложе меня. Если бы моя жена так за мной следила — я бы ей ноги мыл и воду пил. Когда вы хотите провести праздничный вечер и где?

Каштанов задумался. Он вообще не заморачивался на эту тему.

К тому же итальянские события нанесли изрядный урон финансам.

— Наверное, здесь, в здании управления. Где у нас обычно проходят юбилеи. Юбилей будет через неделю. Это как раз пятница.

— Очень хорошо. Я поговорю с бухгалтерией. Расходы окупим. Вам как раз полагается премия. И обязательно пригласите супругу.

Совершенно растерянный Сергей Васильевич приехал домой (подвезли на машине начальника). Он рассказал о разговоре с начальником жене и добавил:

— Меня повышают, наверное, потому что за все годы я ни об одном человеке не сказал ничего плохого. Чтобы давление не скакало.

— Ну и хорошо, что тебя наконец оценили. Серёжа, у тебя красные пятна по лицу пошли.

Родолена закончила протирать полку с книгами. Каштанов пощупал пульс.

— Давление, наверное. Сколько лет всё было в порядке.

— Ложись-ка, дорогой, на диван. Давление я тебе сейчас измерю.

Родолена Николаевна принесла тонометр.

— Ого! Двести десять на сто семьдесят.

— Странно, — сказал Каштанов, — когда хай на планёрках — давление не скакало. А тут похвалили — и вот…

— Лучше бы тебе действительно на пенсию уйти. Я тоже подарок приготовила. В субботу поедем смотреть.

На юбилее было сказано много добрых слов о деловых, организаторских, личных качествах Сергея Васильевича Каштанова. Несколько букетов, коробок с подарками, почётных грамот.

Родолена сияла. А потом начались тосты, танцы — всё, как полагается на юбилейном торжестве.

На следующий день Каштанов кое-как поднял голову от подушки. Родолена что-то готовила на кухне. Заглянула в комнату, поцеловала мужа, брызнула каким-то травяным раствором, отчего Сергею Васильевичу сразу стало легче.

После завтрака жена загадочно улыбнулась.

— А сейчас мы поедем по местам твоего детства.

Была тёплая, золотистая майская погода. В зелёном велюровом жакете, юбке, шляпе Родолена Николаевна была как сказочная принцесса. К тому же вьющиеся волосы были выкрашены в золотистый цвет.

Они приехали на трамвае к железнодорожному вокзалу и пошли в привокзальный сквер. Там можно было встретить старые тополя. В далёком детстве Серёжа Каштанов жил в этом районе вместе с мамой и папой в доме-«хрущёвке», ходил в детский садик, искал жуков под кирпичами цветочных клумб. Он не знал тогда, что станет биологом, но мелкая живность почему-то всегда тянула.

Родолена подошла к старому тополю и положила на него ладони.

— Мы будем вызывать Аньеллу Дор? — улыбнулся Каштанов.

— Нет, — мягко ответила Родолена. — Мы сейчас увидим кого-то другого.

Каштанов несколько раз наблюдал сеансы Родолены с памятью старых деревьев. Каштановы погрузились на пятьдесят шесть лет назад.

— Смотри, Серёжа! Тот маленький мальчик в песочнице тебе никого не напоминает?

Сергей Васильевич глянул и вспомнил своё изображение на старой фотографии.

— Боже мой! Это же я.

— А теперь сюда посмотри. На свой подъезд. Кто из него выходит?

— Подожди, подожди. Вот наш «Москвич-401». А это отец — высокий, в очках. А из подъезда выходит мама. Какая красивая! Смотри, люди одеты по моде того времени.

— Ну конечно. Это самое начало семидесятых годов.

Родители Сергея Васильевича умерли несколько лет назад. Они жили в разводе в разных городах.

Каштанов смотрел на своё детство. Оно всплыло в памяти очень остро. Родолена заметила:

— К сожалению, это всё, что удалось тут найти. Я проверила все деревья. Во многих тополях довольно обширная гниль, почему эти деревья и обрезают. А при гнилях… Короче, гниль влияет на их память. Хвойные деревья здоровее, но тут поблизости таковых нет. Из всех старых тополей сквера этот самый здоровый. В его памяти удалось найти данный фрагмент. Но это ещё не всё. Когда твои родители развелись, ты рассказывал, что вы переехали в тот дом, где был магазин «Спутник».

— Да. Я показывал тебе окна нашей квартиры на третьем этаже. Помнишь, мы заходили во двор?

— Ты рассказывал, что у тебя был друг Андрей, который жил рядом. Тоже в «хрущёвке». А рядом — начальная школа № 42, в которой ты учился первые два года. Пойдём туда.

— Пойдём.

Они прошли мимо троллейбусной остановки, мимо бывшего хлебного магазина «Колосок», мимо автовокзала. Каштанов понял, почему они сюда пришли. Возле бывшего здания начальной школы росли три старых тополя.

Родолена подошла к самому крайнему дереву у дома и положила на него ладони. Обстановка изменилась. Годы словно пролистывались назад. И Каштанов увидел, как к этому дереву подошли два первоклассника. И в одном из них узнал себя. Мальчишки стали сосредоточенно ковыряться в дупле. Часа полтора ковырялись. Маленький чернявый мальчик, его друг Андрей, сказал:

— Пошли. Нет здесь никакой белочки. И бурундука нет. В следующий раз придём.

Родолена искоса глянула на мужа. В его глазах стояли слёзы. Он смотрел на себя семилетнего и был взволнован и счастлив. В последний раз он посмотрел в широко раскрытые глаза себя самого, и Родолена убрала ладони с дерева. Эпоха сменилась.

Они пошли обратно. Сели в сквере у гостиницы. Рядом когда-то стоял кирпичный дом, где жила школьная подруга Каштанова — Света. Родолена поёжилась. Каштанов за тридцать лет изучил свою жену очень хорошо. Женщина зябла. Несмотря на тёплую майскую погоду. Это было ему очень знакомо. Он привычно взял её кисти, вдохнул аромат душистой герани и стал греть руки жены своим дыханием. Потом прошептал:

— Спасибо, родная! Кто бы мне мог сделать такой царский подарок на юбилей.

Глава 21. МЕДАЛЬ

В это летнее утро Сергей Васильевич, проснувшись, потянулся особенно сладко. Вечером в театре драмы ему должны были вручить, в числе других, медаль.

Родолена уже не спала. Он притянул жену к себе и поцеловал в нос.

— У меня ощущение, что вся жизнь была поделена на три неравные части. Главная часть — это работа — мало кому нужная, с многолетними килограммовыми отчётами в Москву. Но за это платили деньги. Вторая часть — значительно меньшая, когда мы пытались отыскать твои корни, и спасались от разной нечисти. Об этом когда-нибудь расскажут… наверное. А может, и нет. И, наконец, третья — несколько десятков стихов. Есть некоторая надежда, что одно-два будут периодически переиздаваться в юбилейных областных антологиях. М-да, негусто перед надвигающейся вечностью.

Родолена погладила ему седые волны волос.

— Но разве ты хоть раз пожалел о том, что жизнь сложилась именно так, а не иначе?

— Нет, ни разу не пожалел.

— Что и требовалось доказать.

После завтрака на застеклённом балконе Каштановы возились с таинственным семечком. До торжественного события оставалось довольно много времени. И Родолена захотела удивить публику каким-то, известным лишь ей, растением. Двубортный костюм Сергея Васильевича нежнейшего оттенка морской волны висел на плечиках. На других плечиках красовалось шёлковое длинное серебристо-зелёное платье Родолены без рукавов и прозрачно-зелёный большой платок.

А пока супруги занимались приготовлением к чуду. Сергей Васильевич разводил какие-то иностранные удобрения и добавки, взвешивая их на мелких весах, а Родолена Николаевна очень тщательно добавляла в землю, рыхлила её. Видимо, растение было весьма привередливо. Родолена просчитала на бумажке, сколько граммов, и даже миллиграммов, должно составлять то или иное удобрение. Она очень старалась. Тщательно перемешав с десяток добавок, Родолена взяла наконец семечко и засунула его в землю. Сергей Васильевич собрался было с балкона войти в комнату. И вдруг какая-то неведомая сила подняла в воздух его и жену. Прямо под потолок. Хорошо, что балкон был застеклён и по стене ползли вьюны.

— Дорогой, ты как себя чувствуешь? — спросила Родолена спустя минуту.

— Да как тебе сказать. Не знаю, что делать.

— Представь, что ты купаешься, и плыви ко мне.

И Каштанов поплыл, раздвигая воздух руками. Причём смотрелось это комично, поскольку на супругах были зелёные резиновые перчатки и зелёные фартуки, нагрудники которых жена когда-то украсила буквами «С» и «Р». Родолена сказала, что добавки весьма ядовиты.

Сергей Васильевич подлетел к жене, с третьей попытки ухватил её за руки, и они медленно опустились. Родолена сказала:

— Держи меня, я целлофаном накрою растение. Совсем забыла, что при прорастании оно даёт огромную силу. К счастью, она весьма короткая по времени. Скоро пройдёт.

Пока Сергей Васильевич держал жену, она укутала горшок в большой кусок целлофана таким образом, чтоб внутри оставался простор.

Потом Родолена в ванной комнате положила фартуки в таз с водой, сыпанула туда порошка, в мыльной проточной воде промыла две пары резиновых перчаток, а Каштановы тщательно отдраили руки.

— А игра стоит свеч? — спросил Каштанов, сев на диван.

— Думаю, да.

Весь день Каштановы смотрели телевизор, а за два часа до торжества стали собираться. И хотя костюм жена нашла Сергею Васильевичу в стоковом магазине, он был очень хорош. Да и сама она в дивном шёлковом платье в стиле Жаклин была неотразима. Надев кольца и браслет с фениксом поверх высоких шёлковых перчаток и разглаживая их, Родолена сладко потянулась и сказала:

— Боже мой, как приятно защититься от холода и пошлости.

Цветок был уложен в красивый полиэтиленовый пакет. Каштанов заказал такси, и они поехали в театр.

Театр был построен во второй половине семидесятых годов в стиле того времени. Двадцать лет спустя колонны были обиты металлом, фасад более-менее облагорожен.

В театре они поднялись на третий этаж, где был балкон. Родолена вытащила из пакета цветок и сказала:

— Серёжа, развяжи целлофан, пожалуйста.

Каштанов развязал целлофан. В горшке оказался очень большой золотистый бутон. Причём по золотому фону переливались серебряные огоньки, словно по вечерней Эйфелевой башне.

Родолена неслышно прошмыгнула в приоткрытую балконную дверь и тут же вернулась обратно. Она засунула целлофан в пакет, и Каштанов унёс его в туалет.

А потом они прошли в зрительный зал по пригласительному билету на двоих, сели в шестой ряд у прохода, и действо началось.

Минут через сорок пришла пора награждения. Сергея Васильевича в числе других вызвали на сцену, и заместитель губернатора прицепил ему золотую медаль.

И когда Каштанов стал спускаться со сцены, откуда-то сверху раздался негромкий хлопок. И в зал посыпались цветы. Это были орхидеи.

Но это было ещё не всё.

Многие в зале знали Родолену Николаевну. Она встала с места, произнесла какой-то звук, и откуда-то появились белые и жёлтые бабочки. Их было очень много. Родолена водила правой рукой по воздуху, а бабочки, слетевшись на сцену, составили на ней надпись, белым по жёлтому — Сергей Каштанов.

Зрители восторженно захлопали. Надпись рассыпалась.

Бабочки полетали над стоящими рядом Родоленой Николаевной и Сергеем Васильевичем, потом взмыли под потолок и вылетели в балконную дверь.

А ещё через полтора часа был фуршет для награждённых. После пары общих тостов Каштанов на тарелку набрал бутербродов, взял два бокала с шампанским, и они с женой сели подальше на один из многочисленных театральных диванов. Играли минусовки, актёры пели, а Сергей Васильевич и Родолена Николаевна кормили друг друга бутербродами, и этот вечер стал одним из самых счастливых вечеров в их жизни.

Только для них на этом он не кончился.

Когда супруги вышли на улицу, Родолена задумчиво сказала, подняв голову:

— Серёжа, а давай на крышу театра залезем.

— Зачем? — недоуменно спросил Каштанов.

— Я никогда не была на театральной крыше. К тому же хочу танцевать. Мы не успели как следует потанцевать, когда окончилась моя первая жизнь. Потом всё время были заняты. А сегодня в театре играли что угодно, но не было вальсов. А я так хочу потанцевать вальс!

В глазах Родолены сверкали шальные огоньки. Она достала пакет для одежды.

Каштановы зашли за колонны, быстро разделись, обернулись во вьюны и с пакетом зазмеились по колоннам на крышу театра. Там они опять превратились в людей.

— Господи, блаженство-то какое! — воскликнула Родолена и сладко потянулась.

— А где мы возьмём вальсы? — спросил Сергей Васильевич.

— А техника на что?

Родолена включила в сотовом телефоне вальс, и они упоённо закружились с мужем по крыше. Вальсы менялись, а они всё кружились и кружились, и никак не могли успокоиться.

Домой вернулись под утро.

Глава 22. ДАМА ПОД ВУАЛЬЮ

И Родолена Николаевна, и Сергей Васильевич никогда не мучились вопросом — для чего они живут? Бывает, что отдельные люди задают себе этот вопрос. В чём смысл жизни? И так далее. Но образование у супругов Каштановых было биологическое. Может быть, в силу этого Сергей Васильевич верил только в то, что мог ощутить: погладить, понюхать, попробовать и т. д. Родолена, будучи женщиной-растением и не зная, когда жизнь прервётся, просто не хотела об этом думать. Каштановы всю жизнь придерживались принципа: делай своё дело и будь что будет. И пытайся вносить в эту жизнь столько гармонии, сколько позволяют образование, способности и разумный эгоизм.

Отработав после выхода на пенсию ещё пять лет, Каштанов окончательно уволился. Ему предлагали стать заместителем директора лесного музея, но он не согласился. Расставаясь с ним, коллеги подарили Сергею Васильевичу неплохой фотоаппарат. Весьма приличная «мыльница». И он увлёкся фотографией. Всё, что Каштанов делал — он делал весьма основательно. Сергей Васильевич фотографировал растения, пейзажи. Провожая жену до университета и встречая её после лекций, он успевал наснимать в университетской роще 15-20 вполне приличных кадров.

Вот и сейчас, в начале сентября, Сергей Васильевич поднимался по ступеням университета на кафедру ботаники. Время было ещё лекционное. На кафедре Родолены Николаевны не было, но напротив была приоткрыта дверь в аудиторию. В неё было два входа: со второго этажа и с первого. Аудитория лестницеобразно поднималась. В ней Сергей Каштанов слушал в своё время лекции, когда учился на биолого-почвенном факультете.

Сергей Васильевич подошёл к двери. Странно. Родолена обычно читала лекции по высшим растениям. А сейчас она рассказывала про грибы. Как всегда, с блеском.

Спустя десять минут раздался звонок, и Сергей Васильевич вошёл в аудиторию. Жена просияла.

— Серёженька! Как хорошо, что ты пришёл. Помоги, пожалуйста, отнести таблицы на кафедру. Заболели сразу и преподаватель микологии, и лаборант. Мне пришлось читать о довольно редкой группе грибов.

Жена неважно выглядела, и дышала с одышкой. Каштанов испытал прилив любви и жалости. Он поцеловал Родолену, взял таблицы и, стараясь не выдавать волнения, очень спокойно ответил:

— Читала, кстати, великолепно! Когда я учился, материал о диктиофоре сдвоенной нам дали на самостоятельное рассмотрение, а я, увы, проигнорировал. Теперь, через сорок лет, услышал. Её жизненный цикл слушается как поэма. Только почему сейчас так рано стали давать эту группу? Раньше её проходили минимум через несколько месяцев. Как пойдём — через аудиторию или по коридору?

Родолена погладила мужа по щеке и сказала:

— По коридору. Тут очень высокие ступени, да и обе двери надо закрыть.

На кафедре никого не было. Родолена Николаевна поманила мужа за шкаф, где стоял кафедральный обеденный стол, и включила чайник.

— Сегодня в буфете были довольно редкие булочки с очень вкусным кремом. Я взяла. А чай — совсем необычный, и прислали мне его издалека.

Каштанов попробовал чай.

— Боже ж ты мой! Дивный напиток.

— Я знала, что тебе понравится.

Прошло две недели. Родолене предложили принять участие в конференции по микологии. В Подмосковье. Жена позвала с собой Сергея Васильевича, и он согласился.

Конференция в городе Пушкино шла два дня. Впереди были ещё сутки. Супруги решили сходить в лес. Они с наслаждением вдыхали тёплый сентябрьский воздух. Вдруг Сергей Васильевич окликнул жену.

— Смотри, какой необычный гриб. Стоп, уж не диктиофора ли это? Дама под вуалью.

Родолена подошла поближе.

— Правда, диктиофора. Вот это чудо! Молодые грибы, когда они ещё в стадии округлого состояния, скажем так, яйца, съедобны.

Женщина беззвучно пошевелила губами. Каштанову показалось, что дама под вуалью повернула к ней свою шляпку. Родолена сказала:

— Слушай, а она ведь сегодня будет давать последний бал. Интересное зрелище. Посмотрим?

— Посмотрим, если не замёрзнем.

— Я-то, может быть, замёрзну, но ты-то меня согреешь?

— А что я делаю последние несколько десятилетий?

Ждать пришлось часа два. Благо, росла диктиофора не очень далеко от трассы. Вот на небе появились звёзды.

Картина была действительно примечательной. На грибную вуаль прилетели жуки-навозники, различные мухи, даже редкие в эту пору комары. Они кружились вокруг гриба в странном волшебном танце, пока дама под вуалью не превратилась в кучку слизи.

Каштанов посмотрел на жену. В её глазах стояли слёзы. Она прошептала:

— Вот и мы так. Только она быстрее.

Сергей Васильевич достал и зажёг фонарик, а Родолена вынула из кармана плаща маленькую баночку и собрала слизь.

— На память? — улыбнулся Каштанов.

— Я посмотрю на твою поясницу после сегодняшней ночи. Эта слизь — хорошее средство от радикулита.

Каштановы возвращались в свой город поездом. Кроме них в купе никого не было. У Родолены Николаевны и Сергея Васильевича были нижние полки.

— Что ты пишешь, Серёжа? — спросила жена.

— Сейчас закончу.

Минут через пять Каштанов обессиленно откинулся на подушку.

— Вот, посмотри.

И передал жене блокнот.

— Решил стихи написать. Вдохновение нашло.

Только сутки живу. День расту, ночь гуляю до страсти.
Из грибного яйца выметается тело моё.
Только сутки живу. Я невеста у Бога во власти.
И летят мне навстречу жуки, мухота, комарьё.

Вас, ночные мои, световая вуаль полонила.
Не обжечь бы вам крылья об этот холодный огонь.
Не дано вам понять, как отчаянно небо молила
О минуте единой короткой. Но что вам с того!

Генетический код обернулся холодной издёвкой.
Гаснет жизнь на холодном и влажном ветру…
Мой отчаянный крик — Не желаю я быть однодневкой! –
Потихонечку тает над кучкою слизи к утру.

Родолена вернула ему блокнот, и в её глазах он привычно прочёл восхищение.

Глава 23. МЕЛОДИИ ЛЕСА

Сил у Родолены Николаевны и Сергея Васильевича оставалось всё меньше. Иногда женщина собирала газетные и журнальные статьи со своими научными публикациями и уносила их в университет, в кафедральную библиотеку. Время от времени туда же пристраивала книги, но так, чтоб окружающие ни о чём не догадались. То же самое решил сделать Сергей Васильевич. Он набрал целый пакет журналов и книг для лесного музея, и предложил жене сходить по грибы.

Каштановы любили ходить в лес. Любили и потому, что они были люди-растения, а особенно с возрастом.

После возвращения с конференции, в первую субботу октября решили проехаться на автобусе в посёлок Тимирязево, где был музей, а потом занырнуть в соснячок и набрать последних маслят и моховиков.

Краснокирпичный музей приветливо смотрел на них.

С директором Каштановы прошли в залы. Родолена с удивлением увидела портрет мужа среди других ветеранов лесного хозяйства.

— Серёжка, я с ума сойду! Ты экспонат музея?!

— Да вот, довелось сподобиться. Несколько десятилетий руководил отделом, был замом начальника. Решили, что достоин.

Каштанов отдал журналы и книги, в кабинете директора он с женой попили чаю с бутербродами, сердечно попрощались и откланялись.

Пройдя меж домов и дач, вышли к соснам и стали искать грибы. В такое время грибники оставляют мало шансов что-то найти, но Каштановы были необычные люди. Они слышали тонкую беседу грибов, гораздо обострённей ощущали их аромат. Даже несколько поздних боровиков удалось отыскать.

— Лесной осенний болет, — неожиданно сказал Каштанов.

— «Болет», потому что болетовые грибы собираем?

— Ну да. Маслята, моховики, белые — это ведь болетовые грибы. А если не вслушиваться в букву «о», то будто прощальный грибной танец. Поэтические образы вокруг нас. Только нам нужно было чаще дарить себе этот праздник. А то подумать только — тридцать лет я усылал в Москву килограммы глупой отчётности только ради того, чтоб жить более-менее прилично.

— Зато мы побывали во многих странах, и сделали то, что было необходимо за нашу с тобой жизнь.

Супруги экономили силы. Когда ветер дул Каштановым в спины, они превращались в перекати-поле и катились. Если случайный прохожий увидел бы их, он весьма удивился бы, потому что целлофановые пакеты летели по воздуху, держась за движущуюся траву перекати-поле.

Они вышли к озеру. Каштанов задумчиво посмотрел на местность.

— Раньше здесь стояла старинная дача. Очень красивый деревянный терем. Потом он сгорел.

— Серёжа, смотри, какая интересная сосна. Она похожа на лиру.

Роскошное дерево с двумя изогнутыми ветвями смотрело на озеро. Каштанов протёр очки.

— А всего-навсего маленькое насекомое отъело центральную почку, и стали ветви формироваться лирообразно.

Родолена подошла к дереву и положила на него ладони.

— Знаешь, Серёжа, а ведь это царское дерево.

Каштанов протёр очки.

— В смысле — царское?

— Оно видело или царя, или генсека.

— Ты это чувствуешь?

— Да. Ориентировочно начало двадцатого века.

— Тогда это либо Николай Второй, который проезжал через наш город будучи наследником престола, либо Иосиф Джугашвили-Сталин, когда он был в ссылке и тоже, вероятно, мог видеть эти места. Честно говоря, не уважаю ни того, ни другого. Царя за слабость, и за то, что власть упустил, а Сталина за паранойю и кровожадность. Хотя Иосифа Виссарионовича многие пытаются оправдать.

— Я полностью с тобой согласна. Давай немного подкрепим силы, и домой пойдём.

Родолена постелила на сосновую хвою тёплую флисовую подстилку и достала бутерброды с маслом и сыром. Сергей Васильевич вытащил из кармана куртки плоский флакон с брусничным морсом и пару пластиковых стаканчиков.

Родолена хитровато улыбнулась.

— Серёжа, достань, пожалуйста, целлофановый мешочек.

Каштанов недоуменно порылся в кармане и вытащил его.

— Держи раскрытым передо мной. Сейчас я тебе один фокус покажу.

Родолена подняла правую руку над пакетом, и внезапно из каждого её пальца посыпались ягоды. Из большого — клюква, из указательного — брусника, из среднего — черника, из безымянного — голубика, из мизинца — облепиха.

Сергей Васильевич изумлённо покачал головой.

— Я тебе никогда не перестану удивляться. Как ты это делаешь?

— А вот. Мы с тобой потратили бы на сбор часа три. И то вряд ли насобирали бы столько. Я придумала способ.

— Покажи руку, — попросил Сергей Васильевич.

— Пожалуйста, — улыбнулась Родолена. — Не беспокойся, в пальцах трубок нет.

— А как ягоды сыпались?

— А угадай.

— Не могу понять.

— Какое ты у меня ещё дитё, Серёжа!

Родолена откинулась на сосну и долго, осторожно гладила седые волнистые пряди Каштанова. Сергей Васильевич положил голову жене на колени.

— Хочется что-то красивое напоследок сделать, — задумчиво сказала женщина. — Когда мы ещё сюда придём. Приподнимись, Серёжа.

Родолена сделала серию, каскад превращений. Вначале — в куст рябины, потом — в малиновый куст, затем в маленький кустик черники. Самое интересное, что она, обернувшись тем или иным растением, умудрялась сделать какой-нибудь тончайший аккорд. Эти аккорды, сливаясь, образовывали такую неземную, переливную, божественную музыку, что у Сергея Васильевича перехватило дыхание. Он только замечал, как фигурка жены превращается в растения, потом снова в человека, потом…

И так многократно. Сама природа, зелёно-золотая, нежно-малиновая, оранжево-розовая, отзывалась каждой растительной клеточкой. Родолена вызванивала мелодию прутиком по коре и листве, капелькой влаги по цветку, лёгким поцелуем ягод.

— Как ты это делаешь?! — крикнул восхищённый Каштанов.

И ёмкий, словно орган, голос Родолены зазвенел над кронами сосен.

— А ты попробуй, Серёжа! Ты же музыкант. Слушай своё сердце и настройся на мелодию природы.

Каштанов попробовал, и у него получилось. Только его музыка была чуть более торжественной, чем у жены, на манер вальса Штрауса. Когда их мелодии слились, они одновременно нырнули в землю и продолжили играть по корням растений. Они и сами превращались в растения, и мелодия оборачивалась мощной симфонией тончайшей игры на корнях древесных пород. Потом супруги переплелись в притягательных поцелуях растительного царства и вечной сказке любви.

Мелодия умолкла. Каштановы приобрели человеческий облик, и долго стояли, обнявшись. Потом взяли грибы и ягоды, и пошли к трассе.

Глава 24. НЕЗАБУДКИ

Вот и пришло то, что Родолена и Сергей Каштановы гнали от себя всеми силами. То, что уже невозможно было поправить ни смолой драконова дерева, как когда-то, ни ещё чем-либо. Остаток жизни Сергея Васильевича Каштанова, которым он щедро поделился в своё время с женой, заканчивался. С момента начала второй жизни Родолены прошло семнадцать лет. Каштановы одновременно как-то сдали. Нет, фигуры у супругов оставались стройными, но волосы после сгораний-возрождений становились не зелёными, а седыми.

Сергей Васильевич Каштанов перестал закрашивать седину, однако пытался бороться с коварной старостью, одно время бегая по утрам. Но кроме усталости занятие спортом ничего не приносило. Родолена Николаевна три года назад защитила докторскую диссертацию, а спустя год стала профессором. Каштанов приезжал по-прежнему её встречать после занятий. Лекций становилось всё меньше. Родолену подводило здоровье. Откуда-то пришла коварная слабость. И всё равно, когда она видела мужа, в её глазах вспыхивало такое огромное счастье, что окружающие любовались.

И пришло время ехать в Рим. Поначалу они планировали сгореть в зелёном огне на кладбище Тестаччо. Но, поскольку это был не последний, а предпоследний цикл, решили просто выбрать место в Риме, предупредив Николо. Это был единственный шанс возродиться, если не в своих обличиях, то хотя бы в виде потомства.

Позвонили Николо. Старый учёный был ещё жив, хотя и разменял десятый десяток. Нет, конечно, они вначале связались с ним по скайпу. Он внимательно посмотрел на их лица и развёл руками.

— Единственное, что я могу для вас сделать — попытаться посадить и вырастить ваше зерно. Вы этого заслуживаете.

— Мы этого и хотим. Но если из зерна родятся мужчина и женщина, вы сделаете так, что они будут знать русский язык?

— Непременно.

Каштановы окончательно попрощались в своём городе со всем тем, что было им дорого. Потом — «Газель» до Новосибирска и самолёт до Рима.

В Риме остановились там же, на улице Буонарроти. Утром позавтракали пиццей с морепродуктами у Колизея, потом долго гуляли по Риму и через площадь Венеции, мимо Пантеона, решили пойти на площадь Навона. Сергей Васильевич вначале предложил облюбовать какое-нибудь место для финала. Родолена предложила фонтан и сказала:

— Какая разница, куда упадёт зерно. Я хочу удобство в последний час.

— Интересно, а на Тестаччо кошка Татьяна жива?

— Навряд ли.

Они присели на круг знакомого фонтана около художников. И Родолена позвонила Николо. Кратко назвала место, где они остановились и время, когда ему следовало подойти — около восьми вечера. Каштановы научились чувствовать время сгорания. Когда-то — с точностью до дня. В последние годы — с точностью до часа. Родолена и Николо обменялись несколькими фразами, и женщина отключила телефон.

Она долго молчала, потом спросила:

— Серёжа, а тебе никогда не хотелось детей?

— Не знаю, — ответил Каштанов. — Когда я был маленький, года

в три, на станции Тайга жила моя бабушка. У неё был деревянный дом. А в палисаднике росли незабудки. А там была девочка Оля, старше меня на три года. И она стала рвать цветы. И получился большой букет. Я смотрел на него, и такая вдруг радость охватила. Сам не знаю, почему вспомнил. Да, ещё. У президента США Рональда Рейгана в последние годы была болезнь Альцгеймера. Если верить средствам массовой информации, он поочерёдно забыл всех внуков, всех детей. Не знаю, помнил ли он в конце жизни свою жену Нэнси. Какое счастье, что мне некого забывать. Я благодарю тот миг, когда сгорел в зелёном огне вместе с тобой.

— А ты не жалеешь о том, что прожил только 67 лет, а не 84, как мог бы, если б не поделился своей жизнью со мной?

— А дожил бы я до 84 без тебя? Я бы спился. Да и потом — ну что хорошего, жить старым одиноким импотентом.

Родолена улыбнулась.

— А может, ты сошёлся бы с кем-нибудь. С Анжеликой той же.

— Я не любитель исторических наслоений.

Родолена просунула пальцы левой руки в правую руку Каштанова и сказала:

— Хорошо, что ты вспомнил незабудку. У неё другие названия красивые — горлянка, пригожница.

Каштанов поцеловал жене каждый пальчик на руке и сказал:

— Название «пригожница» очень подходит для тебя.

— Льстец.

Родолена поправила ему прядь седых волнистых волос.

— У Вознесенского хорошие строки: «Исчезнут все. Только ты не из их числа. Будь из всех исключением. Не исчезай».

Левой рукой Сергей Васильевич обнимал жену.

— Мы просто растворимся друг в друге. И потом, как я понял, в случае плодотворности зерна из него мы опять появимся. Ну, может быть, не мы, но наши, так сказать, дети…

После звонка Родолены старый ботаник с трудом слез с дивана и заказал такси. Потом подошёл к шкафу. Вытащил папку, написал на белом листе, на итальянском: «Родолена и Сергей Каштановы». Подумал, и приписал: «Вторая жизнь». Походил по комнате, потом ещё вывел: «Продолжение?». Поставил знак вопроса, пристроил лист на обложку папки, и стал собираться. Зазвонил сотовый. Николо вышел на улицу.

Такси долго кружило его по вечному городу. К площади Навона Николо подошёл пешком. Он был дальнозорок, и увидел Каштановых издали, стоящих около уличных музыкантов. Николо зашёл в кафе, заказал панна-котту и зелёный чай, откинулся на стуле и стал ждать. Торопиться пока было некуда.

2014–2015

Дмитрий КОРО

Стихотворения

Дмитрий КОРО

Дмитрий Коро (Коростелёв Дмитрий Николаевич) родился 6 февраля 1976 года в Норильске. С 1993 года живёт в Томске. Закончил Литературный институт им. А. М. Горького (Москва), семинар поэзии Г. И. Седых. Публиковался в российских журналах и альманахах, а также в изданиях: «Сталкер» (Лос-Анджелес), «Књижевне новине» (Белград), «Пушкин в Британии-2008» (Лондон). Выпустил две книги стихов: «Двести тысяч мотыльков» (2000) и «Хочу говорить, или Забытый метроном» (2007). Член Союза писателей России с 2001 года. С 2011 года ведёт семинар по литературному мастерству в ТГУ. Трое детей: Марина, Михаил и Мария.

* * *

Привычка отправлять письма
несуществующим адресатам,
фиксировать ясли да мысли
(Куда ты? – Куда там...),

Зачем-то всё слать телеграммы
без подписи и без даты...
Что за привычка упрямая? –
выбили все адресаты.

Выбелил их снег и ветер,
выстудил их зимний морок,
а я всё одно – на конверты
разменяю сороков сорок.

Здравствуйте, говорю, как спалось вам?..
А я ничего, помаленьку,
латаю себе свой мостик
из прошлого – на нонешний берег.

Мостик такой шатучий,
старенький, неказистый...
Да только нет его лучше,
досок его – золотистей.

Конечно, случается всякое –
бавлю хандру со спиртом,
а после – лежу тряпкою,
пожульканной и застиранной...

Вчера вот пространство со временем
меня покусали собакой,
я бы загрустил, наверное,
да глупо из-за этого плакать.

Раскачивал небо под вечер
Ветвями своих сосен
пока не услышал: «Полегче, –
всё же имей совесть!».

Так и живу. Сегодня
опять прилетали синицы.
Я их лечу от голода,
чтоб письма мои разносились...

* * *

Часы пытаются исчислить время,
насечки оставляя по пути,
не зная приступов сомнения и лени,
в круговороте дней – идти, идти, идти (к)...

А время убегает, утекает
от стрелок-рук, от жадных пальцев их.
Но не кричит игрушка заводная,
тик-так, твердит, тик-так, ich liebe dich...

Тактично догоняя-поспешая,
пытается, старается успеть
хотя б свидание назначить невзначай «ей»:
«Мы встретимся, быть может, под часами?..»
«Нет времени!» – доносится в ответ...

ОБЪЯВЛЕНИЕ

Ищу возможность быть любимым
Размеры 1/2 на 1/5
Возможен обмен на всё
Звонить в колокола

* * *

Психоделическое ретро:
Вертинский плакает навзрыд...
Он за 101-м километром
за сбыт наркотиков сидит.

Вечорний дансинг долбит глухо,
собачниками взят Дуглас,
седеет волос, никнет ухо,
и ничего не видит глаз.

Почуял дряблою ноздрёю
вдали поплывший антураж.
Нет, он не то чтобы зарёван,
но втоптан в жижу флёрдоранж,

клубится публика в телагах,
из попугая сварен суп,
и чёрен смрад ареопагов –
на вынос вновь святых несут.

Сегодня трагик не дурашлив:
окурков разобрав улов,
он понимает, что вчерашний
лиловый негр, как труп, лилов.

Оставив публику Шанхая,
застряв не в той поре, норе –
молчит, привычно напевая
психоделическое ре...

* * *

Жизнь текла как обычно
солнце светило светило
а в октябре выброс

у одного мальчика сползли ногти
у второго сердццце стало биться через раз
третий
увидев своё отражение даже не смог чем закричать
и все умерли

а в ноябре был выброс
и все умерли окончательно

* * *

Мой череп
загадка френологу
Вероятно
я думаю слишком громко

Жи и Ши

1.
Жало и жалость – две половинки,
Жизнь и шиза – для мозаики боль…
Как не по праву придворным король –
так и безгрешных влекут поединки.

В лучшей из лужиц жажда шипит:
жрица и гейша бьются за дачника,
нежность воюет с увядшей наждачкою
и ожиданье свиданья не спит.

Шейные жерла скребут шомпола,
жадность старушечья с бушелем шамкает,
и нагота лезет в диспут с пижамкою –
и полумрака бегут купола.

2.
Женщина – желе наивысшего сорта.
Жертвенно белая, безжизненно влажная –
вежливым эхом немого аккорда
шпарит, границы сжигая бумажные.

И – расшатав мишуру наваждений,
ляжет, услышав призыв об участии,
словно пособье для воображения,
словно муляжик ожившего счастья…

* * *
Замажь овалы глазниц
глиной из лужи
залепи отверстия ушных раковин
мёртвым воском

Ртом
носом
вдыхай аромат и зловоние

Чувствуй что хочешь

* * *

Дни поэзии слились
в толщу лет усталой прозы,
запоздалой просьбой – стих:
нужен роздых, нужен розыск,
нужен поиск, нужен писк,
нужен свист строки высокой…
Эхо вторит: икса иск –
в рассмотрение
эпохе.
Та – ворочается плохо,
трёт наждачкой-языком:
«Это кто там, и о ком?» –
и кряхтит, бухтит с икотой,
крепким ссытся кипятком.
(В горле горечь, в горле ком –
вдох и выдох с громким «ох»-ом.)

То ли я природный хам,
то ли хан лихого ханства
и с завидным постоянством –
всё на свалку, всё в бурьян.
Всё вожу, вожу, вожу
тачку слева и направо,
всё на выброс, всё – отрава,
всё, на что ни погляжу.
Уж наездил я межу,
пальцы стёр до костной ткани,
а всё зыбнет глаз в тумане, –
всё кого-то я сужу.

Мне бы ссуду, тысяч пять,
тысяч восемь ярких мыслей,
чтобы всё это объять,
наваять и расплатиться
тьмой и Светом строчек-искр,
тех, которым и министр
вдруг поверит, совеститься
вдруг начнёт,
вспомнив, что горел свечой,
а теперь чадит в пол-крысы…
Но всё это – кислый рислинг,
сладкий бром и бормотанье…

«Дни поэзии» листаю,
самоедством увлечён,
проза, в общем, ни при чём,
но на то она и проза,
чтобы «против» – быть и «за».
Давит что-то на глаза.
Что? – не зна-
ю.

* * *

Голова склоняется под
тяжестью волос
Волосы падают под
тяжестью дней
Дни опускаются на колени под
тяжестью вечности

Вечность придумали склонённые головы

Во всём виновата
сила тяжести
рабства

* * *

Вне расписания тронулся лёд,
Вне расписания глыбы рванули.
Вне расписания – только вперёд.
Вне расписания – напропалую!

Напропалую, вперёд, напролом
что-то несётся, ощерясь лобзаньем.
Против течения, грудь распоров,
грянет весна в разрез расписанья.

Вне расписания: вся наша жизнь.
Вне расписания: ноша свободы.
Вне расписания: скользкий карниз.
Вне расписания: капризы погоды –
эта погода скользнёт по лучу
в дыры озонные эры закланья…
Не потому ль я вне сроков хочу
жизни с тобою – вне расписанья?

* * *

Блокада.

Я написал эти стихи,
я – человек, никогда не бывавший в объятиях смерти
голодного ада.
Блокада...
Когда осыпаются люди
и падают жухлыми листьями в иссушенной тени
промёрзшего сада –
блокада.
Я вижу, как лица горят,
как пламя сжирает младенческих тел очертанья – не надо!

(Блокада)
Я вижу, как плавится, в снах коченея,
растёт затмевающей солнце – стальная, слепая преграда...

Блокада!
Я вижу усмешки – беззубые лица...
Но что мне? Зачем мне... зачем мне всё снится:
белёсые лица под бомбовым градом,
блокада.
Не могут остаться, не в силах проститься...
Опять не родиться, и нечем гордиться...
чугунны ограды, да бьёт их припадок!

Блокада...
Я вижу домов сумасшедшую польку,
но только вот зябко от охры осколков... постойте, постойте –
им больно.
Дворцы золотушные – все разбежались по хатам...
Блокада.
Блокада!
Блокада!!!

Урывками свет
и глотками свобода –
и к ладожской щели стекает капелью прохлада...
Блокады уж нет...
Мы – войны антиподы,
и память
дарует нам память...

Урывками свет –
ничего уже нет.
Бригады куда-то ведут эстакады, но я вспоминаю –

БЛОКАДУ.

* * *

Я вижу учащённый пульс трассирующих пуль,
я слышу в грохоте, что густ, глотает кровь июль.
Я чувствую, – тот миномёт, что к нересту привык,
перемещает свой расчёт и целит напрямик.

Я понимаю – у меня осталось пять минут
до дыма вечного огня, до дома, где не ждут.
Цепляюсь я за каждый миг, и сам свинцом плюю,
и от зари ложится блик на каску на мою.

Вот-вот уже, ещё разрыв... И смертью мне грозят:
гудят, звенят, как комары, во вспышках от гранат
осколки меньше ноготка... в предсердие укус –
обледенели облака и оборвался пульс.

* * *

1.
Меня подстрелила осень жёлудя тёплой пулей,
я собирался в киношку на вторный-повторный фильм.
Пуля прошла навылет, фильм оказался вздорным,
дырка сияет медалью, в дырке свемовский вихрь,

утлый такой торнадо. Значит кому-то надо
чтобы мелодия титров – листьев, небес и дождя,
криком казалась последним раненой глупой чайки,
что заблудилась случайно и ничего не ждя,

(в смысле не ожидая) участи, чем иначе –
осенью простудиться и захлебнуться тоской.
Жалко, конечно, птичку, рвётся чего-то, плачет,
криком кричит гортанным, стой, говорит, постой.

2.
Снов я своих не помню, дней я своих не помню,
помню рисунки на парте, помню билетик в кино,
десять копеек стоил – в небо летела ракета,
и приземлялась ракета, но кто был в ракете, но

кто выходил счастливым из зала кинотеатра,
щурился кто на солнце, кто нёс сюжет взахлёб,
этого я не помню, это всё было завтра,
ну а сегодня осень, осень меня пришлёп…

СТЕПЕНИ

Всё дело в степени... Да-да, господа,
всё дело в степени. Всё дело – в степени!
Дело – не в шляпе. Резон – не в трудах.
Дело не в том, чтобы дело – заметили…

В каждом из нас – есть частица вещей,
очень, казалось бы, телу не свойственных.
В каждом квартале есть несколько вшей.
В каждом убийце – полкапельки совести.

В каждой минуте – есть пара минут,
чтобы слегка разобраться в потерянном…
В гибели каждой – зачатья живут.
Всё – есть во всём, будьте уверены.

В рёве победы – есть степень вины,
что не отдал этой сладости – ближнему.
В женщине каждой – есть слепок с жены,
в каждой жене – девка обиженная.

В каждой картине – есть доля вранья:
руки трясутся, как дула ружейные…
В каждом костре – ожиданье дождя,
в каждом сосуде – вирус брожения.
В каждой строке – заковыристость поз.
(Так я пишу, но не так ведь я думаю.)
В недрах молчанья – таится вопрос.
В каждом уме – зреет степень безумия.

В каждом прыжке – есть вхожденье в полёт,
в каждом пернатом – закон притяжения.
В «Полном назад!» – слышен «Полный вперёд!» –
страх поСтепенно сжирает движение…

Всё есть во всём. День степенен, как ноль.
На степени энной игра наша зиждется.
Нищий до боли – крамольный король.
В книжице спит – заплутавшая ижица.

Все мы – лишь степени тех, кто мы есть,
с разною чёткостью контуров слеплены.
В каждом из нас – есть и ангел, и бес…
Дело всё в том, что дело всё – в степени.

СОНЕТ № 10

Перекроили мне ладони…
Перекривили линий слом,
судьба развёрнута углом,
где был пустырь – пасутся кони.

Где плыл тунец – кукушка стонет,
и звёзды – в небе голубом,
и я, как в море волнолом:
ломлю, ловлю мольбу в бетоне.

О чём молю? Чего ловлю?
Я уподоблен кораблю,
что в первый раз на курсе новом.

В ладонях новые рубцы –
ну что ж, посмотрим… Эй, гребцы,
нам – за руном серебрословым!

* * *

Сокращается линия жизни
да и «ум» что-то вовсе не в рост...

Я родился ещё в коммунизме,
перестроечным юнгой возрос.

Юнга вычитал несколько позже,
Фрейда выплюнул, Фромма забыл.
Демократии снулые дрожжи
булькатели. Прямился горбыль.
Красный цвет превращался в бурбурный,
молот бросили – опять не рекорд...
Переполнили урны котурны,
в переплавку отправился борт.
С новой строчки переделалась песня,
изогнулся кильватер дугой...
Нет да нет, да и вспомнится детство
с пионерскою острой рукой.
Как вышагивал звонкие марши,
ненавидя совдеп и муштру…

Дошагал. Добежал. Стал постарше,
и в ладони гляжу поутру.

* * *

С годами деревенею

Вязну в годовых кольцах
Забываю всё и вся

Радость
Полёт первой весенней бабочки

Откровение
Лицом в траве – шмель прожужжал над ухом

Ностальгия
Запах осенних листьев тихим вечером перед закатом

Гармония
Сосны стоят в снегу и не шелохнутся
но снег осыпается с веток

Чудо
Каждую минуту запросто запрокинуть голову
Здравствуй небо!

Сегодня

Получше работу
Побольше денег
Послаще еду

Оставьте меня в покое
Не лезьте с нравоученьями

Я уже не ребёнок

* * *

Памяти Ю. Левитанского

…Что-то летает… да, что-то витает
и мимолётно все дыры латает –
веткой оливы, клавиром несмелым,
клевером сладким, виолкой фасадной,
капелькой смоквы, птенцом неумелым...

Что-то кружится… да, что-то клубится
и норовит непременнейше сбыться:
берегом блёклым, былинкой бумажной
вьётся, мелькает, курится на лицах,
трепетно дышит... Ах, как это важно,

как это сладко и как терпковато,
словно «сегодня» – растущее «завтра»,
словно за нитью – и тень Ариадны,
словно светляк, промелькнувший куда-то
мимо ржавеющей тени ограды.

...Что это было? И что это будет:
кто шевельнётся, неслышно разбудит,
где остановится птичье паренье,
если для каждой из множества судеб
ветра дыханье – как откровенье...

* * *

Крылья – обложка,
перья – страницы.
Выпустить книгу –
выпустить птицу!

А птицы, что птицы?.. Кому нужны птицы,
когда ветер гонит пепел грозного рыка;
когда всё забито, забыто, зарыто
и как-то нелепы все veni и vici;

когда раз за разом всё чётче и чётче
гибельно гаснут людские надежды...
Был я когда-то бессмысленно-нежным,
циником став – стал на метр короче.

Птица, мой друг, голубь мой, обморозок!
В лес улетай от чумного дыханья!
Здесь тебя ждут только холод и камень,
пущенный вслед невзначай, ненароком…

* * *

Ты досталась мне осенью
виниловым диском из потёртого чемодана
давно умершего под кроватью

Я ждал тебя зиму весну лето весну зиму
(мне казалось что я ждал тебя очень долго целую вечность
а это были всего лишь времена года)

За это время я менял свою внешность около двадцати раз
то распущу крылья
то приоткрою третье веко
то отстранённо встану
монокристаллическим столбом
чуть северо-западнее Полярной

Вестники говорили мне
сегодня она нектар на губах Будды
а завтра готовится быть ласточкиным гнездом

Я молча выслушивал их и проводил совещание
Все ветра наперебой шептали мне что́ я должен
и лишь маленький бриз
понимающе гладил меня по голове
И я ждал

Грянула осень и я целую твои глаза
чтобы ты не видела как я пла́чу
при звуках
снятых старательной и постаревшей иглой
ищущей по спирали твой центр

Игла не знает
что там её ждёт
ферматическое молчание

* * *

В отваре шалфея – все шалости фей,
и чай с молоком – в молочае…
В соцветьях крушины – крушенье страстей,
с полынью – по полю скучаю.

Горящим свеченьем кричит горицвет,
в гречихе – грехи расчихались.
В ракитах есть тайна, хоть раков там нет…
О хрене – не буду стихами.

Капусты негусто в бочонке пустом,
маслины – замаслили маски…
Пусть я не ботаник, при этом притом
спят рядом Анютины глазки.

СКРИПИЧНЫЙ ЭТЮД ДЛЯ ДУЭТА ПРИЗРАКОВ

Один из парадоксов этого мира состоит в том

(как ни странно он работает
с коэффициентом полезного действия
равным единице)

что самые призрачные вещи
оказываются наиболее реальными
точнее будет сказать настоящими
настоянными на сто́ящем

Есть ветер
но нет и двух устоявшихся сторон света
Есть свет
но тьма закоулков воодушевит и слепого
Есть сущность
но физика мертва по определению
Есть вход в сновиденье
но лаз в эту явь заколочен

* * *

Воды схлынут, и мосты
молча разведут руками…
Я податлив, ну а ты –
твердолика, будто камень.

Воду солнце сокрушит –
выпьет речку длинным залпом;
рыбкой в горле запершит –
недоеденной русалкой.

Воды мягко опадут,
обнажив ландшафт печали:
звёзды, вдавленные в грунт,
яйца нерождённых чаек.

Водам есть куда уйти,
влаге есть куда впитаться…
Тыщу лет я всё в пути.
Тыщу лет – тебе скитаться.

* * *

Я – свеча. Смотри, я догораю,
оплывает струйками мой воск.
Я – свеча, и от огня я таю,
хоть меня выписывал не Босх...

Я – свеча в окрестностях Сибири –
на ветру и плачу, и лечу.
Я – свеча, и в этом «светлом» мире
я всё ярче для тебя свечу.

Я – свеча… Не ты ли мой подсвечник?
Если да – прими меня в ладонь,
одари мгновением предвечным…
Если нет – пойми мою юдоль.

Я – свеча, что знает свою долю:
до огарка в полчаса сгореть.
Я – свеча, я семь копеек стою
и стою пред тем, как умереть.

Я – свеча. Всё сказано в трёхсложье:
я горю, сгорая до костей.
Я – свеча. Как вечер руки сложит –
я в ночи мелькну. Увидь успей…

* * *

Однажды осенью
я долго плакал на скамейке
разбавляя слезами дождь
чтобы он не казался другим
таким сладким

* * *

Мы в разных городах и в городе – одном…
Я рвусь ступить за эту грань, да, видно, не дано.
Идёшь ли ты куда-нибудь, бегу ли я куда –
толпой безумных Янусов хохочут города.

Дома, дома, дома, дома – дырявые насквозь…
Мы под руку с тобой идём, но почему-то – врозь;
своё дыханье, как солдат, впечатываю в шаг:
нечётный – кажущийся друг, и чёткий чётный – враг.

Зачем мой взгляд юлит, люфтит, как скомканный бинокль?..
Зачем я слышу тихий плач, переходящий в вопль?..
Зачем, зачем, зачем, зачем?.. – Вопросы как штыки.
Ответ, ответ, ответ, ответ: беги меня, беги!

Мой город – это город твой, твой гордый город – мой,
но я никак, никак, никак не попаду домой...
И дело не в замках, ключах, и дело не в дверях:
мы в городе с тобой одном – как в разных городах.

* * *

…На площадях, особенно Вокзальных,
куда мы все торопимся, куда?
Здесь сморщились в гармошку поезда,
сменив гудки на дзиньканье трамваев.

…На площадях, особенно Свободы,
зачем мы вертим головой, зачем?
Не к совести приходит казначей,
но совесть – отменяет свои роды.

…На площадях, особенно Соборных,
почём мы продаёмся, почему?
Душа боится и скользит во тьму,
ужом вползая в серпентарий прорвы.

…На площадях, особенно Мечты, –
и где ж такие существуют, где же? –
с себя сметя постылый сор одежды,
примериваем странные надежды,
пошитые подчас из пустоты…

* * *

У осени такое ремесло:
стелить листву под ноги Белой Даме –
своими листопадными трудами
она стирает лета баловство.

У осени особенная стать –
служить зиме без фарса поклоненья;
ей белый стих расскажет откровенней,
зачем её смывает дождь с листа.

У осени – особое лицо.
Пустынная душа и грим полуулыбки.
В её прудах ещё резвятся рыбки,
но в их глазах спят тени мертвецов.

* * *

Дыши, дыши, моя душа,
покуда воздух пышет летом,
покуда воздух пишет светом
и ветка тополя свежа!

Вдыхай поглубже неба стих,
спеша до колик надышаться,
чтобы зимою утешаться
возвратом в грудь хоть эха их.

* * *

И мир был один, и мир был един,
и дети плели из грив лошадин-н-
ных волнистые косы.
И Бог был один, и Бог был един,
и реки сияли прозрачностью льдин,
ответы – не знали вопросов.

Летели ветра, и пели ветра,
что трудная жизнь их легка и мудра
под любящим солнцем.
Смеялись ветра, икрилась игра,
никак не хотела кончаться пора,
где лодьям не надобно лоций...

А день был так юн! Светился июнь,
и выше небес карабкался вьюн
по нитям дождливым.
И пел Гамаюн, и пчёлы из уль-
ев летели к цветам
древней ласкою пуль –
над волнами грив лошадиных...

* * *

Губы цветной акации так любят
ветреных объятий поцелуи…
В лето я опять себя врисую
грифельною мягкостью прелюдий.

Я зрачком витаю по-над лесом,
растворяясь медленно, но верно.
Отмываю тушь с китайских перьев –
я, любитель кистью куролесить…

Руки можжевельника шершавы,
словно постаревшие ладони.
Светлое, святое, молодое –
как гуашью сбрызнутые травы…

ПОЕЗДКА

Мыслимое ли дело –
взойти по ступенькам в поезд,
чтоб киснуть в чужой строфе…

Не проще ли вывести вело-
сипед и на третью скорость
победно поставить ногу
в обрезанном галифе?

МОРЗЯНКА

Люди – это пятна.
Холст столь необъятен,
что разброс и цветность – это лотере…

Я повторен вряд ли,
никому не кратен,
среди тысяч точек я звучу – тире!

* * *

Херес и паэлья, шпага и мантилья,
тридцать восемь тысяч зыбких каравелл,
веточки акации цвета перемирья
и блужданья ветра в глубине аллей...

Всё это – картина в технике пастели,
где мелки мелькают, нежность обронив...
Шпага и мантилья, херес и паэлья –
крошечный этюдик о стране олив.

* * *

Промурлыкает мне Мурманск
песню Баренцева моря,
и солёные куплеты прохрипит мне Салехард:
мол, Саранск с Самарой в ссоре,
ни хрена, мол, нет в Херсоне,
в Сочи – лишь сычи и сони,
в Барнауле запил бард...

Клин вдруг вклинится с рассказом,
заклеймит всю банду разом:
и казанских казначеев, и воронежских воров...
Курск же станет кукарекать,
что в Тюмень тюлени ехать
отказались: нету меха – гонят тюльку, да со смехом
для бобруйских для бобров...

Суздаль крякнет удалецки,
Пенза вспенится по-детски,
Магадан, средь дам подвыпив,
Бийску пискнет карасём...
И Чита начнёт читать нам
то про братских бравых братьев,
то про Обнинска объятья,
то Воздвиженск вознесёт...

Ничего не отвечаю.
Я Москву с тоской сличаю:
хоть Хрустальный, хоть Железный –
но везде здесь римский гусь...

Мне Калуга не подруга,
мне в норильских норах туго, –
я по стройным томским соснам
на чужбине всё томлюсь.

* * *

Я как-то, помнится, уже писал,
что жизнь напоминает телефонный
разговор... Тогда ещё я многого не знал:
что жизнь подчас – улиточка на склоне,
что жизнь, она – в театре зал пустой,
она – и посвист ветра в коридоре,
она – мотивчик, вставший на постой
в хибаре с тошным видом не на море…

Сегодня мне привиделся оркестр
с невидимым, но видным дирижёром:
в нём инструменты все играют без –
без музыкантов, нот, смычков, и вскоре
их какофония становится полна

искрящихся мотивов вязи нотной –
ревут басы, бузят альты, идёт волна
каскадами стенаний – подноготной.
Оркестр живёт сумятицей своей,
сбивается с пиано на крещендо...

У жизни столько разных степеней,
что это понимаешь только между
свое-чужих: двух слёз, двух слов, двух строк, –
и по-иному здесь не разобраться.

Всему – свой выверт, и всему – свой срок.
Оркестр жизни, я иду на танцы!

* * *

За обшарпанным столом
хочется взять небо в кулак
поднести к лицу
и криком вдавить в него себя
громко причитая
о всеобщем неприятии моего желания
быть на виду
быть на кончике взгляда каждого из живущих
быть настолько долго
чтобы забвение устало прикасаться к лобной кости
быть в своей тарелке
и одновременно пытаться насытить полчеловечества
быть как никем и нигде никому
не было предначертано

быть вопиюще безэмоциональным

Разжать кулак
и выпустить небо
с крошечной вмятиной на боку

АНТОЛОГИЯ ЭТИМОЛОГИИ ЭНТОМОЛОГИИ

Слово на вкус очень похоже на пыльцу
колючего цветка города

Энтомологи точат булавки и раскочегаривают
сонные аппараты

ведь появились на свет
новые разновидности вавилонской бабочки
(Psychoda Babylonica)

Zygaena Babylonica – Северянин
Pyrais Babylonicus – Гумилёв
Vanessa Babylonica – Ахматова
Papilio Babylonicus – Мандельштам
Saturnia Babylonica – Набоков

* * *

Памяти Н. Гумилёва

Я хотел бы иметь полированный стол
в современной заброшенной келье,
чтоб, задёрнув портьеру, всходить на престол –
сразу в кресло из узкой постели,

чтоб размером он был ровня озеру Чад
и сиял благородным узором,
пресс-папье, в канделябре свечей тонких ряд
и перо – ежедневным укором.

Две картины, трюмо и персидский ковёр
окружением были б желанным,
пыльный бар, рядом с туркой сигарный набор –
всё как в сказке восточной и странной.

Нежный атлас халата, прохлада шелков
обнимали б души моей скверы –
я бы вдаль уносился от всех берегов,
трепеща от пронзительной веры…

На столе, на том самом волшебном столе, –
папка с циклом «Грезовость акаций»,
я вскрывал бы её, словно кожу – стилет,
чтоб черкнуть в ней: «Пора просыпаться…».

ТРИ РИФМОПАРЫ

Все слова, многомерные, порой избыточно мудрые, вдруг ни с того
ни с сего (что за миг!..) из-за штор, из-за улиц, из-за небес –
торопясь, выплывают...
Череда этих призрачных звуков: *шерхебель, зензубель, лекало,*
Олейна, молельня,
аллегро, Калипсо – витиевато, предерзостно в двери влетев,
будто шубка искристая, на шею бросается и обнимает.

Всё шире и шире теснится в темнице моей хоровод из улыбок,
сплетений, листков с письменами посланий далёких деревьев:
гуттаперчевых ив и загадочных (почему-то багровых тонов) авокадо.
И, не в силах бежать, я кружусь среди всех этих праздничных лоз
и побегов терракотовых роз и маренговых дивных азалий
морфемно-морфейного сада.

Я кружусь – и у новых цветений: к*ронштейн, Рио-Гранде, Альгамбра,*
гортензия, Льюисс, мартель, Маликорн, Арканзас – невнятных словес –
возникают дифтонги.
И так хочется длить этот миг, и так хочется верить всему
и плескать в облака звонкой краской, и по радуге светлой
всходить в вышину и бежать, и бежать без конца, до конца...

Но рвётся, где тонко.

* * *

Младенцы спят с открытыми глазами…
Граница сна и яви столь тонка,
что тело матери, лицо её, рука
во снах присутствуют холмами и горами.
Ручьями, водопадами подчас
становятся шумы из ванной, коридора;
скрип половицы –
превратится в разговоры,
скулёж волчат иль песню скрипача.

Боясь издать любой ненужный шорох,
весь затихаю, замираю, ведь, с плеча
одну пылинку сдув, я вызову тотчас
осенний ветер, приносящий листьев ворох.

* * *

Ребёнок вошёл в дом
и я снова научился ходить на четвереньках
пускать мыльные пузыри восторга
задавать гениально-глупые вопросы
нелепо приплясывать вскидывая руки и мотая головой
пить взахлёб любой новый запах
быть собой
невзирая на себя

Ребёнок вошёл в дом

* * *

Летний день из солнца соткан,
из кувшинок и осоки,
из дерев и трав высоких,
из жужжанья сладких пчёл,

из гнезда с птенцом крикливым,
из стрекозьих торопливых,
тонких и душистых линий…
Кто картину эту сплёл?

Капля сока земляники
и ручьёв прозрачных блики –
кисть блуждает по палитре, –
день растёт цветком Любви.

Шелест ветра осторожен:
полон замыслов Художник –
новый день быть лучше должен,
в нём ягнят не тронут львы…

* * *

В. Пшеничному

Всматриваться в каждого человека,
ловить улыбки (я люблю улыбки),
пытаться различить неясные слова,
которые у каждого на сердце.

Глаза искать, похожие на то,
как если б бабочка к цветку
цветка летела,
а вся поляна радостных цветов
следила, ахая, за призрачным движеньем.

Глаза такие, сердца глубина,
улыбка светлая – встречаются нечасто,
но если уж нашёл, то это – как медаль,
кусочек олова, а всё-таки приятно…

* * *

Если всё сходится –
значит, приходится
верить…

Как-то так водится:
лишь приоткроются
двери –

двери отверзнутся,
сказка завертится
сразу,

и ты по лестнице
скачешь наместником
азбук.

Скачешь без имени
пляской невинного
слова,

а ночью длинною
ждёшь, чтоб заклинило
снова.

Жаждешь пришествия
чрез тьму кромешную –
чуда…

Пить очень бережно
влагу волшебную
буду.

СТИХОТВОРЕНИЕ С ЗАВТРАШНИМ КОММЕНТАРИЕМ

Угадайте что у меня в руках
угадайте-ка угадайте

Это не бабочка[1] нет
Не пёрышко птицы[2]
Не солнышкин[3] лучик
и даже не морская[4] волна

Не ветер[5] в ресницах[6]
Не горсть запятаек[7]
Не песенка[8] не радуга[9] и не закат[10]

Тише тише
а то улетит

Сдаётесь?

Я поймал
тень[11] от *её* улыбки[12]!

* * *

Мне близки по фактуре фантомы из детского сада,
где журавль с лисицей толкуют себе о своём,
черепаха и львёнок, коту Леопольду не спится –
он всё крутит педали и смотрит, как мы живём.

---

1 Бабочка вымерший вид насекомых
2 Птица бабочка-переросток перья те же чешуйки
3 Солнце светило лучи его были безвредны
4 Море большой водоём Луна вызывала в нём волны
5 Ветер движение воздуха при перепаде давлений
6 Ресница волос на краю глазного века
Люди не носили устройств защищающих их от внешних факторов природы
7 Правильно запятая знак препинания в виде крючка
8 Правильно песня произведение для пения
9 Радуга дугообразная полоса на небесном своде
10 Закат заход Солнца (см. п. 3) за линию горизонта
11 Тень место лишённое попадания солнечных лучей
12 Улыбка — ???

Так давайте взаправду попробуем что-нибудь дружно –
может, домик построим, а может, проныру простим…
Детский сад обветшалый – эдемско-советские кущи,
островок в океане, паскудная наша пустынь!..

Ах, зачем я отчалил, скажите, куда я отчалил?..
Предлагала техничка: «Дружок, оставайся у нас!».
Только я не послушал: покатилось златое яичко –
и разбилось.
Не построил,
не простил
и не спас…

* * *

Всё в мире принадлежит ребёнку
который успеет об этом подумать
и предъявит права
на беззащитность заката
на безграничность восторга
на беспринципность любви

Всё это будет его
Маленького принца № 2

* * *

Верительные грамоты дождя
предъявит осень, истончив свой полог…

Бродить по улицам, себя не находя
(ведь путь к себе мучителен и долог),
смотреться в лужи, воду пить с лица,
стучать зонтом по трубам водосточным,
заглядывать в оконца без конца
и слушать, как троллейбусы стрекочут.
Лететь на крыльях мокрого плаща,
зачерпывая влагу башмаками,
и слушать гром, что любит сгоряча
бить в медный таз стальными кулаками.
Дышать завесой, мороком, стеной
из самых мелких капелек небесных;
быть кем-то, кто так хочет быть собой,
кто струи пьёт, укрывшись под навесом;

не зная меры, всё бежит, бежит вперёд,
напившись вдрызг дождём, почти что летним…

– Когда всё стихнет, что произойдёт?
– Печать поставит Солнце-доброхот,
и снова,
снова постареют дети…

ВПРИПРЫЖКУ ЗА АЛЛЕНОМ

Я пишу стихи потому, что…
А. Гинзберг.
«Пекинская импровизация»

Я улыбаюсь потому, что они толпятся с плакатами:
«Мы – против!»;
я улыбаюсь потому, что ты говоришь: «Играть так играть…» –
и играешь;
я улыбаюсь потому, что мир вымерзает, а ты мёрзнешь
быстрее всего остального;
я улыбаюсь потому, что мой отец делает точно так же и скоро
всё кончится;
я улыбаюсь потому, что ветер всё так же юн,
как и время тому назад;
я улыбаюсь потому, что книги олигофренами не желают
учиться компьютерным играм;
я улыбаюсь потому, что от наших имён разит пересохшими
буквами;
я улыбаюсь потому, что раскаяние всегда умудряется успеть,
запоздав на полвека;
я улыбаюсь потому, что женские бюсты «двояковыпуклы»;
я улыбаюсь потому, что современные журналы повествуют
об изобретении ещё одного
оттенка синего;
я улыбаюсь потому, что птиц, не поющих мне своих песен,
засушивают в Красном гербарии;
я улыбаюсь потому, что ребёнком быть куда приятнее,
а размер обуви неуклонно растёт;
я улыбаюсь потому, что винил легко трансформируется
в подставки для горшков;
я улыбаюсь потому, что история увлекается раздуванием щёк;

я улыбаюсь потому, что джаз опережает мысли подобно луне,
вызывающей прилив;
я улыбаюсь потому, что толпе, состоящей из Швейков,
Чонкиных и Йоссарианов,
торжественно предъявляю для проверки белый билет,
по привычке кося левым глазом;
я улыбаюсь потому, что, сколько бы ни написал, всё равно
придётся перевернуть страницу;
я улыбаюсь потому, что матросы «перпендикулярны»
заключённым;
я улыбаюсь потому, что мне хорошо, и потому, что мне плохо;
я улыбаюсь потому, что здания библиотек рушатся, не в силах
выдать нужной мне книги;
я улыбаюсь потому, что баба Валя интересуется,
не занимаются ли бизнесом мои родители;
я улыбаюсь потому, что действительно великие поэмы
умирают до зачатия;
я улыбаюсь потому, что слишком хорошо играю в дурака;
я улыбаюсь потому, что кролики – сплошное ухо,
а волшебный кот носит славное имя Ёжик;
я улыбаюсь потому, что дворники – счастливые люди;
я улыбаюсь потому, что моя будущая жена уже любит меня
как мужа;
я улыбаюсь потому, что Пушкину ставят всё новые памятники;
я улыбаюсь потому, что из раненого тела осени падают капли
оранжевого;
я улыбаюсь потому, что лошади любят соль не как одну
из характеристик анекдота;
я улыбаюсь потому, что Наташа Штырц нарисовала
обалденных человечков;
я улыбаюсь потому, что буква «Т» похожа на почти
вколоченный гвоздь;
я улыбаюсь потому, что некоторые умудряются строить мне
глазки из добротного материала мыльных пузырей;
я улыбаюсь потому, что я уже здесь, а Левитанский ещё далеко;
я улыбаюсь потому, что количество поэзии не зависит
от качества публикаций;
я улыбаюсь потому, что у меня есть 52 сосны
и 84 136 875 шишек как примечаний к ним;
я улыбаюсь потому, что Кузя – помесь болонки
и моей случайной доброты;
я улыбаюсь потому, что где-то там всегда расцветают азалии;

я улыбаюсь потому, что всё это ерунда;
я улыбаюсь потому, что делаю это ради творческого процесса;
я улыбаюсь потому, что этот стих могли бы написать многие,
но улыбаюсь в нём и ему – я;
я улыбаюсь потому, что иногда слишком больно смеяться;
я улыбаюсь самому себе, равно как и всему тому, что хотело бы
стать мною;
я улыбаюсь по-разному (каталог улыбок см., озирая город).

Я улыбаюсь потому, что Мона Лиза улыбается мне в ответ.

* * *

…Зашёл сегодня в старый город,
где трубы – стреляные гильзы,
где небо жестью цвета охры
спокон веков обрамлено…
Дворов глухих мелкопоместье,
ступеней выщербленный у́смех,
нависший над крыльцом внезапно,
невесть откуда взявшийся балкон-
чик. «Чик-чирик», –
хозяином сидящий на перилах
воробышек, такой же, как и стены, серый.
Он помнит десять, двадцать, сорок,
нет… шестьдесят последних здешних лет:

котов голодных, длинный жгут рогатки,
сметённые рукой широкой крошки
с послеобеденных и праздничных столов,
подманный мякиш, вымоченный в водке,
усталой скрипки саботаж фальшивый,
развешенные анфилады простынь
и дребезжанье конки вдалеке.

Он помнит всё. Он воровал крупицы,
фотографировал и складывал по полкам
всё то, к чему имел прикосновенье
хоть самым малым пёрышком своим.
Испуганный полёт его расскажет
про все его растрёпанные мысли,
про самое заветное желанье –
не покидать кораблик утлый свой.

Ведь там – не здесь…
Там трубы – словно жерла
готовых к канонадам пушек;
там не услышишь конки, кошки, скрипки
в индустриальном грохоте слепом.

Поэтому скорей, скорей под крышу,
в чердачный сумрак, разрежённый светом!
В страну воспоминаний и видений –
балкончик, кончик жизни, чик-чирик.

* * *

Даже радио грустит –
время крутит лопасти
усталые:
стук-постук да скрип-поскрип –
время выжмет из горсти
воды талые…

Всё, чего я не достиг,
на зубах песком хрустит
и щебёнкою.
Я – еврей средь Палестин, –
с кожей тонкою.

Хочется себя простить
и, напившись гадости, –
брык вповалочку!
В сон входя, услышу скрип:
вечных перьев Властелин
ставит галочку.

* * *

Провинция – это когда гнилое вино хлещет из бочки через
заржавленный вентиль,
и оно приятней на вкус дорогого шартреза – тем же, чем бубен
честнее изысканной флейты;

провинция – это закоулки страны зачастую в тысячи
раз огромней беспутной столицы,
и время течёт в них совсем по-иному, то глуше, то звонче
перелистывая страницы;

провинция – это неспешность бродячей собаки
(пройтись от угла… добрести до угрюмой пивнухи…);
провинция – это зеркальная гладь тишины и невероятные
слухи;

провинция – это стареющий мост через снулую узкую речку;
провинция – это беззубый (в кавычках) французский прононс
и под шалью цветастою плечи;

провинция – это апломб москвича по поводу русской глубинки;
провинция – это разбитый горшок и старец, кряхтящий
в попытке склеить-таки половинки;

провинция – это наивность мальчишки, сверяющего,
по-взрослому мучаясь, номера лотерейки;
провинция – это болота полей, «запорожец» с прицепом,
гарцующий прямо по гиблой узкоколейке;

провинция – это повинность хранить под упрямством осла
зловещую мудрость питона;
провинция – это кустарник, терзающий где-то впотьмах
колючками плеву бетона;

провинция – это провидец, сидящий над склянкой гнуснейшей
из тысячи изобретённых им смесей;
провинция – это парад ледников и вечнозелёная
американская плесень;

провинция – это все мы, в пиджаках, покрытых добротною
бархатной пылью;
провинция – это три дома в сторонке, с дверями,
что открыты навылет;

провинция – странный отказ от границ, от тяжбы с политикой,
но… не будем о «личном»;
провинция – чьи-то зрачки, прищур пращура
и вечно небритый Да Винчи.

* * *

…А за окном – зелёная погода,
в кочевьях кучевые облака,
рукой подать до соды небосвода –
и склонна к подаянию рука…

И пальцы пробиваются сквозь толщу
напластований будущей воды –
по ниточкам, по лучикам, на ощупь, –
где солнце бродит словно поводырь.

И хочется и колется – обжечься,
и тучей – после – руку остудить...
Расплавленными каплями колечка
пробоины на сердце залудить.

Вернуться в комнату с прокисшей занавеской
на одиноком тлеющем окне,
вернуть ладонь на подлокотник кресла
и навсегда увязнуть в тишине.

* * *

Улицы спешно ищут слова –
громоотводы готовы их выплакать.
Еле скребут по стене желоба,
как по тарелке беззубою вилкою.

Букв инфильтраты – гримасы и соль,
герпес зимы и расхлябанность осени,
летние фарсы и то, что весной
нам из зимы десять кошек подбросило.

В чреве под городом – бледная слизь,
ветреность люда в преддверии селевом,
чавкают недра – и пенится мысль:
как же в унынье погрязло веселие…

Город обшарпанный всё же живёт,
пялит глаза – омертвелые, круглые –
в небо, где сумрак плащом проблеснёт, –
день, разорвавшись, осыплется рухлядью.

Не пессимист, не «бодлероэстет»,
я подключаюсь к сознанию города –
мусор танцует листве фуэте,
в сточных канавах полощет он бороду…

Мусор, как сумма потерь и затрат,
красочно ляжет в панно эпохальное:
город-убийца и город-кастрат,
нами, увы, навек испохабленный.

Я – на арбузе мазутный мазок –
флюоресцирую лезвием разума,
в ямах копаясь, и мой шепоток
в улицах тонет, как в бочке с мальвазией.

(Азия... Азия... Азия...)

* * *

Едва с e2 шагну на e4,
как всё закружится: квадраты, шорох платьев,
рожок альпийский, слон колониальный,
мечтанья пешек, скука королев,
придворный шёпот, тосты «За победу!»,
присяга в верности своим, единоцветным,
отчаянье в глазах у офицерства, –
ладья последняя отходит через час...

Сейчас, шепчу, сейчас, сейчас, минутку,
я что-нибудь придумаю – где выход,
я отыщу на этом поле минном –
и выведу, спасу хотя б своих...

Тянусь рукой (а зрение двоится –
ко мне огромных пальцев приближенье
я замечаю коркою затылка),
тянусь, тянусь, за голову берусь.

Второй рукой нащупываю кнопку
(которую курком я тут же вижу),
пытаюсь обогнать мельканье стрелок,
засунуть палец между шестерён
времён. Щелчок, хлопок, флажок... Через секунду
мне чей-то голос, хриплый и усталый, –
опять король накрылся медным тазом! –
солдаматросский объявляет мат.

ЕСЛИ БЫ ОНИ УЛЕТАЛИ НОЧЬЮ…

На дюралевом «юнкерсе» немецкой фирмы «Люфтганза»
улетают, как сплетни, чтоб сбыться (мне снится) вдали.
В разрежённом пространстве трепещет картоночный панцирь
и несёт свою оторопь ввысь от ошмётка земли –

в ночь, чтоб встретить рассвет, улетают Дункан и Есенин.
Их тела, как сардины, впечатаны в тонкую жесть.
Улетают они… В тишине грохоток плесневеет.
Только стая ворон, провожаючи, будит окрест.

НЕПОЛНЫЙ РЕЕСТР

Город Томск, проспект Ленина и скамья,
где Дом офицеров напротив;
профиль Пушкина (в меру надменный) выглядит так,
как если бы бронза устала;
сто машин, в эклектическом цикле спешащих – не туда,
но оттуда;
пешеходы, которых становится с каждой секундой всё меньше;
серёжки берёз – жертвы сладкого ветра – опадают,
как гусеницы;
тополя, не в силах сдержаться, в пух и прах обещают раздеться,
подсмотрев, как яблочный цвет опадает;
фонари и в асфальте смиренье травы, готовность дождя – всего,
что здесь есть, как будто бы в полном достатке,
но песчиночку точки найти не могу

и – не ставлю

ПОД СОСНАМИ

Земля медленно мыслит

Её застывшие думы
деревья
родились до нас
и умрут после нас

Истраченные байты её памяти
облетают
хвоинками воспоминаний

* * *

Хрустит под ногами снег
замёрзшие на лету
слёзы Творца

Таяние снегов
весной летом осенью
циркуляция слёз Творца
дождь

О как мы грешны
коль есть уже пять океанов!

* * *

Гроздья рябины надели лыжные шапочки
из легчайшего пуха;
замерло всё, и жнёт тишину улитка неспешная
уставшего уха.
Ей уподобясь, я по тропинке скольжу и деревьев
касаюсь руками,
кожей ладоней ловлю улыбки дерев, что грезят
весною – веками.

И шаг за шажком, на ощупь, вслепую танцую
невнятные вальсы:
похоже на сон всё вокруг, и сладко немеют
зачем-то озябшие пальцы.

Зима в кружевах похожа на стаю
уснувшую чаек.
Вот-вот я дойду, вот-вот мой кораблик
причалит.

ОТТЕНКИ СОСТЯЗАНИЯ В БЛУА

Холодный пот и в зеркале – холодный.
Пора идти. За дверью – жаркий мир…

Я сам себе – кумирня и кумир.
Я сам себе – и сытый, и голодный.
Я сам себе – гуляка и аскет.
Я сам себе – и ватман, и копирка…
Казалось бы, попробуй накопи-ка –
а ведь содрал с толпы за пару тысяч лет!

В пределах стен от спальни до передней
я сам себе звезда и чёрный луч.
Замочной скважине велик скрипичный ключ…
Чего ж боюсь я сделать шаг последний?

* * *

Виолончель похожа на женщину
скрипка на ребёнка
На кого же похож геликон?

На гидроцефала

ЗВУКИ Ф. М.

Посвящается всем

…А… Ы…
(мать мыть)
…А… У…
(жрать тьму)
…Ай… Ой…
(лай мой)
…Ах… Эх…
(мал грех)
…Ай-й-йя…
Зла яй-й-йад…яйады…яйадры…
Ясли, яйцы, язвы, ямбы, ялы (я ли?)
ели, еле, вены пели,
вены вили, в ульях – вилы,
лавой вольной, волей больной,
белым хлебом, бед победой –
я валялся левым хлевом
и хлебал свою вину…
Я вихлялся, я валялся,

а поднялся – сразу слёг,
надломился, падла-мался,
покатился в эпилог:
вихри, ветры и ракеты
расступились мне вослед –
в горле ком, пою куплеты
про безумье этих л-е-э-э-э-э-т…

…Е-э-э-э… Ы… (белы)…
Ы-ы-ы-Ы… (жилы)…
…Я-я-я… Ы… (в ямы)…
…А… У-У… А… (хламу в пасть)…
…И… А-а-а-а… (мига дв-ва-а-а)…
и ты ушла-а-а… ла и шла…

И шла и шила,
шеей уши рассмешив.
Вишен вешних ты лишилась,
вши усмешку совершив.

…Эпилог почти излишен
там, где шепчет идиот…

Плохо тем, кого не слышат,
вон ещё один поёт:

…Ы… А…

* * *

Становлюсь через-мерно
заумным, занудным, залётным:
визитно-газетно-безлюдным,
запально-занюханно-мудрым,
метельно-постельно-строчащим,
подальше сующим причастья,
купившим двустишье событий,
снующим в эпохи соитий...

Я стал как-то слишком балетным:
комнатно-кухонно-ватерклозетным,
лестнично-блоково-диагональным,
пластико-матовым, ало-скандальным,

ветрено-пепельно-углекосторовым,
забывшим и встретившим что-то по новой,
мозоль натирающим на табуретах –

я становлюсь ожиданьем ответа.

* * *

Р. Аплину

Записная книжка в огне
прощание с прошлым

Как будут гореть эти люди
вспыхнут
исчезнут без звука и дыма?

Или буквы имён их
останутся живы
цепляясь друг за друга
хвостиками

* * *

Когда умрёт последняя собака,
подобранная некогда щенком,
когда слова рассыплются на знаки,
а те – на точки-чёрточки... потом,
трухой опав, улягутся дорожкой,
что к горизонту тянет свою нить,
и амальгама ухмыльнётся рожей
совсем уж незнакомой… Я винить,
конечно, стану всех, но всюду
сумею разыскать лишь свой почин.
Я закричу, что больше так не буду,
а эхо – «буду, буду…» пробурчит.

* * *

Неправда пахнет жжёным молоком,
предательство – протухшей лососиной…
Кто в спину бит зазубренным клинком,
тот подтвердит, что подлость пахнет псиной.

Зато шиповником цветущим пахнет миг,
что на губах – как снег и поцелуи,
ромашкой – пахнет детство… даже стих,
он пахнет лошадью, когда она гарцует.

И так во всём: во всех земных делах
услышать можно запах чуть заметный.
Не пахнут только сны и зеркала,
и то когда не отражают света.

* * *

Схема Московского метрополитена
напоминает молекулу радуги
распластанную на срезе города
под дулом «макроскопа»

Вижу
как по дифракционным венам
снуют микроорганизмы деловитости

Проза
лепрозорий
поэзии

* * *

Человек это книга

Страницы с годами
истираются кукожатся тлеют
Немного и
совсем не разберёшь написанного

Прочти же меня скорее
не дожидаясь
пока останутся корочки гроба

* * *

Калейдоскопом случайных соцветий
передавать свои ощущенья,
перебирая ощупью в черепе
всю мешанину из снов или образов,
мыслей, сомнений, аллюзий истёршихся.

Вот, например, как выразить яблоко?
– Яблоко? – Яблоко, обычное самое
выразить – яблоко...
Как выразить яблоко???

Красное, круглое, сфера, на дереве,
зубы, хрустит, кислое, сладкое,
кожица, косточки, Ньютон, удивление,
падает вниз, встреча с планетою,
шум муравьёв, дождя ожидание,
ветер, червяк, Адам, приключение,
лезвие, кожица, сок… –
околесица –
дерево, ноги, корзина и лестница,
словно в рапиде руки приближение...

Жженье-броженье:
как выразить яблоко?

Это ведь просто,
наверное, –
верное
средство тут есть:
пальцами медленно
взвесить, потрогать,
включить оСЕЗАННие,
это ли – яблоко,
апфель задумчивый,
или всего лишь его отражение?..

В сущности, что же мы знаем о яблоках?
На зиму – варят густое варение,
было там что-то с грехопадением,
хоть недалече всегда они падают
гулким раздором, капелькой уксуса.

После зимы – сговор с черёмухой,
сговор с сиренью: запахи тусклые
все разогнать пьянящею дрёмою.

Яблоки, яблоки – глазные антоновки –
так и сияют на солнце игриво мне.

В калейдоскопе, по-детски звонком,
я наслаждаюсь цветов переливом –
белым наливом.
Самым белым наливом.

* * *

Начнётся что-нибудь. Но что – пока не знаю.
Возможно – море волнами до неба
или пустыня стылого песка.

Чуть меньше вероятны откровенья
небесной глубины и вспышки радуг.
Едва ли островов виденья будут,
что птицами крикливыми кишат...

Поэтому тому я ставлю точку.
Я ставлю точку этому томленью.
Моленье точек утончённо точно –
и точки ставят в угол, как в тупик...

Разрыв,
раздел,
разлад,
разлёт собрались

заразною и разною толпою.

Со следующей страницы всё начнётся,
начнётся что-нибудь...

Хоть что-нибудь начни!

* * *

Очнуться «средь шумного бала»
с нелепой улыбкой в зубах –
такое хоть раз, но бывало
со всяким, бредущим впотьмах.

Казалось бы, зала шикарна,
веселье фонтаном блюёт,
а ты – кривоногим Икаром
застыл, словно точка над «йот».

Не можешь понять или вспомнить,
зачем ты так рвался сюда,
зачем сторонился часовни,
часы надевая всегда.

Зачем вырабатывал деньги,
сжигаючи в топке деньки,
спросонок шептал в понедельник:
«Воскреснуть опять не с руки…».

И вот чей-то голос прикажет,
как в детской забаве: «Замри!».
Стоишь. Кто-то плачет. И даже
похоже, что это внутри.

* * *

Вот открытое окно…
За окном – то снег, то слякоть;
город – выжженная пакля, –
подустав и бросив якорь,
будто спит, забылся сном.

Я, конечно, тоже вхож
в этом сонм слепых сомнамбул,
в этот мир скупых преамбул,
битых ваз и мутных ампул…
(За окном – то снег, то дождь.)

Пьёт глаза телеэкран,
голос ото лжи стареет,
тусклы бритвы брадобреев,
батарея слабо греет,
пуст и чайник, и стакан,

пуст мыслительный процесс,
улиц звук похож на фьюжн…

За окном сегодня вьюжит,
словно дворник неуклюжий
поднял вихрь снежных месс
и твердит: «Аз есмь, аз есмь...».

НЕДОУМЕНИЕ

Связующую нить так трудно заметить
в потёках домов среди блёклого неба
в сугробах людей намётенных за зиму
в пространстве заполненном нами как спичками короб
в грузных автобусах мечтающих о диете
в отсеках квартир где книги дожёвывают последнюю плесень
в подземных тоннелях с ходами всё глубже
в грязном дожде что льёт беспробудно
в ночах щеголевато прыгающих через барьеры дней
в боязни быть тронутым чем не хотелось
в осколках улиц замкнувшихся на себе

Какая же связь между этим
и мной
так любящим что-то другое?

* * *

– А моя подушка пахнет твоими волосами.
– Смени наволочку...

Э. Радзинский.
«104 страницы про любовь»

Мы все –
создатели щемящих диалогов,
ловцы теней, ценители итогов,
хозяева чужих единорогов, –
мы все
ответственны
за то,
что паузы залиты чьей-то кровью,
тела мертвы, а глотки склонны к вою,

что звон цепей не зарастёт травою…

Зато мы – есть!
Но кто мы,
кто мы…
Кто?

* * *

Существо с двумя руками и ногами
не любит ждать, не любит склок и тленья,
других существ с ногами и руками
и склонности к избыточным склоненьям...

Ах, существо с руками и ногами
и этой столь непарной головою!
Ты – как тростинка между берегами
в игре судеб с высокою волною...

О существо, ликующее в плаче!
О существо, тоскующее в смехе...
Ты для побед был вынянчен и зачат –
в какой же яме спят твои успехи?..

* * *

Я – человек-будильник

Просыпаюсь по уши заведённым
Начинаю круговое вращение
завтрак – автобус – улыбки
улыбки – автобус – постель
Предпочитаю молчать
когда зудят-подзаводят

Но иногда про меня забывают
Тогда целый день
улыбаюсь в сортире
пускаю слюни

Брежу
Режу
Ежу

ясно

жду
ночи

* * *

…Из дырки в потолке торчала люстра
застигнутым врасплох куском искусства,
диван морщинил свой усталый лоб,
не в силах избежать объятий(,) поп-
ыток – пыток вынужденной давки,
работал тумбой телевизор на полставки,
и фонарём воображал себя торшер.
Розетка штепселю шептала: «О, мон шер!
Давайте ввек не разлучать объятий:
мне ваша сталь любых словес приятней.
Прошу вас, напрягитесь ещё раз!».

Галдели книги сотней разных фраз
о том и сём – обложках, блошках, плошках;
давила тумбочка палас упрямой ножкой,
а тот и рад подставить свою грудь,
хоть стул-ревнивец и грозил лягнуть.

И всё дрожало, жило, дребезжало,
будильник гнал по кругу свои жала,
чтобы трезвоном разом уязвить
всё сущее...
И очень может быть,
что эта комната (фактически каморка) –
предлог для выплеска мыслишек из подкорки
главно́го мозга и ни граммом больше...

И я не знаю, что там будет дальше:
в ответ – что скажет штепсель своей прорве,
закончатся ли склоки, ссоры, споры,
зачем болтается красотка на крюке
и кто глядит сквозь дырку в потолке…

* * *

Сгорела яичница
три острова превратились в уголь
вместе с круглым океаном

Как хочется любить эту жизнь
хочется любить эту жизнь
любить эту жизнь
эту жизнь
жизнь
ь

* * *

Глянец всех фотографий
не заменит живого взгляда
Звучность воспроизводимых записей
не может тягаться
с сиюминутностью слова

Кому нужна эта память

* * *

Отнять плюсы радостей
сложить минусы горестей
извлечь корень из будней
прологарифмировать праздники
возвести опыт в степень безразличия
проинтегрировать счастье
свести всё к нулю
чтобы нечего было делить

* * *

По мановенью палочки волшебной
лягушка превратится в крокодила,
листок берёзы станет вдруг листовкой
с призывом вырубить под корень этот лес.

Волшба продлится: радуга слиняет
в кислотный дождь, расцеллофанный градень.
…А облака всё падают на землю
дырявой драпировкой пустоты…

* * *
Не хотел начинать курить
теперь будет чем погреться промозглой осенью на остановке

Не хотел начинать снова выявлять содержание спирта в жидкости
теперь зимний холод не страшен

Не хотел
но растерял мысли о тебе

И теперь мне никак не согреться

* * *
Пережую все буковки
Обсосу
Обслюнявлю все слоги и их сочетания
Сломаю зуб о твёрдый знак
Облегчу страдания мягким

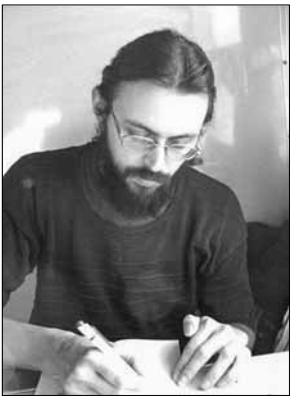
Почувствую
пресность слова правда
сладость слова небо
горечь слова выгода
кислоту слова пожар

(промелькнут в подсознании
приторность крови плевры
безвкусица пыли полотен)

и отравлюсь словом мертвечина
не стерпев его созвучия с ветчиной

Владимир ПШЕНИЧНЫЙ

Стихотворения



Владимир Анатольевич ПШЕНИЧНЫЙ

Родился в 1976 году в городе Томске. Окончил Томский политехнический университет. Участник второго и третьего Форумов российских писателей (Москва, Липки).

Публиковался в журналах: «Октябрь», «Новый мир», «Сибирские огни», «День и ночь».

Коллективные сборники: «Молодые голоса», «Лирический политехнический», «В политехническом опять звучат стихи», «Поэтическое поле Политеха», «Поэты-политехники – Победе», «Пролог», «Сборник произведений лауреатов премии В. П. Астафьева», «Часовые памяти», «Первовестник».

Автор книг: «Зёрнышко для голубя», «Бумажный ангел».

Стихи В. Пшеничного переводились на английский и сербский языки, вошли в шорт-лист премии фонда В. П. Астафьева (2004 г.). Член Союза писателей России с 2006 г. Лауреат премии фонда В. П. Астафьева в номинации «Поэзия» (2008 г.).

* * *
пой дорогу
сказал он
целовал глаза
ледяной Казахстан
небо пей
пой дорогу
так
сказал он

* * *
под слоями краски:
во время артобстрела…
они не…
здесь был…
я тебя…
х…
мотылёк

* * *
порвалось?
ну давай залатаю
лето
льном алым солнца
лепетом веток
неба ведро проливное
переверну
на вёдро
больно?
ну давай поцелую
коленку
приложу подорожник
заласкаю
мою

* * *

напиши ангела
в три строки
напиши время
в три штриха
напиши слово
в одно касание
кистью

* * *

и вот
осталось
ещё три дня!
для того чтобы
присесть на дорожку
помолчать
любоваться
на лица
и слушать
любоваться
молиться
и слушать
и вот осталось ещё девять дней
для того чтобы
в последний раз
ощутить тепло дома
и увидеть сияние рая
и вот осталось ещё сорок дней
до встречи
всего сорок дней
до встречи

* * *

насколько
занимает снежинку
падающую
на мокрый асфальт
злоба
враждующих муравейников

* * *

ночь играла в рукаве
карта неба на стене
кот на шее
дождь на волосах
ночь дремала в рукаве

* * *

и вот зашёл я
погреть
замёрзшие ноги свои
свои ноги
замёрзшие
никому не нужные
ноги
которые сладко болели
никто не заметил
понятно
какое им дело
что ноги
и только солдат
улыбался
которого не покажут
солдат улыбался только
без ног

* * *

в стакане
луны мел
сидели
в глаза смотрел
закончили пить
в пять
обернулся газетой
спать
на стул упал
спал
в полдень продрог
встал
сел за стол
ел
ощупал лицо

цел
вечером включат свет
а никого
нет

* * *

падают из руки
обрывки фотографий
и писем
вот уже снегопад
из белых
обрывков
писем
заносит дороги метель
не вернуться

* * *

ни тимпаны и кимвалы
ни самахи и килимы
а лопаты и рубахи
водка
сапоги
налимы

* * *

живы живы северяне
сибиряки с Томи реки
живы живы рыбаки
старики с Томи реки
живы живы каторжане
кулаки с Томи реки
живы живы мужики
казаки с Томи реки
живы живы соборяне
кержаки с Томи реки
живы живы кастрюки
остяки с Томи реки

* * *

день не задался
да не в бровь
а в глаз

как Ван Гог сижу
в краске и слезах
ухо в руке сжав
вот тебе и раз

* * *

и будет торжественно
и будет объявлено
трамвай остановится
откроются двери
застынет на окнах
навсегда
ледяная болтовня
голубая мечта
для пассажиров с детьми
инвалидов
и лиц
престарелого возраста

* * *

я лежал на воде
и смотрел
я видел небо
так
как в степи
только небо
а кроме неба
ничто
только небо
я перестал
дышать
и слышать
всё что вокруг
весь мир
затих
только небо
и всё
ведь в ушах у меня
вода
та
что над твердью

* * *

ветви сосен
вместе
согласно кивали
пока их не видел
никто
ветер
звенела ночь
распахнул окно
собиралась гроза
сполохи
свежело
я пытался разгадать
загадку
происхождения зла
отвлекало твоё
тело
и всё же немного жаль
что не с кем поговорить
как мертвец
молчит интернет
но хотя бы свеча горит
и приходится пить
фонари вдали
таинственно гасли
хотелось туда
но собаки истошно лаяли
чуяли
меня
да
…

* * *

я к уху приложил
ракушку моря Тетис
…

* * *

понимал ли он в облаках?
о да!
он понимал в облаках
иногда мне кажется

что только он
по-настоящему
и понимал
в облаках

* * *

сладко ноют замёрзшие пальцы
магазин из-под гирлянд сияет
я зайду за свежим тёплым хлебом
розовые руки продавщицы
мне насыплют мелочи в ладошку
ах как пахнет на морозе хлеб
как уютно огоньки мигают
я тебе отдам буханку
грейся
через тридцать лет ты это вспомнишь
заповедный тёплый ломтик детства
и найдёшь в кармане
медную монетку

* * *

я подумал
что праздник
и постриг усы
я подумал
что праздник
и открыл окно
я подумал
но грязно
грязно
грязно
и вот
я порван
развязан
запутался

* * *

красный конь
моей крови
не кован
летит дик
над городом
иноходью

я его ещё ребёнком
целовал в морду
у смерти вырвал хворого
вынянчил
выходил
копыта багровы
остры
бьёт без промаха
всё в висок
не узнан
не уздан
вёрсты
времени сыплет в мешок
мне
дырява моя котомка
время льётся
как молоко
луны
тропка на водах
ломка
её сдует и ветерок
губ
Того
в чьих руках
мы птицы
из чьих рук
мы могли б
взлететь
но чья там
дубина нам
в спицы
и кривая проклятая
смерть
наши крылья
ещё не выросли
и ползём
в поту
и пыли
так просыпь же мне в кровь
о Господи
золотое зерно
любви

БАРЫМТАЧ

кони кони
июлем пылили
здесь в Казахстане
шли три дня
след в след
как слюнявые псы
нюхали пыль
на рассвете догнали
троих храбрецов
но и я не шакал
моя улыбка
от рождения
азиатская шашка
дорожная пыль
раскисла
запеклась
справедливо у нас
наказание для иноходцев
переломали ноги
угонщикам лошадей

* * *
пули плачут
как дождь
на кого Бог пошлёт
ласково
горячо
больно
но незачёт
только навылет
и за плечо
правильно
страшно
и в пятачок
в яблочко
в дурочку
золотое яйцо души
мышь крадёт
проснись курочка

* * *

зимой в почтовом ящике белеет
лишь снег
а летом
крылья бабочек капустниц
и невесомый тополиный пух
я отправляю
своё последнее письмо
конверт с пеплом

* * *

плачет
катятся слёзы
пятикопеечные монеты
накапала лужа
мелочи
рубля не будет

* * *

зажмурился и
прыгнул со скалы
в зелёно-золотые волны
открыл глаза
под водой
увидел всё
как в детстве
я не буду выныривать
там наверху
мне
не хватает воздуха

* * *

я слушал тишину
и тьму
я погружался
во тьму и тишину
я пил
и тьму и тишину
я растворился в них
во тьме и тишине
и вот я сам
и тьма

и тишина
но мыши писк взорвал
меня
и тьму
и тишину

* * *

хватит трепаться
пустые дни
хватают цепко за бороду
город вымер
и не найти того
кто пришьёт
иглой это небо
к забору

* * *

дождь моросит
закинул тысячи удочек
корова понуро бредёт
нити рогами цепляет
идёт задумчиво
словно
по тучам

* * *

из чащи тёмной ночью
к нам
пришёл
зайчище серый
в лапищах держит цепко
кочаны
глаза горят
и уши до колен
свисают
знать килограмм
на десять будет

* * *

на пороге Царства
с тюльпаном
в стакане

с синицами и воробьями
крошками
семечко
сам

* * *

ночью
на асфальт
зеркало неба
упало
как ему не разбиться
босиком по осколкам
побежим с тобой
или снится
в ладони возьми
посмотри
неба осколки тают
наутро
дворники хмурые
бранясь
их метлой подметают

* * *

над тайгой сгустилась мгла
тела елей заскрипели
дровосеков бензопилы
деревплоть и кости ели
вдрызг охотники пьяны
травят пятна на луне
не собаками
мочой
обжигают блин луны
завтра утром
будет кровь
шерсти клок в огонь бросают
а медведи на болота
убивают!
убивают!
на болотах не камыш
топь резину жрать устала
выжигают следы шин
устье речки стало ало

ичига и след простыл
лишь бензин и рёв
мотора
перемелет в щепу кров
всех пушистых детей
бора

* * *

всё повторяется
и я себя встречаю
в электричке
стараюсь не смотреть
и улыбаюсь
в окно
но на затылке
взгляд ощущаю свой
и зябко

* * *

в кармане обрывки
люблю люблю

* * *

62 секунды
белого
света стиха снега вина

62 секунды
красного
света смеха слова вина

62 секунды
того
света

* * *

всё сложнее
путаю время
кто эта женщина
с ребёнком на руках
жена
дочь
мама

* * *

ветер гонял карандаш
по картонке
взад и вперёд
я сидел и смотрел
на карандаш
слушал ветер

* * *

весна
облизала меня
как собака щенка
и за шкирку зубами схватила
и тащит
я мокрый
довольный

* * *

смейтесь птицы
это люди
людей в клетки запирают
смейтесь звери
и не бойтесь
людей люди будут есть

* * *

кому
в слове креститься

а мне в реки речи
устье
с головой окунуться
бы
услышать слово
о полку
из первых уст
пчелиным воском
греть
соль страниц
пробовать губами
с пера
кириллицы буквы
от А до Я
на вкус

* * *

ветер и ночь
я пугаюсь пакета
летящего на меня
как бешеный пёс
но тихо
без лая

* * *

я за столом читал
из жизни пчёл
в столе
шептались мыши
заваривали чай
с душицей
слали мне поклон
шуршали
лапки по бумаге
а чьи
уже не понимал
и думал сонно
мои?
пчёл?
или мышек?

* * *

медленно
снегом
на голову
падает время

* * *

прекрасное утро
сегодня
нам днём
обещают праздник
прекрасное утро
правда
рыбка моя издохла
прекрасное утро
но птичка
снова разбилась

об окна
отразившие небо

* * *

остался кусочек неба
осталось последнее дерево
закрытая дверь в подъезде
плохая защита от прибоя города
равнодушного
размывающего нас
в разноликий песок
ревущего
от тихого ужаса
повседневности
здесь пахнет жизнью
люди за дверями
одинокие
не открывают незнакомым
чужим
мне

* * *

голубята
какие тюльпаны
брызгал искрами
слепой дождь
вон на облаке
ваша мама
воркует
там на облаке
дом ваш

* * *

у меня была
самая лучшая лошадь
а впрочем
что вы понимаете в лошадях
она умела стоять на хвосте
моя лошадь
она была зелёная
впрочем
что вы понимаете в лошадях

* * *

в атаку
котятки и зайки
начинается битва за лайки

* * *

зашёл со свечой в автобус
в голове одни птицы и бабочки
граждане осторожно
не обожгитесь
у меня на ладони ютится
лепесток забытого пламени
граждане затвердели
нахмурились
безобразие
а некоторые отвернулись
в окно вылетели
кондуктор
изо рта лягушки скачут
с огнём здесь нельзя
ну что вы устроили
а ну выходите
быстро
иначе...

* * *

в пустом доме
звонит телефон
на другом конце провода
я

* * *

случай на войне

человек
выдернут
выпал
чёрным зубом
из гнилой и кровавой
пасти окопа
железная сука ощенилась

человек
стал мёртвым

* * *

это типография дети
лист
сумевший пройти
сквозь печатный станок
чистым
положили поверх
новой пачки
листов
вышел чистым снова
смяли
и бросили вон
а давайте его расправим
и сложив из него самолётик
пустим в окно

* * *

я несу кота купать
кот взволнован
но орать
он не будет
нет нет нет
я купил ему билет
билет в баню № 5
кот взволнован
но орать он не будет
от того
благородства своего

* * *

сороки плакали три дня
пока дождь мочил его
сороки плакали три дня
пока ветер трепал перья его

* * *

тьма

крестом ложилась степь
отвергал безумец Бога
звёзды сыпались звеня
не хватало дня

дорога
уходила
вниз и вниз
не нашёл вопрос ответа
кто я
и зачем повис
на гвозде железном
света ключик
не открыть
зимой окон
двери
двери
затворили
будем быть
в дом стучат
а он не верит

* * *

полил дождь
но одна капля
упала первой

* * *

поэзия
точёные улитки слов
переползают улицы несмело
ложатся под колёса
засыпают
на рельсах
без страха
не проснуться

* * *

внимание
все картины на выставке
выполнены кровью художника

* * *

сладковатые сумерки
сочатся в окно
блеск
даль

и откровение
по пятам кралась полночь
с треском расколото небо
как лёд
блеск
даль
и откровение
всё ближе
ближе
и вот у меня в руке
блеск
даль
и откровение

* * *

весной
наступила собака на грядку
наследила
и лапой своей придавила
молодые ростки
втоптала их в землю
примяла
но не погубила
летом
солнце палило
и в зной
ростки один за другим высыхали
только в ямке собачьего следа
по утрам собиралась роса
увы
промысел нам не понятен

* * *

расставание с собой
это смерть
расщепление на боль
и на свет

* * *

дорога крутобокая
как каторга
кнутом хлестнёт то розгою
а дорога

а колея уколота
иглой дождя
запнулась в небе звёздочка
а коли я

и полетела искорка
лишь хвост блестел
расстрелянных не вынесло всех
поле тел

* * *

дорога
т-тряска
«Эй, не дрова везёшь!»
рука дрожит
лбом об окно
зубами о коленку
неловко на билетике
стихи царапать

* * *

весь мир на меня
а я в очках
глаза на меня
а я седой
и пальцы на меня
а меня и нет

* * *

карманы набивал стихами
и снегом
снег таял
стихи таяли

* * *

слепой
стоглавый зверь толпы
по улицам
его извивы
ревёт ура
и снова мы
в нутре кровавом

красной рыбы
мы на крючке у рыбака
по всем каналам будут врать
улов хорош
но завтра вас
рыбак
уху заставит жрать
уха из братьев и сестёр
кто отказать ему посмеет
для тех
как прежде
штык остёр
туга удавка
жёрнов мелет

* * *

все печали позади
кровь свернулась
чай заварен
кот вернулся
подожди
сядет он за стол
нам равен
перестала плакать дочь
я её поцеловал
все печали ушли прочь
за окном колокола

* * *

как мал
этот лист
отразивший
так точно
и тонко
законы галактик

* * *

в солнце
в июля
горячей юле
закрутиться
да запнуться о тень

журавля
выплеснуть полведра
полдня
обратно
на звёздное дно
и с головой окатиться
ледяною
второй половиной
горячей спиною
почувствовать
нежные губы твои
это и значит
жить

* * *

такой газетой как не подтереться

* * *

два брата
оба Каины

* * *

поскользнулась
упала в лужу
я прошу вас
не проходите
протяни!
протяни!
тонущей мышке
руку

* * *

я нить
я между вечностью
и болью
но вот гитарный рифф
меня смывает в море
и снова с лезвия
февраль
я собираюсь
пить
и снова

небо обратилось
в до
и соль земли
не солона
и полна чаша
небес
луна
вопрос
роса и
си

* * *

любовь

тебя здесь
рынок
а меня
луна
раздавленная птичьей лапкой
на два осколка
их зажму в ладонях
и стану резать
нити рынка
как цветы
и голову твою
венком украшу

* * *

и вот увидел я лес
но на ветвях
вместо листвы
трепетали люди
подул ветер
и многие листья падали

* * *

нестерпимые дни
напряжённые лица
воспалённые злые глаза
тесто дорог месят теперь
на крови

и слезах
пули мяукают
они голосуют
за
как голодные кошки
шарят и шмыгают по кустам
шевелят листву
ищут меня
но
я сам

* * *

в коробке от Choco-Pie
лежат клочки фотографии
на них мои мама и папа
они молодые
счастливые
и я – спинка и попа
июньскою ночью
под лампой
окружённой подёнок роем
я клочки друг с другом слагаю
и клею
по-настоящему
без Photoshop`а

* * *

гуляли с Яночкой
нам очень понравилось
мы видели бабочков
таких красавицев

* * *

взором рвал пульсар зари
ведьмы ночь несли на блюде
фью-фью пели снегири
я весну искал в посуде
раздавался грозный смех
тихо крался снег последний
таял луч моих веселий
и подснежники окрест
разгорался как пожар

жадный свет весны сверхновой
кустик примерял обновы
плакал лёд
лицо зажав

* * *

сибирской крутой нищеты
магический реализм
испитой дрожащей души
кубический похуизм
сырость и смех по углам
связанные в пучки
виснут
и только в себя
смотрят и смотрят зрачки

* * *

на станции –30
клубы пара и крики
«Полиция!»
на перроне гуманоиды
молча бьют
друг другу морды
вагон дёрнулся и тихо
в никуда уплыло лихо
навсегда
свет снова бел
поезд сквозь буран летел
а в вагоне жизнь кипела
парень к девушке подсел
и хватал её за тело
тётки мыли кости мне
кость куриную гложа
муж с женой играли в карты
возле лезвия ножа
кто-то плакал в полутьме
проводница чай носила
одеяла
простыни
и неведомая сила
вслух считала до семи
для семьи!

кричал слепой
и в лицо совал журнал
в никуда глядел седой
и жевал
жевал
жевал
пьяный дембель за грудки
волосатого хватал
и орал «Да мы за мир!»
потом вниз лицом упал
судьбы
судьбы
где же я
в этой душной полутьме
поезд сквозь буран летел
и считал секунды мне

* * *

я поставлен здесь
точкой
на расчерченной в клеточку
странице города
в конце прописной строчки улицы
после слова
голуби
перед заглавной буквой
тополя

* * *

помнишь
как схватив твои руки
шептал тебе горячо
я брошу к твоим белым ногам
Китай
лоскутным цветным одеялом
и белый цветок
шиповника
целовал твои волосы
ты помнишь
тогда в сентябре
небо для нас опрокинулось
мы были одной крови

* * *

в троллейбус
вбежала собака
вся мокрая
и наследила
к тому же кондуктору
на ногу
своею ногой наступила
кондуктор сказал что-то грубое
рычал
и велел ей сойти
но девочка с куклой
и косами
собаке проезд оплатила

* * *

мой акварельный лес
с листа смыл ливень
я сам промок
и счастлив

* * *

города проплывают
льдинами
за замёрзшим стеклом
вот ворона
на льдину уселась
хмуро клюёт апельсин

один в вагоне

* * *

с неба капает
значит на небе вода
там вода
это значит
что там живёт рыба
рыба в небе
а значит
рассеется мгла
просто нужно сказать
рыбе
«да!»

БАНТ МАЯКОВСКОГО

Маяковский в широкой шляпе
толпы рост криво смерил
своим оголённым
как провод
под напряжением
взглядом
у него бант алый
он бросает на улицу
«Нате!»
а улица стонет
и вздрагивает
вся в блевотине
и помаде
жмётся к ботинкам
кусает
тонкие пальцы поэтовы
да что ты дурочка знаешь
о том
как рождённые ползать
тычут пальцем в бессмертие

* * *
упал
прохожие мы
затянули болты глаз
не подавали руки
и сердца
«подлы»
«немощные старики»
ворчал он сердито
как пёс
несправедливо выброшенный
из тепла
прочь
для смеха
пьяными застреленный

КТО УСЛЫШИТ?

на дне
картонной коробки
доверху заполненной игрушками
пискнул плюшевый заяц
с глазами-пуговками
и улыбкой
пришитой доброй девочкой
мамой
поверх разорванного рта

* * *

из всех этих газет
я парус склею

* * *

стоял на ветру
бел как соль
глаза синее зимородков
буль
буль
нырнули в небо
разбрасывал цветы слов
под ноги
менял любовь
на боль
...
затем
подошли двое
серые
затылки и плечи
как куб
и развязали на ленты
алый бант
его губ

* * *

кто понимает
о святом Николае
получит сердце
чтобы болело
и греться

ЛИ БО

кисть отрывается от мокрой бумаги
линия не завершена
друзья мы бы выпили рисовой водки
но пора уходить покормить шелковичных червей

* * *

под проливным дождём
зонтом от бед закрывшись
в аквариуме рыбку
нёс к морю выпускать
большой пушистый кот

* * *

девочка рыдает

кричит
плачет
замарала принцесечье платьице
теперь она не принцесса
её не пустят на понарошечный бал

у нас чистые платья
но никого из нас не пустят на бал
и мы не рыдаем

* * *

когда умирает святой
не говорят
все там будем

* * *

замер у ручья
хорёк
бабочка на носу

* * *

как хорошо что я слаб
ведь если бы я был силён
я разрушил бы этот город авиабомбами

город

с холодными голубыми глазами
город
где приходится продавать чтобы жить
где
соседские мальчишки повесили моего кота
во дворе

* * *

старой женщине
не услышать
«маленькая»
«доченька»
на рассвете
пойдёт на реку
с наслаждением
купается
нагишом

* * *

писать стихи на замёрзшем стекле
в трамвае
писать прямо по задумчивым грёзам
льда

это сможет прочесть лишь весна
как прочёл летний дождь
то что я написал ему
на асфальте
мелом

* * *

забросали камнями сердец

* * *

жизнь спички
стремление дать немного света
и вот уже
обжёг пальцы

* * *

небеса
криво приштопаны
шелест нитей ведущих в небо

а в степи
ковыль волнами
за ордой
уходящей в небыль
в центре тысячи тысяч глаз
тёмных окон
на ту сторону
тихих глаз кричащей стаи
разделившей
стрелы поровну
серебристые струны истрёпаны
удар точен
где тонко там рвётся
и последний грома аккорд
замирает
в предчувствии
солнца

* * *

ах
какие мы стали маленькие
меньше звёздочек
меньше чаинок
повисли у кота на усах
мы
две капельки росы

* * *

дрожащим осенним лисом
подвывая тихонько
уходит лето

раненой в голову
перевязанная бинтами дорог
уходит осень

вскрывая вина рек
наследив цветами
убирается зима

целуя в губы
шепча прости
вернётся весна

* * *
ой

ой
ой
о сколько же ещё камней
швырнул я в небо

* * *
дыхание птиц
смешанное со снами цветов
это всё
что известно
дождевой капле

* * *
внутренний счётчик считает
километры моей любви
бумажной лентой уходящие вдаль...
и я
со спичкой в руке

* * *
сегодня я лисица
я умею оборачиваться радугой!
или камнем
по выбору
а хожу я с лицом человека
собирающего листья

* * *
в утренних кустах
шевелит хвостом
ночной зверь

* * *
струйкой пара
покидает тело чайника
душа

Валентина ЧУБКОВЕЦ

Всякое бывало

Рассказы, стихотворения

Валентина Анатольевна ЧУБКОВЕЦ

Родилась 7 мая 1962 года в п. Батурино Томской области Асиновского района.

Публиковалась во многих коллективных сборниках, в журнале «Начало века», участница международного конкурса «ЛИТОДРАМА» (пьеса «Любовь и черти»), финалист 2-го Всероссийского литературного конкурса «ГЕРОИ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ-2016» автор книг «Стихи разных лет», «Стихи для детей», книга рассказов «Всякое бывало», сборник стихов «Я верю». Книга рассказов «Не предавай». Живёт в Томске. Член Союза писателей России.

Вякое бывало...

Рассказы, стихотворения

МОЯ ДЕРЕВНЯ

Деревня, в которой я родилась, казалась мне большой, огромной и такой родной. Да что там казалось! Так оно и было, просто я была маленькой, и тогда мне, ребёнку, всё виделось большим, но порой и трудным.

Помню, пошлёт отец в магазин, жара, бежишь босиком, в одном кулачке рубль зажмёшь, а другой так, для удобства, рюкзачок придерживаешь. И улица казалась длинной-длинной. Остановишься, поправишь лямки у рюкзака — и дальше в путь. Вот наконец-то и магазин «Зелёный» (наверное, потому, что он был выкрашен в зелёный цвет).

У магазина народу всегда много было. Я, как обычно, со всеми быстренько здоровалась, всем здоровья пожелаю. Правда, женщина одна отругала меня. Я ей:

— Здравствуйте!

А она:

— Прости, девочка, ты меня знаешь?

— Нет... — тихо отвечаю я.

— Тогда зачем здороваешься со мной?

— А я... — и я просто замолчала, сникла...

Мне стыдно стало перед этой тётенькой, но больше меня обидело то, с каким-то упрёком она на меня посмотрела. Позже подумала: «Мама мне объясняла, что, мол, здоровья всем людям надо желать, а, наверное, этой женщине его вовсе не хотелось.

Долго тётеньку потом вспоминала. Ну не сумела она меня переубедить, наверное. Городской была... И я всё равно со всеми здоровалась. Побаивалась эту женщину втайне, вдруг по привычке снова «здравствуйте» скажу, но встретиться больше с ней не довелось.

Подам рублик тёте Море, она мне — шесть булок хлеба и четыре копейки сдачи. Иногда папа на сдачу разрешал какое-нибудь лакомство купить, и я покупала халву, сильно её любила. С теперешней не сравнить. Домой уже не бежала, а шла, так как за спиной ноша...

Всё-таки деревенские дети работы не боятся. Мне часто приходилось в двухсотпятидесятилитровую бочку воду носить (а вёдра

были большие и тяжёлые), и щепки собирала, дрова таскала (у нас почему-то и летом холодно было), а с ними тоже проблем хватало; горбыль пилили. Дом, в котором мы жили, был казённый, свой сгорел. Скотины много держали. Всех надо было кормить, уход нужен. И со всем справлялись. Вроде не в тягость было. Любила я сильно живность, особенно коней. У нас их два имелось, один молодой, другой старый. Тот, что постарше, был добрый, умный, всё понимал. Ох и любила его. Зимой удобно было всю скотинку на водопой водить. Я верхом на Белоножке (так коня звали), за нами цепочкой остальные, даже Машка, свинья. Никак не пойму, зачем она-то ходила? За компанию, наверное.

И вот все по очереди начинают пить. Прорубь глубокая. Белоножка встаёт на колени, да так аккуратно, не шелохнётся, чтобы я не упала; попьёт водицы, затем корова, телёнок и овцы — все по очереди. А Машка просто за нами наблюдала. Жаль, что видеокамеры тогда не было, целый фильм можно было бы снять. Корова была такая добрая, что иногда и Машенька умудрялась коровку-то пососать, молочка парного попить. Я же ей никогда не мешала, думала: «Пусть одну титечку высосет, всё меньше доить, да и подойник легче нести». Шибко однажды мне из-за неё досталось. Была весна, солнышко так сильно пекло, что даже в стайке тепло и уютно становилось. Разморилась моя хрюшка после сытного пайка да парного молочка, похрюкала от удовольствия, я ей ещё и животик почесала, она и уснула. Уснула и я рядышком с ней. Не знаю, сколько мы проспали, может, полчаса, а может, и больше. Проснулась от крика отца. Помню его испуганное лицо, да и мы с Машкой не меньше напугались, когда увидели его растерянный вид. Ох и оттаскал он меня за волосы тогда! Машке-то не досталось. Но ей, видно, жалко было меня, и она, прижавшись к стенке, недоуменно хрюкала. Долго я вынашивала обиду на отца. С неделю мучилась вопросом: «За что? Подумаешь, заснула со свиньёй», — размышляла тогда. Похоже, и папа мучился из-за своего поступка. Видно было по нему, понурый он какой-то ходил. Никогда не позволял себе рукоприкладства. А тут на тебе… И от души оттаскал-то. Больно было. Но не заплакала. После в своей комнате навылась.

И вот однажды не вытерпел он:

— Присядь, доченька, на табуретку, поговорить хочу с тобой. — А сам как-то даже в лице изменился. Голос дрожащий, взволнованный. Я растерялась, жалко стало его. Понять ничего не могу, о чём же он хочет со мной поговорить. Но присела. Смотрит папа мне в глаза и виновато говорит:

— Прости меня, доченька, прости, милая, не сдержался давеча, не сумел найти нужных слов, объяснить. Зря тебя оттаскал за волосы. Не виновата ты.

— А-а-а, да ладно, пап, ничего страшного, я и забыла уже и зла

на тебя никакого не держу, — слукавила я. И мне стало жалко папу, и обида сразу куда-то ушла. Как так?! Папа — и просит у меня прощения?

— Нет, не ладно! Это я, старый хрыч! — выругал он себя. — Должен был сам свинью накормить, а не тебя посылать.

— Да мне же не трудно, и спина у тебя болит, нагнуться ладом не можешь. А мне-то что, я сильная.

— Сильная, — задумчиво повторил отец, гладя меня по руке. Затем облегчённо вздохнул и поведал мне историю, которую ему тоже кто-то рассказал. А было это давно в одной деревне. Тогда на оконную раму вместо стекла натягивали хорошо выделанный бычий мочевой пузырь. Но стекло уже появилось. А некоторые люди даже в стайке вставляли в окна стёкла. И однажды шестилетний мальчик, скорее всего, невзначай, разбил камнем стекло в стайке у своих соседей. Хозяин же решил наказать ребёнка и запер его туда, где находилась свинья. Посиди, мол, узнай, как ей холодно. Но свинья, похоже, была голодной и съела мальчика.

— Это, доченька, страшное горе, оно не выходит у меня из головы. А тут тебя долго не было, и я со страшными мыслями побежал в стайку. Увидел Машку и твои ноги…

— Прости меня, пап, не знала, не подумала, что так свиньи могут. Да и Машка у нас добрая и сытая всегда. «Как же сильно он меня любит!» — ещё больше убедилась в отце.

Школа далековато от нашего дома была, километра с полтора, а то и больше. Особенно зимой дорога длинной казалась. Выходишь из дому — поначалу вроде бы ничего, идёшь себе, и мороз нипочём, но проходит несколько минут, и он, настырный, подбирается. Начинает нос, щёки щипать, до рук добирается, а в сильные морозы и ноги прихватывает, да ещё как. Боролась с ним всегда: «Попробуй, догони», — да так бежала, что иной раз жарко становилось. Так и соревновалась с морозом: догонишь — не догонишь. Недаром в школе на спортивных соревнованиях первые места занимала.

Прошло детство, пролетела юность, годы идут, своё берут, но к грубым словам, к скандалам я так и не привыкла. Не по мне это всё. Более тридцати лет в городе живу, а в деревню всё равно тянет, всё думаю: «Кто же с моими кедрами да берёзками разговаривать будет?».

Лес у нас через дорогу был. Чудная природа, свежий чистый воздух, громадное небо! А люди-то, люди — трудяги, с открытой нараспашку душой. Но, увы, вымирает деревня: молодёжь в город рвётся, а старики свой век доживают. Молодцы, преданы своей деревне, я им порой завидую. Приезжаю в деревню, к сожалению, раз в год. На могилки к своим родителям. Прости меня, моя деревня, предала тебя и я. Уехав в город на учёбу, задержалась здесь навсегда.

НЕОБЫЧНЫЙ ПЁС

Так оно и было. Джек — это наш преданный пёс. Он, скорее всего, появился на свет раньше меня. В школу ещё не ходила, но припоминаю один случай, который глубоко осел в памяти.

Как-то мимо нашего дома проходил парнишка, рыжеволосый, худощавый, с портфелем в руке. И, откуда ни возьмись, появился Джек. Не знаю, то ли ему рыжеволосые не нравились, хотя сам был какой-то пёстрый, но по-своему красивый. То ли хотел передо мной козырнуть. Это на его совести. Помню, что слегка прихрамывающий мальчишка был скромным, спокойным, без худых помыслов.

Вдруг Джек обогнал его, обгавкал, как смог, и тяпнул за штанину. Парнишка не проронил ни слова. Собаку позвала и заперла в ограде. Сиди теперь тут. Жалко мальчишку, а если пёс штанину порвал, то — ох, и попадёт же ему от матери! — размышляла. — И зачем только пошёл мимо нашего дома? Гораздо ближе пройти совершенно другой улицей, а так ему пришлось круг дать.

И вообще мимо нашего дома редко кто проходил, он стоял на окраине села. Разве только когда в лес люди шли да на Болван — речка так называлась.

Не знаю, сколько прошло времени, я занималась каким-то своим делом, в этот же день у нас в ограде появился тот мальчик, Вова, но уже с родителями. А в руке у его отца было ружьё. Напугалась. Страшно стало, понимала, что Джека хотят убить, и, не зная, как ему помочь, молча смотрела то в глаза своим родителям, то родителям мальчика, словно умоляя о пощаде. Видела их тревожные растерянные лица.

Джека отвели к завалинке, он чувствовал свою вину и, не сопротивляясь, покорно ждал приговора, часа кончины… Но я не выдержала и рванулась к собаке. Присоединился и старший брат Серёжа. Мы стояли, тесно прижавшись друг к другу. Страха во мне уже не было. Не знаю, что испытывал брат. У меня просто лились слёзы, плакала молча, помню, как отец Вовы плавно опустил ружьё. А моя мама то что-то возбуждённо объясняла его родителям, то гладила Вовочку, прижимая к себе. Папа суетливо бегал по ограде, нашёл какую-то цепь, вовсе не предназначенную для Джека, тут же его на неё посадил.

Я мечтала сделать для Вовы что-то доброе, тёплое, но стеснялась. «Какие хорошие люди, не убили мою собаку», — думала про себя, так хотелось их обнять, расцеловать, но то ли время не то было, то ли я не такая… Комплексов у меня хватало. До сих пор родителям Вовы благодарна, видать, пожалели нас с Серёгой, да и пса тоже.

Позже узнала, что ребёнок у них — единственный и прихрамывал с рождения. А Джек, оказывается, ногу ему укусил, да сильно. Просто Вова выносливым был, вот и не заплакал. Долго ещё наш пёс

на цепи сидел. Не ожидали мы от него такого, всё время по деревне носился и никого не укусил, а тут на тебе…

Умный был, за день до пожара в нашем доме так выл! Мама ещё сказала: не к добру, мол, воет, к беде. Так оно и случилось. Ночью сгорел наш дом. Сгорело всё. Некоторое время пёс сидел на цепи, сам не понимая, что охраняет. Сжалился как-то папа и отпустил его на минуточку погулять. Только хвост и видали.

К вечеру возвратился. Да не пустой, а с гостинцем. Масло сливочное в зубах приволок, хороший кусок, килограмма на полтора, причём аккуратно завёрнутый в обёрточную бумагу. В то время такой роскошью мы себя не баловали. Тяжко было после пожара. Не знали, как и поступить с маслом. Мама говорила, что надо у людей поспрашивать, у кого, мол, масло пропало? А папа ей: «Ты у Джека спроси, он лучше знает, у кого утащил».

Оставили мы себе это масло. Посёлок людный был, больше шести тысяч населения. Не опросишь же всех. А Джеку хороший кусок хлеба дали, да не простой, а с маслом. Затем на цепь посадили, с месяц сидел. Жалобно скулил, наверное, не понимая, за что опять наказали. Сжалился отец и на этот раз: «Ладно, ступай, разомнись!». На сей раз долго его ждать не пришлось. Буквально через полчаса наш шустрик радостно вилял пушистым хвостиком, аккуратно держа в зубах рябушку.

— Джекушка, отдай, отдай, — ласково приговаривала мама. Тот послушно разинул пасть, мама взяла курочку и побежала к соседке тёте Море. Она точно знала, что курица её. Поблажек Джеку больше не было.

Ещё помню, мама с восторгом рассказывала, какой он верный сторож. Мы уже взрослыми были, в город уехали учиться, образование получать. А Джека родители с собой на покос брали — лодку сторожить. В своё время я сторожила. После изнурительного труда (в деревне все люди трудолюбивые, от рассвета до заката вкалывают) косари ещё и ягоды наберут, и рыбы наловят.

Вот и мои, уставшие, старенькие, не с пустыми руками домой ходили: мама ещё смородинки ведёрочко нарвёт, папа мотор от лодки несёт. Он его почему-то всегда домой носил, так все делали. Вот и забыли на берегу рюкзак. Домой пришли, а Джека нет. Где же он, что с ним? Погоревали, погоревали, да и спать легли. Утром приходят к лодке, а их Джек встречает. Рюкзак в зубы и в лодку — прыг. Мужики-рыбаки спрашивают:

— Тётя Шура, а что у тебя в рюкзачке? Собака ни на минутку не отходит и нас не пускает, рычит…

— Да банка там пустая из-под молочка, просто наш Джек — самый настоящий и ответственный сторож, — с гордостью сказала мама.

ЯШЕНЬКА

Вам, наверное, не терпится узнать, кто такой Яшенька? Да, конечно же, это мой милый, славный попугайчик. Хотя прошло уже более четырёх лет, надежда на его возвращение не теряется. Вдруг вернётся, вдруг прилетит.

— Яшка, где ты? Вернись, — выйдя на балкон, мысленно проговариваю эти слова. И, словно в ответ на мою просьбу, слышу радостное чириканье воробьёв.

Сейчас март, а именно в марте в нашей семье появилось пополнение. Каждому мужчине хочется сделать приятное своей женщине, хотя бы на праздник. Вот и мой Саша, не уверенный в выборе подарка, предложил сделать это самой. Хотя я, поверьте, не такая и капризная. Всему буду рада, достаточно одного вежливого слова.

Итак, с двумя тысячами в руках — на то время это немалые деньги, по крайней мере, для подарка — с радостью рванула на рынок. Помнится, погода была не ахти, с утра снег повалил, ветрище поднялся. Затем всё стихло, даже повеяло весной. Я же размечталась о красивом нарядном платье. Не хватало его в моём гардеробе, зато полно брюк да джинсов.

Иду по рынку, любуюсь каждой вещью, прицениваюсь, платья одно краше другого. Да только вот денежек жалко. То предложат такое, что не стоит и половины этих денег, так мне кажется, а то слишком платье необычное, значит, придётся его только по праздникам носить. То есть два раза в год надену. Нетушки, хватит, было у меня такое. Купила, помню, за двести шестьдесят рублей, по тем временам тоже большие деньги были. Шурка, сынок, в первый класс пошёл, а я в том платье речь на линейке говорила. Ещё пару раз надевала, нет, чуть больше, у племянника на свадьбе в нём была, да и у Шурика на выпускном в одиннадцатом классе.

По сей день оно у меня висит, красивое, блестит всё, да такие никто давно не носит. Не выкидывать же, дорогое всё-таки, и отдать некому. Да и кому нужно? А мне жалко. Может, я — жадина?..

Жму в кулачке две тысячи, глаза разбегаются от большого выбора, но скупость мешает. Вот и ноги стали подмерзать. Простывать нельзя, пойду-ка, погреюсь в крытый рынок.

Захожу. Слышу раздирающий крик попугая. Сердце защемило, жалко стало. «Бедняжка, что же с тобой? Наверное, от матери отлучили, продать хотят?» А он, бедолага, боится, какой же хозяин достанется? И как же ему без мамки? Зная, каково без мамки, всё ближе и ближе пробираюсь к попугаю. Продавцы — наперебой: у меня, у меня купи.

Нет, к горластому рвусь. Самым хиленьким оказался, хозяин его даже и не предлагал.

Мысли о новом платье меня тут же покинули.

— Мне, пожалуйста, вот этого!

— А не пожалеете, назад не принесёте?

— Не беспокойтесь, — уверенно отвечаю, не торгуясь, расстаюсь с полутора тысячами. — И эту клетку, пожалуйста, да корму всякого побольше.

Вот и закончились мои две тысячи. Радёхонька. Аккуратно засунув Яшеньку (так я его назвала) под куртку, пустилась домой.

— И зачем мне платье нужно? — успокаиваю себя. — Штанов хватает. А Яшка в достатке жить будет, все условия создам. Интересно, что же мне муж скажет?.. Да ничего, сам сказал — купи, что хочешь, вот и купила.

Дома моей покупке обрадовались, им интересно было то, что Яша крупный, хотя ему всего лишь месяц.

— Порода такая, — с гордостью объясняю. — Они ещё говорить умеют, и наш заговорит!

— Мама, посади его скорей в клетку, а то в комнату улетит!

— Да клетку так, на всякий случай купила, ну… чтобы кушал там, а жильём его будет вся наша квартира.

Спорить со мной никто не собирался. Яшенька в нашей семье стал любимчиком и счастливчиком. Спал с нами, на наших головах, то у Саши, то у меня, да и Шурку не забывал. Особенно любил у того в комнате пошкодить, прогрызал всё, что осиливал его клюв, а клюв-то у него ого-го — компьютерные провода, сотик, провода на люстре, музыкальный центр не забыл.

Но Яшке всё сходило с рук, скорее всего, от сильной любви к нему. Вскоре он заговорил, причём некоторые предложения говорил осознанно. Если иду на улицу, то кричит: «Куда пошла?» — причём с интонацией. Соседи всегда знали, когда нас дома нет. Говорят, попугай вылетит на балкон и гавкает, собаке подражал, да так громко, что все прохожие оглядываются и любуются нашим чадом. Любил играть в прятки, смеялся, а ещё много разных слов говорил. Обожал купаться в большой хрустальной вазе, кстати, побил много маленьких хрустальных рюмок. Бросит с полки, смотрит вниз и кричит: «Бах!». «Яшенька, что же ты творишь?» — А он в ответ: «Ха-ха-ха!».

Мы на все его прегрешения закрывали глаза. Столько ущербу от него… если честно, он нам золотым стал. А сколько мусору было, ведь кушал, где хотел, клетка так и простояла для красоты, лишь изредка в неё заглядывал от любопытства. Всё понимал, даже если я плакала, осторожно перебирал своим клювиком мои реснички, при этом чмокал, целовал.

Яшенька, где ты? Вернись, нам тебя не хватает. Пять лет радости — и вдруг всё, нет… Ладно, если к хорошим людям прилетел, а если в клетку запрут, и выпускать не будут? Это для него всё равно, что

в тюрьму! И где мы его только не искали! Я даже надорвала голосовые связки, рано утром бежала в рощу и кричала, кричала, зовя своего любимчика. Давали объявление, развешивали по Каштаку его фотки. Но, увы...

В мыслях боюсь держать, что его нет в живых. Знаю, попугаи живут долго.

ГОЛУБЬ

В этом году зима лютой выдалась. Иду как-то по площади Ленина, смотрю — возле хлебного ларька голуби крошки клюют. Я тоже булку хлеба купила и крошу им, вдруг вижу: один бедолага еле лапками передвигает. Милый, да у тебя их почти нет! Схватила его, а он и не вырывается, намыкался, похоже, обессилел. Скоренько принесла в ветлечебницу и удивилась внимательности, порядочности молодого фельдшера. Невзирая на то, что рабочий день закончился, он охотно взялся за дело, осторожно размотал вросшую в лапки проволоку, к сожалению, пришлось удалить на обеих конечностях по фаланге, и, не взяв денег за работу, хотя предлагала, ещё дал салфетку для голубя.

Ну, я голубя за пазуху и домой. Умным оказался, оправлялся в одном месте, спал и кушал в другом. В тепле-то да при хорошем лечении быстро на поправку пошёл. Вскоре на лапки, а вернее, на свои култышечки встал. Пожил ещё с недельку и вовсе окреп.

Зная, что морозов таких больше не будет, мы, по возможности, балкон стали открывать. Вдруг на волю захочет или его семья пернатая ждёт? Вскоре улетел. Значит, так надо. Значит, дальше сам справится. К нам же на балкон всегда воробьи прилетают, я их подкармливаю. А тут смотрим, и голуби прилетать стали. Наверное, наш дружок дорогу указал. Хватит всем еды, летите, милые, летите.

ГОША, А ВЕРНЕЕ, ДАША

Не помню ни одного года, чтобы мы жили без какой-либо живности. Собаки у нас в основном маленькие. Да мы и сами ростом небольшие. Я даже где-то слышала, что часто четвероногие (имею в виду кошек и собак) походят на своего хозяина. Так оно и есть. Наша Даша даже характер мой переняла. Ей уже два года. Умная, скромная, в меру шустрая и, я бы добавила, очень обидчивая. Даже не знала, что собаки так могут обижаться.

А подарила нам её моя старшая сестрёнка. У Саши, мужа, как раз день рожденья близился. Звонит мне Танюшка и говорит: «Приез-

жай, я твоему подарок из Новокузнецка привезла. Приезжай, тебе тоже понравится».

А часом раньше Саша позвонил, в рейс едет в Новосибирск. Я, конечно, с ним решила съездить, нравится мне порой путешествовать, да и Саше, думаю, веселей будет. А собаку-то не терпится скорей домой привезти. Но поскольку знала, что он не одобряет сучек, ему почему-то кобельки больше нравятся, с ними возни меньше (а тут самочка), то я засомневалась: будет ли к душе подарок? Временем располагала, поэтому вскоре была уже у сестрёнки и любовалась крохотной красавицей. Полюбила с первого взгляда. А она такая ласковая, прижалась ко мне, и всё тут — моя. «Ты будешь самая счастливая», — шепчу ей и покидаю Танюшку, унося с собой чудо. Саша?.. Сашу обману, кобелёк — скажу. Уж больно маленькая, авось не поймёт.

Попутно заскочила в магазин, купила все необходимые продукты к поездке. Дома отварила яйца, короче, собрала паёк. Вскоре Саша подъехал. Он только в дверь, а Дашулька к нему так и кинулась. И он-то как ей обрадовался, я даже и не ожидала. Довольный такой. А я ему так убедительно:

— Гоша породистый, умный, уже своё место знает, вон, видишь, на подушечку лёг, где помягче. Всё понимает. Ладно, поехали, — говорю я. — А то хочешь, собаку с собой возьмём?

— Да нет, рано ему ещё, сильно маленький, пусть подрастёт, — ответил Саша, прижимая «Гошку» к себе. Для полной правдоподобности сыну записку написала: «Приглядывай за Гошей, теперь он наш». И вдруг муж начинает вертеть, разглядывать Дашу со всех сторон.

— Постой, а где?..

— Да сварила, сварила яйца, аж пять штук, нам хватит, еды много, поехали.

Даша (а вернее, пока что Гоша), чуя подвох, облизала Саше всё лицо, руки.

— Видишь, как он тебя полюбил?

— Да-а-а, — протянул Саша, — мне он тоже понравился, поехали.

И мы поехали. Часа через два позвонил сын: «Мам, а Гоша — вовсе и не Гоша. Это — девочка, значит, Даша?». «Ну, ладно, — как бы смирилась я. — Даша, значит, Даша. Саша всё равно успел полюбить».

Уже два года наша милая, добрая, умная Дашулька нас радует. Мы, конечно, создаём для неё все условия — член нашей семьи. Всё понимает. И, мне кажется, больше всех любит Сашу, ждёт его часами из рейса, лежит у порога и поскуливает. А Саша самый лакомый кусок сам не съест, а ей отдаст. Да что там говорить, мы с сыном тоже так делаем. Сейчас на диету её посадили, так как сильно поправилась.

БЕЛОНОЖКА

Недавно по телевизору смотрела передачу о животных, эту тему стараюсь не пропустить. С детства кошатница и собачница. Но животных заводили не ради моды, а мы любили их по-настоящему. Они же были преданными и верными друзьями, знали своё дело. Кошка с котятами обычно спала со мной, порой залезала на печь, со всеми своими детками.

А однажды, будучи маленькой, нечаянно котёнка утопила в бочке железной, он только глазки открывать стал, махонький, а я ему хотела их промыть водой из бочки, а он выскользнул и туда. Дома одна почему-то была. И как туда сама не угодила? Пробовала доставать, да не получилось, захлебнулся он и на дно, а бочка большая, воды много… Ну, думаю, попадёт за котёнка, смолчала, никому не рассказала. О котёнке-то как раз и не спохватились, у нас их много было, а вот когда последнюю воду из бочки выливали — попало. Вода не только для скотинки была, но и сами пили. Долго потом переживала за котёнка.

Собаки же спали в добротных тёплых будках. Папа об этом всегда заботился. И лишь изредка могли впустить собаку в дом. Мама почему-то считала это грехом. Но иной раз умудрялась даже коня домой привести — это когда родители на работе были. Он расхаживал по комнатам, всё разглядывая. Наверное, интересно было. А мне ещё интереснее, — коня по комнатам водить. Я как бы его гидом была.

— Белоножка (так звали моего коня), смотри, вот печь, это чтобы у нас тепло было, а ещё мы в ней еду готовим, когда холодно, то можно и поспать — там, наверху. — За столом едим, — и обязательно кладу ему кусочки сахара и хлеба. — Ешь, ешь, отсюда бери.

С радостью наблюдала, как конь аккуратно брал своими губёшками еду. Сахар однажды весь скормила, а родителям сказала, что сама съела. Не знаю, поверили мне тогда или нет, по крайней мере, разговора на эту тему не поднимали.

— Вот кровати, жаль, ты здесь не поместишься, а то бы…

И мысленно представила, как Белоножка развалится на моей кровати, но она была такой маленькой и узенькой… А родительская гораздо больше и шире.

— Вот сюда, пожалуй, точно влезешь… Нет, ноги будут свисать, — размышляла, уводя лошадь в следующую комнату. Комнат у нас хватало. Но всё же свой дом, который сгорел, был гораздо больше. Зато теперешний барак довольно-таки высокий, и мой богатырь не чувствовал дискомфорта. Хотя напряжение и страх — вдруг кто-нибудь войдёт, был во мне, и в нём, думаю, тоже. Попало бы…

В прятки с ним интересно было играть, не дома, конечно, а в огороде. Куда ни спрячешься, везде найдёт, только крикнуть надо

— «Ищи!», а он тут как тут. Однажды умудрилась в бочку двухсотлитровую залезть, ну, думаю, не найдёт. Нет, махом нашёл, а вот вылезти-то из неё никак, хорошо, что Белоножка умным был. Всунул в бочку шею, по ней и вылезла, я так всегда на него залазила, когда верхом ездила. Бог росту не дал, а тогда и вовсе ребёнком была — маленькая. Помнится и ещё один случай, точно не забуду никогда, угрызение совести мучает и по сей день. Это когда Люда Сараева — подружка, соседка моя, за стенкой жила, — попросила у меня прокатиться на коне верхом. Я как раз на водопой его вести собралась. Погода тёплой была, солнышко сияло, снег подтаивал, короче, весной пахло. Как же это я подруге да откажу?

— Садись, Люда, не жалко. — Помогла залезть. — Держись за гриву, да покрепче.

Кстати, хочу вам признаться: Белоножка не любил, когда верхом кто-то чужой садился. От Люды это утаила.

— Ну, давай, милый, — и хлопнула ладонью по лошадиной попке. Сорвался мой красавчик с места и пулей рванул вместе с Людочкой. Да так рванул, что калитку, которую я не успела предварительно открыть, перемахнул в один миг. «Удержалась, бедная, — подумала я, — а то бы на калитке уже висела».

Мысли меня терзали совершенно о другом. Зная о том, что лошадь любит покувыркаться в снегу, я бежала за ними, думая, что будет с подругой. Она же у него на спине! А Белоножка — он своего добьётся и не упустит шанса побарахтаться на спинке, на своём излюбленном месте, размять свои косточки… А как же Людины косточки?

Но, сожалению, я опоздала, Подбежав к ним, от увиденного была просто в шоке… Лошадь каталась по своему излюбленному месту, а Люда… Люда то ползала на четвереньках, то кувыркалась рядом, вместе с ним. Я же ничего не могла сделать, разинув рот, наблюдала за происходящим, меня словно парализовало. Подруга тоже не издавала ни звука. Это надо было только видеть. Бедная Людочка, что испытывала в тот момент? Хотя бы отползла в сторону, хотя бы встала на ноги, ведь раздавит же! На белом фоне по сравнению с лошадью Люда казалась маленьким извивающимся комочком. Мысли в моей голове мелькали разные, но тут же покидали меня, вернее, я старалась их отогнать, так как была уверена в своём верном коне, он умный, не сможет раздавить человека, он добрый.

Насладившись досыта своей процедурой, довольный Белоножка отряхнулся от снега и побрёл на водопой к речке. Но уже без Люды.

— Людочка, — ласково приговаривала я. — Как же ты не удержалась? Надо было за гриву сильней вцепиться, тогда бы он тебя не сбросил, а с тобой и кувыркаться не стал бы, ты бы ему помехой была. А так почувствовал, что тебя нет, и решил по мягонькому снежку поваляться.

Нам уже за пятьдесят, но всегда при встрече вспоминаем этот случай. Причём первой напоминает она.

— А помнишь, как ты меня на лошади верхом прокатила и без уздечки?

— Помню, помню,— и, нахохотавшись досыта, мысленно возвращаемся в детство, вспоминая те наши прожитые детские годы.

ВОЖАК

В нашем посёлке были леспромхоз, судоверфь, и даже конобоз при конном дворе. Там коней разводили, ухаживали за ними, на тяжеловозах развозили воду, сено, дрова. Лошадей давали напрокат, естественно, за плату. Обычно перед покосом отпускали на вольные луга набраться сил. Но мало у кого в деревне была собственная лошадка. Только у нас и ещё у двоих местных жителей. А так все пользовались казёнными. Время близилось к сенокосу, и надо было возить копны. Поэтому отец попросил меня сходить на заречную пойму, привести коня домой. Мне это не составляло большого труда, так как ездить верхом любила, даже без уздечки. И по Белоножке соскучилась. Взяв узду и буханку свежего хлеба, пошла за своим любимцем.

Даже не помню, почему вместо меня не пошёл брат Сергей, ведь обычно этим делом занимался он. Но я была уверена, что справлюсь. Идти, правда, было далековато, километров семь, а то и более. Безлюдно, но совершенно не страшно. А какая природа, какой свежий, насыщенный запахами полевых цветов воздух!

Вот и табун виднеется. Не ожидала, что лошадей будет так много. Узнать своего Белоножку могла бы, наверное, из тысячи. Он был самый добрый, спокойный, самый красивый и, поскольку до того, как попал к нам, находился в воинской части, понимал много команд. Он реагировал на условный свист — в нашей семье все умели так присвистывать — и Белоножка сразу же подходил. Но здесь при таком скоплении лошадей я растерялась. Свой-то свой, а повадки чужих не знаю. Всякое может быть.

Страх мой рассеялся при виде маленьких жеребят. Самые крохотные прижимались к мамкам, то и дело прикладываясь к соскам. Один, помню, еле-еле стоял на своих длинненьких слабеньких ножках. Похоже, недавно на свет появился. А его мать встревоженно озиралась по сторонам, прижимая мордой малыша к себе. Я тихонечко стояла, любуясь увиденным.

Вдруг лошади стали настороженно оглядываться, чувствовалось их волнение. Что же делать? Идти обратно в такую даль и не привести лошадь? Да, устала, но вообще дело не в усталости. Большинство лошадей походили друг на друга. Лишь гнедых, белых, да вороных

можно было различить, но их было мало. Где же мой, мой милый красавчик? Я засвистела условным свистом. И вот один из всего лошадиного гурта уверенно направился ко мне. Все другие последовали за ним. «Вот он, Белоножка, — радостно подумала я. — Но зачем другие-то идут?» Обнимая Белоножку, кормила его хлебом, помаленьку угощая и других. «Извини, Белоножка, — приговаривала я, — скоро покос, дня три дома поживёшь, свыкнешься, а затем на работу, копны возить надо. Сам понимаешь — зима впереди, а ты сено любишь, да и корова с овцами тоже».

Быстренько надела ему уздечку и через секунду уже сидела верхом. — «Поехали домой». — Дёрнула узду, вроде бы потихоньку, но, видимо, конь застоялся на отдыхе, рванул мой умняга так, что пыль впереди нас летела. И не только пыль, но и все лошади, что паслись в поле, помчались за нами. Мчались и жеребята, не отставая от своих мам. Лошадиный топот стоял в ушах, жуткие мысли мелькали одна за другой. За время дороги до дома оглянулась пару раз, не более. Страшно было. Я, как клещ, вцепилась в Белоножку.

— Господи, только бы не упасть, только бы удержаться. Скорей бы дом! Да где же он?..

И хотя мы совсем скоро были дома, путь показался совсем не близким. Возле ограды стоял папа. Белоножка подошёл к нему, все лошади теснились рядом.

— Слезай, доченька, — отец взял коня под уздцы и помог мне слезть. Обычно я сама умело проделывала это одним движением, но здесь… Тело стало каким-то непослушным, и земля вроде бы слегка уходила из-под ног. Отцу старалась этого не показывать.

— А табун-то зачем весь пригнала? Я же тебя за своим только послал, — спросил он.

— Не знаю, папа, они сами помчались, я их, правда, не звала. Сами за нами поскакали.

Коня завели в ограду, досыта напоили добротным пойлом. Лошади не отходили, многие ржали, некоторые пытались в ограду пробраться. Я же несколько вёдер воды им выпоила и хлеба буханку скормила. Отец, поглаживая Белоножку, молча смотрел то на меня, то на лошадей.

— Иди, доченька, отдыхай.

— А как же эти лошади?

— Всех не накормишь и не напоишь, да у нас в бочке и воды не хватит. Вон их сколько, пожалуй, с полсотни. Речка рядом, и травы полно. Они попрощаются с нашим и уйдут, — объяснил отец.

— Так, выходит, они нас провожали?

— Выходит, так.

— Значит, Белоножка наш — вожак?

— Вожак. Лошади — они очень умные, всё понимают. Видишь, разговаривают на своём языке.

И я вслушивалась в их перекликающееся ржание. Мне жалко было Белоножку, скучно будет ему без своих друзей. «Но мы-то рядом, — успокаивала сама себя. — Мы же его любим, мы тоже его друзья…»

Но друзьями были недолго. Тем же летом, ближе к осени, папа зарезал нашего вожака. Был конь стар — двадцать семь лет. Свой век отжил… Резал сам, так как кольщиком скотины в посёлке в основном был он. Делал это быстро и умело. Так отзывались люди, и всегда его просили. Так что папе звать было некого…

Помню, мама взволнованно управлялась по кухне. Было много приготовлено кипячёной воды и несколько пустых тазов. Всё это меня настораживало, а мама всячески старалась разговориться со мной, отвлечь. Наверное, не хотела, чтобы я выходила на улицу.

Но, видно, Белоножкина душа как-то попросила мою душу попрощаться с ним. Я вышла на улицу. Увидела, как отец дрожащей рукой перекрестил коня, перекрестился сам, обнял его, шепча что-то на ухо, и, вытащив из-за голенища нож, резким движением воткнул в него.

Белоножка не издал ни звука, в его глазах я заметила крупные слёзы и поняла, что он плачет. Некоторое мгновение конь стоял, а затем повалился набок и судорожно забился. Я стояла рядом, онемев от увиденного. Но ничего не могла сделать. Произошло это всё так быстро. В нашей большой ограде, в той самой, где я с Белоножкой играла в прятки. Он был моим близким другом, самым верным, самым преданным. Жизнь в моём детстве была неразрывно связана с ним. Он был членом нашей семьи.

— Я тебя ненавижу! — закричала на отца. — Ненавижу, слышишь, ненавижу!

Отец стоял на коленях перед лошадью и закрывал ей глаза, как человеку. Затем резко оглянулся на мой крик.

— Зачем ты здесь?.. Зачем же?

А я, до этого никогда не грубившая отцу, крикнула:

— Ты — предатель!

И убежала в лес. Там наревелась досыта, голосила на весь лес. Идти домой не хотелось. Нет, не оттого, что нагрубила отцу и его боялась. Вовсе нет, мне даже не страшно было, пусть бы он меня избил, избил, как мог, изо всех сил, хотя он никогда этого не позволял себе, лишь бы оставил коня в живых. Долго я ещё не могла отойти от увиденного. И как бы меня мама ни успокаивала, всячески доказывая, что, дескать, он старый, да и ещё у нас другой конь, Буян, подрастает. И мясо будет. А так бы умер и всё. Но легче мне не стало.

— Да не притронусь я к мясу, оно в горло не полезет!

Не полезло. И никому не полезло. Пришлось сдать в заготпункт. Мне же хотелось к школе новое пальто. Своего не было, всё обноски сестёр донашивала. Но просить у родителей не осмелилась, да и не

хотела, так, пожалуй, правильнее будет. Вдруг деньги дадут, вырученные за Белоножку. И поэтому пошла на почту телеграммы носить. До школы ещё месяц оставался. На совесть поработала. На всё хватило: и на пальто, и на форму новую, ещё и ведро слив купила. А остальные деньги родителям хотела отдать — не взяли. «Ты старалась, заработала, вот и потрать на себя. Пригодятся тебе самой».

Хорошие у меня были родители — добрые труженики. Жалко их, умерли давно. И Белоножку жалко. Кто не жил в деревне, не был близок с животными, тот, может, меня и не поймёт. Скажет, мол, людей убивают, а тут лошадь…

Лошадь… С человеческой душой… Белоножка, он всё понимал. Говорил только на своём языке, но я-то его понимала…

ЛОСИХА

Однажды мне довелось прокатиться на «Заре». Это такое речное судно с красивым названием «Заря». Всего раз съездила, а запомнилось навсегда. Добирались из моего родного посёлка Батурино до Томска часов двенадцать. Было мне тогда лет семь. В город с мамой поехала впервые. Она — по делам к старшим детям, и меня заодно взяла. Напросилась я. Поначалу было интересно. И, поскольку мест свободных не было, мама меня пристроила на верхнюю полку, предназначенную для багажа.

Первые часа полтора-два я лежала и через круглое окошечко любовалась речкой, высокими крутыми берегами, густыми зарослями леса.

Затем надоело. Народу было много, все полки заняты. И у всех были котомки. Мы тоже не с пустыми руками ехали. Даже молоко в трёхлитровой банке везли, что мне хорошо запомнилось. Я всё боялась банку разбить, но довезли. Душновато было. И запахи, запахи… Кто рыбу копчёную ел, кто яйца варёные, кто сало с чесноком. Короче, у кого что было. Все были весёлые, шутили, угощали друг друга. И не жадничали. А может, это у нас в посёлке люди такие. Мне кажется, и сейчас, постучи в любую избушку, и каждый пустит, угостит, чем богат. Это в городе люди сидят под замками, а в деревне всё нараспашку. Да-да, в нашем посёлке Батурино именно такой народ живёт. Мама с какой-то женщиной разговорилась, и чувствовалось, тема у них интересная. Взрослым я не мешала. Не было такой привычки. Попыталась заснуть, но так и не смогла, да и жёстко было. Вертелась, вертелась, вдруг слышу: «Лось, лось!». Несколько человек ринулись наверх. Ну, и мне интересно. Только увиденное меня не порадовало. От кого плыл лось, версий было много. Одни говорили: «наверное, бежал от медведя, другие — от соперника». А может, сам по себе резвился, да не ожидал, что берег такой крутой

да обрывистый. И высота приличная, метров шесть, а то и больше. Скорее всего, медведь гнался за ним. Многие пришли к такому мнению. И он сорвался, бедненький. Как только себе шею не сломал? Лось большой, упитанный такой. Кто-то даже сказал, что, наверное, лосиха. А вдруг беременная?

Зверь метался по реке, плывя вдоль обрывистого берега. И было видно, что выбивался из последних сил, ища опору под ногами. Но всё было безуспешно. Добиться своего ему не удавалось. И, изнемогая, продолжал плыть вперёд. А там берег был ещё круче, ещё выше.

«Глупый, куда же ты? Назад!..» — кричали мужики, желая помочь. Но как? Чем? И тут наш рулевой, управляя «Зарёй» (он, кстати, был нашим земляком), резко набрал скорость и, обогнав лося, развернул судёнышко назад. Мы потихоньку поплыли лосю навстречу.

Я не понимала, зачем это делается, и поначалу решила, что возьмём его с собой. А вдруг это лосиха, да родит лосёнка маленького — ещё интересней будет. И уже представила, как они с нами до Томска поедут.

Но лось испугался нашей «Зари». Развернулся и поплыл в обратном направлении. Мы же ещё долго, не спеша, соблюдая дистанцию, следовали за ним. И так плыли до более пологого берега, пока рулевой не убедился, что теперь лось в безопасности и с пологим берегом справится в два счёта.

На берег бедолага забрался с трудом. Ведь кто его знает, сколько он ещё по берегу бежал, прежде чем в воду упасть. Постоял некоторое время, повернувшись к нам, мокрый весь, с большим округлым животиком. О чём он, интересно, думал? Наверное, благодарен был, что нашёлся человек, который помог лосю вернуться в лес живым и невредимым. Мы же развернулись на «Заре» и поплыли дальше. А сколько было разговору у людей, сколько радости! И я всю дорогу думала о лосе. Кстати, рогов-то у него не было. Значит, это была лосиха. Я мысленно благодарила дядьку-водителя. Ведь мог бы мимо проехать, посочувствовать и дальше в путь. Ну, разве не добрые люди в нашем посёлке?.. Добрые, ещё какие. Спасибо тебе, милый человек, горжусь своим посёлком. Душевные живут там люди.

БОТИНОЧКИ

До сих пор невольно останавливаюсь возле чьего-то обгоревшего дома. Как же ты пострадал! Чья рука посмела нарушить твой покой? А быть может, это было короткое замыкание? Бедные люди, твои хозяева, что они испытали, что пережили… И перед моими глазами всплывает уже мой домик. Домик на берегу реки, на окраине деревни. Мой милый бревенчатый домик со сказочными резными узорами, с окнами, выходящими в лес…

Прошло добрых сорок лет. И не хочется вспоминать ту майскую холодную ночь. Но нет же, при виде обгорелого дома, пожара, увиденного по телевизору, при очередном моём дне рождения в памяти оживают минуты страшной трагедии нашей семьи. Сказать, что мы жили в достатке, я, пожалуй, не смогу. Да в то время сильно-то и никто не жировал. Помню, наварит мама в чугунке картошки в мундирах, поставит на стол крынку с молоком — мы её всю вмиг и «оприходуем», ещё соседские дети помогут. Так вот и жили, весело и дружно, большой семьёй. Держали своё хозяйство: корова, куры, свиньи, лошадь…

И вот шестое мая — мамин день рождения. Она словно заново учится ходить, делает первые шаги с помощью больших неуклюжих костылей. До этого полгода лежала в больнице. Очередная поездка к старшим детям в Томск обернулась бедой — она попала под трамвай. Но мама выжила, врачи сохранили ей ноги. «Чудеса, — говорила мама, — ноженьки мои целы. Есть Бог, доченька, верь».

Дорога, по которой в день её рожденья нам пришлось пройти, показалась мне длинной. Шли неспешно, каждый шаг маме давался с трудом. И вот мы в магазине уценённых товаров. Мама достаёт из кармана платочек, в котором свёрнутый в несколько раз бумажный рубль, и покупает мне ботиночки. Первые новые ботиночки, до этого доставались ношеные, после старших сестёр. «Мне? Мои?» — шептала я, прижимая их к груди. Помню, продавщица посоветовала сразу же их надеть, а старые в мусорку выкинуть. Но я себе этого не позволила. Да и по такой грязной дороге разве можно идти в новых ботиночках? Радости моей не было предела.

— Мама! День рождения сегодня твой, тебе подарок надо!

— А мне, доченька, Бог подарочек подарил, я пошла своими ножками. Завтра твой день рождения, вот ты и побежишь в школу в новеньких ботиночках. — Я тогда оканчивала первый класс.

Папа с работы пришёл поздно, работал машинистом на тепловозе. В доме не было света, вероятно, что-то замкнуло в проводке. Искать неисправность в темноте не рискнул, и все легли спать. Позже он жалел об этом всю оставшуюся жизнь. Но понять его тогда можно было: он был очень тучным, глуховатым после контузии на войне, его мучила гипертония и беспокоил сахарный диабет. И если бы он, единственный в семье кормилец, упал в темноте…

В три часа ночи мы проснулись. Первой проснулась мама. В доме бушевал огонь. Она успела разбудить отца, прежде чем потеряла сознание. Папа унёс её подальше к лесу и сам побежал будить меня и старшего брата. Но брат, который был старше меня на три года, умудрился выпрыгнуть в окно, что дало возможность вольному огню разгуляться по всем комнатам. Я искала выход, но, когда открыла дверь в сени, меня волной пламени откинуло назад. Там что-то

взорвалось. Дальше ничего не помню. Но я осталась цела и невредима, лишь опалились брови с ресничками, да чёлка.

Говорят, меня сосед вынес в одеяле. Никто из нас чудом не сгорел. Никогда не забуду коня Белоножку, он метался по огороду, вставая на дыбы, громко и тревожно ржал. Помню и Муську: спасая своих котят, она вся обгорела. На ней не было ни клочка шерсти, кожа была покрыта сплошной коростой. Моя миленькая Мусенька ослепла.

Сгорело всё, ничего не спасли. Две пожарные машины, приехавшие тушить пожар, не смогли проехать до нашего дома — они увязли в грязи. А когда приехал трактор, чтобы их дотянуть до горящего дома, тушить было уже нечего.

Помню, как я рылась в пепелище в день моего рождения, ища так и ненадёванные мои новенькие ботиночки. Вчера, придя домой из магазина, я завернула их в тряпочку и спрятала в шифоньер с вещами. И я их всё же нашла. Они лежали, съёжившись в комочек, вовсе не похожие на те, которые я вчера с трепетом несла из магазина.

Наш уютный домик сгорел дотла. Не раз после этого мне приходилось менять место жительства. Но всё — не моё, ни к чему не лежит душа. Тоска гложет по тому бревенчатому домику, в котором родилась и который потеряла. А ботиночки я тоже не забуду никогда. Ведь они у меня были первыми, новенькими…

Сгорел наш дом, остался только пепел,
Нет, печка уцелела от огня.
И тем холодным майским утром
Ботинки в пепелище я нашла.
Они лежали, съёжившись в комочек,
И вовсе не похожи на себя.
Я маленькой была, но дрожь по коже
От пережитого… не позабуду никогда.

ВСЯКОЕ БЫВАЛО…

Кто из вас хотя бы раз да не поблудил в лесу? Хорошо ещё, когда пять, десять минут плутаешь. Кричишь, зовёшь знакомых, и наконец-то тебя находят. Или вдруг сам вышел на знакомую тропку. Какая радость, сразу дышать легче становится.

Я же блудила трижды за свою жизнь. Однажды в Лебединском лесу в Шегарском районе. Мы в то время в Лебединке жили. Страшновато было, но не сильно. Не одна была, с племянницей Танюшкой, правда, младше меня она на десять лет. И, естественно, ответственность за неё в лесу несла я. И всё-таки вдвоём есть вдвоём. Часа три

мы по лесу блуждали. Это кроме того, что до этого часа три, а то и больше, собирали грибы. Довольные, каждому грибочку радовались. А грибов всяких полным-полно. Сыроежки вообще не брали. Маслят, боровиков, белых хватало. Это сейчас — войдёшь в лес, а там одни грибники, а грибочков-то нет! Есть, конечно, они, но люди их уже до восхода солнца выбирают. Ехали мы как-то с мужем из рейса, не помню, куда ездили по его работе. Когда возможность такая была, он меня с собой брал. Мне нравилось, и интересно было. Правда, со сном проблемы, вечно не могу спать, когда машина на ходу. А Саша, муж, как Штирлиц, если остановился поспать, то себе установку делает — два часа, не больше, и снова в путь. Ночью легче ездить, машин меньше на трассе, спокойнее как-то.

Едем, значит… Часа четыре утра, а то и меньше. Смотрю, в лесу огоньки мелькают. И что они там делают в темноте? Да это грибники, грибы собирают. И правда, стоят люди у обочины в шесть утра уже с полными вёдрами грибов. Пожалуйста, покупайте свежие, только что сорванные!

Но лет двадцать пять назад их ночью не брали. Днём навалом было. Всем хватало. Набрали мы тогда с Танюшкой полнёхонькие пакеты.

— Вот дура, — говорю, — и что б ещё пакетик прихватить, грибов-то сколько… — Племяшка быстро сообразила и предложила своё трико.

— Я всё равно в платье, штаны мне ни к чему, и комаров нет, и не холодно.

— Давай, и то верно.

Связали гачи в узел. Вскоре и штаны грибочками набили. «Ведь до чего жадность-то довела, — думала я. — Вот и грибы некуда класть, домой пора, устали изрядно. Да и есть хочется…»

А дорогу домой найти не можем, куда ни пойдём — всё не то, не туда. Так и бегали по лесу кругами. Пока нас Саша, проезжая на «КамАЗе» и беспрерывно сигналя, не вызволил.

— Туда! — обрадовалась я. — Это он нас уже ищет! Сигналит, слышишь?

И мы бегом на сигнал. А он ждёт-пождёт, смотрит, что нас долго нет, и на другое место отъезжает и там сигналит.

— Туда! Это Саша! — и снова бегом.

Ох и погонял он нас тогда по лесу. Устали сильно, я даже Тане предложила штаны с грибами в лесу оставить.

— Нет, за штаны мамка ругаться будет, да и грибы жалко. Весь день потратили на них.

— Да-а-а, я жадная, а ты ещё жадней, оказывается, — говорю племяшке.

Зато как мы их нажарили вкусно, да так наелись с устатку, с картошечкой-то, молочком запивая… Пальчики оближешь!

А недавно, года два назад, я заблудилась возле Семилужков в лесу. Из рейса с Сашей ехали.

— Саша, остановись! Я слышала, здесь грибов полно. Остановись, пожалуйста.

— Ладно, уговорила, — согласился он. — Иди, да смотри не заблудись, а я посплю часок. «КамАЗ» без присмотра не оставишь. Да ещё гружёный. Время не то. Не больше часа! — крикнул он мне вдогонку.

— Хорошо. Я здесь буду, рядышком. — И быстренько рванула в лес. Даже телефон забыла. Возвращаться не стала. Да и ни к чему он мне в лесу. По крайней мере, звонить в данный момент никому не надо, и мне никто не должен.

Середина сентября была. Время опят. Лес незнакомый, чужой какой-то, страшно поначалу было. Затем вроде бы ничего, свыклась. Хвойный лес в основном, и пеньков-то почти не попадалось, обычно на пеньках и вокруг пня опят полно. Но грибы от меня не прятались, манили дальше вглубь леса. Одну кучку не успеешь срезать, повернёшься — рядом другая, ещё больше. Даже на деревьях растут опятки. Так что мой пакет наполнился довольно-таки быстро.

Всё, пора назад, муж ждёт. Да и время, пожалуй, больше часа прошло.

— Хватит, милые, спасибо, — благодарила я лес и грибы. Но они со всех сторон на меня поглядывали, словно прося взять их с собой. — Да некуда мне, в пакете и так уже на десять раз умяла. Вон какой тяжёлый стал, — оправдываюсь я перед грибами. — Вас другие сорвут, поживите пока. Подрастите…

Хотя чем опёнок меньше, тем вкуснее, да и интересней такие махонькие «пуговки» собирать. Такие грибочки, особенно маринованные, и в баночке, и в тарелочке красиво смотрятся. «А куда же мне идти? — вдруг испугавшись, подумала я. — Где же дорога?!»

Запаниковала, поняв, что заблудилась. Страх сковал меня, паника не покидала ни на минуту. Стемнело как-то вдруг, и дождь накрапывал. Похолодало. А затем и вовсе ветрище поднялся. Дождь как будто взбесился, полил, словно из ведра. Пожалела, что телефон не взяла, очень пожалела. В какую сторону идти, вообще не знаю. На протяжении всего времени никого не повстречала, всё словно вымерло. И лишь изредка доносился приглушённый гул машин, но тут же стихал. Я даже не успевала понять, откуда он. Вся промокла, замёрзла, а главное, за Сашу переживала. Ведь ему груз надо вовремя доставить. Но знаю, что в лесу меня одну не бросит. Как же я телефон забыла, растяпа? И куртку поленилась взять! Ною, и грибы не в радость. «Лес, милый, укажи дорогу обратно! Прости меня, жадность сгубила», — приговариваю, идя куда глаза глядят. Но вдруг услышала знакомый сигнал. Саша! Ура! Он понял, что я заблудилась! Сигнал усиливался и усиливался, а я бежала ему навстречу, даже дождик стал нипочём.

С полным пакетом, мокрющая, зарёванная залезаю в родненький мне «КамАЗ». Ну, думаю, сейчас ещё муж разорётся. Проштрафилась, вместо часа — три проходила. А он, когда увидел меня, всю такую-никакую, то у него и злость прошла:

— Опять заблудилась?

— Да, — отвечаю виноватым голосом.

— Не плачь, — приобнял меня. — Пей чай горячий. Поешь. Я уже перекусил, пока тебя, блудню, ждал. — Он добавил в машине тепла, я покушала, и мы поехали дальше.

Тут-то мне и вспомнился случай с мамой. Приехала я к ней в гости, а ей в ту ночь дежурить надо было, склад охранять. Я, конечно, с ней пошла. Мы всю ноченьку и проговорили. О многом она мне рассказала тогда. Рассказала и как она в лесу заблудилась. К тому времени я уже давно была замужем и жила в Томске. И когда она мне рассказала, что ночь пришлось в лесу ночевать одной (правда, собака с ней была, Джек), то мне её было жалко, но я не почувствовала того страха, который она пережила. А вот когда сама ощутила, то-о-о… Да она ещё и старенькой была, лет семидесяти, а то, пожалуй, и больше. Хорошо, что посёлок дружный, утром люди собрались и пошли её искать. А она, бедненькая, ходила, ходила по лесу, бруснику рвала. Ведро полное набрала. Домой пора, но заплутала. А Джек за ней по пятам, не отстаёт.

— Вдруг вижу, — говорит она, — корова в лесу. — Ну, — думаю, — дай-ка её домой погоню. Наверное, от стада отстала, а то и вовсе одна любит ходить. Вымя распёрло. Доить пора. Иди, милая, домой, хозяйка тебя ждёт». А та давай круги по лесу наматывать, и мама за ней. Обе устали. И Джек на корову гавкал, домой гнал. Корова блудней оказалась. Бывает такое у них, по неделям могут домой не приходить. А если стельная, то и отелиться в лесу может. Потом с телёночком домой явится. Редко такое бывает, но бывает. Вот и эта корова — помучила маму. Кружила она, кружила по лесу за коровой. С полнёхоньким ведром ягод вглубь леса ушли. Понятно стало, что до дому в ночь не дойти… Пришлось ей, бедненькой, всю ночь в лесу с коровой коротать.

— Долгой мне та ночь показалась, — говорила мне мама. — Но лето всё-таки. А то зимой довелось, на лесозаготовках. Мужики лес валят, а мы, женщины, сучья обрубаем. Правда, тулуп у меня был, хоть старенький, но всё же был, хотя и тулупом-то не назовёшь, так — дерюга. Темнело уже, домой собирались, в санях на лошадях нас возили. Ссыльными мы были. И так получилось, что придавило меня лесиной. Наверное, я и вскрикнуть не успела. Не помнила ничего. А когда очнулась — никого нет, одна, и шевельнуться-то не могу ладом. Тело ломит, боль непереносимая.

— Мам, а почему не спохватились, что тебя нет в санях? — спросила я.

— Подумали, что я с другими уехала, а те другие подумали, что с этими. Вот и не кинулись сразу-то. А утром спохватились в лес ехать, а меня нет. Дошло тогда, что меня в лесу оставили. Благо, на ту ночь мороз стих, а то бы и замёрзла либо волки загрызли. Но Бог, видно, уберёг, не дал умереть. Мне потом три дня отдыху дали. Не брали в лес. Рёбра сильно болели, дышать тяжело было. С месяц, а то и боле, боль ощущала.

— Мам, да тебе, наверное, рёбра лесиной переломало?

— Может, и переломало, да кому это знать надо было? Ссыльные же мы.

— А сослали-то за что?

— Да сама всю жизнь думала: «За что?..». Дом у нас на Алтае большой был, особняк. Хозяйство большое держали, пасека своя. Земли много было, подсолнуха полно сажали. Масло подсолнечное отжимали. Однажды в кадушке полсталитровой долго сидела, да не в пустой, а с растительным маслом.

Мне стало ещё интересней.

— Мам, расскажи, а за что тебя в масло-то посадили.

— Да обожглась я. Самовар большой у нас был. И как меня угораздило его зацепить? Маленькая была. Вот он и опрокинулся на меня, и обкатил всю кипяточком-то. С меня тут же мама сорвала одежонку и голышом — в бочку. Иначе кто знает, что бы со мной было, может, и не выжила бы. Да Бог миловал. Всё обошлось. Рубцы только вот кое-где…

Мама, слегка приподняв подол платья, оголила ногу. Кожа на ней была какая-то жёваная, съёженная, бугристая.

— Да-а-а, досталось тебе, какой страх и боль ты испытала…

Мама, одёрнув подол, продолжала дальше:

— А мёдом дед твой, папа мой (тебе его не довелось увидеть), всех угощал. Шутник был… Лошадей тоже несколько держали. Но за ними наёмные люди ухаживали.

— А кто такие наёмные? Хотя, кто такие наёмные, знала, но чтоб в маминой семье — необычно.

— Да были такие, у них ни кола ни двора не было, они и жили с нами, питались вместе и помогали во всём. Вот кулаками мы и считались. Богачи, значит, — усмехнулась мама. — За это и сослали на Седьмую точку. Несладко было, доченька, ох, несладко! Но, слава Богу, выжила. До сих пор живу.

Этот разговор у нас затянулся надолго. Мне было всё интересно. Всю ночь слушала её ту, нелегко прожитую жизнь. Похоже, в жизни-то она ничего хорошего и не видела. А всегда говорила: «Богато живу, хлеба досыта ем и сплю, сколько хочется. Только вот мало почему-то сплю. Раньше спать хотелось, но некогда было выспаться. А сейчас бы поспать, да не спится…».

Рассказала и как из Кайлушки Асиновского района в сорок втором году в Томск пешком сходила. Да не одна, а с ребёнком на

горбушке. Папа на войне тогда был. С неделю шла до города, с неделю и обратно. Ночевать стучалась к людям в избу, и те пускали на ночлежку.

— Дай Бог им здоровья, — и мама перекрестилась. — Добрые люди, а кто и узелок с продуктами в дорогу даст. Так и шла от деревни до деревни.

Слушая маму, подумала: «А сейчас две остановки пройти ленимся, маршрутку подавай, а то и такси. Выносливые, закалённые старые люди, не то, что мы». И так хочется, чтобы они подольше пожили, порадовались. Частенько приходится видеть, когда в маршрутке молодёжь пожилым не уступает места. Порой шепну парнишке или девочке:

— Представь, что это твоя мама старенькая. — Глядишь, уступят.

«Всё как-то не то, как-то не так живём — не по-людски…» — думала.

БОМБОУБЕЖИЩЕ

Происходило это в шестидесятых годах. Было мне тогда лет пять-шесть. Солнышко припекало по-весеннему, а я, сидя на завалинке нашего дома, лепила из песка «пирожки», одновременно прислушиваясь к разговору зачем-то собравшихся возле наших ворот людей. В разговоре то и дело слышалось слово «война». Это же слово тогда часто упоминалось и по радио, мой папа прошёл всю войну, и, хотя не любил рассказывать о ней, я знала, что это что-то страшное — там убивают людей. В разговоре тех, кто собрался у ворот нашего дома, одновременно со словом «война» я впервые услышала слово «бомбоубежище». Помню, сначала мама мерила шагами землю вблизи от нашего дома, затем все направились к находившемуся неподалёку оврагу. Мне стало любопытно, и я побежала вслед за ними к этому оврагу. Там тоже мерили шагами землю, и папа, который, очевидно, и надумал возводить бомбоубежище, сказал: «Строить будем здесь».

Утром следующего дня люди пришли уже с лопатами. В основном мужчины, но пришли и несколько женщин. Выкопанную землю уносили в вёдрах и неподалёку вываливали. С каждым днём народу приходило всё больше:

— Анатолий Ильич, мы тебе пособим, а ты приютишь нас, если что?

Папа, соглашаясь, кивал головой.

— Места всем хватит, поместимся как-нибудь. В тесноте, да не в обиде.

И своеобразное бомбоубежище с каждым днём становилось глуб-

же и шире. Наконец общими усилиями его построили. Папа принёс туда небольшую железную печку «буржуйку», а кто-то привёз две двухсотпятидесятилитровые железные бочки. Пол был деревянный, а потолок крепился на двух длинных рельсах. Откуда они взялись, я не знаю, наверное, отцу на работе выделили, он машинистом тепловоза работал. Поверх рельсов положили доски, их засыпали песком и глиной. А на самом верху поверх землянки был огород. И если бы не дверь со стороны оврага, то никто бы и не понял, что под ним находится бомбоубежище. Впрочем, со временем папа стал называть его землянкой, которая долгие годы служила нам тёплой баней.

Отец в дверях прорубил оконце, всё-таки светлей было. Да и пользовались керосиновой лампой. Речка рядом, воды недолго натаскать. Правда, топилась баня по-чёрному. Зато там всегда пахло берёзовыми вениками. Люди с радостью шли к нам помыться, так как казённая баня находилась почти в другом конце посёлка. Да и платить за неё надо. А здесь своими руками построена банька, мойся бесплатно, сколько душе угодно. Но самое главное, что не пришлось использовать это сооружение ради чего оно было построено. Войны не случилось.

ПОДВИГ

Наверное, многие из вас в детстве играли в войну. И каждому хотелось быть победителем, совершить какой-то подвиг, почувствовать себя героем. Так вот и мы с Юркой, племянником моим. Было нам лет по семь, не более. Разница в возрасте в три месяца. Старшей я себя считала. Может, поэтому всегда Юрку сманивала на подвиги.

Лето, жара, июль. Мы с ним плюхаемся в речке Болван… Мелкая, правда, речушка, зато родители нас смело отпускали одних. В самых глубоких местах вода достигала нам по горло, но мы глубоко не лезли, нам и по пояс хватало. Однажды, накупавшись, уже собрались домой. И вдруг слышим шум — трактор едет.

— Юрка, танк! — кричу я.

Это мы понарошку трактор называли.

— Успеем?

— Успеем! — подхватил Юрка.

И мы бросились бежать на дорогу. Юрка ещё прихватил бутылку, которую нашли на берегу реки. Хотели сдать, а на вырученные деньги халвы купить.

— Бутылку-то брось, потом возьмём!

Но он рвался вперёд, не выпуская её из рук.

— Дура ты, это граната у меня!

— А-а-а, тогда ладно.

Но бутылку мне всё равно было жалко. «Не видать нам халвы, — думала я. — Взорвёт «гранату» Юрка!»

«Танк» всё ближе и ближе. Времени совсем мало… И вот мы на дороге. Ложимся в глубокую ложбинку, зарываясь в рыхлый, как пух, торф. Не шевелимся. Нам почему-то очень хотелось проявить свою смелость. Танк над нами проедет, а мы живыми останемся. Бутылка не выходит из головы: вдруг Юрка руку не так вытянет, и танк бутылку раздавит? И вот последние минутки. Сказать, что в тот момент не ощутила страх, не могу, но и выглядеть трусихой не хотелось. «Лежать, — твердила себе. — А как же на войне?»

И вдруг резкая тишина. Трактор остановился буквально в двух-трёх метрах от нас. Мы не успели увидеть, как выскочил «танкист», так как закопались по уши в торфе. Но зато хорошо ощутила боль, тракторист трепал меня за волосы, громко орал, был просто в истерике. Юрке же досталось меньше, то ли потому, что у него волосы короткие, то ли оттого, что у меня уши маленькие, а волосам больше досталось.

Да-а-а, влипли… О «подвиге» мы решили молчать. Но на следующий день о нас говорил весь посёлок. Боялась, что папка узнает, совсем лысой останусь. Узнал и папка…

— Расскажи, доченька, как это было?

— А помнишь, ты мне про войну говорил, как там танки немецкие взрывали? Вот и мы с Юркой…

— Так это же была война! И танки немецкие. Не воюй, доченька, живи в мире.

А вместо того, чтобы оттаскать меня за волосы, крепко обнял и задумался. Похоже, вспомнил ту, настоящую, страшную войну. Войну, которая наделала столько горя и бед.

СГУЩЁНКА

Давно это было… Но всё-таки было, и вспоминается, особенно тогда, когда вижу сгущённое молоко, С теперешним не сравнить — многовато химии применяют. А я в то время физику применила. Жили в деревне, в глубинке. Семья большая, и, как водится, своё хозяйство держали: корова, свиньи, овцы, у нас почему-то ещё две лошади было.

Любила их всегда, и было за что. Мне тогда казалось, что у нас самая умная и самая добрая скотинка, — оно так и было! Зайдёшь в стайку, а они все обернутся, замрут в ожидании: к кому же первому подойдёт? Ко всем, милые, ко всем. Правда, Дочка (так звали овечку) хитрющая была. Она сразу подбегала, в карман губёшками своими лезла, знала, что там лакомый кусочек найдёт. Таким же методом пользовались и лошади, по кусочку сахара всегда для них было при-

пасено — сама не съем, а им оставлю. А Белоножка, в знак благодарности, нагнёт свою голову, да так низко, что я через секунду на нём сидела. Ну, разве не умные?.. И я так думаю. Корова Майка при дойке стояла, как вкопанная, — не шелохнётся. Машка же, тёлочка, всегда ждала своей очереди, сначала я три титьки выдою, а потом одну она, я ей давала такую возможность. Правда, за мной ещё проверит: всё ли я выдоила? Не знаю, может, ей Майка не разрешала вперёд меня пайку получить, или совестливая Машка была. Любила Майка, когда я ей ушки чешу, целую её большие добрые глазки.

И так как у нас было своё молочко, то о сгущёнке не было и речи. Нет, лгу, летом меня брали на покос, а вернее, сторожить лодку, и, если это было в воскресенье, давали банку сгущёнки, но не всегда. В основном это были лук, два-три свежих огурца и, как правило, банка парного молока, не любила парное, ставила в речку остудить, зачастую банка опрокидывалась, а то и сама пыталась рыбьих мальков напоить, думала, может, они любят? Крошки хлебные хорошо ели. Бывало, весь хлеб скормлю, а сама хоть лапу соси. День-то длинным был, с утра до позднего вечера.

Помню, как-то приехала к нам в гости папина сестра родная с внучкой — городские, интеллигентные, внучка капризная, «коровье молоко не буду — сгущёнку подавай». Купила бабушка ей, а мне говорит: «Валя, а ты не ешь, это только для Оленьки». Больно было услышать папке такое, разница в возрасте у нас небольшая. Дал он мне один рубль и десять копеек, да так громко сказал: «Беги, доченька, купи молока, да не одна ешь, с Оленькой!». Не знаю, почему папка так громко сказал, может, потому, что с войны контужен был, слышал плохо? А может, хотел, чтобы его сестра услышала?

Подросла, повзрослела, помню, в восьмом классе училась. Прихожу из школы, — а отец двадцать банок сгущёнки купил! Глаза у меня загорелись, вот, думаю, объемся! Да не тут-то было… Молоко предназначено было не мне, а брату, мол, в Одессе учится, посылочку послать надо. «Да-а-а…» — подумала я.

С отправлением посылки папа почему-то медлил, то ли ящика подходящего не было, то ли что-то хотел доложить. Я же этим воспользовалась. Может, от обиды, а может, от того, что была неравнодушна к сгущёнке, но, придя из школы, осторожно проткнула с обеих сторон банку, высосала молоко и, наполнив пустую банку водой, аккуратно заклеила этикеткой — фокус удался на славу, дырки же залепила замазкой для окон. И так не один раз. Не скрою, после очередной опустошённой банки меня всё же мучила совесть, но и от сгущёнки уже не могла отказаться. Ещё сидя за партой, знала: ждёт меня дома баночка.

Всё бы ничего, но последняя банка меня подвела. Из школы пришла поздно, был КВН.

А дома меня ждала совсем не банка, а «банька». «Доченька, иди-

ка…» Да-а-а… Ну, всё… пропала… Волосяной выволочкой обеспечена! Как же так оплошала? Как же я так?.. Так мне и надо!..

Ноги сопротивлялись, но не подойти к отцу не имела права. «Садись!» «Почему садись? — мысленно размышляла я. — Ты меня должен оттаскать за волосы. А может, а может?.. Нет, банки все с надорванными этикетками…»

Меня пробил холодный липкий пот, не чувствую лица — это самый страшный поступок в моей жизни.

«Что же ты тянешь, давай, выноси свой приговор», — думала я. Отец ещё раз на меня пристально посмотрел, но уже через очки, затем взял банку, покрутил её в руках и совсем тихо, спокойно, даже как-то шутливо спросил:

— Доченька, а ты зачем две дырки делала? Хватило бы и одной.

— Нет, пап, так легче высасывать молоко, затем высасываешь воздух, предварительно закупорив одну из дырок, берёшь в рот воды, и она сама туда с радостью льётся.

— Вот видишь, физика-то тебе и пригодилась. А ты говорила, зачем физика нужна…

— А как же сгущёнка?..

— Не переживай, завтра куплю много сгущёнки.

Эх, папка, папка, знал бы ты, что я пережила в тот момент…

О поступке моём потом никогда не вспоминал. Скорей всего, я стала больше ценить и понимать его.

ДОБРЫЙ ЛЕШИЙ

Я заблудилась: лес, темнота, промокли ноги, вместе с ними и моя душа — знобит. Хочется выть, но ком в горле перекрыл дыхание и не даёт голосовым связкам произнести ни звука. Тишина, о которой раньше мечтала, почему-то меня пугает. В кустах лишь изредка, проснувшись уже от моего шороха, какая-то птица вскрикнет, выказывая негодование. Прости, нечаянно нарушила твой покой, спи…

На время становится спокойнее: не одна в лесу, со мной пернатые.

Надо идти, идти дальше — домой. А где же он, дом? Конечно, можно было бы и отдохнуть, но получасовой дождик изрядно промочил всё, что мог. Вот и снова накрапывает: не надо, хватит, я замёрзла и устала, отдохни и ты! А давай вместе отдохнём?..

Плюхаюсь, уже несмотря ни на что, вниз, на землю, вместе со мной падает и ведро, наполовину заполненное грибами. Грибы меня уже не радуют. И зачем только брала их? Пусть бы росли, достались другому. Мох, на котором сижу, кажется родным, мягким и даже тёплым. Пьянящий лесной запах пытается меня успокоить, но я панически боюсь змей. Они всё время чудятся под каждым кустом,

пора вставать. А может, остаться, дождаться рассвета?..

Страх сильнее меня. «Эх, трусиха слабая», — думаю про себя. И, прикладывая все усилия, встаю. Сейчас бы чаю горячего, хоть один глоточек!.. Пожалела и о том, что перед уходом в лес плохо перекусила. Вспомнился огурец с салом, оставленный на столе. Ладно, что уж теперь…

Кто-то прошмыгнул у меня под ногами, конечно же, не змея, может, мышка, их вовсе не боюсь, даже люблю. Ведро… А если его оставить? Оно вечно цепляется за какие-то кустики, заставляя меня каждый раз вздрагивать, кажется, будто кто-то пытается остановить, хватая за ведро. А может, этот «кто-то» рядом со мной? Боженька, миленький, будь ты со мной рядом, помоги, укажи дорогу.

Мысли тёмные не дают покоя: то вдруг сломала ногу, то необычно, сказочно превратилась в берёзку, щедро угощая каждого прохожего своим соком, при этом ветвями указываю путь к дому. А то — просто умерла. Умерла от змеиного укуса. Стало жалко себя. Вот надумала же всякую дрянь?

Нет, рано себя хороню. И вдруг… Разрыдалась, разрыдалась на весь лес, вместе со мной расплакались и птички, подул тёплый ветер, высушивая мои слёзы, заскрипело старое дерево.

«Не плачь, ты ещё поживёшь! — крикнула ему. — Да и я тоже… Ведь жизнь, она такая прекрасная! Я вас всех люблю, люблю, слышите, люблю!!!» — кричала лесу. Не знаю, то ли это была истерика, то ли такая возможность пообщаться с лесом. Страх покинул меня, я оказалась сильней. И этот «кто-то» был со мной рядом, ощущала его, просто боялась себе признаться, а теперь и его полюбила.

«Спасибо тебе, кто ты есть! Лесной домовой, Леший или как вас там ещё называют? Да и не важно. Спасибо тебе большое! Светало. А вот и моя деревня! Вон, видишь, мой домик, окнами в лес. Давай будем дружить, ты помог мне, привёл меня к дому, быть может, когда-то помогу и я тебе, не стесняйся, обращайся…»

Дома меня ждали мои родные, горячая еда и тёплая постель.

— Доченька, как же ты добралась, одна, в темноте?

— А я была не одна, со мной был Леший, он добрый, он меня и привёл.

МЭНА ДОМА НЭТ

Кто из вас не испытывал боли после укуса осы? А я испытала, да ещё какую! Впрочем, ос боялась с детства, но не настолько, чтобы шарахаться от них по кустам. Одно время даже поверила папиному придуманному рассказу. А было это на покосе. Лето, жара, солнышко печёт усердно. Все, уставшие после длительного переворачивания почти сухой травы, а точнее — сена, решили отдохнуть. Мне,

так как была самой маленькой, отдых полагался вдвойне. Но я его за отдых не считала. Да и какой это был отдых? (Бери, доченька, ведёрко да пробегись по смородиновым кустикам, сама наешься и нам нарвёшь!) А думаете, хочется? Не меньше взрослых устала, на совесть работала. Не прочь бы и в палатке поваляться или в озере искупнуться, хотя на озеро меня сильно и не манило, глубокое оно, но караси водились. Жалко мне их было, когда в казанке варились, зато какая уха вкусная была! Такой ухи больше в жизни не ела. Настоящая! Иной раз умудрялась выкрасть пару карасиков из корчажки и снова в озеро — живите.

Наевшись досыта, мы с двоюродной сестрой побрели к кустам. Она — городская, довольная, в гости на лето приехала, ей-то эти кустики в радость. Вот и нырнула вперёд меня за смородинкой. А именно в том месте осиное гнездо было. Я кричу: «Лида, Лида, вернись, там осиное гнездо!». Да где уж, Лидочке не до ос, ягодку крупную увидела, и много. Как они на неё налетели, облепили всю. Сколько было крику, слёз! Это просто не опишешь, это надо видеть. Нет, никому не пожелаю ни видеть, ни, тем более, испытать. Меня же ни одна оса не укусила.

— Папа, а почему они меня не тронули?

— Да ты у нас, доченька, деревенская, а они городских любят.

Не позавидовала ей тогда, что она из города. Больше Лидочка на покос не просилась, меня брали — лодку сторожить. С неделю наша городская опухшая ходила, чем только её не лечили. Даже ночами всхлипывала. А я всё думала — как хорошо, что я деревенская!

Вот наступило время и мне в город уезжать учиться. Год быстро пролетел, на летние каникулы домой поехала, к родителям. Соскучилась, да и по деревне тоже. Иду по родным улицам, а в душе городской себя чувствую. Помню, джинсы, по тем временам модные, на мне были. Знакомых много повстречала, одноклассников, договорились вечером в клубе встретиться.

Дома ждали все, даже моё любимое варенье мама в этот день сварила. Подвела я глаза, губы подкрасила, чему мама противилась, а я же городской себя чувствую.

— Мам, я уже взрослая.

И приспичило же мне перед уходом морса попить, банку компота открыть было лень, да и пенку с варенья любила. Добавила в кружку водички и прильнула, но… не тут-то было! В кружке оказалась оса, видать, ей пенка тоже понравилась. Как она меня тяпнула за язык, как тяпнула… Я думала, что не выживу! Адская боль, язык моментально вздулся, да так, что, казалось, ему места во рту мало, вздулись и губы, я просто сама себя не узнавала. Отёк мгновенно пошёл по всему лицу. Мои крашеные глазки сузились до неузнаваемости, тушь покидала их вместе со слезами. Вдруг слышу свист, свист

моего одноклассника, это — Серёжка Гладков, он мне нравился. И я так мечтала об этой встрече.

— Доченька, жених ждёт! Что сказать? — шепчет мама.

Я что-то пытаюсь ей объяснить на пальцах — ничего не получается. Затем своим корявым языком кое-как выговариваю:

— Мэна дома нэт.

Боль, страх, обида от меня не отступали. Родители тоже сильно переживали, пытались всячески помочь. Я не спорила, не сопротивлялась и соглашалась со всеми их рецептами. Проглотила таблетку, принесённую соседкой — даже не знаю, от чего. Помню, папа громко наговаривал: «Выживешь, доченька, выживешь, ты у нас деревенская». Спала с капустными листьями на лице, мама их периодически меняла то на листья лопуха, то снова на капустные. Представляю, что она пережила в ту ночь.

Утром сходила в медпункт, выписанное врачами лекарство пила беспрекословно. О встрече и свидании уже не мечтала. Долго держалась отёчность.

Позже, когда я прожила уже несколько лет в городе, меня снова укусила оса. Пришлось вызывать скорую помощь, могло бы закончиться летальным исходом. К сожалению, бывают и такие случаи. Я же каждое лето всячески стараюсь избежать встречи с моими труженицами, так их называю. Даже на рынок за фруктами не хожу. Нет же, они меня и в магазинах находят!

Зашли мы как-то с подругой в магазин, а там оса. «Люда, идём отсюда. Видишь, оса — она меня тяпнет». Люда только рассмеялась, мол, народу полно, и ей не до тебя. Фрукты вкуснее, а оса… всё-таки меня выбрала. Однажды просто в ларёк заглянула, купила пару огурчиков для окрошки, увидела осу — дёру, открываю на улице сумку, чтобы сдачу положить, а из сумки красавица вылетела. Как хорошо, что руку туда не успела сунуть — вот бы досталось…

И чем же я им так приглянулась? А может, они меня полюбили? У меня же страшная аллергия на этих красавиц. Может, и спасает то, что деревенская, всё-таки иммунная система покрепче.

ТИМУРОВЦЫ

Думаю, каждый, кто читал «Тимур и его команда» Аркадия Гайдара, мечтал хотя бы на время, но побывать в роли Тимура. Да что там мечтал — и побывал. И это здорово, надо же нести в жизни добро — святое дело.

Я, конечно, тоже не упустила такого момента. Детьми были, но команду быстро собрала. А было нас человек пять, не больше. Я за главного, а то как же — Тимур всё-таки. И поскольку мы жили в деревне, то друзья у меня все были трудолюбивыми и надёжными. То

есть друг друга не выдадут. С ними можно было в разведку ходить — не подведут. Бывали у нас походы, что греха таить.

И по огородам чужим полазили — это когда виктория поспевала. Даже сейчас стыдно, но пишу, как есть. Ведь было же, и куда от этого денешься? И, думаю, простит меня моя деревня. Специально темноты дожидались, чтобы нас никто не узнал. Руки-ноги трясутся, страшно, совестно. А сама всё равно лезу. А однажды «на шухере» стояла.

Ягодой делились поровну. Пусть по две, но каждый должен съесть. В темноте да на ощупь, сами понимаете, мы больше вреда нанесли, чем ягод съедали. Да, стыдно, и называлось это — хорька гонять.

То ли совесть меня замучила, то ли прочитанная книга повлияла? Короче, собрались мы: я, Зоя — сеструха моя двоюродная, Люда, Танюшка и мой племяш Юрка. Жили поблизости друг от друга. И договорились помочь одной бабушке. Ей, конечно, ничего не сказали, думаем, пусть обрадуется сюрпризу нашему. Бедненько жила, одинокая, мужа на войне убило, а дети, наверное, по городам разъехались. Дров нормальных сроду у неё не было.

Короче, натаскали мы для бабушки дров и поленницу сложили. А дрова-то от соседей перетащили, они-то жили в достатке, и дров у них навалом было, вот мы и решили поделить, им тоже оставили. Правда, Юрке пришлось целую пачку галет их собаке скормить, чтобы та не гавкала. Вроде знала нас, но поначалу всё равно залаяла, видать, дрова жадничала отдавать.

Устали все, на совесть трудились, не филонили. Даже Зоя. Ну, думаем, бабушка обрадуется: проснулась, а у забора целая поленница дров — как по щучьему велению. Да ещё каких — берёзовых! Мне даже Юркиных галет не жалко было, зато дрова спокойно стаскали, быстренько и бесшумно. Хотя после такой работёнки не прочь бы и самим похрумкать.

Да ладно, что там галеты. Зоя вообще занозу под ноготь поймала и ничего, терпела. Хотя она капризная, по любому поводу чуть что — сразу в слёзы, а здесь даже не всхлипнула. Ведь мы же команда, мы тимуровцы! Да и не только Зоя, мы все себе руки позанозили, одному Юрке повезло, он предусмотрительным оказался, верхонки у отца из рабочей фуфайки позаимствовал. Думал вернуть, да одну где-то в поленнице потерял, пришлось и вторую там оставить.

— Не переживай, Юра, — шепчу я. — Бабушке верхонки пригодятся.

Зашла домой тихонько, никто и не заметил, во сколько пришла, заснуть долго не могла, всё думала, как бабушка радоваться утром будет. Кто же такой молодец, кто же так позаботился?..

Только на следующий день увидела я совершенно другую картину. Эта худенькая хрупенькая старушка вместе с соседями перетаскивала дрова обратно. Мне было очень стыдно за свой героизм. Я

даже не осмелилась попросить прощения, признаться в содеянном. Хотя бы помочь перетащить дрова обратно. Желание было, но не смогла — струсила. С тех пор таких подвигов мы не совершали. И в огороды чужие не лазили.

Долго ещё верхонки на бабушкином заборе висели. Пока Рая, Юркина мать, их не заметила. Узнала же как-то! А отец Юрки на пилораме работал. И поспособствовал, чтобы бабушке этой бесплатно обрезь привезли. Мы с Юркой в поленницу помогли сложить, и Зоя тоже помогла.

СЕСТРЁНКИ

Они были очень похожи друг на друга. Тот, кто видел их впервые, принимал за двойняшек. Поначалу, конечно, Оля выглядела старше Танюшки, так как разница в возрасте — полтора года. И у Оли были длинные кудрявые, с переливающимся пепельным оттенком волосы. Часто её называли: Ольчонок-куклёнок. И действительно — живая кукла.

Но Танюшка вскоре догнала сестрёнку в росте. А у Ольги куда-то исчезли кудряшки. И уже в старших классах их часто путали. Обе голубоглазые, в меру воспитанные девочки. Я бы не сказала, что мама их баловала, нет. Жили скромно. Помимо девочек, в семье было ещё и три старших сына. Так что не до роскоши. Но сестрёнки всегда ходили аккуратно одетыми. И зачастую в одинаковых платьишках. Если и покупалась какая-нибудь дорогая по тому времени блузка, то носили по очереди. Не обидно и приятно. Но характер, конечно, каждая имела свой. Оленька была робкой, застенчивой. Татьяна — понастойчивее, шустрей, в ней даже порой проглядывало упрямство. Короче, умела постоять за себя.

Однажды, во время летних каникул, произошло вот что. Оленька тогда восьмой класс окончила, а Танюшка — седьмой. Середина июля была, жара стояла. Подружки в гости пришли и позвали девчонок покупаться в Чулыме. Согласились. Плавать, конечно, никто толком не умел. Течение в Чулыме сильное, да и не мелко. Но «по-собачьи» (так говорили) плавал каждый. И Танюшка даже щеголяла этим, могла заплыть гораздо дальше, чем сестра. А Оля боялась. Поэтому и от берега дальше, чем метра на три, не отплывала.

Дети резвились в воде и на берегу. Олю незаметно отнесло течением подальше вдоль берега. И, выйдя на берег, не обнаружив своих вещей — платья и босоножек, — решила, что кто-то подшутил и спрятал их. Но настолько она была скромна и стеснительна, что не решилась ни у кого спросить. Потихоньку вдоль берега, по реке, пошла к дому. Расстояние, конечно не маленькое, но всё же пошла: где плыла, а где просто шла.

Обидно было. Кто же так подшутил? Танюшка тем временем, радостная, накупавшись досыта, искала взглядом свою сестрёнку. Радость вскоре сменилась страхом, она запереживала. Где же Оленька?

— Вещи, вещи-то вот! — крикнул кто-то из детей. Но Оли нигде не было видно. Запаниковали и взрослые. Слух быстро облетел посёлок.

Оля тем временем подходила к дому совершенно не той, привычной дорогой. Понурая от обиды: кто же всё-таки так поступил с её вещами? Да и стыдно идти по деревне в купальнике при её-то скромном характере.

Вдруг навстречу Ольге — сосед с перепуганным лицом. Он их часто путал:

— Таня, Таня, у вас беда, Оля утонула!

Что испытала на тот момент Оля, сами понимаете….

Наревевшись на крыльце досыта, она залезла в дом через форточку, так как ключи были в кармане платья. Дома Оля рыдала. «Милая сестрёнка, как мне жить без тебя, как жить?» И, наревевшись досыта, девочка уснула.

Прибежала к дому и Таня. Но, видя на двери замок, заходить в дом не стала, хотя и был у неё свой ключ. «Зачем терять время? Каждая минутка дорога!» — думала Танюшка и, голося уже во всеуслышание, побежала к Чулыму.

Искали все. Взрослые и парни ныряли. Нырял и мучился мальчик, который, похоже, был в Олюшку влюблён. Для него это тоже страшный шок. Первая любовь… Хотя Оле он даже виду не подавал. Тоже скромный. Сообщили на работу родителям девочек. Они пулей примчались и не находили себе места. Все были в панике. Олин отец вовсе не умел плавать. Он ползал в воде вдоль берега, что-то приговаривая.

Прибежала и их бабушка, прихватив с собой иконку, крестила воду, призывая всех святых помочь найти внучку. Кто-то из мужиков принёс сети и поставил вдоль Чулыма: авось поймаем. Может, где под корягу занесло.

Каждый выдвигал свою версию. Время шло быстро. Быстро и темнело. В деревне — не в городе, фонарей нет на каждом столбе. Особенно в то время. Бедная бабушка так и осталась там, на берегу. Кто-то принёс ей фонарик, развели костёр. Говорит: «Буду караулить ночью, бывает чудо». Она ещё говорила о каких-то предчувствиях. Но её не услышали.

Были и у матери предчувствия. «Жива, жива дочь», — не могла смириться она с потерей. Материнское сердце подсказывало что-то иное. Но факт оставался фактом, дочери нет, остались одни вещи. На время пошли домой — корову подоить, управиться с хозяйством. Но отказываться от поисков они не собирались.

Таня винила себя больше всех, что не уследила за сестрёнкой. И

что она только не думала! Ведь знала же, что Оля плавать не умеет, нет, с девчонками в воде барахталась… А сестра, сестра-то, наверное, о помощи умоляла?

А когда зашла в дом, к ней подбежала зарёванная, заспанная Оленька. Она кинулась к сестрёнке в объятья и зарыдала: «Танюшка, ты жива!».

Мать с отцом тоже бросились целовать дочь: «Оленька, солнышко, жива, не утонула! Боже, какой переполох! Как же так?». Сколько радости! Все побежали к бабушке, та и вовсе от такой новости дар речи потеряла.

И чтобы когда-то после этого девчонки друг на друга слово обидное сказали?! Нетушки. Они поняли, как страшно потерять близкого тебе человека, как горько и больно. Дорожат и по сей день друг дружкой. Выросли. Замужем обе. У Танюшки дочь, а у Оленьки двойняшки-девочки, такие милые! Кстати, Оля по сей день вспоминает этот случай с трепетным волнением.

— Мучилась я долго после того случая, стыдно было по деревне ходить. Поначалу разговоров много было, — говорила мне Оля. — С неделю вместе с Танюшкой ходили. Чтобы люди не испугались и не думали, что кто-то из нас воскрес…

ЗАКЛИНИЛО

Старенький был у мужа «КамАЗ». Не собственный, конечно, — государственный. Но любил он его, как родного. А то как же — кормилец наш! Я, бывало, с Сашей в рейс ездила. Кто-то в мостоотряде меня даже «женой «КамАЗа» прозвал.

Паёк в дорогу в основном свой брали. Иначе, как говорится, в трубу можно вылететь, если по кафешкам питаться. Всё дорого. К примеру, сто граммов жареной курицы — да к тому же неизвестно, какого дня она приготовлена — тридцать пять рубчиков. А в ста граммах этой курицы — тридцать граммов костей. Вот и считайте. Да яйцо одно десятку стоит, а где и дороже. Золотые яйца получаются, и не в сказке — наяву. «КамАЗ» рушится весь, старенький. Ох и трясет в нём так, даже не знаешь, с чем и сравнить!

Короче, после рейса я ещё с полдня ту тряску ощущала. Поэтому и есть часто хотелось дорогой. Саша говорил: «Тебя невыгодно с собой брать — ешь часто». Это, конечно, он так шутил, сам радовался моему аппетиту. На сутки сто пятьдесят рублей командировочных выделялось. Вот и представьте, как можно прокормиться сутки на эту сумму.

Нравится мне, как муж аккуратно водит машину, трепетно к ней относится. Трудоголик, короче. Бывало, едем ночью, так спать захочется! А он остановится, потрёт снегом лицо, хлебнёт чифирку,

чтобы в сон не клонило, — и дальше в путь. Бог миловал, ни разу ни одной аварии не совершил.

Кошку как-то однажды задавил на дороге. И откуда только она там появилась? Кругом поля, деревень рядом не видно. Может, бездомная какая? Долго он потом вспоминал о ней, жалко было. Даже крысу дорогой увидит — и сбавит скорость: «Пусть живёт, она же нам не мешает». «Спасибо тебе, Саша!» Часто мы на дорогах то ежей, то курей, то лис сбитых видели. Жалко их. Куда люди несутся?..

Заклинило как-то дверь в «КамАЗе» с моей стороны. И мне приходилось применять силу. Раза по два, а то и по три дверкой хлопнуть, чтобы та закрылась. А Саша, боясь, что плохо закрою, всегда повторял: «Сильней, сильней!».

Зуб однажды разболелся у меня, но я уже не в рейсе была, а дома. В поликлинику пришлось ехать. Долго стояла на остановке, но транспорта в нужном мне направлении всё не было. А зуб давал жару! Пришлось такси останавливать. Хотя не любительница я в такси раскатываться. Остановила, села да как хлопну дверкой по привычке с силой. Водитель посмотрел на меня и говорит:

— А сильней не можешь?

— Могу, — отвечаю я, и тут же быстренько повторяю проделанное только что мной, но уже с неимоверной силой. А в голове мелькнуло: «И здесь дверь заклинило». Смотрю на водителя, а у него лицо изменилось. Я ему:

— Что, клинит?

А он:

— Вы что, издеваетесь?

— Что, опять не закрыла?

— А у вас давно клинит?

— Да недавно, машина-то старенькая, а другую не дают, денег нет в мостоотряде на новую.

Тогда водитель заулыбался:

— Мне тоже не дадут, придётся за свой счёт делать, если вы мне её сломаете.

— А она что у вас, не сломанная?

— Да была не сломанная, а теперь уже и не знаю…

Тут я всё поняла, извиняться, оправдываться стала.

И бывает же такое… Заклинило…

ЁЛОЧКА

Валя жила в селе Стеклянном, но так как в селе была только начальная школа, то девочке буквально с десяти лет пришлось жить в городе Карасуке, на квартире у чужих людей. Хозяева относились к ней хорошо. Кормёжка — простая, скромная. Валя сильно тосковала

по родным, по дому. И лишь изредка, на каникулы, приезжала в свой родной уголок.

Училась хорошо, старалась, даже родителям похвальные письма из школы приходили. Они гордились своей дочкой и всячески ей помогали. Ведь в городе же живёт, фуфайку не наденешь… И мама из овечьей шкуры сама сшила дублёнку и варежки. А отец шкуры выделывать умел. Даже цвет красивый придавал.

Время шло, Валентина подрастала, училась уже в восьмом классе. На новогодние каникулы собиралась домой. И, к своему удивлению, увидела большое количество ёлок, привезённых к Новому году в Карасук, где их продавали. Ёлки она видела впервые. Такое счастье — настоящие ёлки!

Валентина, не раздумывая, купила одну за восемьдесят копеек. Это несмотря на то, что до дому надо было идти девятнадцать километров. Пешком, напрямик, да ещё на себе нести ёлку. Хотя ёлка чуть больше метра, но и сама Валя росточком была «метр с шапкой».

Однако ноша не стала ей помехой. Она восторгалась своей покупке и представляла, сколько радости принесёт домой, как осчастливит сестёр и братьев, родителей и всех тех, кто впервые увидит такое чудо. Ведь до этого ёлкой в Новый год служила берёза. И дома, и в школе. А здесь — ЁЛКА! Настоящая ёлка, пышная, а запах-то какой!

Мороз поджимал, останавливаться на отдых не было времени, быстро темнело. И боялась, как бы не сбиться с пути, не заблудиться в темноте. Страх подгонял её, а ёлочка придавала всё новые и новые силы. «Вот и огоньки виднеются, ещё немного — и придём, потерпи чуток, ты будешь самая нарядная, дома тепло, уютно, тебе все будут рады», — нашёптывала деревцу.

И действительно, радости не было предела. Молва о ёлке быстро облетела всё село. К ним вереницей потянулись дети, и взрослые шли полюбоваться красавицей. Ведь для деревни это было в диковинку, так как там росли только берёзы и осины. Утром пришла учительница начальных классов, на весь посёлок она была одна. И, налюбовавшись, стала упрашивать Валиных родителей установить ёлку в школе, хотя и знала, понимала, как ёлка досталась девочке, какой путь преодолён и сколько радости в доме…

— Ведь для всех деток радость будет...

— Спрашивайте у дочери, она хозяйка ёлки, — сказал отец.

Да, в глубине души Вале было очень жаль расставаться с ёлочкой, но и отказать учительнице она просто не смогла. Всем же деткам хотелось праздника с настоящей ёлкой. Так и решили: в Новый год ёлка будет в школе, а первого — домой, у Вали же день рождения первого января! Да и в школе каникулы.

Отец быстренько соорудил крестовину для путешественницы. Валя молча шла следом за учительницей, а та так аккуратно несла ёлочку, что не обронила ни одной иглы. «Не переживай, ты пора-

дуешь деток и снова вернёшься домой», — мысленно наговаривала Валя ёлочке.

В школу на праздник пришли почти все жители села. А сколько было игрушек, сделанных ребятами! Да и взрослые помогали.

— Звезда-то прямо как настоящая, — вспоминает Валентина Петровна, рассказывая мне эту историю. — Прошло много времени, уже больше пятидесяти пяти лет, а ёлочку ту всё забыть не могу. Долго она ещё у нас дома стояла. В ведре с водой держали, думали — вдруг чудо произойдёт: корни пустит, у дома посадим. Да только вот чуда не произошло. Природные условия не позволили прижиться нашей ёлочке. А жаль…

КАРТИНА

Лето было. Мне как раз отпуск на работе дали. И поехала я с Шуркой, с сыном, к родителям своим на недельку погостить. Автобусом долго добираться. На самолёте пришлось лететь. Кукурузником почему-то его называли. «Ан-2», что ли?..

Кстати, полёт мне давался нелегко. Болтало вечно в нём. А домой хотелось, сильно тянуло к родителям. Да и интересно одноклассников было повидать, и родня у меня там есть — сёстры двоюродные. И вообще, Родина же моя, там родилась, там прошло моё детство.

Как сейчас помню: захожу с Шуркой в ограду, а мама навстречу. Не знаю, куда она собралась. Но только увидела нас, всплеснула руками и заплакала от радости. А я ей:

— Самолёт летит, крылья стёрлися, а вы не ждали нас, а мы припёрлися.

— Ждала, милые, ждала, — радовалась она нам.

Как это здорово, когда тебя любят и ждут! Маме с папой всегда гостинцы везла. Скромные подарки, правда.

— Да не тратилась бы ты, доченька, у нас, слава Богу, всё есть, не бедно живём. Вон, сынок у тебя подрастает, — есть на кого тратиться.

И обнимала, прижимала Шурку к себе. На что он отвечал взаимностью.

Папа не меньше мамы нам радовался. Радовались и подаркам. Я обычно маме привозила то халат тёплый байковый, то тапочки или фартучек. Однажды сервиз чайный привезла. Так он у них в шкафу и простоял — похоже, берегли, не пользовались.

Шурику в родительском доме всегда было интересно. Он с любопытством разглядывал всю старинную утварь. Любил полазить и по чердакам, в сарае. Родители пользовались старинными крынками, чугунками, деревянными сундуками. Причём сундуки были изготовлены без единого гвоздя. Пол плотно застелен домотканы-

ми половиками. А ткала мама их сама. Поверх половичков кое-где лежала цветная клеёнка, местами изрядно протёртая.

— Мам, да убери ты эти клеёнки, — подсказывала ей я.

— Нет, доченька, половичков не настираешься, старенькая стала, руки не те, что раньше, а вот клеёнку возьму и подотру быстренько. «И то верно», — подумала я, вспоминая, как ещё в детстве ходила с ней на речку зимой и помогала полоскать бельё в проруби. Руки ломило. А бывало, и половики полоскали в проруби, мама их ещё какой-то ребристой палкой колотила, колотила, затем отжимали. Жалела она меня:

— Отдохни, доченька, погрей ручки, побереги.

А мне её ручки жалко было.

— Мам, а давай вот эту тряпку, что на стене, выкинем. А мы с Сашей зимой приедем и привезём тебе ковёр! (Тогда искусственные ковры в моде были).

— Нет, доченька, спасибо, конечно, но это — память, и нам она с отцом дорога. И другого не надо, хватит на наш век и этого. Царство небесное, — перекрестилась она и рассказала трогательную историю об этом необычном ковре.

…Ему едва исполнилось двадцать два года, ей и того меньше. А их первенец, Алёшенька, с широко открытыми голубыми глазками уже самостоятельно делал свои первые, пока неустойчивые шажки. От большой чистой любви ждали пополнения. Ещё каких-то несколько месяцев — и произойдёт чудо… Кто же там? Братик? Сестрёнка?

Посёлок, в котором они жили, дружный, славился талантливыми людьми. Николай, так звали её мужа, с детства рисовал картины. Это был дар. Дар свыше. Ниночка, жена, тоже не сидела без дела. Помимо того, что была хорошей хозяйкой, красавицей с длинной русой косой, так ещё и чудно вышивала. Казалось бы, живи да радуйся…

Но страшный сорок первый год, июнь, нарушил всё. Беспощадная война постучалась и к ним в дверь. Уходя на фронт, Николай обещал вернуться: «Мы будем вместе, жди, дорогая, жди...».

Роды пришлись на осень, копали картофель, Нина рожала в поле. При родах она умерла, умер и новорождённый младенец… Алёшку забрала её старшая сестра.

Николая демобилизовали раньше времени, после сильной контузии он потерял память. Память о прошлом вычеркнута напрочь.

Жил у родственников, рисовал картины на сукне, на простынях. Эти картины в то послевоенное время в деревне служили коврами.

Много ещё чего мне мама рассказала о том дедушке. После её рассказа на ковёр, который я посмела назвать тряпкой, смотрела совсем другими глазами. Прости, мам, я этого не знала, он и мне теперь дорог.

А когда вернулась в город, то написала вот это стихотворение:

Картина корчилась от боли,
Ей реставрация нужна,
Полсотни лет жила в неволе,
На чердаке, где хлам и мгла.
Её окутывал слой пыли,
И дым зловещий навещал,
Лишь изредка луч света синий
Надежду к жизни подавал.
И вот однажды дед мой Коля
Картину с чердака достал:
– Прости, родная, запылилась, –
И, как дитя, к груди прижал.
Затем задумался надолго…
Похоже, в прошлое ушёл.
А по щеке слеза катилась,
Шептал он: «Я тебя нашёл…».
С картиной дед всю ночь общался,
Что вывела его из тьмы.
А утром дедушка скончался…
Картина плакала. И мы…

ПЕСТРЁНКА

Жили мы тогда в Лебединке. Стою я как-то возле дома и наглаживаю свою Малютку, коровку. Подошла знакомая из посёлка Победа, он находился в двух километрах от нашего. И рассказала мне трогательную историю. Этой историей я была поражена. Значит, не одна моя корова такая умная и преданная. Знаю теперь.

Жила в Победе баба Клава, старенькая, и коровка была у неё, Пестрёнка, тоже старенькая. И молока уже мало давала, но колоть её баба Клава вовсе не собиралась. Не было у неё, кроме коровы, никого родней. Разве только кот Рыжик, но он, бывало, предавал бабулю. Летом месяцами блудил по соседским кошкам. Но и его она любила по-своему, и было с кем молочком поделиться. Мужа ещё в сорок третьем на войне убило. Замуж больше не выходила. Сына одна растила. Вырос сынок, женился, на Кубань уехал. Жена у него родом оттуда. Поначалу писал, в гости маму к себе звал. Затем и писать перестал. Поговаривали, вроде в Германию с семьёй переехал. Весточек больше и не присылал. Долго мать ещё в почтовый ящик заглядывала…

Вот и осталась баба Клава совсем одинёхонька. А Пестрёнка для неё была всем. И не напрасно она её часто доченькой называла. Они с полуслова друг друга понимали.

Труженицей была бабушка. Пока сил хватало, сама на покос ездила, сено косила. Даже копны вершила, и не только себе — другим помогала. А когда совсем старенькой стала, соседи ей для Пестрёнки сено давали. Бабушка им как мамка была, да и не только соседи, весь посёлок любил бабу Клаву. И было за что — полпосёлка деток вынянчила. А сколько носков шерстяных навязала и раздарила! В годы войны посылки с носками шерстяными на фронт отправляла. Добрая, словно не от мира сего, бабушка.

Но время своё берёт, в один из тёплых июльских дней покинула этот мир баба Клава. Всем посёлком хоронили. Для всех горе было. Горем обернулось и для Пестрёнки. Голосила на весь посёлок. Жутко было всем от коровьего крика. Соседи решили корову к себе забрать. Утром проснулись, Пестрёнку доить надо, а её нет. И дверь в стайке, и все калитки настежь открыты. «Кто же так постарался?» — недоумевали соседи.

Но надо было ещё сходить на кладбище, так полагается, такой обычай существует. А когда пришли туда, к бабе Клаве, то от увиденного в шоке были: Пестрёнка стояла рядом с могилкой своей хозяйки, вся-вся в песке. А вместо свежего холмика, где покоилось тело усопшей, была вырыта большая широкая яма. Венки же и цветы, которых было уйма, — разбросаны вокруг.

— Пестрёнка, что же ты натворила? — поразилась бабушкина соседка.

А Пестрёнка стояла, виновато смотрела на вырытую ею яму и продолжала мычать. «Тяжко, тяжко, понимаем, нам тоже тяжко». И, как ни пытались отогнать корову от могилки, ни у кого не получилось. Пришлось дяде Пете, соседу, бежать домой за верёвкой и насильно вести Пестрёнку домой. Корова ещё много раз порывалась сбежать на кладбище, к своей преданной и доброй хозяйке. Вскоре её закололи.

Слушала я эту необычную трогательную историю и прослезилась. Эту бы коровку да в Индию, там коров не убивают, священными считают.

С той поры ещё больше полюбила свою корову. Но в связи с переездом в город нам пришлось её продать.

Порой казню себя: зачем же я свою бурёнку соседям продала? Но выхода не было. Не держать же её на балконе четвёртого этажа! Был бы свой особняк — дело другое…

НЕ ПРЕДАВАЙ

Моя мама, будучи старенькой (а было ей тогда уже за семьдесят), несмотря на преклонный возраст, держала коровку. Да-да, именно коровку, а иначе никак не назовёшь. Нет, звали её, конечно, Малют-

ка, но слово «корова» ей точно не подходило. Она была такого росточка, словно совсем недавно появилась на свет. И лишь по упитанности, и по её умненькой мордашке можно было определить примерный возраст.

Сказать, что она давала много молока, и вовсе не скажешь, добротная коза и то больше даёт. Но мама любила её покормить на совесть, готовила для неё всегда сытное пойло. Так вот, Малютка была умненькая-умненькая, но капризуля, со своенравным характером. Бывало, проводит её хозяйка до места, где стадо собирается, вернётся домой, а через минут десять и её красавица объявится. Станет у калитки, мычит, и снова мама её на вольную травку ведёт да хлебушком приманивает. Пока доведёт до места, где все коровы, буханку скормит.

— Я тебе на вечер этот хлебушек припасла, а ты, ушлая, сейчас выманила, придётся ещё в магазин топать, — выговаривала ей.

А Малютка слушала да хлебушек кушала. Но когда мама Джека (пёс у неё такой был) отпускала с коровкой, то та послушно паслась со всем стадом и вовремя домой возвращалась. Конечно, Джек с ними со всеми.

Одно время мама кур держала, так пёс ещё и цыплят сторожил.

Однажды маленький цыплёнок застрял в заборной щели: пищит бедолага, но Джек выручил — приподнял цыпка выше, где расщелина в заборе шире, вытащил его, и принёс к ней в огород. Она там грядки полола. Удивилась, сначала не поняла, зачем цыплёнка притащил, да всего обмусоленного. Ах, варнак ты варнак, — всплеснула руками, а он хвостиком вильнул пару раз и убежал на свой пост. На, мол, обследуй малыша, не примял ли я ему косточки ненароком. После соседский мальчик рассказал маме, как всё было. Говорит, хотел сам вытащить цыплёнка, когда писк услышал, да Джек опередил.

Много ещё чего Джек вытворял. Однажды зимой завёрнутый в бумагу большой кусок сливочного масла приволок, наверное, у кого-то спёр. Как-то умудрился живую курицу притащить. Мама рябушку хозяйке унесла — знала, чья. А вот масло съели: посёлок-то немаленький, не будешь всех оббегать, спрашивать, у кого масло пропало. А если кто и объявится, то купит и отдаст хозяину. Собаку в наказание за кражу на некоторое время на цепь посадила, чтобы в следующий раз неповадно было.

— Ох, и не любил он цепь, всё на волю норовил, — сказывала она.

А Малюточка, наоборот, домоседка. Так вот, на одном огороде (а у неё их два было) последнее время мама картошку не сажала. Куда ей столько одной? Мы уже все разъехались, папа помер. Под травку оставила, и Малютка довольная была — далеко ходить не надо. Там и паслась, да ещё две овцы с ней.

А вскоре приехала я, тогда я в другой деревне жила, за четыреста километров от родительского дома. Жалко стало мне маму — из-

работавшаяся, отдыхать бы надо, жизнь-то несладкая была. Начала упрашивать продать кому-нибудь корову:

— Отдохни, мам, а молоко можно сгущёнкой заменить или будешь покупать у того, кому её продашь.

— Что ты, доченька, — отвечала она. — Разве можно её продать? Я с ней и поговорю, и поплачу, есть с кем словом обмолвиться. Всё понимает, только вот говорить не умеет.

И решила я схитрить:

— Мам, а отдай мне Малютку, у меня Шурик маленький, молоко любит, и худышка такой, а на молочке-то поправится… Следить за ней буду, как и ты, и любить, да я её уже полюбила — вон какая милашка, — говорила я, поглаживая Малютку, а та, словно вникая в наш разговор, повернув шею в мою сторону, тяжело вздохнула и жвачку перестала жевать.

Мне как-то жутковато стало — и надо же, всё чувствует?

Растерялась мама, слишком дорога она ей, но отказать мне не смогла:

— Ладно, доченька, забирай, да смотри не продай и ни в коем случае на мясо не пусти. Ох, не прощу я тогда себе, не прощу.

— Мам, что ты, какое мясо? — ответила я, глядя в её плачущие глаза.

— А я и вправду, доченька, уставать стала, — печально говорила она мне. — Видать, года своё берут… Но Малюточка мне не в тягость, только вот с сеном проблемы — косарь из меня никудышный становится. А в молодости-то ух как сильна была — от отца на покосе не отставала, ртов-то много было, а корова в то время кормилицей была.

Много ещё мне она советов дала: как с коровкой управляться, перечисляла все капризы её, все повадки, что любит, что не любит.

— Да говори с ней, доченька, чаще говори, ласку она у меня любит, — плача, приговаривала мама, поглаживая Малюточку.

Проблем, как увезти корову, не было, так как я не одна приехала, а с мужем и на «КамАЗе». Вообще-то до того дня я не рассчитывала корову держать, хотя год назад мои сёстры (а они у меня в городе жили) советовали:

— Валь, выпроси у мамы корову, старенькая она у нас, жалко ведь, пусть хоть под старость отдохнёт. Придумай что-нибудь.

— Вот вы и придумывайте, берите её себе, — отнекивалась я.

— Куда нам её, на балконе, что ли, держать?— возражали сёстры. — А ты в деревне живёшь, тебе мама отдаст, поверит… — Поверила, — пробормотала я. — Придумала же на свою голову. Что делать-то с ней буду? С детства мечтала в город уехать и никаких коров, а тут, на тебе, сама выклянчила. Как же я потом маме в глаза смотреть буду, если обману?

И решила: будь что будет, возьму…

Саша, муж, тоже возле коровки крутясь, оглядывал со всех сторон, она и ему приглянулась, но в разговор не вмешивался. Он-то вовсе городской был. И к деревне ещё ладом не привык, да и в рейсы постоянно уезжал. А значит, все заботы о корове на мои плечи лягут.

— Ну, раз вы, доченька, коровку берёте, то в придачу и овец возьмите — всё ей веселей будет, привыкла она к ним, — неожиданно предложила мама.

— Ла-адно, — растерянно согласилась я. А Саша глаза вытаращил:

— Ты что творишь, что мы с ними делать будем?

— А что-что? Справимся, корову доить умею, с семи лет доила, а с овцами и вовсе проблем не будет, с ними проще. А стайку построим, первое время в сарае поживут, лето же, не замёрзнут, да и с овечками ей веселей будет.

Мама безутешно плакала, прощаясь со своей Малюточкой. Всё наказывала:

— Береги её, доченька, береги, милая — стельная она у меня.

Я даже этому обрадовалась: Шурику-то как интересно будет, когда телёночек маленький появится.

Дорогой, пока ехали домой, думала, правильно ли поступаю? Справюсь ли: огород, Шурик небольшой — глаз да глаз нужен, да и со здоровьем проблемы, а муж в рейсе зачастую. Только по выходным и видится. Мелькнуло: «А может, соседям продать?». Они-то точно мечтали о корове, да и детей у них много, и муж на месте работает, не шофёр. Но ближе к дому душа заныла — мучила совесть: «А как же я маме скажу?». Ведь она мне поверила, и Малютке наказывала: «Не переживай, Валя тебя не обидит, все условия создаст, она у меня хорошая».

— Да, хорошая…— сказала себе я и твёрдо решила: — Никаких продаж, пусть живут с нами. Глядишь, и Шурика к молоку приучим. Да и доить не разучилась, ума много не надо за титьки дёргать.

Малютку я полюбила по-настоящему, даже яблоками, булочками баловала. Саша же накосил сена. Правда, соседи помогли, сам-то первый раз литовку в руках держал. Но пришлось… Куда деваться, как говорится, хочешь кататься, люби и саночки возить. Помогли соседи и стайку построить, да и отец Сашин, и моей сестры муж Лёша — все помогали. А когда Малютка телилась, Саша даже роды принимал, пупок у бычка подрезал и йодом смазал — в книжке вычитал. И поскольку уже холода наступили, то бычка с недельку дома держали. Ох, и порадовался сынок, да и не только он, нам с Сашей тоже интересно было. Бычок не по дням, а по часам рос, вскоре в стайку определили. Саше интересно, что хозяйством обзавелись, в стайке всяких пристроек, кормушек смастерил, яселькы бычку отгородил.

Малютка в посёлке у здешних коров стала вожачкой. Я этим даже

гордилась. В детстве, когда я с родителями жила, держали коня Белоножку, и он тоже был вожаком. А тут корова…

Бывало, долго я с вечера уснуть не могла, всё какие-то дела, времени два, три часа ночи, а мне всё не спится. А с коровкой-то надо раненько вставать: чуть свет — уже беги. Так вот, соберутся все коровы возле стайки нашей, а их голов семь было, посёлок-то небольшой, тридцать две семьи всего, и мычат, мычат… Хозяин чьей-нибудь коровы тарабанит мне в окно.

— Валька, вставай, хватит дрыхнуть, что ты стадо возле себя собрала? Из-за твоей коровы наши голодные останутся.

И я, извиняясь, бегом в стайку.

— Прости, Малюточка, прости, проспала. Малютка же на меня никогда и не обижалась, всегда понимала. Ох и полюбила я её. Бывало, обниму, наплачусь, выплесну душевную боль, а та прижмёт меня своей шеей к себе и стоит, замрёт, не шелохнётся — успокаивает, значит. А то и вовсе как лизнёт своим шершавым языком, а язык-то у неё — что наждачная бумага. Дня три потом щёку жжёт, словно крапивой ошпарило. Так и делилась со своей дорогой коровкой то радостью, то обидой накопившейся. Всякое в семье бывало, особенно измена мужа покоя не давала.

Ночью, когда Малютку одолевали комары, а в деревне их особенно в тот год уйма была, да ещё после наводнения, так я свою коровку на ночь простынёй укрывала, а простынь слегка дёгтем смазывала. Другие дымокур в стайке разводили, но я боялась огня, дом у нас сгорел, когда я ещё ребёнком была, вот и боялась. Да и корове дым не на пользу. А порой Малютка в подъезде ночевала. Дождётся темноты, рожками все запоры в стайке откроет и нырк в подъезд — его тоже умудрялась открывать, в нём и заночует. И ни одной «лепёшки» за ночь не оставит: терпела, наверное, понимала, что хозяйке попадёт. Тогда я утром ранёхонько вставала и выпускала её. В подъезде-то не одна жила, а четыре семьи.

Но однажды соседа чуть до инфаркта не довела. Хороший он был, но любил выпивать. Ночью решил за самогоночкой сбегать — было у кого купить. А что корова в подъезде спит, никто и не догадывался. Вот сосед и наткнулся на неё. Разглядел в потёмках, что кто-то лохматый развалился в подъезде, вроде даже рогатый.

— Допился, мол, до чёртиков, — подумал сосед. — А может, привиделось?

Начал руками шарить, и ухватил Малютку за рог. А она не любила, когда кто-то её за рога трогает. Да ещё и сон нарушил. Мотнула сердито головой. Так сосед не помнит, как к себе в квартиру заскочил. Утром мне рассказал, а я смеюсь: — Причудилось тебе всё, пить меньше надо. Черти кажутся…

А сосед на своём стоит: «Сам, мол, его за рога поймал. Тоже думал, что показалось, но нет — чёрт настоящий». С тех пор сосед и не пьёт.

Я же своей корове больше не давала возможности в подъезде ночевать. В стайке запоры укрепили и в подъезде крючок сделали. Но Малютка умудрялась и под «КамАЗом» спать, это когда Саше приходилось оставлять машину возле подъезда. И как она, бедолага, ухитрялась туда подползать? Ногами о землю упиралась, добивалась своего. Соляркой от машины воняло, но гнус не докучал. В деревне все удивлялись:

— Ай да корова Валина, ай да коровка!

А я отшучивалась:

— Это она машину так сторожит вместо собаки, заодно и от гнуса спасается.

Но однажды в стайке Малютка открыла ларь, в котором находились сенные гранулы. И поскольку любила покушать, а коровы меры не знают, то наелась, как говорится, до отрыжки. Только вот отрыгнуть-то и не могла. Вскоре гранулы стали разбухать, и живот распёрло до неузнаваемости. Дело была зимой. Я не знала, что делать. В панике дала корове ещё воды. А этого делать ни в коем случае нельзя. Пробовала погонять корову вокруг стайки, всё безуспешно. Тогда я вызвала ветеринаршу, которая жила в другой деревне, каждая минутка была дорога.

— Срочно резать, срочно! Протыкать живот и вставлять трубку для выхода воздуха уже бесполезно, режьте, — решительно сказала она и уехала.

— Нет, нет, только не это…

— Я тебя спасу, Малюточка, спасу! — кричала в истерике я, не находя себе места. — Господи, скорей бы приехал Саша, он что-нибудь придумает, он должен сегодня приехать, завтра выходной, — молила я. — Боже, помоги!

Соседи посоветовали влить в глотку корове бутылку водки, мол, возможно, поможет, были такие случаи. Помогли влить самогонку, она надёжнее, водка-то зачастую палёная бывает. Но всё безрезультатно. Я от коровы не отходила ни на минутку, пыталась мять ей живот, но он был настолько твёрдым, что все усилия оказывались напрасны.

— Потерпи, милая, потерпи, только не умирай, — приговаривала я.

Малютка, постанывая, наверное, слыша мои умоления, что есть силы держалась на ногах, но постепенно её глаза стали мутнеть, дыхание замедлялось, и она повалилась на пол.

Приехал Саша. Соседка по подъезду, увидев его на улице, рассказала о случившемся, и он, не заходя домой, прибежал в стайку. Я плакала навзрыд, стоя на коленях перед своей любимицей.

— Валя, вставай, пойдём домой, её уже не спасти, всё бесполезно, — жалостливо проговорил Саша, окинув корову безнадёжным взглядом.

— А я, спасу, спасу, — закричала я уже в обиде на мужа. — Я ждала от тебя помощи, совета, а ты…

— А что я? Я не волшебник… Что с ней теперь сделаешь? Она уже мёртвая, пошли домой.

— Никуда я не пойду, буду с ней, я её спасу…

— Ну и оставайся, упрямая, — скрипнув зубами, пошёл домой. А я продолжала бороться за спасение своей милой Малюточки.

— Ничего, Малюточка, справимся, ты будешь жить, будешь. О Господи, где же ты? Помоги!..

Нависшая тишина настораживала меня. Смолкли все: овцы, куры и даже маленький бычок в своих ясельках. Нет-нет, они не спали, было ощущение, что они наблюдали за происходящим и сопереживали. Каждая секунда дорога, и я не теряла веры, надеясь на чудо, гоня страшные мысли прочь, вспомнила, как можно ещё вызвать отрыжку у коровы. Схватив клочок сена, предварительно скрутив его в жгутик, засунула Малютке в горло насколько можно глубже и ворошила, ворошила им, а другой рукой подтягивала язык. И обессиленная Малюточка вдруг пошевелила языком.

— Давай, давай, милая, помогай мне, мы справимся, ты — умничка!

И наконец-то произошло чудо: Малютка отрыгнула терпким кислым воздухом, который заполнил всю стайку. Заблеяли овцы, зарезвился бычок, даже попытался закукарекать петух, хотя время было далеко за полночь.

— О Господи, получилось, — взмолилась я и, не вставая с колен, обнимала свою корову и плакала, плакала, утирая слёзы то себе, то ей. Это были слёзы радости, слёзы победы. Позже я обратила внимание на руку — содранный до крови локоть жгло, но что такие мелочи по сравнению с тем, что было…

Наша любовь друг к другу, наша привязанность стала ещё крепче. Но, к великому сожалению, ненадолго. В начале сентября Саше за хорошую работу подарили квартиру в городе. Он ликовал от такого сюрприза, Шурик тоже, а я мучилась от безысходности, хотя квартире была безумно рада. Ещё бы, это моя мечта с детства. Продать Малютку — значит предать её в очередной раз. Вспоминала мамины слова «НЕ ПРЕДАВАЙ». Но деваться было некуда, не резать же. Новые хозяева объявились сразу.

Я не находила себе места, когда её вели на верёвке в чужую стайку чужие люди…

— Прости, милая, прости, дорогая, — рыдая, наговаривала своей дорогой Малюточке, но она шла, покорно опустив голову вниз, словно не слыша и не видя меня. Она чувствовала моё предательство. Чувствовала и всё понимала.

Малютки не хватало всей семье. С неделю я мучилась от безысходности, плакала, докапывая картошку, и слышала, слышала раз-

дирающее мычание через улицу своей ненаглядной, своей милой Малюточки. Её держали взаперти, чтобы не сбежала обратно. Но кто знает, что творилось в её душе, может, она сама бы не пошла после такого предательства…

А я? Я корю себя и по сей день, ища оправдания. Ведь можно было не забирать Малютку от мамы. В городе на вырученные деньги от коровы я купила себе шапку-ушанку из чернобурки. Мне хотелось носить её вечность, сохранить память о Малютке, о маме, которой давно нет в живых, но наркоман, ударив меня по голове, сорвал шапку и убежал. Что же он сделал! Знал бы он, что значила для меня эта шапка…

ЯЩЕРКА

Лето было. Послал как-то отец моего брата в магазин, рублик дал.

— Хлеба купи. На все деньги, сынок.

А Серёже тогда лет девять было. Долго братец из магазина не возвращался. Отец уже волноваться стал. Думает: «Может, деньги потерял?.. Или кто отобрал, а может, на что-то другое потратил. Хотя третьего и быть не должно».

Возвратился наш Серёжа понурый, с опущенной головой, вину за собой чувствует. Без хлеба, конечно.

— Деньги, наверное, потерял? — спрашивает папа.

А надо сказать, что в нашей семье всегда правда ценилась.

— Нет, пап, не потерял, — виноватым голосом сознался Серёжа. — Увидел я у мальчишек ящерку, бесхвостая она уже была, наверное, оторвали, пока ловили. Они хотели ящерку убить, а мне жалко стало, хорошенькая такая, но уже еле ползала. Они её замучили. Я им рубль за ящерку предложил. Взяли… А ящерку мне отдали. Тогда я посмотрел, чтобы мальчишки подальше ушли, и отпустил ящерку. Вот хлеба и не купил, — тяжело вздохнул братик.

— Не переживай, сынок, сходишь ещё за хлебом. А что ящерку спас — правильно поступил.

ПУШИСТАЯ КРАСАВИЦА

Радуюсь, что живу в Сибири, то ли от того, что лучшего не видела, а может, что это всё-таки моя родина. Скорее всего — второе. Родина есть родина, и где бы ты ни был, тебя будет тянуть туда, где родился, вырос, где прошло твоё детство и юность. Вот уже и старость крадётся, но она ещё далеко, не спешу пока с ней встречаться. Хочется наслаждаться всем тёплым, светлым, родным и прекрасным.

Зима, подкрались крещенские морозы. Не нравятся мне морозы, хотя зима по-своему пленяет. С детства любила поваляться в белоснежном сугробе, устремив глаза в необъятное небо. И, поскольку наш домик находился на окраине посёлка, а дальше — лес, то с ним мы были в довольно-таки тесном общении.

Сижу как-то у окошка, а окна наши в лес смотрят. Ну, и я туда же. Деревья все в тёплые белоснежные шубки укутаны, да и мне не холодно, при жарко натопленной русской печке. Представляю, как завтра на школьную ёлку пойду, в костюме снежинки, мама сшила. Вижу, сосед из леса идёт, за стенкой жил у нас. А на спине несёт большую ветвистую ёлку. Подошёл папа ко мне:

— Что, доченька, любуешься ёлкой?

— Ага, — отвечаю. — Нравится.

А сама думаю: «Наверное, и мой папа пойдёт и нам ёлку домой принесёт».

— И мне тоже нравится молодушка, — говорит он, — ещё бы в лесу с полсотни лет, а то и больше прожила. А сосед её под корень срубил. Убил, детям на радость. С недельку, ну две ей рады будут, а потом в печь… Ну, как, доченька, нужна нам ёлочка в доме?

— Нет, пап, пусть в лесу растёт.

— И я так думаю, пусть растёт. А ты, если сильно хочешь, чтобы у нас ёлочкой пахло, пойди, сорви веточку, да прежде чем рвать, прощения у деревца попроси. Они, как люди, всё слышат и боль чувствуют.

И отец рассказал, как, работая в леспромхозе, ему доводилось лес пилить. Так надо было, такая работа. Но он подходил к дереву, просил прощенья, прежде чем спилить его.

— Вот и представь: вас у нас шестеро, и у каждого будет своя семья, дети свои. И в Новый год в каждой семье ёлка срубленная стоять будет. А с полсотни-то лет и даже больше семейной жизни должны все прожить. То сколько ёлок будет убитых?

Стала умножать годы на ёлки, годы на людей.

— Пап, пап, да мы триста ёлок сохраним!

— И я так думаю. Все вы у нас — молодцы, доброе дело сделаете.

Я всё же сбегала через дорогу, сорвала небольшую веточку от ёлочки, конечно же, попросив у неё прощения. А веточку в трёхлитровую банку с водой поместила, ещё и гирляндами самодельными украсила.

Иду сегодня в магазин, и вспоминаю папины слова, увидев, как дружно в ряд на помойке ёлочки стоят. Умирают, значит, потихонечку.

В нашей семье, а также в семьях сестёр и брата искусственные ёлочки ставятся. Оказывается, не мне одной отец о ёлках рассказывал.

Срубили, сгубили, и в дом притащили.
Затем так красиво её нарядили.

Но всё же красавице не угодили.
Здесь юность зелёную быстро сгубили.
Фонарики так необычно горят,
Но ёлку не радует яркий наряд.
Опомнитесь, люди! Не надо рубить!
В лесу может ёлочка долго прожить!

ПОСТРОЙ ДОМ, ПОСАДИ ДЕРЕВО, ВЫРАСТИ СЫНА…

Построй дом, посади дерево, вырасти сына — кажется, так гласит известная мудрость? Дома не построила, возможности не было, хотя в детстве у нас с девчонками был свой шалаш. Сами строили, без помощи мальчишек. Они, конечно, пытались помочь, но нам хотелось самим, своими руками. Построили из жердей. Старались. Играли в магазин, стёклышки цветные продуктами служили, деньги бумажные рисовали, затем вырезали их, выдумывали различные сценки, показывали друг другу. Ели заячью капусту, даже не знаю, почему так эта трава называлась, вкусной казалась, кисленькая такая, ещё ели сосновую серьгу, тоже нравилась, та слегка сладковатая. Порядок соблюдали в шалаше, кто тюль старую из дома принёс, кто табуретку — она столом служила, даже чашка алюминиевая была, словом, обустраивали жильё… Но время для игр ограничено, особенно у меня, надо было помогать родителям по хозяйству. Родители старенькие. В соседском палисаднике, у Киржаковых, был маленький, словно игрушечный, домик — с полтора на полтора, не больше, его смастерил Коля, друг моего старшего брата Серёжи. Отец у него столяром добротным был, вот и сына всему обучил. Домик построил из досок аккуратно, даже оконце с резной облицовкой было, дверца на шпингалет закрывалась, крыша рубероидом покрыта. Они там играли, меня не пускали, видать, у мальчишек свои секреты.

Не успела оглянуться — детство пролетело, в город укатила, на учёбу, так и осталась в городе по сей день. Но всё же не только шалаш в детстве, а дерево успела посадить, да не одно…

Восемнадцать было, совсем юная, познакомилась с Сашей, в одном девятиэтажном новом доме жили, он с родителями, а я у сестры. Откуда-то привезли много-много маленьких берёзок, жильцы нашего дома дружно принялись высаживать и нам предложили:
— Давай молодёжь, помогай — будет у вас своё дерево.

И мы, молодые, влюблённые, с радостью высаживали берёзки. Загадали желание, жаль, не помню какое, более тридцати лет прошло. Многое чего изменилось за это время, много воды утекло… Выучилась, Саша отслужил в армии, дождалась, вышла замуж, сына славного родила. Успели в посёлке Лебединка пятнадцать лет прожить, вот там-то и дом построили, правда, не для себя, нам благо-

устроенную квартиру выделили с Сашиной работы, но дом, а вернее, стайка для подсобного хозяйства у нас получилась добротной.

— Сам строил, — козырял муж, радуясь своим творением. — А я?!. — Тоже помогала, и родня моя, — хвастливо возмущалась я.

И кого только мы там не держали; кур, овец, гусей, поросят... интересно было. Нравилось. Особенно корову Малютку никогда не забуду... Помню, зимой дело было, она стельная, время телиться. А Саша прибежал из стайки, схватил книгу по животноводству, и давай читать. Ворчу на него:

— Пошли, там, наверное, уже телёночек?

А он: — Постой, дай дочитать, как правильно пупок обрезать.

Схватил ножницы, йод, покрывало с дивана стянул, хорошо, что не новое, и в стайку дёру.

— Вот, на, — приносит домой бычка в покрывале, а сам радёхонек.

Я-то этой прелести с детства насмотрелась, в деревне выросла, а он городской, и всё же мне тоже забавно было.

Помню, тот бычок с неделю по квартире скакал, пока холода не закончились, в ванной комнате спал, следили, конечно, за ним, старались баночку вовремя подставить для опорожнения, хотя можно было и в стайке с первого дня жить, не так уж там и холодно. Да ладно, все тешились, особенно Шурка, сынок. Ему вообще было интересно.

Фортуна улыбнулась нам, через пятнадцать лет в городе квартиру дали, да так удачно, рядом с родителями, и вновь нашей берёзкой любуемся, когда мимо проходим. Пленит своей красотой, особенно осенью, шелестит золотистая листва, переливаясь на солнце. Подойду порой к ней, поглажу: — Родненькая наша, — и мно-о-о-гое вспомнится…

Но так захотелось в своей ограде посадить деревце. Годы летят, а мы не вечные… Сын вырастет, женится, внуки пойдут, и будет он показывать своим детям наше дерево, как сейчас мы показываем ему берёзку, что в молодости посадили. Приятно, — мечтала я.

Словно мысли мои прочёл тогда Сергей, сосед с третьего этажа, привёз как-то несколько деревьев:

— Вот, доброе дело сделаем, коль не получилось построить дом, готовый дали, хоть деревья посадим, — восторгался он со своей женой.

Хотя, я знаю, Сергей отменный строитель, благие дела делает, много церквей в городе отреставрировал, и новых построил.

— На, Валентина, сажай, — предложил, протянув малюсенькую ёлочку. А мне-то только этого и надо было, ведь мечтала же, так мечтала… Муж вырыл нужного размера ямку, и мы посадили деревце.

— Эх, почва неудачная, земля скудноватая — переживала, а вслух наговаривала:

— Ничего, справимся, расти, выхожу тебя. Выхожу!!!

Серёжа тоже что-то наговаривал своей ёлочке, утрамбовывая вокруг землёй. Но к его словам не прислушивалась, думала о своём. Конечно, поблагодарила Сергея от души. Повезло мне с соседями, не только из нашего подъезда, а со всего дома. Дружные все люди, добрые. На сей раз хорошо запомнила, что загадала, ведь прошло не более десяти лет. И в три ночи, и в пять утра таскала с четвёртого этажа воду, поила нашу любимицу, навоз с дачи возила, удобряла, от палящего солнца берегла, зимой от морозов — снежком плотней укутывала. Всё боялась, чтобы ребятишки нечаянно не сломали. Осторожно дети относились к ней, совсем малыши подходили, трогали, наглаживали веточки и улыбались. А мамы малышей что-то объясняли своим деткам.

Часто наблюдала с балкона за происходящим, гордилась. Не только я одна, весь дом ей радовался, и взрослые, и дети. Такая пушистая!!! Жаль, Серёгина ёлка намного отстала в росте от нашей, да и у них какая-то жиденькая. Так и стоит махонькая, впрочем, она перенесла травму, кто-то взял и отломил верхушку, ещё когда она была совсем крохой.

— Идём недавно с мужем из магазина:

— Саш, а давай в этом году нашу ёлку нарядим, посмотри, повзрослела как, — предлагаю, любуясь ей.

— В этом году нам привезут ёлку, Юлька, председательша, уже договорилась, заказала, а вот на следующий год можно. Только бы не утянули…

— Кого, ёлку?

— А кого же ещё?..

— Типун тебе на язык,.. да и видеокамеры у нас кругом стоят. Я её как зеницу ока стеречь буду! — добавила с витающими мыслями о будущем. О тех годах, когда внуки будут гордиться деревом, когда мой сын будет рассказывать своим детям о судьбе этой ёлочки, о её существовании, о нас… Но, увы, всего этого не произойдёт… спустя несколько дней после нашего разговора с мужем, как раз накануне Нового года, поздно вечером, какие-то подонки срубили красавицу, которой любовались не только соседи нашего дома, а все, кто проходил мимо, все, кто гулял в нашем уютном дворике. Приезжала и милиция, так как на видеоплёнке всё было заснято. Но, — увы, безуспешно. Похоже, у нашей милиции есть дела поважней, хотя в эту же ночь срубили и в берёзовой роще несколько ёлок. А ведь можно было найти преступника и наказать. Больно. Страшно больно… Единственное, немного успокаивает то, что хоть кто-то на время праздника, Нового года, порадуется нашей ёлочке.

БАБА МАША

Ей далеко за восемьдесят. И каждый бы мог позавидовать её памяти и даже здоровью. Если учесть, какой нелёгкий жизненный путь ей достался, какие колдобины и ухабины смогла преодолеть.

Пришла как-то она ко мне в гости, разговорились за кружкой горячего чая.

— Ясные глаза у тебя, баба Маша, сильная ты и хваткая. Что в квартире, что в огороде — всегда порядок. Больше девяноста лет проживёшь.

— Проживу, Валечка, я тоже так думаю. Бог милостив, видел, как я в жизни намыкалась. Хоть под старость поживу как положено… — баба Маша задумалась, минуту-другую помолчала, потом тихонько заговорила.

— Хрущёвка, деревня так называлась в Саратовской области, оттуда я родом, — так начала свой рассказ она. — Восемь нас было с родителями вместе, и поначалу хорошо жили. А в тридцать четвёртом нас раскулачили. Отца со старшими детьми увезли. А меня оставили с мамой, и десять мешков картошки оставили. Вскоре и картошку всю у нас украли. Перебивались, как могли. Маме пятьдесят пять было, наверное, а мне — пять годков, шестой шёл. Помню, глубокая осень была. Холодно, голодно, есть хочется. Мама с горя-то сразу слегла. Она даже и не знала, куда всех увезли. — Баба Маша тяжело вздохнула. — А может, и знала, да мне не смогла объяснить — очень маленькая я была. Всё кушать просила, а потом на улицу убегала, по помойкам лазила, да и в помойках-то ничего не находила. Приходила, набегавшись на улице, и под бочок к маме. Бывало, кто из людей сжалится, даст кусочек хлеба или ещё что-нибудь, я и радёхонька. Спросят меня:

— Маша, а где мама?

— Спит, — отвечала я.

Подозрительным, видать, казался мой ответ людям. Вот и пришли посмотреть, как она спит. А она уже три дня как мёртвая лежала. С мёртвой я и спала. Не было у меня из родни никого. Самая старшая сестра замужем была и где-то далеко жила, не знаю где. А братьев всех с папой забрали, — повторила баба Маша. — Вот и побеспокоились соседи, в детский дом приютили в городе Петровске Саратовской области. Сбежала я оттуда через недельку, всё к мамке хотела. И помню, как цыгане за мной гнались, украсть, наверное, решили, а я в собачью будку от них спряталась. Долго там сидела. Потом всё же обратно в детский дом пошла, поняла, что там лучше. Долго пришлось идти пешком. И как не заблудилась? Сама удивляюсь. Ночь в лесу ночевала, да так застудилась, что лечили меня потом долго. До шестого класса я там жила. Война началась, и выпроводили нас от-

туда. Взрослыми мы считались уже. Попала сначала в совхоз, потом в ФЗУ училась, в Пензе, на квартире жила. Училась на шлифовщицу на токарном станке. После учёбы отправили в Люберцы на военный завод. Там год отработала. В отпуск отпустили. А у меня ни родни, ни дома. Гитлер уже подступал к Люберцам. Съездили мы в Петровск, в детский дом, с подругой Таней. Там выдали мне документы, свидетельство о рождении, затем паспорт получила. И нас с Таней отправили в рабочий батальон в Майкоп. Военные годы были, и мы в Майкопе делали детали для переправ, уставали сильно. Недосыпали, недоедали, с утра до поздней ноченьки трудились…

Позже нас отправили в пригородное хозяйство в Краснодарском крае. Работала и в восемьсот шестьдесят втором мостопоезде, его перевели из рабочего батальона.

Война закончилась, и отправили меня в город Георгиевск. Там мы строили первый мост. Потом много по России мостов ещё построили. И на бетономешалке я работала с раствором. Затем в Новосибирской области в городе Карасуке строили.

А уже после попала в Томскую область, в город Асино, посёлок Бахтал. Там строили железнодорожный мост и автодорожный. А с мужем познакомилась ещё в сорок восьмом году. Он тоже мостовиком был. Хороший муж, да вот из жизни рано ушёл. В восемьдесят седьмом помер. В жизни-то тоже сладкого мало видел. Зато две доченьки славные у меня. Горжусь ими, умные девочки. Спасибо Богу, не обидел детками. Помощницы мои. И что бы я без них делала… Корячина моя девичья фамилия. Вдруг кто из родственников найдётся?.. На всё воля Божья…

Слушала я бабу Машу, не прерывая ни на секундочку. А ей так хотелось излить душу. Ох, и хлебнула она в этой жизни, намыкалась бедняжка. Живи, баба Маша, живи долго ещё! На всё Божья воля…

В ГОСТЯХ У ТЁТУШКИ

Недавно мне довелось побывать в Абакане, столице Хакасии. Небольшой, но густонаселённый городок. Наичистейший, по крайней мере, из тех, в которых я успела побывать. Родина моего отца, дедушки и бабушки, а также брата и папиных сестёр…

У одной из них, тётушки Лиды, я и остановилась. И, несмотря на то, что ей восемьдесят восемь, выглядит гораздо моложе. Благородная, добрейшей души человек. Такие же милые, гостеприимные, как и она, её дети. Ещё одна папина сестра, тётя Нина, к великому сожалению, давно умерла. Но с радостью повидалась с её детьми.

Погостив в Абакане, поняла, насколько я богата роднёй. Как это здорово, что ты — не одна! Я словно побывала в гостях у мамы, ко-

торой давно нет в живых. Наш разговор затягивался до глубокой ночи, несмотря на тётушкин преклонный возраст.

Вспомнилось, с каким восторгом рассказывал мне папа о своих сёстрах: Нюре, Шуре, Ниночке и Лидочке. Есть чем гордиться, в этом убедилась и я. Но о себе папа, а вернее, о войне в основном помалкивал. Я же всегда восхищалась звездой, прикреплённой на стене нашего дома. Это папина звезда, а звезду надо заслужить. Так говорила своим подругам, которые с завистью поглядывали на неё. Но, будучи ребёнком, играя с папиными медалями, по своей детской глупости и наивности меняла медали на фантики от шоколадных конфет. Скрывала. Зато в классе могла похвастаться, что ела эти конфеты. Вот глупая была, фантикам радовалась, а медалями рассчитывалась… Совесть мучает по сей день.

Бывало, проскальзывало в папином разговоре что-то страшное и грустное о войне. Но я особенно не вникала в подробности. А жаль…

Навсегда запомнила, как они там, на фронте, встречали День Победы. Сколько было ликования и радости в тот памятный день, когда узнали, что победили, что закончилась эта проклятая война.

— Я, — говорил папа, — лёг на землю, целовал и гладил, гладил её, слёзы бежали, а я приговаривал: «Родненькая наша, дорогая…». Да и не только я — многие целовали землю.

И я ещё больше полюбила свой родной край, свою Родину.

Спасибо тебе, мой милый папочка, и всем, кто погиб, защищая нашу Родину, и тем, кто остался жив. Поэтому и приехала к тётушке: побольше узнать об отце и о ней самой, которая тоже была на фронте. Она рассказывала мне о своей нелёгкой жизни, о том, как в сорок первом не успела окончить медицинское училище в связи с тяжёлой военной напряжённой обстановкой, но за плечами имела уже поварское образование. В Уфе выучилась на военного повара. Была командиром отделения в составе десяти человек со званием старший сержант, повар-инструктор.

— Помню, — рассказывала тётушка, — как налетели немецкие самолёты и разбомбили всё селение. Остался только один пепел. Всех порешили. Нам скомандовали в лес бежать, а я как раз только кашу ячневую сварила, горячая, и, не раздумывая, схватила котёл, и с ним бежать, вся умазалась, жидковата была кашка-то, но всё же маленько осталось. А солдатики потом ели и смеялись — кому добавку-Лиду облизывать. Мне везло. Не раз меня пуля догоняла, но так и не догнала. Везунчиком оказалась. Всякое делать приходилось: и раненых таскать в укрытие, и перевязывать помогала, не только варить да кормить. — И тётушка сникла, прикусив губу, ушла в то далёкое страшное, незабываемое прошлое…

Она показывала мне военные фотографии, каждого помня поимённо. — «Царствие им Небесное, полегли многие. Нелегко досталась победа. Нелегко…»

И через минуту продолжала дальше:

— Война в разгаре, немцы наступают. Берут сёла, города, грабят и убивают мирное население, стоит гул орудий, самолётов, страшно было. Но исполнять свои обязанности должна, кормила военных. Пища в основном была постная. Но когда вошли в Польшу, Чехословакию, Германию, то пожирней еда стала. И погнали мы немца прочь… — Здесь тётя Лида радостно улыбнулась и добавила: — Победа за нами осталась!

— Тёть Лид, а покажи свои награды, они же у тебя есть?

— Есть, конечно, — и аккуратно вытащила из плательного шкафа чёрное с белым воротничком отглаженное платье строгого пошива, которое всё было в орденах и медалях. У меня разбегались глаза от увиденного.

— Орденоноска ты моя! — обняла её. — И дядя Вася у тебя, мужто, тоже войну прошёл.

— Да, — ответила, — это мы когда с фронта домой ехали в одном поезде, там и познакомились. Он тоже из Абакана оказался.

И, сняв со стены портрет мужа, поцеловала его. С портрета на нас смотрело доброе миловидное лицо, а на гимнастёрке красовались медали.

— В войну выжил, а в мирное время не сберёг себя. Работа у него тяжёлая была в шахте. Сердце подвело.

И не успела задать вопрос о своём папе, как тётушка вдруг, словно читая мои мысли, поведала мне страшную историю о моём отце. Воевали они в разных полках, но однажды на фронте встретились.

— Отец-то твой, братик мой, какой страх пережил, — начала она. — В пехотных войсках служил, связистом был. И послали его с другом связь наладить. Километра с два надо было идти. Починили они там всё как надо, и назад стали возвращаться. Вдруг друг-то по нужде захотел сходить, а отцу твоему говорит:

— Ты, Толя, иди, я догоню.

Толя ему другое место предлагал, как чуял:

— Пойдём до тех кустов.

— Нет, я тут, а ты пока иди.

Ну, бывает, приспичило, значит, шибко. Толя пошёл потихоньку, закуривая самокрутку. Он на войне курил, там без курева трудно было. Все курили.

— И ты? — вдруг не выдержала я.

— Нет, не курила. Девушка всё-таки. Хотя и девушки многие курили. И я их не осуждаю. Видать, так легче было. — И продолжила: — Вдруг слышит братец оглушительный грохот, оглянулся, подбежал на то место, где был друг — только воронка большая и осталась. Мина там была, тело в клочки разорвало. Схватил Анатолий уцелевшую кисть друга, а она ещё тёплая, и пальчики как бы в судороге шевельнулись. Испугался, видать, сильно Толя, сначала с ру-

кой побежал. А затем остановился, перекрестился, как мог, и вырыл ямку. Закопал там руку друга. Крест из палочек соорудил. Вот, был друг и — нету…

И тётушка снова замолчала.

— А папа нам такого не рассказывал, — удивлённо проговорила я.

— А зачем тебе, ребёнку, такое было знать? Ему самому этот случай покоя не давал. Всё рука друга перед глазами стояла, — и тётушка всплакнула, всплакнула и я.

— Страшно, а ведь этого парня ждала дома мать.

— А как же, всех ждали. Только вот не все вернулись. «Да, милый папочка, сколько тебе пришлось испытать, пережить. А я медали на фантики меняла», — вновь вспомнилось мне. Делаем порой ошибки и не думаем о том, что потом будем всю жизнь вспоминать и каяться…

Четыре дня пролетели так быстро. Но я пообещала обязательно приехать на её столетний юбилей.

— Валечка, да разве мне столько прожить?..

— А ты хочешь, чтобы я приехала?

— Хочу, — говорит она, — сильно хочу.

— Ну, тогда жди, приеду. Двенадцать лет быстро пролетят.

— Теперь придётся жить, тебя буду ждать, — засмеялась она. Провожать меня приехала вся родня, жалко было расставаться. Хорошая, добрая у меня родня.

МАМБАБА

Полине нетрудно было найти нужную улицу и дом под номером тринадцать.

— Вот он, тот самый, тринадцатый — вполголоса сказала сама себе Полина. И, чтобы окончательно убедиться, порывшись в сумочке, нашла записку: «Садовая, номер тринадцать, Крутова Анастасия Васильевна».

— Настенька, Настёнка, милая девчонка, — открыв калитку и напевая, пробиралась по узенькой тропке, кругом заросшей лопухами и настырно цеплявшимся за юбку репейником. На двери кнопки для звонка не было, да и откуда ей в деревне-то появиться. Здесь всё нараспашку — и души, и двери. Лишь на ночь затворяют изнутри на крючок. Постучала в дверь, затем ещё и ещё. Но к двери никто не подходил и не было слышно приглашения. Так и не дождавшись ответа Полина, слегка приоткрыв входную дверь, для храбрости крикнула:

— Есть кто живой?

Тишина настораживала…

— Бабушка, Анастасия Васильевна-а-а, где вы-ы? Ау-у...

Наконец в ответ откуда-то с печи донёсся приглушённый хрипловатый голос:

— Ну, что, что раскудахталась? Заходи, не в лесу же, — разаукалась…

— А вы всё молчите да молчите, и я испугалась. Тишина какая-то…

— А с кем мне тут ворковать-то? Рыжик был и тот сбёг, а может, собаки задрали, вон их сколь развелось, чуть ли не в каждом дворе.

— А я, девка, знала, что тебя ко мне отправили, располагайся, — всё мне веселей будет. Кровать выбирай, у меня их целых две, а я здесь, на печке, косточки прогреваю. С утра протопила, а всё жарит. В квартире действительно было тепло, уютно и светло. От герани, которой заставлены все подоконники, по квартире исходил аромат. И Анастасии Васильевне, похоже, наскучило одной, или сама по себе говорунья, не давала вымолвить словечка Поле, продолжила:

— Верчусь вот с боку на бок, пока жива — смерть не берёт, устала уже… Ноги-то на погоду ноют, никудышные они у меня, всё испытали. Да что это я о ногах… Торопко, но с усилием бабуля умело слезла с печки и подошла к Полине:

— Да ты я смотрю худощавая-то какая… — Как звать-то тебя?

— Полина, — ответила девушка, доверительно глядя на бабушку.

— Полюшка, значит. Ты присядь, присядь, в ногах правды нет, устала, поди, с дороги. Сейчас чайку попьём, свеженького заварю, смородинного листку подброшу, всё вкусней будет, — захлопотала бабуля.

— Спасибо, — потирая руки, довольная ответила Поля, присев на старинный деревянный сундук. Она действительно чувствовала усталость. Бабуля села напротив неё на табурет, и, сунув ноженьки в коротко, как тапочки, обрезанные валенки, продолжила разговор:

— Блузка на тебе вон богата, а коса-то, коса-то кака… — и потянулась к своей голове. Воткнула гребёнку в тончайшие волосёнки, вздохнув, понуро продолжила: — Была у меня коса… да сплыла… — после тифа весь волос вылез, голова коростами покрылась, под пацана потом стриглась. Всё в платок куталась. Но эти коросты-то, быть может, меня и спасли… Старческие губы дрогнули, бабуля замолчала, и в комнате зависла тишина. Но спустя несколько мгновений Анастасия Васильевна, совладев с собой, продолжила: — Когда война началась, мне девятнадцатый год шёл, братику моему Феденьке — шестой. Славный был парнишечка, с детства судьбой обиженный — немым родился. Меня сильно любил, и я его тоже. Мамонька наша в болоте утопла, батя на фронте погиб, остались мы с Феденькой вдвоём. Немцы, когда в наше село пришли, стали свои порядки наводить, над народом измываться. Как-то утром к нам в хату немецкий офицер заявился, начал ко мне приставать. Феденька защищать меня хотел, укусил его за руку. Фриц этот, фашист, ку-

лаком его ударил, зуб ему выбил, и опять ко мне полез. А я незадолго перед этим тифом переболела, наголо острижена была, страшно выглядела. И я описалась, видать, от страху — немец плюнул и из хаты вон. А на другой день немцы окна нашей хаты досками забили, дверь подпёрли и подожгли. И ещё две хаты, где тифозные больные были, сожгли. Боялись, чтоб не заразиться.

Нам-то с Феденькой после того, как у нас немецкий офицер побывал, сразу бежать из села надо было, так ведь не думала я, что так всё обернётся… — Анастасия Васильевна опять, на сей раз надолго, умолкла.

Полина, видя, что ей тяжело вспоминать то страшное прошлое, хотела отвлечь её от горьких воспоминаний, сказать о чём-то не связанном с ними, но поняла, что старушке станет легче, если она выговорится. И Анастасия Васильевна, справившись с волнением, продолжила: — Подпол в нашей хате был глубокий, спустились в него. Задыхаемся от дыма. Федошу, Феденьку на руки, прижимаю мальчонку к себе, и он ко мне жмётся, защиту ищет… Что-то сказать хочет и не может… Задохнулся у меня на руках.

Анастасия Васильевна истово перекрестилась: — Безгрешный ребёночек, поди, встретился на небесах с родителями. А меня сосед, дядя Илья, спас — чуть живую из подпола вызволил. Только не мил мне был тогда белый свет— ведь братика своего я не спасла, из-за меня погиб…

Надо было, когда немцы пришли, из села бежать, надо было… Феденьку на погосте схоронила, соседи помогли. И решила с собой покончить. Болото неподалёку от нашего села большое, теперь-то оно подсохло, а тогда топкое было, считай, заросшее озеро. Пошла к нему. Мамоньку там трясина затянула, и я утоплюсь. Бреду по топи, чую, как она меня всё глубже затягивает… Вдруг слышу — кто-то позади свистит. Неужто, думаю, немцы за мной гонятся? Обернулась, вижу, кто-то по колено в болотине стоит и мне машет. Пало на ум — может, батя мой не погиб, может, фамилию в похоронке перепутали, и он домой воротился и меня зовёт… Пригляделась — нет, не батя, а из соседнего села мужик. Я его малость знала, когда немцы пришли, он к партизанам подался. И тут, значит, зачем-то к болоту пришёл и меня увидел. Стою, смотрю на него, а он ко мне кое-как подошёл и за руку схватил: «Дура, жить надоело? Пошли со мной, ворочаться тебе некуда, будешь в партизанском отряде фашистам за отца и братишку мстить». Так в партизанском отряде без малого год я и пробыла. Несколько раз на краю могилы была, да вот — уцелела.

Замуж вышла за Николая, за того самого, который меня из болота вызволил. Советно с ним жили. Он смиренный был, печник хороший, вот эту печку он клал. А детей у нас не было, не довелось, в болоте, видно, всё позамораживала… Чужих детей растила, нянькой была.

И Анастасия Васильевна погладила Полинины волосы: — Хо-

рошая у тебя, Поля, коса, а у меня волосы там, где коросты были, так и не отросли. Мазали мне в отряде дёгтем и синькой, ничего не помогло… Что же это я про чай забыла, — спохватилась Анастасия Васильевна. Сейчас, сейчас, — всё улажу, и борщ наваристый есть с капусткой квашеной. А мне ещё вчера сказали, что с города к нам новую учителку пришлют. Комнату тебе в бараке дадут, бабы, что помоложе, вчера её белили, завхоз сказал: «Пусть покаместь учительница у бабки Настасьи поживёт, а к сентябрю квартиру ей наладим». Так там холодно. А ты оставайся у меня, внучкой мне будешь?

— Буду, — кивнула Поля,— у меня нет бабушки… И мамы тоже нет, детдомовская я. Можно, буду звать тебя Мамбабой?

— Да мне только в радость будет, — ответила довольная Анастасия Васильевна. — Тебя сам Бог ко мне послал… Больше трёх лет жили они душа в душу. Полина Анастасию Васильевну так всё время и звала Мамбабой. В летний солнечный день умерла Мамбаба. И деревни той уже в помине нет. Лишь на кладбище кое-где холмики и крестики уцелели. Уцелел и Анастасьин крест с надписью — Крутова Анастасия Васильевна — «Дорогая Мамбаба».

СЛЁЗКОСОБИРАТЕЛЬНИЦА

Лиза — моя давняя знакомая. Кажется, знаю её всю жизнь. Ещё с детства мы с ней делились какими-то детскими секретами, даже тайнами. И думаю, что понимаю её больше, чем она себя. Настоящие подруги! О ней можно говорить много и долго.

Настолько эта душа по-русски щедра, что мне кажется, будто её глаза впитывают в себя весь мир: разный, сложный, необычный. С одной стороны, она понимает реальность этого мира, но с другой, порой ей становится страшно: сколько в нём жестокости и несправедливости! И она старается всем своим существом что-то изменить в нём, поправить, внести частичку своего тепла. Мне с ней легко, но, признаюсь, не всегда. Порой бывает упрямой и настаивает на своём. Причём от этого сама же и страдает. И виду не подаст обидчику, чтобы тот не переживал за своё деяние. Умеет терпеть, умеет молчать, а самое главное — научилась прощать. Она могла раскрыться и кому-то другому, доверяя и веря в порядочность этого человека. Но тот, другой, часто оказывался не тем, за кого себя выдавал. Лиза проглатывала и это предательство, но прощала. И уходила в себя, в свою оболочку, в которой ей становилось душно и страшно.

Значит, доверять нельзя…. Вывод сделан, и вывод правильный. Так думаю и я, поддерживая Лизу:

— Молчи, Лизка! Есть подушка, доверься ей. Вспомни, как тебя мама учила. Ты мне сама об этом говорила.

И Лиза со мной полностью соглашалась.

— Я поверила, я подумала — она настоящая… Выходит, нет, — как бы оправдываясь, говорила она.

Так вот и живёт наша Лизка. Любит всех, и мне в ней это нравится. Может, не стесняясь, громко об этом объявить.

— Лизка, а нужна ли она, твоя любовь?

— Нужна, — отвечает.

Наверное, когда-то её недополучила, а теперь своею любовью делится со всеми.

— Ну и правильно, люби, — поддерживаю, так как вижу, что не хитрит и это идёт от чистого сердца.

Лиза росла в большой и бедной семье. Но не сломило её то, что, будучи ребёнком, учась в начальных классах, вынуждена была ходить в школу в кирзовых сапогах. Причём сапоги эти были смачно пропитаны дёгтем, запах которого распространялся по всему классу. Приходилось терпеть насмешки сверстников. На ногах были не носки, а портянки, которые девочка умело обворачивала вокруг маленькой ножки, в то время как одноклассники щеголяли в резиновых сапожках, а некоторые и в лаковых туфельках. Бывало, учитель физкультуры выстроит класс, вызовет Лизу на середину зала и громко объявит: «Смотрите, опять босиком! Вон из зала!!!». И, понуро опустив голову, девочка покидала помещение.

Позже, уже взрослой девушкой, когда ждала из армии своего парня, получала письма, в которых тот писал: «Лизка, ты не представляешь, что мне приходится испытывать! Я даже портянки научился заматывать! Вот жизнь!..». А Лиза никогда и не забывала, как…

Но по-своему где-то была счастлива. Вкусив всех житейских тягот (а их хватало!), не испортилась, не стала капризулей и врединой, эгоисткой и зазнайкой. Бесхитростная. Есть какие-то свои комплексы. Когда-то, в детстве, мечтала о высшем образовании, но не получилось, окончила успешно техникум. Хотя образование в жизни женщины не всегда играет ведущую роль, но, тем не менее, понимая это, в кругу своих знакомых Лиза всё же комплексует. Ещё знаю, что у неё большие проблемы со здоровьем. И врачи не могут по-настоящему помочь. Всё упирается в деньги в нашей суетной жизни. А денег вечно не хватает. Не плачется. Наоборот, считает, что у неё всё есть. И я ей завидую: много друзей, любит их.

Я вроде бы слишком гладко написала о Лизе, но это всё так. А раньше у неё недостатков хватало, за которые тоже расплачивается, и по сей день. Много перенесла унижений в жизни, может, поэтому стала такой мягкой. И хорошо, что не ожесточилась, не мстительная. Ведь бывает же и такое.

Несколько лет назад Лиза ездила в Сочи с сестрой. Сидела однажды на бережку моря, настроение почему-то грустное было. Не знаю, может, вспомнила что, но когда взяла ракушку и стала её раз-

глядывать, то почувствовала странный прилив энергии. Легче стало. С тех пор и привязалась к ракушкам, маленьким, с сантиметр — не больше. Ими весь берег усыпан был. Лиза набрала себе полный пакет. Сестра смеётся, спрашивает:

— Куда гостинцы класть будешь?

А Лиза: — Это и есть мои гостинцы. Это — слёзкособирательницы (так она их назвала).

И много лет носит их с собой, то в кармане, то в сумке. Мало уже осталось. Раздарила. Увидит, где какой ребёнок плачет и не поддаётся успокоению, Лиза тут же «слёзкособирательницу» дарит, объясняя, как она важна, как малыш может с ней поделиться своей обидой. И радостью тоже. И что она обязательно его поймёт, выслушает, поможет и слёзки соберёт, не даст плакать. Короче, умеет Лиза как-то убедить детей, и те сразу же успокаиваются. Не один ребёнок радуется, родители его — тоже. Да и Лиза довольна, нервы у детей меньше рушиться будут.

Однажды в маршрутке мальчуган такую истерику закатил, что впору уши затыкать. Народу много, тесно, душно, все в зимней одежде. А мама, бедная, уже не знает, что с ним делать, никаким уговорам не поддаётся. Протиснулась Лиза кое-как к ребёнку, пошептала ему на ушко о волшебной слёзкособирательнице и подарила её ребёнку. Тот сразу и смолк. В маршрутке с облегчением вздохнули.

— Ну, наконец-то угомонился, — кто-то не утерпел, сказал.

Лизе же надо было выходить, так как её остановка скоро. Вдруг крик раздался, сильнее прежнего. Оказывается, ракушку ребёнок выронил, и она куда-то укатилась. И чуть ли не всей маршруткой искали эту слёзкособирательницу. Так Лиза и не знает, чем дело закончилось. Вышла на остановке, жалея о том, что на тот момент в кармане только одна ракушка была.

Но прошло с полгода, может, и больше, едет Лиза в маршрутке, а ей женщина улыбается. Ну, и Лизка в ответ улыбнулась. Может, запамятовала, знакомая какая, или та ошиблась… Женщина шепчет:

— Спасибо вам большое, помогли тогда очень, у сына психика неуравновешенна, трудно нам с ним, болен, но благодаря вашей слёзкособирательнице теперь гораздо легче. Спокойнее стал, мы много ракушек купили, везде напрятали, вдруг снова потеряет.

— Да не за что…

Но в душе Лиза радовалась. Меньше слёз — крепче здоровье.

Порой приходится дарить и взрослым свои слёзкособирательницы. Чувствует, кто в них нуждается.

— Лиз, — говорю ей, — а ты в Сочи съезди.

— Да не до Сочи мне, разве только за слёзкособирательницами — мало осталось.

Был у неё в жизни ещё один необычный эпизод. Лежала как-то в больнице и познакомилась там с Ваней. Узнала, что он — детдомов-

ский, и заныло у неё сердечко. А Ванюшка сразу её мамой назвал.

Познакомилась и с детдомом, где находился ребёнок. Детки там хорошие, добрые, потому что к порядочным людям на воспитание попали. Сдружилась с ними, на праздники и на каникулы Ванюшку домой забирала. В семье Лизиной его полюбили, как сына родного, даже окрестили мальчика. Славный малыш, но со здоровьем много проблем было. Да так много, что Лиза с ним шесть раз в больнице лежала. Операции сложные делали ему. Часто приходилось и ночами не спать. И не побоялась она никаких трудностей… Многие говорили:

— Лиза, а тебе это надо?

— Надо, — отвечала. — Котёнка возьмёшь и не бросишь, а тут ребёнок… Люблю его — и всё тут.

С нею больше никто и не спорил. Родители недавно нашлись, хорошими оказались. И забрали Ванюшку из детского приюта.

— Но были бы алкоголиками, Ванюшку ни за что не отдала, сама бы эту лямку дальше тянула, в тесноте, да не в обиде! — так говорила мне Лиза. А теперь радуется за Ванюшку, что к ребёнку счастье прикатило, в семью хорошую попал. И связи с ним не теряет, — мама ему крёстная.

А всё-таки нравится мне Лизка. Пусть всегда остаётся такой, порой по-детски наивной, но сама собой.

Я поняла намного позже,
Что опрометчива была.
И мне в подмогу Божья помощь
На исправленье шанс дала.
Он подсказал, кому молиться,
Все указал мои грехи,
И как не быть мне эгоисткой,
И не сойти на полпути.
На мир смотрю я по-другому,
И понимаю, что почём.
Помочь готова я любому,
В хорошем, явно не в плохом.
И не хочу казаться лучше.
Лишь бы душа была чиста.
Там, наверху, нас всех рассудят,
Укажут путь, кому куда.

ПОЛОВИЧКА

— Ложись спать, доченька, поздно уже, — взглянув на настенные часы и подобрав с полосатого половичка соринку, которая бросалась в глаза, ласково сказала мама.

— Когда ты с этим хламьём распрощаешься? Будто постлать нечего, — проворчала я. — Хочешь, я тебе завтра палас новый куплю?

— Нет, доченька, не надо, мне и этого на свой век хватит. Да и какое же это хламьё? — возразила она, присев ко мне на краешек кровати. — В этих полосках память не об одной жизни. Вот те — четыре красных ряда — из юбки Прасковьи, царство ей небесное. Твой двоюродный дед Трофим, муж её, в сорок пятом прислал ей с одним солдатиком лоскут материи. А сам из госпиталя не вернулся, за неделю до Победы там помер. А солдатик, с которым он тот лоскут прислал, с войны пришёл одноруким. Не из нашего села он был, с соседского, километров двенадцать от нас, а может, малость больше. Нету уже давно этого села, да и домов-то было всего ничего. И всех мы там знали. А как солдатика того звали — забыла. Вертится на уме, а вспомнить не могу. — Мама, встряхнув половичку, положила себе на колени и молча погладила.

— Да что ты, мам! Разве всё упомнишь? Столько лет прошло!

— А, доченька, то давнее и помнится, а сегодняшний день забывается. Года берут своё. Дак вот, солдатик этот ох и красивый бы-ы-л! — протянула она. — Так и остался в нашем селе. На Прасковьиной сестре Нюре женился. Да Петро он, — вдруг улыбчиво сказала мама, радуясь, что вспомнила имя. — Ну да, Пётр, — повторила она. — Руки у него золотые были, царство небесное.

— А что, он помер? — перебила я.

— Ну да, в один месяц с Нюрой. Попервости она, а через сорок дней и он. Говорят люди, сзывают там тех, которых шибко любили. Вместе на тот свет уходят.

Мама, глядя на меня, будто прочла мои мысли.

— Да это так говорят… — И, словно уйдя в далёкое прошлое, поглаживая половичку, умолкла.

— Наверное, деду Петру нелегко было, безрукому? — спросила я.

— Нет, доченька, он мастеровой был. Одной рукой делал то, что другие и двумя бы не сумели. И обутки всем чинил, и мебель всякую делал, и кросна — ткацкие станки — чинил. Ты, однако, помнить должна, у нас был станок?

— Помню, — вспомнила я ткацкий станок, на котором ткали половики. Он был в бабушкиной избушке, стоявшей за нашим огородом. Вспомнила, как меня бабушка учила ткать, а у меня ничего не получалось. Но было интересно. А ещё у нас прялка была. Бабушка показывала, как нитку сучить и на веретено накручивать. Было мне тогда лет пять, шесть, но веретено почему-то постоянно выпадало из моих рук, и нить рвалась. Вспомнился и запах той, овечьей шерсти…

— Мам, а ведь наш дом сгорел, и мы ничего не смогли спасти. Как же эта половичка уцелела?..

— Так этот клочок на кухне под железной бочкой лежал. Пом-

нишь, бочка-то железная у нас на кухне стояла?..

Вспомнила я и эту большущую, всегда полную воды бочку. Почему-то любила, встав на табуретку, попить из этой бочки воды.

— А вот эти, синенькие рядочки, — мама аккуратно сухонькой рукой провела по каждому рядочку. — Это мне мама на свадьбу блузку подарила. Долго я её носила.

— Ого! Сколько же лет этим рядкам?

— Много доченька, много, ох и много… Раньше вещи были прочные и ноские. И люди прочней и закалённей.

— А эта полоска откуда? — спросила я, притронувшись к вылинявшему рядку половичка.

— Это от Розочкиного одеялка, сестрёночки моей. — Голос у мамы дрогнул. — Война была, голод, мужики на войне, вся тяжесть на бабах. Осенью днём на страде колхозный хлеб жали, а когда вечером стемнеет, оставшиеся колоски для себя собирали. За них запросто могли под суд попасть, и всё равно собирали. Так вот, в темноте мамонька, наклонившись за колоском, глаз себе стернёй и наколола. Кто-то в деревне посоветовал ей соком редьки глаз закапать. Вот и закапала. Терпела, сколько сил было, покуда в больницу не увезли. Отец далеко, остались дома четверо ребятишек: я, Стюра, Гоша и Розочка. Я за старшую, мне лет девять было, Стюре четыре, Гоше три, а Розочке и годика, однако, не было.

Я её не в зыбке оставляла, а с собой на ночь укладывала. Ночью она у меня с кровати и упала. Кровать была высокая… Шибко я плакала, места себе не находила, казнила себя, что в зыбке не оставила. Недосмотрела.

Скрюченными от нелёгкой работы пальцами она провела по каждой полосочке, словно слепой на ощупь читает книгу.

— Умерла Розочка на третий день. Соседи схоронили. Мама приехала, а младшенькой-то и нет. Помню, всё ручонки тянула ко мне, и плакать уже не могла, силёнки, похоже, закончились. — У мамы появились на глазах слёзы.

— Не плачь мам, не надо, — пыталась её утешить, — ты же сама ребёнком была.

Я поняла, насколько ей дорога эта половичка. Долго ещё рассказывала она мне о той самой половичке, очень многих людей вспомнила. И тех, кто был жив, и тех, кого давно уже не стало. И про дядю Яшу — плясуна, про его холщовые штаны в заплатках. С ними он никогда не расставался. Но однажды, когда купался в реке, спрятал их на берегу под корягу, а деревенские ребятишки взяли да перепрятали. Сильно он перепугался. Долго искал, но всё же нашёл пропажу под другой валежиной. Купил себе новые, а вот эти четыре полоски и остались от тех залатанных штанов. На них под каждой заплаткой деньги бумажные зашиты были. А дядя Яша — скиталец, не было у него ни кола, ни двора, да и родни тоже. Всех сёстрами да братьями

называл. Его все любили, частушек много знал и плясун был отменный. Ни одна гулянка без него не обходилась.

В открытую форточку тянуло прохладой. Густая ночь глядела в окно, словно хотела подслушать наш разговор. Я пыталась заснуть, но перед моим мысленным взором стояли разноцветные полоски тканого половичка, немые свидетели судеб давно ушедших из жизни людей.

ПЕРВЫЙ РАЗ В ПЕРВЫЙ КЛАСС

— Не пойду! Не пойду! — кричала девочка, вырывая ручонку из маминой руки.

«Похоже, не хочет идти в детский сад», — заметив, что у малышки за спиной нет школьного ранца, подумала я, стоя на балконе, собираясь закрыть распахнутое окно, чтобы поспать ещё часок-другой. Ночью допоздна смотрела фильм, и под его впечатлением лишь к утру заснула. А тут девчушка, и надо же, какая капризулька. До этого собака разбудила — видимо, ей тоже не спалось. Вот и развеяло сон. Вспомнился почему-то тот давний сентябрь, когда я первый раз пошла в школу. Рано тогда проснулась, а может, меня мама разбудила. Помню, как мы с ней в палисаднике рвали цветы. Роса с утра, прохладно, но уже ярко светило солнце. А небо — огромное-огромное. Я всегда любовалось им, особенно когда на нём много облачков. Сказочно так! И что там только не увидишь, что только не вообразишь! В деревне небо всегда большое, не то что в городе.

Цветы выбирали самые пышные, самые красивые, ведь учителю в подарок. Радовалась, представляла, как дарить буду. Жаль, что мама со мной не смогла пойти. А хотела. Но ей на работу надо было с утра раненько. Благословила меня, перекрестила, и я пошла. Одна пошла, с цветами. Серёга, брат, старше меня на три года, убежал к другу. Они вместе ходили в школу, а старшие же сестра и брат уже учились в городе. А я догнала свою подружку, которая шла со своей мамой, и та её держала за ручку. Подружка не вырывалась, как вначале упомянутая девочка, порой оглядывалась на меня и улыбалась. И у неё был букет, не хуже моего, даже пышнее. Мне так хотелось, чтобы меня мама держала за ручку! Но некогда ей было. У моей подружки мама молодая, модненькая, а моя худенькая, старенькая — так мне казалось. Она меня родила в сорок восемь лет, да плюс ещё этих семь. Я её сильно любила. Шёл конец шестидесятых, не очень лёгкое было время, да и не первенец я, даже не пятая, а…

Возле школы на улице выстроилась линейка, народу собралось много. Батурино — большой посёлок был, две школы — Лайская и Судоверфенская. Когда-то насчитывалось двенадцать тысяч насе-

ления, сейчас — около двух. Поразъехались многие, да в мир иной ушли, царство им небесное.

Тогда школьная форма была введена. Празднично, мальчики в костюмах и белых рубашках, девочки в белых фартучках. И у меня белый фартучек, пусть не новый, от старших сестёр достался, но беленький, даже накрахмаленный. Ходила я в поношенных вещах. Хоть и выглядела опрятно, но стеснялась. Глядя на другие букеты, в своём разочаровалась, те куда красивее. Но у некоторых детей и вовсе цветов не было, у меня всё же какой-никакой, а букет.

Вот и первый звонок. Все в классе. Класс большой, у парт крышки откидывались, чтобы удобнее за парту садиться, а на каждой парте отверстие для чернильницы. Я до второго класса ручкой с пером писала, кляксы ставила, но в каждой тетрадке находилась промокашка.

На том первом уроке учитель попросил всех прочитать наизусть какое-нибудь стихотворение. Кто-то читал длинные стихи, кто-то короткие. А я сидела и вспоминала те, которые знала. «Муха села на варенье — вот и всё стихотворенье» один мальчик уже рассказал. Засмеялись, решила этот стих не рассказывать, хотя некоторые стихи повторялись. Дошла и до меня очередь. Встала и во весь голос прочла:

— Я маленькая девочка, играю и пою.

Я Ленина не видела, но я его люблю!

Взрослые заулыбались, а учитель спросил, знаю ли я ещё что-нибудь.

— Знаю, — ответила я и выразительно продекламировала: — Маленький мальчик сел на стаканчик. В дудочку играет, Христа прославляет!

В классе захохотали. Учитель аж утирал слёзы. Я стояла и не знала, что делать. Было даже стыдно заплакать. А ведь дома маме с папой нравилось, как я читаю стихи. Хвалили. Позже, когда я уже училась в старших классах, как и многие мои сверстники, пробовала сочинять стихи. Но никому их не показывала. Боялась — вдруг опять, как тогда в первом классе…

Сейчас, когда мне уже за пятьдесят, выступая со стихами перед большой аудиторией, неизменно волнуюсь. Знаю, другие поэты пишут куда лучше. И, тем не менее, когда читаю свои грустные стихи, вижу у некоторых слушателей на глазах слёзы. Значит, и моё стихотворение тронуло чью-то душу.

КУРЫ ДЕНЬГИ НЕ КЛЮЮТ

Может, кто-то и слышал такое выражение: «У них денег — куры не клюют». Я-то точно слышала, и не раз, но это было там, в деревне, на моей малой родине, где прошло далёкое детство и частично

юность. До шестнадцати лет в Батурино прожила. Сейчас за пятый десяток перевалило, а детство помнится. Некоторые случаи памятны, словно вчера это произошло. А некоторые, наоборот, забылись, стёрлись из памяти. И надо же такому быть: порой даже вчерашний день с трудом вспоминаешь. Знаю, что над памятью работать надо. Буду, буду, не раз обещала себе. Но то ли лень охомутала со всех сторон, то ли экология виновата. А может, годы своё берут? Да ну их — годы… Всяких встречала людей, некоторые и в девяносто лет такое помнят, по полочкам разложат — где, куда ходили, что делали и что надо сделать. Да далеко ходить не надо: вот взять, к примеру, мою свекровь — Сашину маму, та вообще на кроссвордах помешана, и что куда положила — помнит, и сегодняшний день, и вчерашний, и год назад, и пять, и шестьдесят пять. У меня очки на лбу висят, а я их по всей квартире ищу. Хорошо, что квартира небольшая, две комнаты-то всего. И всё равно, вот так ищешь, ищешь — найдёшь и думаешь: «А зачем же я их искала, для какой цели?». Работать надо над памятью, работать!

Вот и сейчас начала писать об одном, а понесло совсем в другую сторону. Но всё же помню — о денежках пойдёт речь, о них.

Так вот, услышала я в очередной раз, как мама папе говорит: «Да у них-то, у них денег — куры не клюют». А разговор шёл о соседях, которые на нашей улице жили. Фамилию их забыла. Но это уже и не важно. А факт тот, что тогда, мне тогда лет шесть было, может, и поменьше, помню, удивлена была сильно. И надо же, какие куры привередливые — деньги не клюют! Сбегала до соседской ограды, взглянула на прихотливых кур. Куры как куры, бродят себе в ограде, скребут что-то там коготками. Вроде бы и ничем от наших не отличаются. Даже у них петух, как наш, красавец, но нет, наш лучше, наш добрее. А соседский клювачий был, это я хорошо запомнила. Остановишься — и он стоит, и не шелохнётся, замрёт. Причём, если от него пятишься, всё равно не шевелится, а стоит отвернуться, он тут как тут. Больно клевал, так больно, до синяков. И не мне одной доставалось. Многие даже с палкой мимо этого драчуна проходили.

— Нюрка, да заколи ты его, аль на цепь посади, спасу нет от твоего разбойника, — предлагал рядом живущий сосед дядя Вася.

— Вот своёва и коли, а моёва стахановца не трожь, — гордо отвечала тётя Нюра, глядя на большую птичью семью.

— Ай да Петька, ай да удалец! — любовалась она своим петухом.

А ещё помню, голосистый он был. Как заорёт — вся деревня слышит. И начинается перекличка. «Наш-то скромненький, а может, воспитанный. Меня, наверное, не хотел рано будить, жалел, скорее всего», — так я думала. Для начала потихоньку кукарекал, но затем своё навёрстывал: «Нате, мол, знайте наших, в семье-то Соловьёвых живу и не хуже соловья петь умею». Не подводил фамилию. А я его Пёк-пёк звала. Почему — не знаю. И все его так звали — ручной был,

даже на голову умудрялся запрыгивать. Все смеялись, и я, хотя еле на ногах удерживалась — тяжеловатый.

И всё-таки не вытерпела, рискнула однажды испробовать, будут ли наши куры денежки клевать или тоже, как соседские, с гонором. Ограда у нас была большая, широкая, курам раздолье, даже одно время и гуси, и утки были, собака с ними играла. Так вот, роются рябушки в земле, червяков ищут или ещё что-то. Нам же, детям, родители давали задание, причём каждому по мере сил. Кому горбыль пилить, кому воду носить, кому в стайке чистить… Ну, короче, зачем перечисляю? Деревня есть деревня. Это в городе порой заняться нечем. Особенно сейчас — всё механизировано, только на кнопки вовремя нажимать успевай. А раз я в семье самой младшенькой была, и работу по мне давали. Входило в задание и курам бумагу нарвать. Причём меленько. Мама зачастую ножницами стригла, а мне ножниц не положено, похоже, для безопасности, а может, и ножницы одни были, кто знает… Нет, помню ещё такие чёрные, большие, верёвочкой красной связаны, тех точно двое было, в сенях на стенке на гвозде висели, ими с овец шерсть состригали.

Щипала бумагу мелко, на совесть всё делала, даже руки уставали. Так вот, решила поэкспериментировать. Где денежки лежат, в нашей семье все знали — на кухонном столе под клеёнкой. Ну, немножко, правда, но всегда там были бумажные тройки, пятёрки, рубли, даже порой десятки. Не было в семье такого, чтобы кто-то без спросу взял. В основном папа из рук в руки выдавал. А я взяла рублик, хотела десятку сначала, да пожалела — там Ленин нарисован был. Как это вождя курам скормлю? Вот и взяла рублик, вернее будет, если скажу, что украла, ведь без спросу же. И подобного больше в жизни не было. Я его и почикала ножницами меленько-меленько. Тем соседским не стала уносить. Думаю, мама не будет напрасно говорить, раз не клюют, так не клюют. Зато наши курочки мигом склевали, оглянуться не успела, а рублик-то тю-тю…

О пропаже того рубля никто никогда не спрашивал, и я молчала, скрыла, что слямзила, и совесть не мучила, потому что своим курицам скормила, не чужим же. И лишь только позже, спустя лет тридцать, когда папы уже в живых не было, поделилась с мамой своим секретом. Удивлена была.

— И додумалась же ты до такого?

— Додумалась, — отвечала я. — Ребёнком же была.

Посмеялись, конечно…

А ещё помню, лет десять мне было тогда, послал папа в магазин за хлебом, три рубля дал:

— На, доченька, шесть буханок купи, два рубля сдачи принеси, а четыре копейки можешь себе взять.

Разрешалось. Ну не всегда, конечно, зато можно было скопить и

халвы купить. Вкуснющая, не то что сейчас. Взяла три рубля, и, как назло, в туалет приспичило, по-большому. Туалет большой, глубокий, на два хозяина, так как мы жили в бараке, наш дом сгорел. Туалетной бумаги в ту пору, понятно, не имели, газеты в ходу были. Схватила я в ящичке туалетном газетку, а там большой портрет Ленина, и рука не поднялась. Что это я Лениным-то буду, ну сами понимаете… Вспомнила, что от конфетки фантик должен был в кармане остаться, а газетку назад в ящик. Вот и утёрла трёхрублёвкой, а потом как током дёрнуло, сунула руку в другой карман — а там фантик. А трёшка… глубоко валяется. Попыталась палочкой длинной достать, да где уж там, не тут-то было. Самой бы туда не упасть. Ну, думаю, попадёт же мне дома, как сидоровой козе. И рублик тот вспомнился, и прикинула, сколько хлеба можно было купить на три рубля. А я… Что делать, ума не приложу. Как правду сказать, что не по назначению использовала? Деваться некуда, захожу домой, а папа:

— Что-то ты, доченька, без хлеба, наверное, три рубля потеряла?

Хочу вас заверить, что в нашей семье только правду говорили, хоть горькая, но правда.

— Нет, не потеряла…, я-а-а в туалет сходила, попутала, думала, что фантик, и я-а-а, я ей… А там, там, на газетке… Ленин был. И, взглянув в отцовские тёплые глаза, облегчённо вздохнула.

— Да, знал бы он, чем ты пожертвовала ради его портрета, — улыбаясь, сказал отец.

— Ну да, — чуть слышно, сдерживая слёзы, вымолвила я.

— Не горюй, доченька, не переживай, не жили богато — неча начинать. Зато будет что вспомнить.

Помню, как он покачал головой и, улыбаясь, проговорил: «Ай да доченька, ай да умница».

И никогда больше не вспоминал мне эту трёшку, не упрекнул ни разу. Не упрекнул и тогда, когда зимой, а мне уже лет тринадцать было, пустила на ветер, в прямом смысле слова, десятирублёвую купюру. Ветерок был несильный, весна вступала в свои права, и кое-где уже появлялись проталины. И у меня было весёлое, приподнятое настроение, я радовалась — к нам приехали гости из Абакана, папина сестра с мужем.

Папа мне вручил новенькую десятку и записку, в которой указывалось, чтобы мне разрешили купить бутылку водки. Помню, водка стоила три шестьдесят две, а ещё надо было купить шесть буханок по шестнадцать копеек. Кроме этих денег у меня накопленных своих кровненьких пятнадцать копеек. Сдачи я должна была принести пять рублей, а сорок две копейки мне разрешили потратить на конфеты. Я же решила купить сгущённое молоко, добавив свои накопления. Сильно любила сгущёнку, и на банку как раз хватало. И что меня угораздило поэкспериментировать? От дома уже далеко была, до магазина рукой подать. Вытянула руку, положила червонец

на ладонь и думаю: «Поди, не улетит?». Но подхватил порыв ветра червончик-то, опять же с портретом Ильича. Уж поверьте, столько я за ним гонялась, столько гонялась… В чисто поле полетел, а там ещё снег плотно лежал. Ох и набегалась, где снег не проваливался, легче было по насту бежать, а где проваливался — у-у-у… Вообще устала… А он, червончик-то, вот, казалось бы, уже и в руках, и ветер куда-то исчез, вроде догнала, всё, мой, ещё, ещё пару шажков… Нет, снова, откуда ни возьмись, ветер, и снова упорхнул от меня червончик. Набегалась досыта, а так и не догнала. Он далеко, к речке улетел. Почему-то она Болваном называется…

Домой шла никакая, переживала сильно, если честно, даже хотелось соврать, придумывала, придумывала всякие версии. Знала, что попадёт — деньги немалые по тем временам. Но когда пришла, решила: будь что будет, и поделом мне. Семья не миллионеров, а я с ветром решила поиграть. Вот и доигралась… Захожу домой, смотрю отцу в глаза и говорю:

— Пап, а тебе правду сказать али как?

— Правду, доченька, правду…

— Да положила я десятку на ладошку и думаю: «Улетит — не улетит?».

— Улетела? — спрашивает он, и опять же с улыбкой на лице.

— Ну да, улетела, пап, улетела. Да так быстро, ох и шустрая, догнать не смогла, но гонялась долго, устала. Видишь, вся в снегу. А она к речке полетела.

— Попить, значит, захотела, — подшучивает отец. — Тоже, видать, устала, полетай-ка столько…

И никогда, никогда не вспоминал мне и эту десятку. Хотя на память не жаловался. Шутник был. Помню, как решали с ним задачки о встречных поездах. Сижу, корпею над задачкой, но ничего не получается.

— Что, доченька, решить не можешь?

— Ну да, задачка какая-то попалась…

Бегло прочитал он задачку, посмотрел на меня как-то странно и говорит:

— Иди, в угол становись.

«За что? — думаю. — Не провинилась». Смотрю на него недоуменно, а он:

— Иди, иди, вставай, а я в другой пойду. Разойдёмся по разным углам. А теперь навстречу друг к другу пойдём, но скорость-то у нас разная. Я старый поезд, заезженный, а ты пошустрей. А теперь пройденный путь каждым из нас считать будем.

Эх, папка, папочка, как же мне тебя не хватает, как же не хватает…

ЗАЙКА

У каждого в детстве была любимая игрушка. А может, я и ошибаюсь. Быть может, у кого-то и совсем не было, и он только мечтал о ней. Да-да, именно мечтал. Но Лиза не мечтала, у неё был деревянный танк. Вероятно, его смастерил из двух деревянных брусочков, скреплённых между собой большим ржавым гвоздём, старший брат. А сверху к шляпке гвоздя Лиза умудрилась примотать красной тряпочкой коротенькую палочку, она и служила стволом пушки у танка. Ещё на брусочках были неумело нарисованы красным карандашом звёздочки. А то как же! Танк-то русский!

До этого у неё был кирпичный танк, но верхний кирпичик часто сваливался и прищемлял ей пальчики. Да и сам по себе он был тяжеловат и не вёрткий. А однажды Лиза на свалке нашла чёрного резинового барашка. Обрадовалась, обмыла его в первой же попавшей попутно луже. И любовалась, любовалась своей находкой. Спать барашка укладывала рядом с собой, да ещё кошка всех котят стаскивала к ней. Сама же лишний раз боялась шевельнуться, чтобы не потревожить эти пушистые комочки. Были ещё и самодельные игрушечные весы, с которыми она играла в магазин. Но, случалось, в ограду заходила свинья и своим пятачком переворачивала их. Радовалась Лиза и скатанному мамой из коровьей шерсти маленькому мячику. Сегодняшние ребятишки такой мячик даже не могут себе и представить.

Ещё у неё был загадочный, но самый верный друг — зайка. Правда, знакома была с ним только заочно, но обо всех его проделках знала. Папа, работавший машинистом тепловоза в леспромхозе, рассказывал о нём. Зайка часто передавал Лизе гостинцы, которым она всегда радовалась, и ждала их с нетерпением. Чаще это был кусочек недоеденного хлебушка, но с каким-то лесным необычным запахом, а порой просто кусочек сала. И хотя сало не любила, отказаться от заячьего гостинца просто не могла. Приходилось съедать и сало.

— Пап, накажи зайцу, чтоб сало больше не передавал, — просила отца. — Не люблю я его.

— Ага, скажу, — отвечал отец.

И на следующий раз Лиза в отцовском рюкзаке находила то шишку кедровую, то картошку в мундирах, то луковку. Ей она особенно удивлялась:

— А что, зайка и лук ест?

— А как же! Он всё ест, ведь сила нужна, чтобы по лесу бегать, да и кто лук ест, тот никогда не болеет.

И Лиза уплетала луковку за обе щёки вприкуску с чёрным ароматным кусочком чёрного хлеба, несмотря на то, что слёзы от лука ручьём текли. Ай да зайка, ай да молодец, а как вкусно!

— Вкусно, доченька, ешь, — радовался отец.

А однажды, придя с работы, отец дал Лизе большую шоколадку.

— И это от зайца?

Её удивлению не было предела.

— От зайца, доченька, от зайца…

Гложет Лизу тоска по папе, которого давно нет, гложет по тому сказочному зайцу, по детству, которое далеко убежало и уже никогда его не догнать…

ПОШУТИЛ

Не помню, какой тогда видела сон, а может, так сладко спала, что ничего и не снилось. Разбудил меня окрик брата:

— Вставай! В школу опаздываешь!

Сам он уже сложил учебники в портфель и торопливо надевал школьную форму. Но я оказалась пошустрее. Быстро оделась, схватила портфель и выбежала на улицу. В школу я никогда не опаздывала, а была она от нас не близко. Зимой, когда ещё темно, бывало страшновато. Потому что приходилось идти через лесок. Кругом темень, хоть глаз коли. И лишь возле школы на столбе фонарь светился. Но до него надо было ещё дойти. Чудилось, что за деревьями кто-то прячется, но не человек. И боялась, что этот кто-то меня схватит сзади. В считанные минуты лес пробегала. А когда из школы шла, то леском налюбоваться не могла. Красотища, а снег, снег настолько чистый, пушистый, искристый — аж глаза ослепляет. Шла медленно, с деревьями общалась. Особенно интересно было за дятлами наблюдать. Они так усердно трудились. «Тук-тук, тук-тук», — доносилось с разных сторон.

Но обычно раньше всех всё же приходили Вова Докунин, Миша Адамьев, Вася Молоков и ещё несколько человек. Тоже, наверное, пунктуальными были, а может, к учёбе такое рвение имели. У меня-то, честно скажу, его не было. Знала, что надо учиться, и всё. И каждый раз, когда заходила в класс, пытаясь найти выключатель, чтобы включить свет, прослушивала песню. Мальчишки её пели громко, внятно, в голос и, вероятно, с большим желанием:

— Соловей, соловей, пташечка. Эх, канаре-е-чка жалобно поёт.

И лишь только потом включался свет. Я же краснела, смущалась, неловко как-то себя чувствовала — это было примерно в классе седьмом. Ребята достаточно взрослые, все красивые, как на подбор. Особенно Вовка Докунин, он мне нравился, и Пашка Гуляев нравился, и Серёжка Косолапов, и Лысых Павлик, и ещё многие другие… Но я никогда никому об этом не говорила, даже виду не подавала. А вот песенка — точно не нравилась. Потому что фамилия моя была Соловьёва. Вот и дразнили все «пташкой», «птахенцией», «птахой». А я

мечтала о том, как уеду из деревни, выйду замуж, фамилию сменю, и никто пташкой не назовёт. Но не получилось… Теперь псевдоним у меня Птаха, и мне нравится. Не помню, кто-то из местных поэтов дал. Спросили мою девичью фамилию, — сказала.

— Валь, дак ты же пташка! Вот и прилипло. Даже стихи на эту тему написала.

Ой, что-то я отвлеклась. Иду, значит, по лесу, сон вроде уже развеялся, но страх ещё одолевал. Быстренько лесок пробежала, вот уже и школа. Только почему-то она закрытой оказалась. «Видно, рано пришла, — думаю. — И Серёжка, братец, что-то не идёт? Наверное, за Колей Киржаковым зашёл», — они всегда друг за другом заходили.

Стою на школьном крыльце, с ноги на ногу переминаясь. И кушать захотела, ведь не позавтракала, спешила. Поначалу любовалась снежинками, освещёнными фонарём. Они так медленно кружились и падали, падали… И всё становилось темнее и темнее. Да где же все? Вот и ноги стали подмерзать, но в школу никто не шёл. А я стояла, одна-одинёхонька, не понимая, в чём дело.

Недалеко от школы находилась котельная, которая отапливала нашу школу. Кочегар, даже не помню, как его звать, привёз на санях чурки для котельной, и подошёл ко мне:

— А ты зачем, Валечка, так рано в школу очередь заняла?

— Как зачем? Учиться.

— Что, боишься, пятёрки разберут и тебе не останется?

О пятёрках, конечно, и не думала, а вот спать хотелось.

— Иди, спи, завтра придёшь, видать, попутала ты день с ночью.

— Ну да, попутала, — кивнула и поплелась домой. С одной стороны, была рада, что ещё посплю, поем, а с другой стороны — обидно. Ну и братик, ну и Серёжка, так обманул… Всё это потому, что устала, пока чистила в стайке и убиралась по дому. Мама с папой были на работе, вот я и заснула. А когда Серёжка меня разбудил, подумала, что родители ушли на работу. Интересно, помнит ли всё это мой братец? Я — помню. Ещё бы…

БУЛЯ

Даже не знаю, с чего и начать. Наверное с того, как малюсенького, кучерявого, персикового цвета пуделя принесли домой. Он, Булька (имя было уже дано и внесено в его паспорт, так как собака с родословной), стоял на тоненьких, ещё не окрепших шатких лапках, несмело озираясь по сторонам чёрными выпуклыми бусинками, изучая не изведанный им мир. Тогда, четырнадцать лет назад, когда у молодой семьи ещё не было своих детей, узнав о Буле, набежали соседские не только дети, да и взрослые, и не могли налюбоваться

этим маленьким чудесным существом.

— Не сглазьте мне его, — сидя перед щенком на корточках, поглаживая его, ласково произнёс Павлик, хозяин щенка, прикусывая себе по старинной примете язык. И все послушно переплюнули через левое плечо.

— А я не глазливая, — заявила Катя, жена Павлика.

— Плюй давай, трижды плюй! — потребовал он, и Катюшка плюнула.

— Я слышала, что маленьким животным ещё лобик солью натирают от сглаза, — посоветовала соседка. И Павлик тут же сбегал на кухню за солонкой и со всех сторон, но с осторожностью начал посыпать пуделька мелкой солью.

— Надо же только лобик, — жалостно произнесла Катя.

— Так надёжней, — возразил Павлик. А вообще они, как дети, их не надо рано показывать. И, положив щеночка в меховую шапку, унёс в спальную комнату. С минуту поёрзав в шапке, Булька сладко заснул.

Павлик с Катюшей следили за Буленькой, как за младенцем. Вовремя прививки, спать, гулять — всё по расписанию. Даже энциклопедию по собаководству приобрели. Поначалу Булю кормили из пипетки, затем из соски с бутылочкой, исполняли все его прихоти. Буля был завален различными игрушками, ему шились на заказ костюмы, вязались тапочки, красивые чепчики, его водили в парикмахерскую. Любили его ещё и потому, что Павлик, мой племянник, — клоун-акробат циркового жанра, а его жена Катюша тоже работник цирка. На Булю же выделялась уйма времени, с ним усердно занимались.

— Детство закончилось, ты повзрослел, тебя ожидают арена и слава, — говорил Павлик своему псу. И Буля, словно всё понимая, успешно поддавался дрессировке.

Кстати, Павлик, ещё будучи пятилетним ребёнком, зарабатывал в цирке свои первые денежки. А теперь вместе с ним обвораживал в цирке публику Буленька. Ходил на двух лапках, делал барьер, кульбит, прыгал через скакалку, ходил «верёвочкой», просил, а вернее, хлопал в ладоши, заставляя публику аплодировать. Да разве всё перечислишь, что он умел делать? Это надо было видеть! Люди видели и шли на его выступления с удовольствием.

Случилось так, что Буля заболел, отменять концерт было поздно — билеты все проданы. Пришлось Павлику выступать без любимца публики, но у него помимо цирковой собаки были ещё трёхметровый питон, огромная черепаха и кролик. К тому времени у Павлика родилась дочь Викуля, которая тоже с трёх лет выступала на концертах. Так вот, тогда, когда Буля заболел, после того как Павлик выступил с питоном, черепахой и кроликом, зрители, аплодируя, стали кричать: «Булю! Булю! Булю!». Растроганный Павлик, извиняясь,

объявил, что Буля заболел. Ему стали предлагать деньги на лекарство для любимца публики, но Павлик отказался: «Справимся, у нас теперь и дочь подрабатывает».

А однажды в московском цирке шапито после очередного выступления с Булей к Павлику подошёл представительный мужчина и попросил продать ему Булю за любую цену.

— Разве можно продать преданного друга? — возразил Павлик.

— За любую цену, за любую, — настойчиво просил мужчина.

— Он у меня бесценный, как можно продать сына? — взволнованно отвечал Павлик. — Идите, идите домой, и речи об этом быть не может.

Долго ещё Павлик не мог успокоиться.

Булю знали во многих уголках России и даже за рубежом. Дети и взрослые охотно фотографировались с ним. Ещё бы, такой умница, такой красавец.

Помню, звоню я как-то Павлику по сотовому телефону, жил он тогда в Новокузнецке.

— Ты где? — спрашиваю.

— Да мы тут с Катей в магазине.

— С Викой?..

— Да нет, Буля с Викой.

— Куда вы смотрите? — возмущаюсь. — Собаку за няньку оставили.

— Да мы ненадолго, магазин рядом, а Буля любую няньку заменит.

И действительно, в самом деле, был Булька хорошей нянькой — Вика раскапризничается, а пудель погремушку в зубы, сядет на задние лапки, спину выпрямит, головой трясёт — игрушка гремит, а он ещё и передними лапками машет. Девочка капризничать перестаёт, заулыбается. Был Булька не только нянькой, довелось ему и побывать спасателем. Как-то погожим весенним днём Катя шла по тротуару с коляской, в которой спала тогда ещё пятимесячная Вика. Гулял с ними Булька, на поводке его не выгуливали, шёл рядом шаг в шаг. Катюша купила много яблок и ещё что-то, как обычно, мы, женщины, любим делать покупки. Неподалёку от дома надо было улицу переходить, а у Катюшки пакет порвался — покатились яблоки врассыпную. Кинулась она их собирать, и коляска с Викой покатилась под уклон. Беда бы была большая, да Булька спас. Прыгнул вслед коляске, схватил зубами колесо и потянул её назад.

— Булька, Буленька мой, да ты не понимаешь, какой подвиг совершил! Ты просто герой, — плакала от радости Катюшка, обнимая пса. — Как же ты сообразил, миленький, ведь мы же тебя этому не обучали! Наш умник! Наше золото, сыночек, сыночек! — восхищалась Катюша.

Ведь кто знает, чем бы могло всё это закончиться!

После этого случая Катюшка готова была Бульку на руках носить.

— У меня три ребёнка — дочка и два сыночка.

Второго сыночка она имела в виду Павлика. Мужчины порой как дети — подай да поднеси. Буля и этим отличался: помогал Викульке складывать игрушки, приносил тапочки, подносил телефонную трубку хозяину, когда звонил телефон. Затеряется пульт от телевизора, ищут, найти не могут, и сразу обращаются к Бульке.

— Ищи, сынок…

И сынок тут же преподносит им в зубах пульт.

А однажды, когда девочке ещё было полтора годика, мать рано утром сварила ей кашку и прилегла. Хотела на минуточку, но крепко уснула. Каша сгорела, кастрюлька выгорела, и неизвестно, что бы могло произойти, если б не Буля. Из кухни лоджия выходила на улицу, Буля лапами открыл её, затем, подбежав к хозяйке, стянул с неё одеяло и отчаянно начал лаять. Катя проснулась, беды не произошло.

Всяких я собак видела, да и у нас собачка живёт, ну просто прелесть и тоже умница. Но такого, как Булька, не видела. Знаю, что некоторым собакам даже памятники ставят. Но и Булька был верным и преданным другом. Написала «был», потому что собаки не стало. Описывать его кончину не возьмусь. Трудно. Умер Буля на операционном столе. Его похоронили на холмике, посреди шести берёз. Место выбрал Павлик.

— Самое красивое, он этого заслужил, наш любимый, преданный Буленька, — плача, говорила мне моя сестра Татьяна.

На одной из берёзок — цветная фотография Були, с которой он смотрит добрым, преданным взглядом. Когда налетает порыв ветра, листья берёзки нежно и ласково поглаживают Булькин портрет.

Сегодня позвонила сестра:

— Валь, а у Бульки кто-то был, — на холмике конфеты и веночек из цветов. До меня донеслись её рыдания. Не выдержала и я.

КЛАРОЧКА

Я спешила, время поджимало, да и никогда не позволяла себе опаздывать. Погода в этот день удалась на славу. До этого почти месяц шли дожди, но в тот раз повезло — на небе ни облачка, сияло солнышко, и я с приподнятым настроением шла через берёзовую рощу на остановку. Не доходя до опушки, остановилась из-за неугомонного сорочьего крика. Такого тревожного ора ещё ни разу не слышала. Да и присоединившиеся вороны, пожалуй, горланили похлеще сорок.

— Здесь что-то не то, — подумала я, оглядывая макушки деревьев в поисках чего-то необычного. Птицы кружились в основном над

одним местом, перелетая с дерева на дерево.

— Ну, чего разгорланились, отчего шум подняли? Сейчас разберёмся, — крикнула я пернатым и, подойдя поближе к кустам сирени, которых в роще тоже было достаточно, увидела двух небольших собак.

— Ах, вот оно в чём дело, а ну давайте шуруйте отсюда, шуруйте-шуруйте, всех переполошили, — бойко скомандовала я псам, и те, послушно прижав хвосты, потрусили прочь. — Валите, валите, — прихлопнув в ладоши, крикнула им вдогонку, хотя собак с детства побаивалась — кусали однажды. Но эти оказались смирными, скорее, пугливыми. Здесь же, возле кустов, я обнаружила маленького сорочонка, но он, к великому сожалению, был мёртв.

Птичий гомон не прекращался. Прохожие шли мимо, некоторые приостанавливались, озираясь на горластых летунов, а кто-то спешил восвояси. И лишь один пожилой мужчина, подойдя поближе, указал пальцем в гущу кустов. Я спешно стала пробираться сквозь заросли в указанное место, раздвигая ветви. Запахло сиренью. Но, было не до ароматов, я увидела беспомощно лежащего сорочонка.

— Как же тебя угораздило туда забраться? Ты, слётыш, совсем малышка. Сейчас, сейчас, потерпи минуточку. — Я бережно взяла его в ладони. Но, оказавшись в моих руках, сорочонок отчаянно загорланил.

— О-о, ты ещё и орать можешь, давай-ка покажи, как умеешь летать. А ну к своей мамке!

Я хотела его подбросить, но он крепко вцепился в мои пальцы. Попыталась посадить на ветку, но безуспешно.

Мне надо было идти на встречу к подруге, но не могла я оставить этого птенца на произвол судьбы и отправилась с ним к себе домой.

— У нас тебя никто не обидит, — наговаривала птенцу, осторожно прижимая к себе. В ответ, быть может, от избытка чувств, он дважды испачкал мой костюм. — Ничего, всё отстирается, главное, спасла, — ощущая тёплое тельце птенца, думала я. Птицы не переставали горланить, но уже как-то по-другому, и вроде тише. Может, мне так показалось, а может, почувствовали, что птенчик в надёжных руках, ведь они меня знают — я часто приношу в рощу что-нибудь поесть голубям, а вместе с ними питаются сороки и вороны. И, приподняв сорочонка, показывая орущим птицам, что ничего с ним не случится, крикнула: — Я вам его принесу обратно, только подлечу и принесу!

Когда подходила к дому, настойчиво зазвонил мобильник.

— Валь, что с тобой, где ты, всё в порядке?— взволнованно спросила подруга.

— В порядке, в порядке, только вот у сорочонка проблемы — домой его несу.

— Что ты там опять выдумала, какой сорочонок? Ждём тебя.

— У меня ребятёнок появился, прости, не приду. — Я отключила телефон. Там и без меня справятся, а вот птенцу помощь нужна.

Дома поначалу в роще накопала червей, которых тоже жалела, но надо было чем-то жертвовать. Вскоре перешла на обычный корм, и черви больше не понадобились. У нашего постояльца оказался хороший аппетит, сорочонок горланил через каждых двадцать минут, широко разинув клювик.

— Ешь, ешь малыш, тебе надо расти, и чем быстрее поправишься, тем скорее встретишься со своей мамкой, — говорила ему, а он торопливо проглатывал лакомые кусочки. Купила для него грецкий орех, семечки, изюм, куриную печень, кальций в таблетках, рыбий жир…

Шурик, сын мой, шутил: — Мам, да как ты его кормишь, ему и мать родная не нужна будет.

— Нужна, детям всем мамка нужна, — отвечала я.

Спала Клара (так мы её прозвали) у меня на голове, оправлялась, где приспичит, а приспичивало ей частенько, и мне то и дело надо было бежать с тряпкой, оттирая помёт. В пять утра подъём, приходилось варить то яйцо, то кашку, так как Кларочка давала о себе знать, аккуратно клювиком оттягивая мне нижнюю губу, либо начинала поклёвывать ухо. Хотелось ещё поспать, да где уж там, не до сна. Ор поднимала на всю квартиру. Да что там на квартиру, — слышали все соседи, акустика-то хорошая. Но больше всего меня настораживало Кларино крылышко, как-то не так оно свисало. И я понесла птенца к ветврачу. Он, тщательно осмотрев, сказал, что надо подержать сорочонка ещё с недельку дома.

Кстати, в нашей семье так и не знали, он это или она, но на Клару птенец уже откликался. Шустро бегал по квартире, ловко подпрыгивал, и взмах крыльев стал получаться. Птичка заметно подросла, смело запрыгивала на стол, со стола на компьютер. А когда я что-то делала по дому, сидела у меня на плече. Подружилась с нашей комнатной собачкой Дашей, и та свои игрушки сорочонку подносила и подталкивала носиком — на, мол, поиграй. Саша, мой муж, долгое время находился в командировке, но когда приехал, птицу полюбил, не удивился и тому, что она на голове у меня спит.

Шурик потихоньку стал мне намекать, что Клару родичи заждались, и от ора уже все устали. Я всё понимала, сын не высыпался, у него ответственная работа, куда деваться, пришлось попрощаться с птицей.

— Прости, милая, буду тебя навещать, — говорила Кларочке, унося её в рощу. Посадила её на ветку сирени, прикрепила кормушку с едой:

— Вот здесь будешь есть. Собак бойся, это наша спокойная, другие-то у-у.

А Клара, словно всё понимала, не улетала, наблюдала, как я кре-

пила кормушку. Ох, ещё бы чуть-чуть, с недельку потерпел сынок.

С неделю по утрам бегала в рощу в надежде увидеть сороку, приносила в кормушку корм. Поначалу его кто-то съедал, но однажды остался нетронутым. Не знала, что и думать, звала его, а вернее, быть может, её. Откликались все — и сороки, и вороны, а моей Клары не было, я бы её сразу узнала… Балкон оставляла открытым в надежде увидеться. Но корм, который там был, съедали то голуби, то воробьи.

Прошёл месяц. Значит, забыла. Как же её крылышко? Мучает меня совесть. Рано её отпустила. Ещё бы с недельку, хотя бы с недельку…

ДЯДЯ КОЛЯ

Ветер лениво прогуливался по улицам, заглядывая в каждый дворик. Апрельское солнце светило уже по-весеннему, и хрустящий снег, который ещё неделю назад покорял своей белизной, превращался в лужицы. А они, пользуясь возможностью повстречаться, слились в большое озеро, и находившееся рядом дерево, заглядывая в народившееся озеро, любовалось своим отражением, словно говоря:

— Я ещё поживу, порадую своей красотой.

Это была старенькая ветвистая берёзка, с длинными набухшими серёжками. Ещё немножко, ещё старательнее пригреет солнышко, и она нарядится в свой зелёный сарафанчик. А пока на берёзке, прыгая с ветки на ветку, радостно, ободряюще чирикали воробьи. Да так громко, что шедший мимо мужчина остановился. И кто знает, о чём он подумал. Может, захотелось радоваться вместе с ними, а может, просто хотел знать, о чём они так громко шумят, знать их язык? Улыбка с его лица не сходила. И вдруг он, не выдержав, по-детски, подражая воробьям, зачирикал. У него это так ловко получалось, что воробьишки начали отзываться. Вроде завязалась какая-то своя перекличка.

Лиза стояла поодаль и боялась пошевельнуться, чтобы не нарушить радостное настроение мужчины. И мысленно зачирикала сама: «Чирик-чирик, чирик-чирик». Как это интересно! А мужчина, словно читая Лизины мысли, повернулся к ней и сказал: «Здорово, да?».

Подойдя поближе к незнакомцу и не отводя глаз от воробьёв, она добавила: «Какая прелесть это всё видеть и слышать».

Мужчина на какое-то время сник.

— А много их там? Здесь же одни воробьи, или синички ещё есть?— спросил он.

— Одни воробьи, и их много-много, — чуть растерянно ответила Лиза.

Мужчина слегка прикоснулся к её плечу и, словно стесняясь, добавил:

— У меня хороший слух, но я слеп… Вижу только силуэты. А на дереве всё сливается с ветками…

Лиза приободрила его:

— Не унывайте.

Ей хотелось сделать что-то доброе, но сказала совсем не то:

— А я… глухая на одно ухо, — и, прикусив губу, подумала: «Зачем же я это? Вот это «успокоила» называется».

— Не горюй, дочка, не горюй, они так горланят, что и одним ухом достаточно слышно, — утешающе произнёс он. И стал перечислять Лизе народные средства для восстановления слуха. Лиза тоже поделилась своими рецептами для зрения. Но её собеседник махнул рукой:

— Всё перепробовал. Медицина бессильна в моём положении…

Лиза сочувственно посмотрела на него:

— А вы, пожалуйста, здесь поосторожнее, кругом лужи, а вы без тросточки.

— Да дома она меня ждёт, редко её беру, только когда подальше от дома ухожу, а здесь мне все места знакомы. Тридцать лет по этой тропке хожу. Я только до магазина и обратно.

— А хотите, я вам буду в магазин ходить? Или есть кому? Я тут рядом живу, мы недавно сюда переехали из деревни.

— Есть, да не в мою честь. Жену схоронил семь лет назад, а сын, сын… Но внук не забывает, навещает, правда, когда я пенсию получаю, с неделю приходит, даже ночевал как-то. А у тебя есть дети?

— Ну да, сын взрослый, скоро тридцать.

Мужчина рассмеялся:

— А я-то думал, ты молоденькая, как внук мой Николка — саврас. В честь меня назвали, а ему в январе этого года тридцать исполнилось.

— Вы хорошо выглядите, если внуку тридцать.

— Вот и обменялись комплиментами, — подытожил дядя Коля.

Обменялись и телефонами, причём номер телефона дядя Коля трижды повторил. С недельку Лиза не звонила: думала, он первый позвонит, да и неудобно как-то. Вдруг блудный сын объявился или внук, кто их знает, что они могут подумать, что у них в голове. А Лизе, Лизе просто хотелось хоть чем-то помочь, и дядя Коля не выходил из головы. Он был такой добрый, разговорчивый, но с душевной болью, и ему не хватало общения, это она почувствовала сразу.

— Пусть думают, что хотят, главное, я знаю себя, — решила она и набрала нужный номер телефона. К трубке никто не подходил. Тревожные мысли мелькнули в голове: «Неужели умер? Как же так. Даже не попрощалась, а может…» И вдруг Лиза услышала громкий, звонкий голос:

— Лиза, Лизочка, это ты, я тебя узнал!..

— А как же вы узнали? — я и слова вымолвить не успела.

— А я ждал… Долго ждал твоего звонка, всю неделю, каждый день…

Их разговор продлился более получаса. Он рассказывал о своей жизни, о своей судьбе, рассказывал о своём трудном военном детстве.

Увы, этот телефонный разговор с дядей Колей для Лизы оказался последним. Бумажку, на которой был написан его номер телефона, она, к великому сожалению, потеряла. И кто знает, может, его уже и нет на свете, но она тешит себя надеждой, что он жив. При виде воробьёв невольно вспоминает разговор с дядей Колей, как тот по-детски подражал им. А иногда, увидев идущего мужчину с тросточкой впереди себя, ускоряет шаги в надежде, что это дядя Коля…

МУХА-ПУТЕШЕСТВЕННИЦА

Поехал как-то Саша в очередной рейс в Колпашево. А у меня там родня живёт по папиной линии — три сестры и куча племянников. Ну я, конечно, с ним напросилась. Кого знала, а кого нет, познакомиться захотелось. Взял. Лето было, то ли июль, а то ли август — не помню. Но дождя не было, кстати, комаров тоже. А вот муха почему-то летала в кабине «МАЗа». Пробовали выгнать — ни в какую. И сквозняк не помог. Саша смеётся:

— Значит с нами в рейс поедет.

Но я, понастырнее его, всячески старалась выловить эту «подругу», увы, муха ещё шустрей меня оказалась, вёрткая такая. Смирилась и я с ней, чего нервы трепать, сама вылетит, когда задумает.

Дорога длинная, я продуктов с собой набрала, по кафешкам невыгодно питаться — цены кусаются. Да и своё есть своё. Проголодались. Поесть остановились, и муха с нами примостилась. Вроде и не надоедливая, вроде бы и не кусает, но как-то не то — муха есть муха.

Умудрилась и она с нами перекусить, сноровку свою показала, и на этот раз не удалось выловить.

Саша мне:

— Ладно, на Оби выпустим, там на пароме надо долго ехать, и с реки холод, устроим ей сквознячок, мухи их боятся.

Вот и на пароме едем, и сквознячок сделали — нет, сидит наша путешественница и в зеркало смотрится. Я очки надела, разглядеть захотелось, что её так зеркало заинтересовало. А она сидит себе, лапки чистит, да собой, похоже, любуется.

— Саш, да она у нас чистюлька, вон лапки моет.

— Сейчас вся помоется, я её поплавать отпущу, — подшучивает Саша, пытаясь поймать чистюлю.

Но не тут-то было.

— Вот наглая-а-а, на халяву прокатиться вздумала. Ладно, в Колпашево высадим, раз Томск не устраивает.

В Колпашеве Саша высадил меня, а про муху-то и забыли. Да и не до неё было: мужу разгружать машину надо, и досками успеть загрузиться, чтобы порожняком назад не ехать, всё за путёвку больше заплатят. Как поработаешь, так и полопаешь.

А у меня время ограничено. Адрес родни знала, да сестрёнки меня уже ждали. Радости было-о, и родни-то сколько. Всех и не запомнишь. Старшенькая сестра гостеприимная такая, оставляла погостить: мол, Саша следующим рейсом заберёт, но я не решилась. Дом есть дом, да и вдруг его в другое место пошлют, буду тогда в Колпашеве, как наша муха, — иждивенка. Порадовалась, пообщалась с роднёй, много интересного друг другу порассказывали, побольше я о папиной родне узнала.

Вскоре подъехал Саша:

— Всё, домой пора. Поехали.

Паёк нам родственники в дорогу собрали. И, распрощавшись со всеми, двинулись в путь. Хорошая родня, даже уезжать не хотелось, а надо. Едем, природой налюбоваться не могу, лес распахивается по обеим сторонам, словно требуя остановиться, насладиться таёжной прелестью. Но время поджимает, Саша не любит лишний раз останавливаться. Вот и проголодались, хотя перед отъездом нас плотненько покормили, но в машине-то натрясло. Сидим, едим, про муху забыли, но она-то верной оказалась, не забыла, тут как тут — тоже проголодалась, видать.

— Я же её выгонял, — с удивлением сказал Саша.

— Валь, посмотри, она ещё и не одна, другана с собой прихватила.

Мух, действительно, появилось две.

— Ну, нет, — это уже наглость, — возмутился он, и мы принялись ловить попутчиков. Мухи же умело от нас прятались, метались в разные стороны, да так быстро — попробуй, поймай — шустряги.

— Да ладно, Саш, не объедят, — говорю я.

— Нет, а эта-то что, в Томск собралась, что ли?

— Откуда, — спрашиваю, — ты знаешь, где наша, где не наша, они же одинаковые?

Саша вроде бы и смирился, правда, как их распознать, где чья?

Вообще обе мухи оказались не наглые, да и не злые — не кусались. Поели с нами и за свои дела принялись: кто лапки чистит, кто в зеркало любуется. Мы их вроде даже полюбили.

Я книжку почитать решила, пока на пароме больше часа плыли. Читаю, а наша умница по страничке лазает.

— Вот эта, скорее всего, томская, — говорит Саша, — больно умная, даже книгу взялась читать.

— Наверное, наша, — ответила я, и, уже не сгоняя рукой, а просто дунув на неё, перевернула страницу.

К мухам мы больше не придирались, привыкли за время дороги, вроде даже сдружились. Только вот интересно — сама вздумала прокатиться колпашевка или наша, томичка, её сманила — Томск решила показать?

НОЧЬ В КОНЮШНЕ

Просто ночь. Тихая июльская ночь. На улице посёлка стонущий звон роящихся комаров, а в конюшне тихо и спокойно — комары не переносят терпкого конского запаха. В одном из пустующих стойл спят мальчишки — Димка и Санька. Дома докучают комары, от которых нет спасения, тут же среди лошадей можно вволю выспаться.

— Видать, не меньше нас устали, — поглядывая на спящих ночлежников, чуть слышно сказала немолодая кобылица Карюха.

— И что они здесь, в нашей конюшне? Есть же у них свой угол, там-то, поди, удобней, чем здесь.

— От гнуса сюда спрятались. Дома комары покоя не дают, а у нас хоть отоспятся, — дожёвывая клочок сена, промолвил Воронко. — Тут и подстилка есть — на сене-то мягонько.

— Тише вы, разбудите ребят, — встрял в разговор Байкал. Он любил Димку и понимал его с полуслова. У Димки Байкал тоже был любимчиком, хотя и к другим лошадям он относился неплохо. Но с Байкалом делился куском хлеба, а иногда даже сахаром угощал. Из всех лошадей Байкал был самый сильный, но и самый старый. Димка боялся, что спишут коня по старости и забьют на мясо, как бывало с другими старыми лошадьми.

— Было бы куда, взял бы тебя к себе, — наговаривал Димка коню, обнимая его гладкую шею. Но жил Димка на квартире у чужой тётки. Какой уж тут конь… Понимал это Байкал, гибельна для лошадей старость. Переживал, старался изо всех оставшихся сил выполнять непосильную работу.

— Буян, Буян, а ты что-то молчишь? Что с тобой? Третьи сутки понурый ходишь, — спросила Карюха.

Буян в самом деле все эти дни был сам не свой и не находил себе места. Вчера после изнурительного труда даже не доел свою пайку овса.

— Да Серуха у меня из головы не выходит, — грустно сказал он.

— И у меня тоже, — Воронко вздохнул. — Жаль её, ох как жаль.

— Ну да, трижды её хозяин продавал, а она всё возвращалась и возвращалась. Преданная. И он её любил, но не повезёт же в город к своему сыну? Да и здесь оставаться тяжело старику одному, его тоже можно понять, — разговорился Буян. — Я же видел, как Се-

руха до половины Оби доплыла. Ну, думаю, ещё немножко, и опять будем вместе. И хозяин её, Егорыч, в то время на берегу был. Обрадовались стоящие рядом мужики. — Вон, мол, гляди, опять к тебе плывёт. А Егорыч заметался, машет рукой своей верной. Сердцем, наверное, беду почуял. А она так и утонула посреди Оби. За триста вёрст продал — дорогу нашла обратно. Маленько осталось, не хватило силёнок…

— Успокойся, Буян, смирись, её уже не вернёшь, — пытался успокоить Буяна Воронко. — Течение на Оби сильное, я знаю, переплывал. Это когда меня сюда с Батурино привезли. Хорошо там было, приволье… На конобозе жил, всякого повидал, напрокат часто брали меня тамошние мужики. Помню, Сергей Фёдорович там такой был, взял как-то меня, уплатил за весь день, а я с работой за три часа управился. Молодой был, скор на ногу и силёнок куда больше, чем сейчас. Ну, думаю, сейчас назад уведёт, буду на кого-то другого до вечера работать. Слышу, дочь его спрашивает:

— Пап, а лошадку скоро назад поведёшь?

— Нет, Наденька, — отвечает, — пусть отдохнёт, я нарочно за день заплатил, хотя и дел-то на пару часов.

Ох, помню, как в тот день отдохнул, как сытно накормили.

Добрая душа была у этого человека. А до этого у другого хозяина сильно устал, с неделю он меня использовал, а кроме воды и охапки травы ничего от него не видел. Зато кнутом сколько раз стегал. И за что? Я так старался…

— Забудь, Воронко. Люди разные бывают. Может, кто и не понимает, что у нас на душе. Только сказать им об этом не можем, каково нам. Знали бы, может, добрее были.

— Давайте немножко отдохнём, ведь завтра опять на работу, — еле слышно сказала Карюха.

— Отдохнём, — согласились лошади.

Первые лучи солнца робко пробивались сквозь щели в конюшню. Становилось светлей и светлей. Мальчишки проснулись.

— Димка, ты слышал, как лошади разговаривали?— шёпотом спросил Санька.

— Ага-а, — тоже шёпотом подтвердил Димка.

— А я-то думал, что это мне сон снился. Выходит, они всё понимают?

— Выходит, — согласился Санька. — Только давай никому об этом не будем говорить.

В конюшню зашёл здешний конюх дядя Кузьма. Настал новый день.

А мальчишки с нетерпением ждали следующей ночи, чтобы, быть может, ещё раз послушать, как разговаривают между собой лошади.

ПОДАРОК

— Как зовут-то тебя?

— Вовка.

— Вовочка, значит, — поправляя на мальчишке шапку, съехавшую набекрень, и пытаясь застегнуть до конца молнию у куртки, но безуспешно, так как несколько верхних звеньев замка не хватало, я снова повторила: — Вовочка.

— Ага, Вовка я.

— Хорошо, Вовка так Вовка, только ты с ними больше не связывайся, отлупят они тебя.

— Не-а, я сильный.

— Это хорошо, что сильный, но их двое, и вообще можно и без кулаков договориться. Я права? — спросила, глядя на Вовочку.

Крикнула вдогонку мальчишкам, которые приостановились, злобно глядя в нашу сторону, один из них всё же умудрился показать Вовке кулак:

— Топайте, топайте, ишь нашли, кого обижать! Я дотронулась до Вовочкиного плеча. Но он резко отпрянул со словами:

— Я большой.

— Да вижу, что не маленький, — чувствуя, как от него несёт сигаретами. — Куришь уже, а вот был бы взрослый (я специально не стала говорить «умный», чтобы не обидеть его — видно было, что мальчишка смышлёный), то не стал бы курить. Вредно! — У папки, поди, сигареты тыришь?

— Не-е, в ларьке купили, по одной покурили, Димке продали.

И Вовчик взглянул вслед уходящим за поворот пацанам. Димка, наверное, тот, что повыше, подумала я, хотелось дойти до ларька и задать продавцу пару вопросов. Но подъехал мой автобус. Подмигнув Вовке и радуясь, что успела разнять драчунов, укатила к себе в Лебединку.

Месяца через два мне снова пришлось приехать в Шегарку. Уже было совсем тепло, повсюду перекликались кузнечики, палило солнышко, пахло только что скошенной травой.

И я вновь повстречалась с Вовочкой, только уже на больничной территории. Он смотрел на меня так, словно я пришла именно к нему, его проведать.

— А ты что здесь? Лежишь, что ли? — поинтересовалась я.

— Ага, лежу. Понос у меня… — засмущался он.

Обычно в моей сумочке есть что-нибудь вкусненькое, а здесь, как назло, ничего не оказалось. Зуб приехала лечить, и, чтобы не соблазниться, шоколадку — н. з. — оставила дома. Да, может, ему нельзя шоколад — что же можно в этом случае? На всякий случай спросила:

— К тебе приходят?

— Ага, мамка вчера была и завтра придёт, а сегодня нет — работает.

— А что ты хочешь, я тебе принесу, мне завтра всё равно сюда ехать.

— Да здесь вкусно кормят, и галет у меня навалом, и печенье есть.

И Вова, подойдя ближе, вопросительно посмотрев на меня, чуть ли не шепнул:

— Санки купи.

— Санки? — удивилась я.

Ему было лет девять, не больше. Я даже растерялась, какой следующий задать ему вопрос, но всё же сказала:

— Лето же, жара, а санки зимой нужны...

— А мне сейчас.

Словно умоляюще (с Вовкиным-то характером, который я запомнила с того раза) глядя мне в глаза, он вдруг попросил санки. Не шоколадку, не машинку, с которой можно было бы играть в палате, а санки…

— Ну, хорошо, санки так санки, — согласилась я.

— А куда ты их денешь?

— Сегодня за лестницу, тётя Света разрешит, а завтра мамка придёт, я ей подарю.

— А что, у мамы день рождения?

— Ну да, послезавтра. Но она послезавтра не придёт, на работе будет.

— Ладно, будут тебе санки, — решила я, зная, что денег у меня на санки точно хватит, только вот круг давать туда-сюда не хотелось. Далековато было от больницы до хозяйственного магазина, снова в больницу, а потом только на остановку и опять же в такую даль. Хотя время позволяло.

— Тогда ладно, я пойду за санками.

Тут Вовочка сам приобнял меня, и его глазёнки радостно, но както стыдливо забегали.

— Я буду ждать вас здесь же.

— Да иди в палату, иди, я тебя найду. Ругаться будут.

— У-у, не будут, — улыбнулся он, — я послушный, тётя Света говорит.

Я всю дорогу шла и думала то о Вовочке, то о своём далёком детстве. Когда-то тоже мечтала о санках, но у меня их не было, стеснялась, ни у кого не просила даже прокатиться с горки, а хотелось. Хотелось, чтобы меня кто-нибудь повозил, да самой хоть пару раз съехать, но пользовалась картонкой от ящика, а то и ноги поджимала, и на валенках вперёд с горы, даже стоя умудрялась, так многие катались, в основном мальчишки. Ох и весело было... Но на школьном портфеле никогда не каталась. Хоть он и старенький был, по наследству достался, но берегла. А сейчас посмотришь,

дети разгонятся — прыг на ранец и катятся. А я им:

— Ребятишки, ранец сотрёте и двойки сбегут, — шучу.

А они:

— Двойки пусть бегут, а ранец не жалко.

Вовчику я всё-таки купила тогда санки, до магазина дошла быстро, санки оказались последними, и то на складе завалялись. Продавец с радостью вынесла, наверное, под ногами путались, и тоже удивилась моей покупке, но я Вовочку не стала выдавать. Сгребла санки и назад в больницу. Вова, похоже, увидал меня издалека, летел мне навстречу.

— Тише, тише ты, ещё упадёшь и в хирургию попадёшь.

— Не-а, не попаду, меня к выходным выпишут. Чувствуя его радость, вместе с ним радовалась и я.

— Жаль что сейчас не зима, — заявил он, — а то бы мамка Юльку на санки — и в сад.

— Ой, нет, Вовочка…

— Вовка, — поправил он.

— Хорошо, Вовка, — пусть лето подольше будет, тепла хочется. А санки подождут. Договорился с тётей Светой?

— Угу! — радостно кивнул в ответ.

Но меня больше всего мучило, что скажет он своей маме, где деньги взял на санки? А Вова, словно читал мои мысли…

— Я скопил деньги, но к нам приходил папка, просил, просил у мамки деньги — она не дала, а я догнал его и отдал свои накопленные. Обещал отдать и не отдал.

— А папа что, с вами не живёт?

— Не всегда… Он часто у бабы Наташи ночует, — тут Вова что-то недоговаривал, а я и не спрашивала.

— А-а-а, — протянула я, чувствуя, как у Вовочки изменилось настроение.

— Но ты не переживай, он тебе когда-нибудь отдаст, он исправится.

— Ага, я знаю, он ещё обещал мне свой мотоцикл, когда я вырасту.

— Вот и расти быстрей, только курить бросай.

Но от Вовы на этот раз куревом не пахло.

— Да я ещё с того раза бросил, уже два месяца не курю.

— Вот и молодец!

Помимо санок я ему дала сок, булочки и ещё что-то, не помню, ах да, «киндер-сюрприз», которому он тоже обрадовался, но раскрывать не стал. «Скорее всего, Юльке, сестрёнке отдаст», — подумала я и пошла на остановку. Мне надо было успеть на автобус. А Вовкины счастливые глаза надолго задержались в моей памяти.

СЮРПРИЗ МАМЕ

Было это в семьдесят девятом году, шестого мая, в мамин день рождения. Шли мы вчетвером: мама, я и мои сёстры Тома и Таня. По дороге незаметно от мамы Тома приотстала, а мы с Таней старались нашу мамочку разговорить, чтобы та ничего не заподозрила. Но всё-таки она спохватилась:

— А Тома-то где? Тома-то куда девалась?

— Да здесь она, — успокаиваю. — Не переживай, догонит, подругу встретила. — Тома же за это время, забежав в магазин, купила коробку конфет «Птичье молоко», спрятала в сумочку и, догнав нас, радостно шепнула:

— Всё, девчонки, полдела сделано, осталось с директором кинотеатра договориться.

Поручили и дальше Томе действовать. У неё как-то легко получалось договариваться. Опять же маму надо было отвлечь. Ну, это мы с Таней на себя взяли. Мама идёт радёхонька, в кинотеатр же, в городе, да ещё в «Родину» — он тогда славился. Ей в посёлке-то некогда ходить, по пальцам можно перечесть, сколько раз ей в клубе доводилось побывать. Уже семнадцатилетней на лесоповале работала. Тяжёлый труд, семья, своё хозяйство, детей-то у нас было много. Пока со всеми делами управится, уже не до фильмов. А когда мы подросли и уехали в город, к тому времени мама состарилась. Шестьдесят пять лет ей стукнуло. Мало у неё в жизни было радости, много заботы и горестей. Поседела раньше времени. А в город к нам в гости приехала повидаться, узнать, как мы живём, гостинцев привезла. Посылки отправлять накладно, кто-то из знакомых поехал, с ним и приехала. Радовались, когда приезжала, да и она не меньше нас рада была. А тут ещё сюрприз в день рождения — повели в кинотеатр. Всему удивлялась, с посёлком нашим сравнивала. И снова Тома успела. Договорилась обо всём. Мама не заметила её пятиминутного исчезновения. Полон зал народу, все сели на свои указанные в билетах места. В кинотеатре мы сидели не то во втором ряду, не то в третьем, от сцены недалеко.

И вдруг перед началом фильма включается ярче свет, на сцену выходит представительный мужчина, директор кинотеатра, и торжественно объявляет:

— Добрый день, дорогие зрители! Хочу поздравить вас с наступающим Днём Победы. Это праздник не только тех, кто воевал на фронте, но и тех, кто работал в тылу, приближал победу. Одна из таких женщин находится в этом зале, это Александра Алексеевна Соловьёва, мать-героиня, труженица тыла… И как раз сегодня у неё день рождения.

Разволновавшаяся мама теребила носовой платочек, не могла понять, откуда он мог узнать о её жизни, а затем и вовсе попросил её подняться на сцену. Мы слегка подталкиваем:

— Иди, иди, мам, тебя.

— Да как это? Как меня? — окончательно оторопела она, разведя руками.

— Вас, вас, Александра Алексеевна, — подтвердил директор. И мама поднялась на сцену. Пожав мамину худенькую руку, директор вручил ей коробку конфет, сказал ещё что-то доброе, трогательное. А она, взволнованная, опешившая, не зная, как себя вести, кланялась то ему, то всем сидящим в зале людям, которые бурно и долго аплодировали. Ей, деревенской, щупленькой, первый раз пришедшей в городской кинотеатр. Ведь такого никогда в жизни с ней не было. Столько народу… Многие аплодировали стоя. И мы, её дочери, впервые в жизни аплодировали нашей маме.

Помню, как она спускалась со сцены. Нет, не с высоко поднятой головой, а взволнованная, словно стыдилась такой награды и этих бурных аплодисментов. — Спасибо, спасибо, — повторяла она. Таня вскочила и помогла ей дойти до места. Милая мамочка! Да разве тогда она смотрела фильм? После такого-то… Она молча утирала слёзы. Слёзы радости! О чём же думала тогда? О чём? Если, спустя столько лет пишу, — и у меня текут слёзы от воспоминания той короткой маминой радости. От её трудной жизни.

Она часто вспоминала этот день рождения. А работала до восьмидесяти лет. Лишь четыре года перед смертью и отдохнула. На Пасху умерла. Батюшка сказал, что люди, которые уходят в мир иной в такие праздники, попадают сразу в рай. А мы и не сомневались в этом.

ЗАПАХ НАФТАЛИНА

Было прохладно, близилось к зиме. Грустно покачивались оголённые берёзки, лишь кое-где на ветвях колыхались цепкие листочки. Баба Фрося сидела на лавочке одна, уже в зимних бурках и тёплом длинном пальто, и лишь выцветший ситцевый платок не соответствовал её одеянию: он был тоненький, в небольших дырочках, скорее всего, поеденный молью. Оглянувшись на много-много лет назад, я вспомнила тот наш сундук, при открывании которого вечно разило едким запахом нафталина. Не любила его. От наносившегося ветерка нафталиновый запах платка усиливался. Баба Фрося это заметила, хотя я не подавала виду.

— А я вот люблю, когда нафталинчиком пахнет. — Приветливо улыбаясь, взглядом указала на лавку — присядь. Я и присела. С бабой Фросей знакома больше года, встречаемся на одном месте, на этой самой лавочке у её подъезда. Она на первом этаже живёт. Всегда, когда прохожу мимо дома, даже если она не сидит на лавочке, вглядываюсь в её окна с белыми выбитыми занавесками и мысленно передаю ей привет. Живёт одна, третий год как за девяносто

перевалило, а выглядит ничего, можно и позавидовать. Поначалу работала учителем начальных классов, так, в селе, без всякого образования, сразу же после школы. Хорошо училась — и приступила к учительству. А потом переехала в город, уже замужем выучилась на учителя, так и проработала всю жизнь в школе. Последнее время подрабатывала на дому, дошколят к школе подготовляла, — как-то рассказывала она о себе.

— А мне вчера правнучку приносили, — после небольшой паузы радостно сообщила баба Фрося. — Маленькая, а такая смышлёная, смекалистая, — протянула улыбчиво. Смолкла, затем разговор перевела совершенно на другую тему. — Помню, — говорит, — в сорок втором в нашу деревню зашли немцы на пару дней, а след оставили надолго… — Баба Фрося подобрала листок, только что слетевший с берёзки, покрутила его между пальцами и продолжила: — Двух девок увезли с собой, а меня не получилось… Темнело уже, мама в стайку пошла корову доить, а баба моя до этого что-то в ящике перебирала. — В сундуке, — поправила я. Она кивнула в знак согласия. У меня снова промелькнуло воспоминание о нашем сундуке.

— Она смёртное моей маме показывала, — добавила баба Фрося. — И что-то наказывала ей. Наверное, в то время болела баба, старенькая была, однако, лет за семьдесят, точно и не знаю.

Увидела она в окно — немцы к нам направляются. Слякоть, грязь, дорога разбухшая, скользко после дождя. Может, это нам и помогло тщательно подготовиться.

— А к чему подготовиться?— не вытерпела я.

— А к тому, что баба поспешно приказала мне лечь, глаза закрыть и не шевелиться. Покрывалом прикрыла, платком своим, что на смерть приготовила, лоб мой быстрёхонько обвязала, — и, баба Фрося движением руки показала, как это делается. — Сунула свечку мне в руки, зажечь успела. И запричитала, запричитала… А меня страх берёт, руки похолодели, жутко стало. Тут и дверь хлопнула, вошли двое. Я и впрямь ни жива ни мертва лежу, дыханье перехватило. Муха, как назло, на щёку села, тоже мне, нашла место и время. Мне бы её согнать, щёку почесать, да не могу, шевелиться не велено. Немцы заглянули в нашу комнату, сестрёнка младшая, ей лет восемь было, спала на печи русской, и туда заглянул один из них… Нет сестры, давно уже померла, — вздохнула баба Фрося.

— Так вот, — продолжила она.— Поговорили друг с другом, внимательно оглядели всё вокруг. Быть может, что-то связанное с ними самими вспомнили, мертвецов-то тогда много было…. Сказали что-то по-своему, может, жалко стало бабу, взвыла-то она по настоящему, и ушли, хлопнув дверью, оставив грязные следы после себя. Так и ушли ни с чем. А баба мне вставать не велит, палец к своим губам — мол, потерпи ещё, вдруг воротится. Молитву читает, крестится, а я свечку держу в руке. Огонёк колеблется, освещает комнату. Тут и

мама зашла с подойником. Вот что она испытала на тот момент? — Здесь баба Фрося не то у меня спрашивала, не то сама себе вопрос задавала. Рассмеялась.

— А здорово вы его напугали! — не вытерпела я и тоже рассмеялась.

— Здо-о-орово! — Вот и живу вторую жизнь. Мама с бабой ещё тогда сказали: — Ну, Фроська-а-а, две жизни ты должна прожить… — Вот и живу… — Я-то пожила, всего повидала, дай Бог, чтобы вот она, правнучка, ничего подобного не испытала. Время-то неспокойное, включишь телевизор новости послушать, да только и слышишь — там воюют, там воюют… и чего поделить не могут?

ЗУБИК

Дождь, по всей видимости, за ночь приустал и решил остановиться. Налетевший ветер старательно обсушивал разноцветную листву. Земля и небо дышали стужей. Любуясь осенней красотой, я не спеша шла по роще. Ещё недавно стояли жаркие дни, и вот уже совсем скоро выпадет снег. А значит, зима. Как же быстро летит время — задумалась и обратила взгляд на идущую рядом с женщиной девочку лет шести-семи, которая, шмыгая носом, прижимала ладошкой губу. Женщина, вероятно, это была мама девочки, что-то успокаивающе говорила дочке. Похоже, у той выпал молочный зуб и было больно.

В детстве я не испытывала зубной боли, но молочные зубы, как и у всех детей, естественно, выпадали. Вспомнила, что, когда показала свой первый выпавший зубик маме, она посоветовала бросить его в лаз, через который в подпол лазила наша кошка Муська, и попросить у мышки, чтобы та взамен моего молочного принесла костяной. Так и сделала. Но прошёл день, другой, а мышка не появлялась. Не помню уже, на какой день, играя во дворе нашего дома, увидела Муську, державшую в зубах дохлую мышь. А как же мой зубик? Быть может, она его обронила, убегая от кошки? Когда родители отлучились, взяв папин фонарик, полезла в подпол. Картошки там было немного, но отверстие, в которое выкинула зубик, находилось совершенно в другом месте. Пришлось лёжа на животе лазить по всем закуткам, порой фонарик гас, меня охватывал страх, но продолжала искать, протирала на ощупь пальчиками каждый мелкий камушек. Даже нашла несколько монет, чему обрадовалась. Вероятно, монеты попадали в щель между половицами на свадьбе старшей сестры. Не знаю, сколько времени тщетно искала свой зубик, пока не услышала шаги. Пришла домой мама, я резко приподняла голову и сильно ударилась об напольные плахи. Было больно, уже совсем не до зуба… Пыльная, грязная, с фонариком вылезла из подпола и увидела её, удивлённую,

словно поджидавшую меня у открытого подпола.

— А ты что там делала, доченька?

— Зубик искала. Наверное, мышка обронила, когда от кошки убегала, — ответила с досадой. Заплакала, может быть, даже не от боли, а от обиды, что не нашла.

Вряд ли нынешнее поколение прислушается к наивным поверьям и станет, как я полсотни лет назад, будучи ребёнком, искать зубик.

От усиливающегося ветра покачивались кроны деревьев, листья кружились в воздухе, медленно оседая на асфальт. И, совсем не надеясь на мышку, наслаждаясь осенним пейзажем, я шла в стоматологический кабинет покупать новый зуб.

БУДУТ ЛИ ЧИТАТЬ КНИГИ?

Иван Трофимович по-старчески топтался на кухне, намереваясь помыть посуду, которой, как никогда, на этот раз оказалось гораздо больше, чем обычно. Только что ушли гости. Клавдия Петровна, давняя знакомая, она же и соседка по лестничной площадке, предложила помочь, но он категорически отказался:

— Да разве я не справлюсь? Кот за меня не моет, — ухмыльнулся, глядя на рыжего.

— Тогда и я пойду, — прихватив пустую чашку, в которой приносила холодец, Клавдия Петровна ушла.

Оставшийся на кухне в одиночестве Иван Трофимович, напевая вполголоса какой-то грустный старинный романс, перемывал посуду. А в спальной комнате разговорились книги.

— Ну наконец-то, — облегчённо вздохнул на верхней полке книжного стеллажа роман «Робинзон Крузо». — И чего это столько гостей к Трофимычу припёрлось?

— Ты, видно, забыл, что у нашего хозяина сегодня юбилей — восемьдесят лет ему исполнилось, — напомнил стоящий по соседству сборник стихотворений поэтов Серебряного века.

— Почему же тогда он не очень-то радостный? — вмешалась в разговор потрёпанная книжка без обложки.

— Оттого, что старость не радость — резонно высказался словарь пословиц и поговорок. И на короткое время в спальне воцарилась тишина.

— Да, годы идут не в радость. Евдокия Васильевна, супруга Трофимыча, вот уже одиннадцатый год как скончалась, у детей Трофимыча свои заботы — сынок из Москвы сулился на юбилей приехать, но почему-то не приехал, дочь за границей вторично замуж вышла, и поздравила лишь по телефону… Хорошо, что друзья не забывают, а из родни лишь один племянник приходил, и то всё спешил куда-то, даже флешку свою на тумбочке забыл. И многие книги обратили внима-

ние на флешку, лежавшую на тумбочке, где стоял телевизор. А она от падавшего на неё лунного света поблёскивала и переливалась.

— Сильно за нынешний год Трофимыч сдал, — грустно констатировал кто-то из книг, и вновь в спальне стало тихо, и лишь временами было слышно, как на кухне изредка позвякивает посуда, которую старательно моет Трофимыч.

— А ещё у него забота о нас, — нарушил молчание пятнадцатый том сочинений Льва Толстого. — Помрёт — кому мы достанемся? Ведь сколько лет собирал, выписывал по почте, стоял в очередях, втридорога платил перекупщикам… Ещё не так давно в книжных магазинах книголюбы толпились около прилавков, а теперь спроса на книги почти нет, и нет покупателей. На днях слышал, как Трофимыч соседке Клавдии Петровне рассказывал. Захожу, — говорит, в один из книжных магазинов, давненько там не бывал, гляжу — стеллажи с книгами стоят — сотни новеньких книг. Покупателей нет, только продавщица в одиночестве скучает. Спрашиваю: книжная выставка, что ли? Нет, — отвечает, — распродажа, — любая книга за полцены. Купил сборник стихов Марины Цветаевой за пятьдесят рублей. Знаю, — говорит,— что читать не буду, плохо видеть стал, но не мог удержаться… Какая же судьба всех наших книг? — Всё по полтиннику?

И в самом деле, — опять вмешалась книга без обложки. — Сейчас везде электроника: компьютеры, интернет, телевидение, а мы вроде уже никому и не нужны.

— Я сам на себе это испытал, — перебил пятнадцатый том сочинений Льва Толстого.

— Хорошо, что Иван Трофимыч увидал, как его сосед меня с пачкой журналов к мусорному баку несёт. Спасибо Трофимычу — спас. А вот говорят, что наша соседка с четвёртого этажа «Историю древнего мира» на подставку под сковороды использует.

— Безобразие! — воскликнули «Мастер и Маргарита».

— Да нам ещё повезло, что мы в добрые руки Трофимыча попали, — включился в разговор томик стихотворений Есенина, — но на днях слышал, как племянник Трофимыча по телефону говорил, что, когда его дяди не станет, всех нас в Набережные Челны на переработку увезут, на фабрику туалетной бумаги.

— Какой ужас! — Не доведи Господь, — взмолилась Библия. — Да разве мы этого заслужили?

— Ну-у-у, тебя, я думаю, в церковь, скорее всего, унесут, — успокаивающе произнёс журнал «Огонёк» Библии. А вот нас? Хоть бы Трофимыч подольше пожил, глядишь — и мы поживём. А там кто знает…

— Мне даже холодно стало от такой страшной новости, — возразила «Как закалялась сталь».

— И мне, и мне, — наперебой выкрикивали книги. А флешка слу-

шала грустный разговор, но ничего не могла добавить, она просто не хотела никого обидеть своим вторжением в этот современный мир человечества. Ах, если б они знали, насколько я богата электронной памятью, какую важную роль играю в этой жизни, сколько леса, в конце концов, сохранится благодаря мне. Да и места совсем мало занимаю, в кулак вмещаюсь, — улыбнулась флешка, но, взглянув на книжную полку, всё же взгрустнула — их можно в руках подержать, полистать, читай, когда захочешь, а вот я без электричества бессильна…

В комнате похолодало. Вероятно, ветер, ворвавшись в форточку, решил развеять грустную тему. Послышались неторопливые шаги, включив свет в комнате, Трофимыч закрыл форточку и, сев на диван, долго смотрел на книжные полки, переводя взгляд с одной книги на другую. Каждая книга имела свою судьбу, свою, порой выстраданную историю.

Вспомнил Иван Трофимович первую книжку, которую ему читала вслух мама. Ему было тогда лет пять, а младшая сестрёнка лежала в детской зыбке и что-то по-своему лепетала. Улыбнулся. Затем мысленно переключился на другое время, когда уже сам читал своим детям сказки, останавливаясь передохнуть, слышал, как те наперебой кричали — ещё, ещё читай!

Трофимыч снова улыбнулся, отыскав взглядом сказки Пушкина. Они стояли всё на той же полке, что и много лет назад. Ему вдруг захотелось, чтобы рядом резвились дети, на кухне суетилась супруга, пахло свежеиспечёнными пирогами. Но всё это осталось в прошлом… «У каждого своя судьба», — подумал Иван Трофимович, переводя взгляд на флешку.

— У каждого своя… — уже произнёс вслух и печально добавил, глядя на книги: — Что же вас ожидает, когда не станет и меня?

— Будут ли читать мою книгу и что ожидает её? — задумалась я, дописывая этот грустный рассказ.

МАЙ

Да, родилась я в мае,
И маюсь я всю жизнь.
То больно спотыкаюсь,
То поднимаюсь ввысь.
Мне не помеха вьюга,
И дождик нипочём,
Погладить лучик солнца –
Спасибо и на том.
Поставлю в храме свечку
И к образу прильну,
Коль родилась я в мае,
То в мае и уйду.

* * *

Мне не надо большого жилья,
Но мечтаю о светлой квартире.
Мне хватило бы три на четыре,
Да окно посветлее, пошире,
И соседи чтоб дружные были.
Мне не надо большого жилья,
Но мечтаю о светлой квартире
В этом суетном-суетном мире.

* * *

Те памятные нежные слова...
Я сердце на замок
Ключом закрою,
И, если одолеет вдруг тоска,
Его я осторожненько открою.
И, как сокровище, начну перебирать
И ворошить всё прошлое, родное...
Как хорошо, что есть что вспоминать!
Как жаль... но это всё былое...

* * *

Цепкая тоска меня захомутала,
и невольно я пленницею стала.
Пелена теней не даёт покоя,
что со мной теперь?
Знают только двое.
Знают Бог и я все мои невзгоды,
шелестя листвой, пролетают годы.

* * *

Мне бы – свежего воздуха,
Я – задыхаюсь.
Мне бы – ровную тропочку,
Я – спотыкаюсь.
Мне бы – добрую весточку,
Я в ней нуждаюсь,
Я в смятении – слышите?!
Я – растворяюсь.

ИСТЁРЛАСЬ НИТОЧКА

Истёрлась ниточка любви,
Оборвалась – и точка.
Всё, что осталось позади,
Покрылось мхом, как кочка.
Пройдут холодные деньки,
И снег растает…
Останутся одни стихи,
Из уст взлетая.
Кружится в небе коршун злой –
Видать, голодный.
Прогноз сулил нам тёплый день,
Но он холодный…

МАМА, СПАСИБО

Ты рожала меня,
Чтобы просто я жил.
Чтобы верил в любовь,
Чтобы ей дорожил.

Чтобы книги читал
И природу любил,
Чтобы верил в себя
И чтоб искренним был.
Чтобы каждый свой шаг
Я сумел оценить.
И чтоб правду от лжи
Я успел отличить.
Ты рожала меня,
Чтобы просто я жил…

* * *

Теплота, доброта, понимание,
И касание нежной рукой.
Не лишайте себя внимания
В этой жизни, и так не простой.
Не чурайтесь, не будьте букою.
Рассыпайте любовь сполна
На замесы с мукою и мукою
И для хлеба, и для блина.
Да не злитесь, как пёс на привязи,
И поверьте – вам не к лицу...
В жизни нужно, порой и нехотя,
Улыбнуться даже лжецу.
Пусть проходят года, как странники,
И задумчивы лики богов:
Испеките пирог да пряники –
Угостите своих врагов.

ВОЛЧИЦА

Волчица издыхала на снегу…
Щенята её рядышком лежали,
Волчица издыхала на снегу,
А детки за соски её трепали.
Она не смела даже застонать,
Чтоб боль её детей не напугала,
А малышам хотелось поиграть,
Но мать, изнемогая, угасала.
И вот последний вздох –
и мамы нет,
Лишь кровь по снегу алая струится.
Но… почему жесток так человек?
Он даже не взглянул в глаза волчицы.

РЕКА ВРЕМЕНИ

Неумолима река времени,
Течёт в неведомую даль.
А позади былое прошлое
Скрывает тёмная вуаль.
То вспоминается хорошее,
А то – печальное порой…
Полынью горькою заросшее,
То смыто бурною водой.
Неумолима река времени…
В её объятьях, как в плену,
Бывает, дна совсем не чувствую
И кажется, что я тону.

* * *

Скрип расхристанных ставень.
Сельский ветер скулит.
Еле движется парень,
Необычный на вид.

Далеко не за сорок,
А лет двадцать всего,
Сед волос его ворох –
Фронт окрасил его.

Ребятня окружила,
Словно стая ворон:
– Дядя, дядя, ты выжил?!
Подошёл почтальон,

Дня качнулся осколок,
Плачут тысячи жён…
– Ах ты, Вовка, соколик!
Кров-то, кров твой сожжён.

– Где же мать, где родные? –
Вовка хрипло спросил.
– Всем селом хоронили…
Почтальон закурил.

Посвящается моему деду

Войти в то время захотелось,
Расширить свой диапазон.
Про деда написать побольше,
Реально было, …а не сон.

Дед жил, не сотворив кумира –
Пахал, и сеял, и копнил.
Для всех просил у Бога мира,
Просил терпения и сил.

Хотел он жизнь устроить ладно,
Зло беззакония изгнать.
И чтобы было неповадно
Крестьян в деревне обирать.

В тридцать седьмом арестовали,
Затем – в Колпашево… на яр.
Его, как многих, расстреляли –
В душе моей тревоги жар.

Пылает кровь, как будто розы.
Тюрьмы мрачнее стала глушь.
Меня берёт озноб, морозит
За тысячи невинных душ.

Они на нас глядят оттуда,
Сквозь пласт событий, ветви лет,
Не зная, кто же тот Иуда –
Забравший жизнь, убивший свет.

МАМОЧКЕ

Ты мне самой милою была.
Самой чуткой, дорогой, родной.
Мамочка, так жаль, что ты ушла,
Старость забрала тебя с собой.
Думаю частенько о тебе,
И бывает стыдно мне порой,
Относилась я по-всякому к тебе,
А сейчас жалею – Боже мой!

Обними меня, слышишь, мама!
Обними, хотя бы во сне.
И прости ты меня, упрямую,
Что грубила, бывало, тебе.
Ты любимая самая-самая,
Разве лучше кто есть на Земле?
И теперь в этом светлом саване
Прикоснись в этом сне ко мне.

ПАПОЧКЕ

Я помню, сказки мне читал,
Качал в кроватке.
Со мной задачки ты решал,
Играл и в прятки.
Поблажки делал иногда,
Бранил за дело.
И мне гостинцы приносил,
От зайца – ела.
Глаза сияли у тебя
Лучистым светом.
Ты был прекраснейшим отцом,
Отличным дедом.
Война всё время о себе
Напоминала.
Я ж шрамы гладила твои, и понимала,
Какой ценой остался жив,
За нас сражался.
Но жаль, ты в мир ушёл иной,
И в нём остался.

* * *

Снова вьюга в душе и метель,
Снова ветер по окнам хлещет.
От бредовых устала идей.
Полоса невезений плещет.
Просыпается, словно вулкан,
То стихает его изверженье.
И похоже, что вновь обман…
Где же прячешься ты, утешенье?

ПОМОГУ

Я не жадная, с вами сейчас поделюсь:
Добротой, теплотою и лаской.
И за всех, как смогу, от души помолюсь,
Тусклый свет – заменю яркой краской.
Если помощь нужна – помогу, чем смогу,
Протяну свои тёплые руки.
А пока я у Бога прощенья прошу,
Чтобы взял он меня на поруки!

ГОСПОДИ, ПРОСТИ

Приходя в Господний храм,
«Отче наш» всегда читаю.
Припадаю к образам,
На тебя, Бог, уповаю.
Дальше жить как, подскажи,
Дай, пожалуйста, терпенья.
И прошу, Господь, прости
Все былые прегрешенья.
Я не только за себя,
А за всех прошу прощенья.
Любим, Господи, тебя,
Ты есть наше утешенье.

* * *

Прогибаться я не собираюсь,
И в дугу я точно не согнусь.
Не святая, виновата, каюсь,
Но всегда собой я остаюсь.

* * *

Осадок в чайнике – солью,
Очищу полки все от хлама,
И не согнусь, а устою,
Пусть на одной ноге,
Но прямо.

Я НАУЧИЛАСЬ ВСЕХ ПРОЩАТЬ

Я научилась всех прощать,
Себя по жизни не прощая.
Могу предавших навещать,
Дружить, увы, не обещая.
Я научилась мир ценить;
Я дорожу судьбою каждой,
Я не могу других винить,
Хоть правды в этой жизни жажду.
Я на ногах держусь прочней,
Мне дорог миг, летящий в вечность,
И жизнь становится светлей –
И ближе Бог и каждый встречный.

МЛЕЧНЫЙ ПУТЬ

Балкон открыт, и слышно птичье пенье.
Ночь, полчетвёртого... я не могу уснуть.
Пытаясь от тоски найти спасенье,
С балкона я гляжу на Млечный путь.

В час предрассветный звёзды серебрятся.
Всё громче птицы в тишине поют.
Мне стоило бы жизнью восхищаться,
Но мысли вновь покоя не дают.

Вдыхаю свежий воздух с упоеньем.
Поставлена в судьбе моей печать.
Я нынче не справляю день рожденья –
Я не хочу года свои считать...

Дни не хочу перебирать и даты.
Расставить по местам событий суть.
И птицы, что поют, не виноваты
В том, что гляжу в тоске на Млечный путь.

ВЕРНИТЕ НАСТРОЕНИЕ

От меня сбежало настроение...
Сбилась с ног, ища его в пути.

Даже резко поднялось давление.
– Вы не в курсе, где его найти?

Кликала его, ему кричала,
Голосила я что было сил.
Только мне оно не отвечало...
Может, кто-то в гости пригласил?

На душе тревожно и тоскливо.
Но дороже к истине стремленье…
На людей смотрю я сиротливо:
– Мне моё верните настроенье!

Настроенье как зеницу ока
Сохраню, одев ему оковы…
Буду жить, мир чувствуя глубоко,
И смотреть, как мудро смотрят совы.

СЫНУ

Сын всё реже ко мне заходит.
Да звонить почти перестал.
Может, некогда, весь в работе,
Приболел или просто устал.

Знаю, время совсем другое...
У него есть своя семья,
Я страдаю, сердечко родное,
Как бы ни было – мама твоя.

Словно пёс, сторожу я трубку…
Вдруг звонок, позвонит сынок
Или время найдёт, на минутку
Забежит на родной огонёк.

Гул машины... и я к балкону –
Сын подъехал!.. Увы, не мой.
Знать, какая-то мама всё же
Дождалась сыночка домой!

Но надежды и я не теряю –
Дверь открыта, сынок, для тебя.
Жду, тоскую, люблю, скучаю.
Помни, сын, я ведь мама твоя!

* * *

Мне бы снова вернуться
В русло прожитых лет
И в рассвет окунуться,
Оторваться от бед…

Нет, кусочек былого
Вновь хочу испытать,
Чтоб стихи по-иному,
Про иное писать...

Я б поля моей жизни
Обошла бы спеша,
Дней ожившие ливни
Вновь вбирала душа.

Вьюгу в сторону, слякоть!
Счастья слышу прибой…
Как в России не плакать
Над своею судьбой?

ЧТО СКРЫТО...

Стихи читайте между строк,
тогда поймёте, что в них скрыто.
Порой по телу, словно ток…
Боль и тоска от всех закрыта.
Глаза, бывает, выдают,
но их очками прикрываю.
Улыбку с радостью дарю
я даже тем, кого не знаю!

Софья РУБАКОВА

Стихотворения

Софья Борисовна РУБАКОВА

Родилась в 1992 году в г. Юрге Кемеровской области. С 2006 года живёт в городе Северске. Окончила факультет журналистики ТГУ. Победитель всероссийского творческого конкурса «Человек. Природа. Родина. Будущее» (г. Москва, 2006 г.), лауреат и обладатель Гран-при межрегионального фестиваля «Устами детей говорит мир» (г. Томск 2006–2008 г), победитель областных литературных конкурсов (г. Кемерово, 2004, 2005 г.), победитель областного молодёжного форума «Новое поколение горожан – кадровый резерв XXI века» (г. Северск, 2005–2008 г., секция «Я – автор»).

Участница всероссийского совещания молодых писателей (г. Тюмень, 2009 г.) областного семинара «Томский класс» (Томск, 2010 г.).

Автор книг: «Чуда жду», «Чтобы однажды…», «Книга моста».

Публиковалась в журналах «Бийский вестник», «Начало века» и других изданиях.

Лауреат губернаторской премии по литературе. Член Союза писателей Росии.

Книга моста

Стихотворения

Тает снег на ресницах и тёплых губах
В предвесенний задумчивый вечер,
Порождает в душе бессознательный страх,
Тяжким бременем давящий плечи.

И следы от трёх пар человеческих ног –
Три цепочки на снежной дороге…
Если более нас не помилует Бог –
Значит, нет и потребности в Боге.

Тишина состоит из чужих голосов,
Распевающих гулкие гимны.
Мы уходим, на души задвинув засов,
По дороге извилистой, длинной.

Тишина заполняет пустоты небес,
Облаками луну занавесив.
Если более нас не попутает бес,
Значит, нет и потребности в бесе.

* * *

Железная дорога. Полночь. Лес.
И мы идём в загадочную небыль.
Из всех несуществующих чудес
Реальны – только ты и звёзды в небе.

Железная дорога. Полночь. Мы
Идём по занесённым снегом шпалам,
Как будто в самом сердце у зимы,
Которая весь мир околдовала.

Железная дорога. Лес. Сосна.
Ты перед ней сгибаешься в поклоне
И говоришь: «Она совсем одна
Стоит на позабытом всеми склоне…».

Железная дорога. Полночь. Тьма.
Идём, идём – в снегу увязли ноги.
И кажется, весь этот мир – зима,
Деревья и железные дороги.

НИ КОЛА НИ ДВОРА

Ни кола ни двора, ни черта, ни гроша
У меня, босоногой и пьяной.
Жарко бредит апрелем слепая душа –
Видно, ходит по тоненькой грани.

Это наша судьба – оставаться одним.
«Я люблю тебя, жизнь!» – безответно.
Скоро будет весна, и наполнятся дни
Тёплым шумом берёзовых веток.

Это наша судьба – ни кола ни двора,
Только песни нам петь и осталось,
И не знать никогда, просыпаясь с утра,
Где под вечер нас свалит усталость.

Ночью ветер весенний со мной говорит:
Оставайся, мол… дальше – хуже.
Нас сожгли б на костре, только мы не горим,
Как любые бессмертные души.

PALOMA BLANCA

Из твоих фотографий сложу оригами:
Там родное лицо то молчит, то смеётся,
Я стараюсь смотреть на асфальт под ногами,
Потому что с утра слишком яркое солнце.

Как же хочется снова пройтись по бордюру,
Позабыть о прохожих в беспечном объятье.
Я внимательней стану следить за фигурой,
Чтобы влезть по весне в это белое платье.

Только кажется – прошлое ходит кругами,
Заблудившись во мгле, оступившись во мраке,

Из твоих фотографий сложу оригами
И с балкона пущу разноцветный журавлик.

Я, конечно, вернусь, если кто-то предложит,
Будут спички гореть, обжигая ладони,
Как однажды сказал мне знакомый художник,
«Настоящая боль – это боль посторонних».

Я, конечно, тогда возразила, но всё же
Приняла правоту его как аксиому,
Мне в тот день улыбнулся случайный прохожий,
Я подумала – жалко, что мы незнакомы,

Даже сердце забилось крылом голубиным,
Я таких одиноких ещё не встречала,
И не страшно гореть, ведь мы оба из глины,
Мы ещё не ушли, мы начнём всё сначала!

А иначе зачем я тогда на балконе
Положила лицо на уставшие руки
И сказала, что близкий живёт в постороннем,
Только разный всегда: то журавль, то голубка.

ГОЛУБИ

Мне приснились сегодня голуби: много сизых и белых – два.
Я дрожала всю ночь от холода, повторяя твои слова.
А они ворковали ласково – да растаяли на заре.
Солнце блещет – красиво, лаково, – и не может меня согреть.
Я люблю тебя. Грусть глубинная – слишком долго живу во лжи.
И любовь моя – голубиная. Слишком нежная, чтобы жить.

Мне сегодня приснились голуби – прилетали с соседних крыш,
Со всего ледяного города, где звенит вековая тишь.
И клевали из рук по семечку, ворковали мне – в унисон.
Дым струится ажурной ленточкой через небо за горизонт.
Ненавижу тебя – я сильная. Голос холоден, взгляд суров.
Только ненависть – голубиная. Слишком нежная. Как любовь.

* * *

Костры по ночам вдалеке не горят
И песен никто не поёт.
У этого мира твой голос, твой взгляд
И даже дыханье твоё.
Я только за то благодарна судьбе,
Что прошлое тает, как дым…
Как жить, если всё в нём твердит о тебе
И голосом плачет твоим?

ОФЕЛИЯ

Хочу позабыть, но сумею ли?..
Проклятием стала память.
Во мне умирает Офелия.
В тебе оживает Гамлет.
Мы счастливы будем в вечности
Без всякой на то причины.
С тобою – другая женщина,
Со мною – другой мужчина…
Но я люблю тебя – веришь ли
В безумство моих объятий?
Во мне умерла Офелия
И с ней – сорок тысяч братьев.

* * *

Расскажи, адмирал, как уходят твои корабли –
Уплывают в закат и ни дна не хотят, ни причала,
Не увозят товар и не ищут заветной земли,
Словно целого моря – и целого мира – им мало.

Так и нам мало жизни. Поэтому голоса,
Что охрипли от старой и всем опостылевшей песни,
Закричат, что есть сил, на рассвете – «Поднять паруса!»,
Ведь желание моря страшнее любой из болезней.

Что-то странное кажется в гребне блестящей волны.
Что-то грустное чудится в праздничном солнечном глянце.
Мы, влюблённые в жизнь, окончательно обречены
И однажды проснёмся вдвоём на «Летучем Голландце».

ПОТОМУ ЧТО Я ВЕРЮ

...потому что я верю в густой городской туман,
В журавлиные крылья, в закат,
В «ты прекраснее всех на свете»,
В неприкрытую лесть, в откровенный и злой обман,
В Средиземье, драконов, проклятия,
Свежий ветер;

В скандинавских богов, в новый день и в свою печаль,
В постмодерн, в неизбежность,
В разнузданный смех паяцев,
В одиноких людей, в относительность всех начал,
В то, что если их очень много –
Нельзя бояться;

В чудеса, в справедливость, в горячий и сладкий чай,
В то, что письма когда-то
Доходят до адресатов,
В план побега, в бессмертные души, в удар меча,
В гороскопы, в масонские ложи,
В идеи Сартра;

...потому что я верю, как истинное приму
То, что вижу и слышу,
И – взятое за основу –
Я не верю ему. Я не верю совсем ему.
Ни единому взгляду. Ни жесту.
Ни даже слову.

ЛЕТ ЧЕРЕЗ ДЕСЯТЬ

Лет через десять –
А столько живёт хоть кто-то? –
Можно увериться, шансов на чудо нет.

Хватит ли грезить?
На наших совместных фото
Можно найти силуэты чужих теней.

Лет через десять –
Когда уже будет поздно
Что-то менять в наших жизнях, – и смех и грех.

Если всё взвесить,
Уж если смотреть серьёзно,
Было совсем неплохо любить не тех.

Лет через десять,
А может быть, даже завтра
Бросится к телефону во тьме рука.

Хватит диверсий.
Я знаю – ты знаешь – правду.
Я позвоню тебе.
Только
дождись
звонка.

* * *

Все банки в доме заняты вареньем –
Малина, облепиха, ежевика,
Смородина. И что-то овощное
На верхней полке светит янтарём.

Куда-то делся май с его сиренью, –
А осенью попробуй поживи-ка,
Когда слабеет зрение ночное
И в воздухе запахло октябрём.

И хочется теплее одеваться,
И чай себе заваривать покрепче,
И кошку гладить – рыжую, как листья,
Что целый день кружатся за окном.

Но, чёрт возьми, мне только девятнадцать,
И можно думать, что сентябрь вечен,
Гулять по лужам, оставаясь чистым,
И воздухом напиться – не вином.

Я думаю, что те, кто любит осень,
На самом деле любят ожиданье,
Людей в плащах, туманы и рябину,
Дожди, варенье, первый листопад.

Но осень – это старческая проседь,
И кашель, и стеснённое дыханье,
И по углам квартиры паутина,
И – нет надежды, что наступит март.

* * *

Квартира – что клетка. Пускай золотая.
А может, грудная. А может, для тигра.
Но к жизни, что нас по планете мотает, –
она, несомненно, красивый эпиграф:
В ней спрятана суть, в ней заложена мысль,
желанье уюта и тихая пристань.
Среди океана – видение мыса, отчаянный смысл –
и отсутствие смысла.
Пульсирует боль на паркетном узоре:
всё будет отлично, пока я с тобою,
Но мы никогда не поедем на море.
Но мы никогда не услышим прибоя.
И в чёртовом офисе целыми днями –
от кофе до кофе, и даже в субботу
уборщица грубо меня выгоняет –
мол, хватит сидеть, не мешай мне работать.
Троллейбус скрипит, накренившись немного,
и эта квартира – что клетка для тигра,
И хочется крикнуть незримому Богу:
«Вот здесь и закончим. Финальные титры».
А ты побеждаешь в сложнейшем из споров –
и я, несомненно, сдалась бы без боя,
Но мы никогда не поедем на море.
Но мы никогда не услышим прибоя.
А в спальне светильник – маяк для заблудших,
и спит покрывало, в углу притаившись,
И души друг с другом играются в душе –
чуть-чуть помолчи и, конечно, услышишь:
смеются, включают холодную воду,
дерутся мочалками, рвут полотенце.
Так странно, что я выбираю свободу, –
пока разговор не заходит о сердце.
И тигр, что в клетке, – с печалью во взоре, –
решит, что всё это зовётся любовью,
Но мы никогда не поедем на море.
Но мы никогда не услышим прибоя.

* * *

Почему-то всегда выпадает снег,
Если просишь у неба немного света.
Я хочу, чтобы ты умерла во сне,
Чтобы я никогда не узнал об этом.

Чтобы тень под глазами легла, как снег.
Ты бы знала, что кто-то тебя укроет,
Чтобы больше короткое слово «нет»
Не касалось тебя ледяной рукою.

Чтобы я о тебе не писал стихов, –
А других у меня никогда не будет –
Я не знаю, но думаю, что легко
И спокойно во сне умирают люди.

Чтобы ты, не замёрзнув, смогла остыть.
Там намного теплее – я в это верю...
Я хочу, чтобы так умирала ты,
Будто вышла, сказав, что ошиблась дверью.

А пока что у нас опадает снег.
Я сижу неподвижно до боли в теле.
Я хочу, чтобы ты умерла во сне.
Далеко от меня, не в моей постели.

* * *

Когда выбираешь, кому завещать корабли,
Ясней понимаешь, что их невозможно отдать.
Я буду лежать под землёй в темноте и пыли,
А их ожидает морская бездонная гладь.

Легко выбирая наследников для серебра,
Мечусь и не знаю, кому завещать корабли.
Я создал их будто из собственного ребра,
Мои корабли среди всех остальных – короли.

Пока мой порог обивают друзья и купцы,
Покуда наследники шепчутся за стеной,
Мне снится не море, а скованный льдами Коцит,
Куда корабли приплывают прощаться со мной.

* * *

Однажды в холодной предутренней мгле
Мне каждый будильник на этой земле
Звенел и бежать поскорее велел
Туда, куда ноги несут.

Но я опоздала на тысячу лет:
В трамвае жевала счастливый билет,
Бежала, петляла и путала след,
И не соблюдала маршрут.

Мой путь оказался далёк и непрост:
Когда мне судьба наступила на хвост,
Пришлось оступиться и выйти на мост –
И там никого не найти.

Там книга лежала обложкою вниз,
И ветер царапал остатки страниц,
Там было написано: «Только дождись»,
А может быть, «только дожди».

Я молча стояла над книгой моста,
И знала, что это и есть пустота,
И нет ни единого шанса из ста,
Что утром расступится мгла.

Ума не набраться в закрытом гробу –
Я целую жизнь прожила наобум,
Но, каплю дождя ощущая на лбу,
Я всё наконец поняла.

* * *

Выставив зонтик, как шпагу, – вперёд себя,
Выйдешь под дождь и до нитки промокнешь тут же.
Капли тебя на полосы раздробят,
Светлые будут всё тоньше, всё меньше, уже...

Всё ничего бы, но ты здесь стоишь один,
Сам удивляясь движеньям своим неловким,
Кто-то из дома кричит тебе – заходи,
Мол, не валялся давно с воспаленьем лёгких?

Выждешь ещё минуту, да и зайдёшь, –
Ну, отругают... и вынесут полотенце.
Не понимают, что ты выходил под дождь –
Чтобы затем вернуться и отогреться.

* * *

Не будите спящих – они как дети –
Непонятно – на том или этом свете.
Так легко увидеть, когда не спится,
Что у спящих любимых иные лица.

Что им снится, пришедшим на свет из тени,
Невзаимно и страшно любимым теми,
Кто стоит, задумчиво в небо глядя,
Чьё лицо отражается в водной глади?

Ничего им не снится – с моста сошедшим,
Это только вода им на ухо шепчет:
«Я несу далеко молодых, усталых,
И не любящих тех, кто сюда призвал их».

Не будите спящих – они блаженны,
И безумно каждое их движенье,
Потому что ночами мы все – скитальцы.
Но одни – лишь спят, а другие – снятся.

* * *

На его языке всё звучит иначе:
Все мои слова ничего не значат,
Но один осмысленный вдох и выдох
Скажет больше, чем мне бы хотелось выдать.
Он отлично знает мою изнанку:
В каждом жесте символы видит, знаки.
Я его без слов понимаю тоже:
Эту резкую боль у него под кожей,
И рисунок линий его ладони
Говорит о том, чего сам не вспомнит.
Узнавая друг друга в любом прохожем,
Что казался издали чуть похожим,
Мы по городу ходим – почти по кругу –
И находим какой-нибудь пятый угол,
Мы находим вещи, весну, работу,
Пропускаем нужные повороты.

И когда наш крик обернётся взглядом,
Мы поймём, что были всё время рядом,
Говорили без слов и смотрели мимо,
Потому что меж нами висит незримо
Паутины нить, завязавшись в узел,
И никто не распутает эти узы,
Потому что слова ничего не значат:
Только встретишься взглядом – и будешь схвачен,
Обречён искать посреди любимых
Одного – кто вечно проходит мимо.

* * *

Бегущему сразу на три стороны –
До вечной весны –
Из страны –
От войны –
Ни карта, ни компас уже не нужны,
Один только ветер попутный.
Он пьёт из колодца и спит на земле,
Он движется к цели подобно стреле,
События канувших в прошлое лет
Он помнит всё более смутно.

Забывший о доме, отринувший кров,
Смывающий с ног загустевшую кровь,
Он сможет найти перекрёсток миров –
И верит наивно и твёрдо:
Любые дороги оттуда видны –
Неважно, какой ширины и длины,
Поэтому, три обойдя стороны,
Он счастье отыщет в четвёртой.

* * *

Они протоптали дорожку почти случайно
На кухню мою, где так много немытых кружек.
Они принесли мне в подарок пакетик чая,
Который вдруг оказался безумно нужным.

Оставив следы, появились из коридора
И даже стола не протёрли от хлебных крошек.
Зато рассказали мне ворох смешных историй
И выслушали мои – чем, конечно, тоже

Меня удивили. И даже необычайно
Вдруг захотелось забыться и рассмеяться.
Они принесли мне в подарок пакетик чая.
Да только за вечер мы выпили кружек двадцать.

ЛЕБЕДИНОЕ ОЗЕРО
(партия третьего голоса)

Вы на афише – вас каждый видел –
так начинайте же первый акт.
Но я, в партере с биноклем сидя,
лишь стройным звукам киваю в такт.
Секреты, хитрости и уловки не удивят никого уже:
да, неожиданная трактовка,
зато классичен насквозь сюжет.

Висит на сцене ружьё-двустволка –
а это значит, что быть беде.
Но из партера я вижу только лишь танец маленьких лебедей.
Но это вздор, это детский лепет, я вашей партии очень жду:
вот белый лебедь; вот чёрный лебедь;
вот лебедь, кличущий вам беду.

В партере тихо и жарко очень, и чаша, полная чьих-то слёз,
но Отче не был бы Авва Отче, когда бы мимо её пронёс.
Он не промахивался ни разу, как олимпийский биатлонист.
Погибнут лебеди – и украсят собой когда-то
либреттный лист.

Вот чёрный лебедь – притворно-кроткий,
вот белый лебедь – глядит светло.
Вот третий, поднятый на лебёдке,
парит над сценой, как НЛО.
Балет, конечно, красивый жанр –
порой красивее, чем кино.
От сцены веет таким пожаром – ещё немного, и полыхнёт.

Но грянут струны свежо и колко,
как лёгкий снег на поверхность льдин.
И всё ж на сцене не зря двустволка –
видать, не выживет ни один.

* * *

Если вдруг никто не любит, если мир тебя оставил,
Если Богом ты отвержен и тебя не пустят в рай –
Оставайся в нашем клубе! Здесь не так уж много правил:
Языком мели поменьше, никому не доверяй,

Не бросай окурки на пол, но бросай слова на ветер,
Не мешай напитки ночью и беги на красный свет.
В этом клубе каждый падал так, что ни за что на свете
Не хотел вставать, но прочно помнил дружеский завет.

В нашем клубе не сдаются, не сдают друзей и сессий,
Не влюбляются взаимно, – только бьют сердца зазря.
Здесь стихи рекою льются, как лекарство от депрессий,
И звучат нестройным гимном, только вспыхнут – и горят.

В нашем клубе модернистов, неудачников, поэтов
Будем рады новым членам, приходи и наливай.
Ты не бойся падать низко – ниже некуда! На этом
Отрекайся от сомнений и вступай уже давай!

Помнишь правила? Во-первых, не рассказывай о клубе,
Не рассказывай под пыткой, перед Библией молчи.
Дальше: действуй всем на нервы и бросай игральный кубик,
Это первая попытка подобрать к себе ключи.

И запомни: очень глупо полагаться на удачу.
Если станешь вдруг счастливым и влюблённым в целый мир,
Исключим тебя из клуба, исключим и не заплачем,
Мы строги и справедливы, – эту заповедь прими.

Мы привязчивы, как дети, инфантильны и надменны,
Это мы среди дороги засыпаем за рулём.
Мы тебя затянем в сети государственной измены.
Оставайся с нами, будешь нашим клубным королём.

* * *

Если попал в театр – притворись живым,
Там тебе выдадут роль и немного славы.
Если ты холоден, бледен до синевы –
Это гримёр с костюмером легко исправят.

...Ставят Макбета – готовься найти кинжал;
Если «Грозу» – научись поскорее плавать.
Только запомни – куда бы ты ни бежал,
Вслед за тобою гримёр, костюмер и слава.

Он поглотит тебя заживо, целиком,
Будешь трактован и близок к оригиналу.
Мёртвых в театре не держат – таков закон:
Все мертвецы оживают уже к финалу.

Если себе не желаешь такой судьбы,
Если ты хочешь спокойной и долгой смерти –
Просто молись, чтобы Гамлет сказал – «Не быть»,
А режиссёр отвернулся и не заметил.

* * *

По прогнозу погоды в театре сезон дождей.
Под зонтами идёт репетиция, читка пьесы...
И промокший насквозь, но довольный собой злодей
На возможную жертву косится с интересом.

Но герой появляется вовремя, как всегда.
Он в резиновых сапогах и слегка простужен.
И на сцене, и в зрительском зале стоит вода,
Кто-то реплику двинул свою – «Подавать ли ужин?».

По прогнозу погоды объятия распростёр
Нескончаемый дождь, – как в известной китайской пытке.
Объявив перерыв, улыбается режиссёр.
Он единственный без зонта. И сухой – до нитки.

* * *

На площади открылся балаган.
Там клоуны, лгуны да лицедеи.
В палатках шоколад и бабл гам.
Вино рекой, забавы и затеи.

У сцены развесёлый шум и гам –
Туда берут набравшихся актёров.
На площади открылся балаган –
Заразная и мутная контора.

Нашлась одна разумная рука,
Карающая лживых и нечистых:
Никто и не почувствовал дымка.
Никто и не смотрел, как пляшут искры.

На площади спалили балаган
Любители порядка и рутины.
На том же месте выстроили храм,
А сбоку собирают гильотины.

Не так ли бог испытывал меня
Карающей рукой самообмана?
Где встретиться любителям огня,
Как не на пепелище балагана?

* * *

Не смотри мне в глаза. Не следи за движением пальцев.
Я тиха, как рассвет, и спокойна, как водная гладь –
Это принцип того, кто не очень-то любит сражаться,
Но отчаянно жаждет всегда и везде побеждать.

Я несу это бремя сквозь долгие, долгие годы,
Постоянно моля о прощеньи за давностью лет.
Только, видно, судьба – и какой ни играешь колодой,
Так и тянется в руку всё тот же червонный валет.

Сколь ни сбрасывай карт – но его колдовская фигура
Остаётся в руке и ползёт под мои рукава.
Мне совсем не играть не позволит дрянная натура, –
А вконец проиграться не даст торжество мастерства.

Слишком много отпущено лет и упущено шансов,
Нет ни звёзд в небесах, ни закона в болящей груди –
Это принцип того, кто не очень-то рад был сражаться
За валета червей. Но не смог без него победить.

* * *

Не ступай на берег. К твоей досаде
Там бессменно вахту несёт спасатель,
Чьи глаза ночной темноты бездонней:
Он тебя спасёт и потом не вспомнит.

Он давно приставлен к работе этой.
У него везде гарпуны и сети.
Не кричи, не плачь, не зови на помощь:
Он спасёт не раньше, чем ты утонешь.

И когда ты примешь как данность воду,
Ощутишь, как теплится в лёгких воздух, –
Под рукой нащупав сырые доски,
Вынырнешь на мост. Или – на подмостки.

Не ступай туда. А протянут руку –
Оттолкни и в воду, как в небо, рухни.

* * *

У кладбища направо пылил пустырь...

А. Ахматова

От дороги – и прямо, где светлые облака,
Где чернеет полоска ещё не наставшей ночи.
(Я, быть может, хотела бы замуж за дурака,
Но мой муж был умнее тебя, как и многих прочих).

Я, быть может, хотела бы в монастырь,
Но туда не берут ни хромых, ни зеленоглазых,
И поэтому путь мой неблизкий – через кусты,
Через тернии, буреломы и теплотрассы,

Через бой за возможность лежать на сухой земле,
Через землю, которую трудно не сдать без боя,
Я забыла свои таблетки в твоём столе –
И поэтому дальше теперь от тебя, чем от этой боли.

Это даже не отступление, не побег,
Не тактический ход, подводящий меня к ловушке,
Это только – я знаю, что я не нужна тебе,
Без причины, без повода, просто и «потому что».

И не нужно последних шансов, попыток, дней,
Испытательных сроков, расчётов и направлений.
Но когда ты распластан, растоптан – всего трудней
Просто взять и подняться, как минимум, на колени.

Отряхнуться и оглядеться – таких пустынь
Даже если захочешь, не сразу себе представишь.
Я сама себе тут и пустырник, и тот пустырь,
За которым одно королевство и сорок кладбищ.

* * *

Помня по имени каждого поголовно,
Город в ночи распадается на волокна.
Город, который спит со мной, как любовник,
Раньше меня встаёт и сочится в окна.
Впрочем, он спит со всеми; из тёмных спален
Он высыпается, утренний – чист и звонок.
Город, увы, не Гамельн (а чем не Гамельн?) –
Здесь на троих крысоловов один ребёнок.
Город, израненный сбоку рекой холодной,
Белыми нитками штопанный, тёмно-синий,
Он в темноте на большое похож болото.
Думаешь, это брусчатка? Да нет, трясина.
Он прорастает в тебе безупречным словом.
Можешь сопротивляться – но есть ли смысл?
Город, который спит с тобой, как любовник,
Только, увы, не Гамельн. Здесь всюду крысы.

* * *

Как будто в игре настольной – на ком-то поставить крестик –
Нам делают очень больно из чувства законной мести.
Из чувства безмерной власти над более слабым видом.
Из веры в бесправность массы пред лидером-индивидом.

Нет боли чужой и старой – и времени не под силу
Отсчитывать, как удары, лекарства больным и сирым.
У времени есть плацебо: никто из живых не вечен.
Чем выше уходишь в небо, тем как бы должно быть легче.

Там нет ни судов, ни судей, зато остаётся память:
Больнее уже не будет, но легче уже не станет.
Терпеть и скрипеть зубами – другого пути не видно.
К нам так беспощадна память, что стали мы с нею квиты.

Одни воспевают сильных, другие боятся смелых,
Но после удара в спину любой превратится в тело.
Как будто в игре настольной – на ком-то поставить прочерк –

Нам делают очень больно.
Нам делают больно.
Очень.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПУСТОМУ МЕСТУ

Люди, упавшие в моих
глазах, разбиваются насмерть.

Эта знакомая соль во рту,
Вещи, идущие мимо рук:
Петь колыбельную в пустоту –
Туда, где ещё вчера был друг:

Спи, моя радость, усни, мон шер,
Ночь бесконечная, как шоссе.
Спи глубоко у меня в душе,
Не просыпаясь уже совсем.

Спи, моё сердце, усни навек –
И никогда меня не тревожь.
Я и не знала, что человек
Может на друга наставить нож.

Люди, затеявшие игру,
Больше отнимут, чем может смерть...

...Петь колыбельную поутру –
Когда уже некому больше петь.

* * *

Дождь искажает звуки, а ночь – цвета:
Всё не такое, как видится или слышится.
Вдруг понимаешь, что жизнь за окном не та.
Чувствуешь только, как боль искажает мышцы.

Ложь искажает факты день ото дня.
Гнев искажает мимику и движения.
Страшно подумать, как ты исказил меня.
Это
Самое
Глупое
Искажение...

* * *

Все признаки конца: и дым клубами,
И всадники, и голод, и война,
Но, Господи, не сталкивай нас лбами,
Нам не такая участь суждена.

Нам суждено не сдерживать порыва,
Нам вверено найти искомый «икс».
Но, Господи, не сталкивай с обрыва, –
Оттуда тяжелее вознестись.

Мы столько вознесений созерцали,
Что страх уже отсутствует как класс.
Но, Господи, не сталкивай сердцами,
Когда любовь закончилась для нас.

Мы кончились – осталось только имя
Да тусклый огонёк в конце пути.
Но, Господи, не делай нас такими,
Какими ты не сможешь нас простить.

Твои борцы невидимого фронта –
Совсем не богоизбранный народ.
Ты, Господи, пожил бы там, в Макондо,
Так сам бы застрелился через год.

* * *

Позаботься о том, чтобы правды не видел свет,
О красивой истории и чистоте наследия.
И до смерти моей не вздумай вскрывать конверт.
Мы с тобою чуть больше, чем маленькая трагедия.

Я почти убедился, что гением быть легко,
Если сам себя – честно и прямо – считаешь гением,
А иначе ты просто блаженный в глазах врагов,
Улетающий в небо, как шарик, надутый гелием.

Обвиняя меня то в двуличии, то во лжи,
Сами только и могут, что гневно смеяться в спину.
Я по-прежнему верю (обратное докажи?),
Что злодейство и гений есть вещи несовместимые.

Но сегодня рука моя музыке отдана,
А назавтра она превращается в лапу зверя.
И поэтому я хотел бы испить до дна,
Просто дай мне стакан вина и уйди, Сальери.

* * *

Английская грамматика мудра:
Прошедшее, но длительное время
Подходит назревающей проблеме
Да имени, забытому вчера.

Но имени, забытому впотьмах,
Затёртому, как надписи на стенах,
Ужель теперь не сыщется подмены
У памяти в набитых закромах?

Перебирая чётки-имена,
Я жду от них какого-то сигнала:
Чтобы одно запело, задрожало,
А прочие – все тьма да тишина.

Но время (или имя?) истекло,
Когда ты вслед за ним уходишь в минус –
Меня не так тревожит Past Continuous,
Как прошлое, которое прошло.

* * *

А свет от солнца нынче ледяной...
Грустят цветы, поставленные в воду.
Я так переживаю непогоду,
Как, вероятно, кто-нибудь иной

Переживает горе от потерь.
Сентябрь, безграничный и исконный,
Приклеил жёлтый лист к стеклу балкона
И запер навсегда входную дверь.

Порой ко мне стучат. Но я молчу,
Не в силах приподняться на постели –
И так проходят многие недели.
Я радуюсь случайному лучу,

Хоть свет от солнца нынче ледяной.
Но если ты вернёшься за вещами,
И дверь откроешь сам – я обещаю,
Тебе не будет холодно со мной.

* * *

Во мне идёт брожение стиха –
Строки, рождённой смехом или взглядом.
И сладость слов пока ещё тиха,
Сравнимая со вкусом винограда.

Как виноград становится вином,
Как помыслы становятся грехами,
Так ты, теряя облик и геном,
Становишься невзрачными стихами.

И строки оплетает, как лоза,
Любовь, с которой я не в силах сладить –
Поэтому, взглянув тебе в глаза,
Я плачу соком спелых виноградин.

ДЕТЕКТИВ

Хранилище старых и новых грехов,
Страстей и бессонниц архив –
Вчитайся внимательней в книгу стихов,
И ты в ней найдёшь детектив.

Не то чтобы жанра одна из вершин,
Скорее, скачки по верхам:
Убийца известен (две буквы больших
Стоят в изголовье стиха).

И можно портрет воссоздать из улик,
Разбросанных щедрой рукой:
Такой у убийцы особенный лик
И образ нездешний такой.

И вот безутешный читатель скорбит,
Услышав обратный отсчёт,
Он даже не знает, что автор убит
До выхода книги ещё.

* * *

С. Р.

Замёрзшие, бессонные –
Что путники в ночи –
Поэмы и симфонии
Сжигали мы в печи,
Переплавляли в олово
Нуар и пастораль,
Пока кружил нам головы
Завьюженный февраль.
Мы собственной империи
Терпели гнев и гнёт,
Но верили мы, верили –
Что это всё пройдёт,
Что голод позабудется,
Закончится война.
Останется на улицах
Пустых – любовь одна,
Что в дни кровопролитные
Испачкалась в золе,
Но нашими молитвами
Вершилась на земле.

* * *

Когда тебе плохо – читай стихи,
По книге и наизусть,
От лучших на свете до самых плохих,
И грустные даже – пусть!
Про море и горе, любовь и кровь –
Под нос себе бормоча,
Как тот, кто отчаянно нездоров –
Молитву в последний час.
И даже когда подступает тьма,
Трещит под ногами лёд,
Читай! И тогда даже смерть сама,
Дослушав строфу, уйдёт.
Пусть будут другие к тебе глухи,
Покуда идут бои...
Какие угодно читай стихи –

(Прошу, не читай мои).

* * *

Что от тебя осталось? Только ты,
Очищенный от примесей и взвесей,
Такой невероятной чистоты,
Хорош собой, прохладен и невесел.

О, как даётся эта белизна!
Алмаз, прошедший ужасы огранки,
И в доме обнажённая стена
С квадратным следом снятой фоторамки –

Вот ты теперь. И кажется, к тебе
Прислушавшись, почуешь только ветер,
Уныло завывающий в трубе
И сразу исчезающий в просвете.

ЗАГОВОР

Из далёких болот,
От железных ворот,
От закрытых дверей,
От холодных морей,

Из шумящих лесов,
От рассветных часов,
Из воды и огня
Ты верни мне –
меня.

У себя отобрав,
Осознай, что не прав.
Виноватый вдвойне,
Ты верни меня –
мне.

Из чужих городов,
Из степей и садов
Не дыша, не ропща,
Научись возвращать.

Кто ж тебе виноват,
Что пришлось отдавать?
Но с тобою здесь я –
Что сама не своя.

* * *

Я люблю
Ответов не ждать на письма,
Зная, что адресат безнадёжно выстыл,
Даже красной нити, большой и прочной
Не прервать молчание нашей почты.

Всё равно
Что кричать на краю обрыва,
Или в толщу морскую в момент отлива,
Или камни в колодец бросать бесстрастно,
Обольщаясь эхом, как словом «здравствуй».

Всё равно
Что просить у толпы монетку,
Постоянно считаешь: подаст вот этот,
Но ни звонкого слова, ни звона меди
Не дают почему-то ни те, ни эти.

Я пишу
В пустоту, в атмосферу, в космос.
Я кричу, чтобы кто-то пришёл на голос.
Я люблю писать и не ждать ответа
(Впрочем, это бывает с любым поэтом).

Я люблю,
Когда люди не слышат крика,
Словно он – это против меня улика.
Бог считает – не сколько греховных мыслей,
А на сколько ты не ответил писем.

* * *

Я бегу босиком по траве.
Все дома уже так далеко.
Надо мною сгущается свет,
Белый, сладкий, – как молоко.

Я смотрю, как едва-едва
Догорают остатки дня.
Я хочу, чтоб росла трава
В десять раз длиннее меня.

Сокровенное сохраня,
Когда ночь почти началась,
Не хочу, чтоб нашли меня.
А хочу, чтоб сама нашлась.

* * *

Это голос отчаяния, шепчущий в темноту.
Если некому говорить, говорить выпадает мне.
Я родилась с серебряной ложкой во рту
И железным ржавым ножом в спине.

Эта боль – чтобы петь, чтобы голос скорей крепчал,
Превращаясь в крик, в бесконечный протяжный звук,
Я бегу по городу, плача и хохоча,
Не могу уследить за движеньями ног и рук,

Я сплошные стихи и сплошные песни, я вся – слова.
Разбирай меня на цитаты и части тела.
Чтоб осталась только счастливая голова
Чтоб летела она по асфальту и пела, пела...

* * *

В маленьком домике странно звучат дожди –
Вкрадчивый дробный стук по покатой крыше.
Целая ночь у нас с тобой впереди,
Чтобы лежать в обнимку и это слышать.

Капли стучат – удивительно мягкий звук –
Мы засыпаем, коснувшись едва постели.
Перебирая пальцами – стук да стук –
Бог замышляет погоду на всю неделю.

* * *

Памяти Р. М.

Мне сегодня пришли в конверте
Не слова, не стихи, не песни –
Тёмно-синие птичьи перья,
Светло-серый прохладный пепел.

Чем смогу я тебе ответить?
Я не самый хороший вестник.

Надо мною шумят деревья.
Небосвод безмятежно светел.

Лишь двухвостые птичьи тени
Над моей заклубились крышей,
Для теней не бывает входа,
У теней не бывает дома.

Мир иллюзий и сновидений,
Тот, в котором тебя я слышу,
Тот, который тебя не отдал, –
Продолжаю считать искомым.

Пустоту принесли в конверте:
Разлетелись по ветру перья,
Утекает сквозь пальцы пепел –
Как и ты, навсегда упущен.

Не бывает с друзьями смерти.
Я отчаянно в это верю.
Я смотрю на тебя, и слепо
Продолжаю считать живущим.

А БЕЗ ТЕБЯ ЗДЕСЬ БЫЛО ХОРОШО...

Памяти Р. М.

А без тебя здесь было хорошо.
Цвели цветы и громко пели птицы.
Круговорот воды в природе шёл
И даже не пытался оступиться.

И поезда не падали в обрыв.
И воду отключали ненадолго.
И я, перебирая горы рифм,
Писала что-то среднее – и только.

Мир без тебя не стёрся в порошок.
Не стал ни безнадёжным, ни гнетущим,
И без тебя здесь было хорошо,
Хотя с тобой, конечно, было лучше,

Но не тебе. Я верю всей душой,
Что все мы станем как цветы и птицы,
Что без меня здесь будет хорошо
И ничего, конечно, не случится.

* * *

Однажды в мою палату,
Любые презрев запреты,
Накинув едва халаты,
Явились тайком поэты.

Мы все, говорят, слыхали,
Что ты здесь совсем ослабла.
Мы будем лечить стихами!
Вливали в меня по капле,

По слову чужие строки
О снах, о любви, о марте.
Они говорили строго.
Писали в моей медкарте:

«На Пушкина аллергия.
Реакции нет на Блока.
Мы будем лечить другими,
Пока ей не стало плохо».

Кололи антипрозанты,
Твердили, что станет легче,
И новые варианты
Искали в своей аптечке:

Эссенция Пастернака
И пятипроцентный Бродский...
А мне оставалось плакать –
Обиженно, как подростку.

Сживут же меня со свету –
Потом и не вспомнят имя!
Я выгнала всех поэтов
И стала лечиться ими.

Две книжицы самиздата,
Тетрадка в плохой обложке...
Не классика, да куда там!
А чудо случилось всё же.

Лечилась я их стихами –
И слёзы во мне стихали.

Борис ПЕЙГИН

Рассказы

Борис Сергеевич ПЕЙГИН

Родился 20 октября 1988 г. в г. Северске Томской области. В 2010 г. окончил юридический институт Томского государственного университета. Живёт в Томске, работает юридическим консультантом.

Серьёзные занятия литературой начал в 2002 г. Первая публикация состоялась в 2003-м в детской литературной газете «Штудия» (г. Томск). В 2010 г. вошёл в шорт-лист премии «Дебют» с рассказом «Жизнь Сергея Ипсиланти». Лауреат областного детско-юношеского литературного фестиваля (2005). Финалист конкурса «Король томской поэзии» (2009).

Публиковался в журналах «Сибирские Афины», «Начало века».

Лауреат губернаторской премии по литературе.

Член Союза писателей России.

ЖИЗНЬ СЕРГЕЯ ИПСИЛАНТИ

...Нурик понижает передачу, жмёт на газ; седельный тягач марки Scania рычит и лениво ползёт в гору. Лучи фар вяло рыскают по асфальту. До Баламутовки остаётся километров десять. Условный рефлекс срабатывает безотказно — желудок уже урчит.

Нурик чешет пузо, лузгает семечки, плюётся в пепельницу. Настроение у Нурика совсем неважное. Ещё бы — зарплату не дали ещё за прошлый месяц, у жены нашли рак груди, сменщика никак не могут подобрать. Оттого и ползаем как черепахи, что стоим по 10 часов в день.

Мне зарплату тоже пока не дали, но настроение у меня получше. Просто я с какого-то момента стал относиться ко всему наплевательски. Для экспедитора, конечно, качество неприемлимое, но зато существенно облегчает общение с реальностью. Просто езжу в своё удовольствие по городам и весям. И всё же я немного завидую Нурику — уж он-то знает способ расслабиться и забыть обо всех проблемах.

Нурик, как правоверный мусульманин и как водитель-дальнобойщик, не пьёт. Зато он курит. Причём не только табак. Как накурится — так весёлейший человек, а как трезвый, так мрачнее тучи.

За этими мыслями я не заметил, как мы подъехали к месту назначения.

Большое село Баламутовка расположилось в заросшем ложке в том самом месте, где железная дорога максимально близко подходит к федеральной трассе, и соединяло, таким образом, их между собой. Если ехать по железной дороге, увидишь пару выцветших пятиэтажек, сколько-то домов поменьше, красное здание школы, и уходящий своим концом в глубь лога бескрайний частный сектор. Если же ехать по автомобильной дороге, самой Баламутовки особо и не увидишь — от таблички до таблички на трассе она занимает едва ли метров четыреста. Так, слева промелькнут пара домиков, радиомачта, автопавильон, и всё. Всё самое интересное будет справа, где жилых домов нет. Там — бар с бильярдом, мотель, две кафешки — большая и поменьше, а чуть дальше, за перекрёстком — огромная заправка. На одной большой стоянке справа от трассы яблоку негде упасть от фур, цистерн и контейнеровозов.

Дальнобойщики облюбовали это место. И не случайно — от Вологды отъехали уже далеко, а до Архангельска осталось ещё больше. Лучше места для остановки и не придумать. Мне это место тоже

всегда нравилось, это был такой утопающий среди вековых сосен островок света на тёмной и хмурой федеральной трассе

После долгих манёвров по стоянке Нурик всё же находит подходящее место, и, хлопнув дверью, спрыгивает на землю. Я следом за ним, и вместе мы заходим в большее по размеру кафе. Кафе называется «Анна», хотя хозяин его — пожилой лысоватый мужичок, если верить табличке возле входа — индивидуальный предприниматель Плотников В. С. Как мне год тому назад поведал кто-то из знакомых водил, Плотников этот — отставной мичман, отслуживший всё положенное при штабе ВМФ в Москве, и возвратившийся на родину. Мечта у человека — увидеть море, поэтому все стены кафе завешаны репродукциями маринистов.

Несмотря на глубокую ночь (уже половина второго), внутри шумно и накурено. За столами и в очереди — полно знакомых лиц. Если ты — экспедитор, и часто ездишь по одной и той же дороге, ешь в одном и том же кафе, то и людей встречаешь одних и тех же.

— Ну что, деньги на бочку, — говорю я Нурику.

Он равнодушно протягивает мне засаленную сотню. Я спрашиваю его:

— Что будешь?

— Да всё равно, — всё так же равнодушно отвечает он. — То же, что и ты.

— Ну и ладно, как хочешь, — бурчу я в ответ и встаю в очередь, а Нурик садится за свободный столик.

Подают борщ и мясо в горшочках. Борщ наваристый, ароматный, а со сметаной — так ещё вкуснее. Нурик с упоением грохочет ложкой по тарелке, а я жую хлеб, который они пекут тут же, при кафешке, запиваю чаем, и пытаюсь что-нибудь рассмотреть в окне. Напрасная затея, всё равно ни черта не видно.

В любой придорожной кафешке водилы обычно тусуются своей, отдельной кучкой, благо общих тем всегда предостаточно, а экспедитору, бывает, и поболтать-то не с кем. Но мне в этот раз повезло: перспективного собеседника я разглядел моментально.

Возле окна, за маленьким столиком, сидит человек лет сорока, среднего роста, темноволосый, обросший и давно не бритый, в мешковатой зелёной ветровке. Этого человека я знаю, и часто его здесь вижу. Его зовут Сергей Ипсиланти, и он — местный деклассированный элемент. Торгует у обочины вяленой рыбой собственного производства.

Ипсиланти — человек умный и пока ещё не спитой, так что общаться с ним приятно. Как-то раз я спросил его, как он относится к своей поистине великой фамилии. На что он ответил: «По крайней мере, они мне не родственники». Ну да. Немало же у нас в России Романовых, Пашковых или Воронцовых. И что, всех их теперь в аристократы записывать?

Он сидел, уставившись на свои сложенные в замок руки. На лице его застыла какая-то обезоруживающе глупая улыбка. Я подхожу, здороваюсь. Пожимая мою руку, Ипсиланти не прекращает улыбаться, и на меня не смотрит. Ну и ладно.

Я сажусь напротив. Он поднимает зеленоватые глаза от столешницы, и спрашивает:

— Ну, Виталь, как там, запчасти-то с завода забрали?

Фантастическая память! Я ему эту историю рассказывал хорошо если месяц назад.

— Забрали, — говорю. — Обошлось всё вроде.

— А, понятно. Что ещё хорошего расскажешь?

— Да нечего особо рассказывать-то. А у тебя как?

— Пока никак. Улов совсем плохой стал. Ещё чуть-чуть, и окончательно по миру пойду.

Не могу сказать, что я знал Сергея Ипсиланти очень хорошо. А чего я и вовсе никак не мог для себя объяснить, так это то, как он докатился до жизни такой. Уж больно не соответствовал он своему нынешнему статусу. Но спрашивать его я не решался, а он не спешил рассказывать. Правда, разок он обмолвился, что когда-то он был геологом, ходил в тайгу и в тундру в экспедиции. А в другой раз сказал, что где-то в Западной Сибири у него осталась дочь. Но больше ничего.

Мы сидели за столиком, курили, разговаривали про лов сига и нельмы в этом году. Так продолжалось не меньше получаса, пока сзади не подошёл Нурик и не похлопал меня по плечу:

— Да, Виталя, слушай, я спать. Ты идёшь?

— Ты иди, я чуть позже.

— Я в гостинице, — улыбнулся он в ответ, всем своим видом показывая, что спать в кабине ему уже надоело, и он желает отдохнуть как белый человек.

— А я ещё подумаю.

— Думай, — в своём обычном равнодушном тоне ответил Нурик, поправил пиджак, надел кепку и ушёл.

Ипсиланти повернул голову ко мне:

— Ты что, ещё спать не хочешь?

— Да что-то нет пока. Разгулялся я чего-то.

Разговариваем дальше. Я предлагаю:

— Пойдём, воздухом подышим! — Он на это соглашается, и мы выходим на улицу.

Мы стоим с Ипсиланти на желтоватом от оконного света пятне на растрескавшемся асфальте возле входа в кафе, и молчим. Стоит холодная октябрьская ночь.

Ветра почти нет, но верхушки сосен громко перешёптываются между собой. Старый месяц едва просвечивает из-за пелены слоистых облаков; звёзд не видно.

По стоянке среди бесчисленных фур ходят одинокие шофера, с дальнего конца, со стороны заправки доносятся звуки перебираемых инструментов и трёхэтажный мат. И вдруг Ипсиланти спрашивает:

— Виталя, скажи, а ты сам откуда родом?

А я родом с Дальнего Востока. Так и отвечаю:

— Я из Сковородино. Это в Амурской области.

— Я знаю, — отвечает он. — Бывать, правда, не бывал, но встречал на картах.

— А ты откуда?

— А я из этих мест. Из Архангельска.

— Но бывал-то ты, я думаю, много где?

— Это точно. Проще сказать, где я не бывал. Такая уж у геологов работа.

— А почему сейчас ты там не работаешь? Или я чего-то не знаю? — Я криво ухмыляюсь.

— О, — смеётся Ипсиланти мне в ответ, — это долгая история. Если хочешь, расскажу как-нибудь. Хочешь?

— А почему бы и нет! А сейчас что?

— Думаю, спать пора, — Ипсиланти взглянул на часы. — Четыре доходит.

— Тогда спокойной ночи.

— Спокойной ночи, — он на прощание жмёт мне руку и растворяется в темноте.

На стоянку въезжает традиционный ночной автобус из Сыктывкара. Глухо урчит дизель, фары гаснут, а в салоне зажигается свет. Пассажиры гурьбой вываливают на твёрдую землю, дружно разминают затёкшие спины, и затем так же дружно, едва ли не строем, идут в кафе. Только какая-то средних лет пара стоит в обнимку у фонарного столба.

Я ещё какое-то время стою и бесцельно вглядываюсь в ночь. Докуриваю очередную сигарету, бросаю бычок прямо перед собой, и на асфальт выплёскивается стая ярко-оранжевых искорок.

В номере Нурик уже спит. В окно стучится зарядивший мелкий дождь. Бросив вещи на стул и отхлебнув воды из графина, ложусь спать и я.

…утро туманное, сырое, но всё равно какое-то несвежее. Девять часов. Нурик богатырски храпит в своём углу, а вот мне чего-то не спится. Гляжу на часы ещё раз — да, точно, девять. Со стоянки доносится рёв заведённых дизелей вперемешку с обычными утренними матюками.

Ворочаюсь долго, но уснуть так и не могу. Чертыхаюсь и выхожу на улицу. У дороги, возле выезда со стоянки, сидит Ипсиланти со

своим нехитрым товаром. Тут всё, что душе угодно: и плотва, и щука с окунем, и караси, и поблагороднее рыбка — копчёная, вяленая, жареная — любая. Рыба разложена не трёх перевёрнутых картонных коробках, сам продавец сидит на складной табуреточке, кутается в свитер, читает вчерашний номер «Коммерсанта».

— А, Виталя! Уже проснулся? — он протягивает мне руку.

— Не говори, весь режим себе сбил. Пора завязывать с этой работой.

— Ну, как знаешь. Э, кстати, всё хотел тебя вчера спросить: ты куда на этот раз?

— Да всё как обычно, в Архангельск. У меня, видишь, выбор невелик: то Сыктывкар, то Ухта, то Архангельск. Ну, ещё Питер иногда. А если совсем повезёт — так куда-нибудь поюжнее выберусь.

— А вот когда я туда выберусь, кто бы знал…

— Да ну, что ты так? Бросил бы свою рыбку на пару дней, и съездил бы, тут езды-то от силы часов на 10.

— Нет уж, дудки, — ощеривается, ёжась от холода, Ипсиланти, — мне теперь назад ходу нет.

Что-то он не то говорит, — думаю я. И как это — хода нет? И спросить бы надо, да неприлично. Он стоит и молча глядит на меня. Как будто ему самому хочется много что мне сказать, да то ли он стесняется, то ли ещё что… Наконец он напряжённо выдыхает и выцеживает из себя:

— Знаешь, Виталя, я тут уже больше года кручусь-верчусь в этой Баламутовке. Много народу ходит мимо меня, а поговорить толком-то и не с кем. Вот только с тобой разве что. Не знаю почему, но как-то я тебе больше других верю.

— Спасибо, — негромко отвечаю я, — это приятно слышать, — я жду, что он скажет что-нибудь ещё, завершит мысль. Но мысль он так и не завершает, и разговор переходит на другую тему.

Ещё через час просыпается Нурик, и, обменявшись свежими новостями и сплетнями со знакомыми шоферами, идёт прогревать двигатель. Я к тому моменту уже закончил нашу с Ипсиланти беседу, и сижу в полупустом кафе. Кофе с пирожками, ни дать ни взять французский завтрак на русский манер. Пока седельный тягач марки Scania медленно приходит в себя от поворота ключа зажигания, Нурик присоединяется ко мне.

— Слышал, — говорит он, — сыктывкарские уже забастовку хотят!

— А что у них там стряслось? — прихлёбываю я кофе из одноразовой кружки.

— Как что? Зарплату совсем не дают, пять месяцев не дают! Это же нельзя так жить!

— И что ты предлагаешь? Нам такую же забастовку устроить?

— Не знаю как ты, — укоризненно смотрит на меня Нурик, — а если у нас забастовка будет, я тоже пойду!

— Так пять месяцев ещё не прошло! Вот как пройдёт — так и посмотрим, — пытаюсь я обратить разговор в шутку. Но Нурик шуток не понимает. Или делает вид, что не понимает:

— Оттого вы, русские, и живёте плохо, что забастовки не делаете.

— А ты что, намного лучше живёшь?

— И я плохо, — признаётся Нурик, и, чуть подумав, негромко добавляет: — Мы тоже не делаем.

Покончив с кофе и купив в дорогу пиццы и пирожков, мы идём к машине, залезаем в кабину, пристёгиваемся. Нурик, уже взявшись одной рукой за рычаг переключения передач, другой держит карту, и на всякий случай ещё раз с ней сверяется, смотрит, не появилось ли за ночь новой дороги. Не появилось.

Буквально за секунду до того, как мы должны были тронуться, в дверь кабины с моей стороны постучал Ипсиланти.

Я открываю ему. У него в руках сложенный вдвое тетрадный лист, исписанный мелким почерком. Он протягивает его мне:

— Что это? — спрашиваю я.

— Передай это там, в Архангельске, по адресу, там вверху написано. Только не в ящик положи, а лично в руки. Если тебе не трудно, конечно.

— Да нет, не вопрос, передам, — я кладу лист в нагрудный карман, — А кому это?

— Это моей матери. Может, она всё ещё по этому адресу живёт. Я же не знаю, девятнадцать лет там не был.

— Хорошо, я передам, — я этими его словами был шокирован, но виду старался не подавать.

— Да это не обязательно сейчас, — сказал Ипсиланти. — Можешь потом, в другой раз отдать, если хочешь. Это не горит. Ну, удачи!

— Пока! — кричу я в ответ, и Сергей захлопывает дверь.

* * *

Вот она, Инна Сергеевна Ипсиланти, в профиль. А вот на классной фотографии, во втором ряду, третья слева. Да-да, вон там. Обращаешь внимание на неё не сразу, но обратив, взгляда оторвать уже не можешь.

В свои 14 Инна не была ни особенно красивой, ни особенно развитой — разве что умной не по годам. Она была высокой и хрупкой девушкой, с небольшой, но явственно прорисованной грудью, узкими бёдрами и длинными тонкими пальцами. Остроносое лицо её и прямые, почти чёрные волосы длиною немного ниже плеч скрывали в себе признаки будущей не ослепляющей, но по-своему очень сильной красоты, которой ещё предстоит расцвести.

Она уже плохо помнила свою мать и начинала забывать отца. Если она что-то и любила в этой жизни по-настоящему, так это читать. Ею проглатывалось всё, что попадалось, от русской классики до трудов по политэкономии, но действительно настольными книгами для неё стали несколько томиков, прихваченные из дома. Когда-то эти книги принадлежали её отцу, а одна из них — даже её бабушке по отцовской линии, о которой Инна знала только то, что она существует где-то в Архангельске, откуда отец был родом, но за четыре года она успела всем сердцем к ним прикипеть. Читать она предпочитала, лёжа на кровати в своей комнате, стоявшей отдельно от четырёх остальных, в небольшом закутке, у окна. Оно выходило на север и солнце туда не светило никогда, но по ночам в него заглядывал масляно-жёлтый фонарь, грустно улыбаясь из-за стены снега или дождя. А с высокого потолка ей улыбался сложный и запутанный узор трещин в извёстке. Там, под светом тусклого ночника на подоконнике, прошло четыре года.

Она редко говорила и ещё реже улыбалась. У неё не было ни подруг, ни товарок. Из всей среды гимназисток она выделяла только своих прямых конкуренток в соревновании за поощрения и наградные баллы, в этой бесконечной, почти животной грызне за лишний кусок. На остальных же было ноль внимания, фунт презрения. Довольно узкий, в два класса, круг сверстниц, варившихся почти круглый год в собственном соку, вызывал у неё какое-то внутреннее отторжение, и в момент попадания в гимназию, и позднее. Нет, это, конечно, было общество строго по Дарвину, только с одной маленькой оговоркой — как в песне, победитель был прав, а проигравший просто жив. И тысяча с лишним гимназисток выживали, как умели. Некоторые кооперировались между собой, сбивались в кучи, стремясь либо урвать побольше для своей компании, либо сообща утопить всех остальных. Старшие кошмарили младших, сильные — слабых, хитрые — доверчивых, etc., etc. В четвёртом классе, куда она сначала попала, она мгновенно определилась со своей позицией, и с того момента вела свой личный баланс побед и поражений, ни с кем не желая его делить. Пока её одноклассницы менялись друг с другом анкетами и устраивали бесконечное меряние грудями, вернее, их отсутствием, а внезапно случившееся менархе становилось козырной десяткой в рукаве, Инна Ипсиланти уже задумывалась о будущем. В тот самый день, когда она попала в гимназию, она твёрдо решила, что отсюда она сбежит. И отныне всё её свободное время было посвящено обмозговыванию этой идеи. Она быстро перестала отвлекаться на мелкие дрязги. Когда одноклассницы развернули кампанию против своенравной и нелюдимой новенькой, она легко смогла справиться с этим. Цель оправдывала средства, и, если для поднятия авторитета в глазах этой публики нужно было сымитировать якобы уже имеющиеся месячные, значит, такую цену и нужно

было заплатить, дабы они все съели. И они съели.

Инна с самого начала была одной из круглых отличниц, но большие лавры пришли позднее. Слишком уж высокая была конкуренция, а она вступила в борьбу не с начала. Целью её было оставить позади одноклассниц, и, медленно набирая обороты, она к восьмому классу пересидела их всех. О, да, она хотела стать лучшей в классе, не мытьём, так катаньем стать лучшей в классе, и ей это удалось. В восьмом классе, когда с дистанции борьбы за титул самой умной, самой прилежной, самой любимой учителями гимназистки выбыли одна за другой почти все её участницы, забег этот вышел на финишную прямую. Кроме самой Ипсиланти, в нём остались ещё только две девицы из параллельного класса — неразлучные подруги Оля Каличкина, которую наша героиня за глаза окрестила «кудряшка Сью», и Марина Лонгинова, тоже кудрявая, но куда как более изящная — почти точная Иннина копия по силуэту, только со светлыми волосами. Это были соперницы посерьёзнее, да и вцепились друг в друга они крепко. Только зачем, Инна никак понять не могла. Она понимала лишь, что способна одолеть любую из них в одиночку, но спасует перед двоими. Так что борьба шла с переменным успехом.

Именно тогда в её жизни появился Григорий. Появился, в общем-то, случайно — да иначе и быть не могло, ибо гимназисток от мужского пола ограждали крепко, делая исключения для совместных балов с кадетским корпусом. Оттуда-то и пришла крамола, как бы ни фантастично это звучало. Пары для танцев составлялись на все балы разом, причём подбирались примерно подходящие друг другу по комплекции, росту и возрасту. Именно так в паре с Инной оказался командир отделения кадетского корпуса Григорий Коптильников, средних роста, комплекции и привлекательности парень. Только глаза у него были особенные — в них светилась искорка тёплого, живого ума.

Иннины однокашницы не постеснялись в открытую пожалеть Коптильникова за то, какая партнёрша ему досталась. Но всё сложилось иначе. Инна, обычно до цинизма трезвая в своих суждениях, тем не менее, не сразу поняла, что влюбилась. Видимо, просто не ожидала от себя подобного. Но, осознав это, не стала гнать от себя возникшее чувство, которое наполнило её жизнь каким-то новым смыслом. С этим человеком она преображалась, становилась своей противоположностью. В этого человека было вложено то немногое тёплое, что было в этой высокой, с чёрными волосами и фарфоровой кожей девушке — угловатой и в то же время изящной.

Это был уже тот возраст, когда влюблялись. То есть влюблялись, конечно, и раньше, но именно тогда амурный сезон впервые открывался всерьёз. Инна прекрасно знала, что она такая не одна — многие девушки положили глаз именно на кадетов (за неимением иных вероятных партнёров в обозримом радиусе). Некоторые, особенно

те, кого часто забирали домой, пытали счастья в том направлении, и потом, долгими зимними вечерами, рассказывали, с какими парнями они встречаются. Порой это перерастало в соревнования на приз барона Мюнхгаузена, но звучали иногда и реальные истории. Некоторые особо отважные не жалели ради таких романов своей невинности, эти факты чаще всего становились достоянием гласности и порождали скандалы с последующими отчислениями «за несоответствие облику гимназистки». Особенно показателен был в этом плане пример некой Анны Лурье из 9-го класса, которая ещё до поступления в гимназию принесла клятву верности какому-то парню из своего двора, и всё это время (четыре года!) встречалась с ним. Когда же это вскрылось по причине беременности, руководство гимназии твёрдо вознамерилось оставить её в числе учениц (Лурье блестяще играла на фортепиано и шутя брала первые места на всевозможных конкурсах), и начало искать благовидный предлог не доводить дело до конца. Однако девушка проявила недюжинную принципиальность, писать заявление об изнасиловании отказалась, и предпочла отчисление аборту. Тут надо сказать, что и парень даже не пытался отрицать своей вины за случившееся и от своей подруги не отрёкся.

Но Инна Ипсиланти была осторожнее и таких промахов не допускала. Она, уставившись в одну точку на потолке, навостряла уши и жадно впитывала все звучавшие в её комнате истории о встречах, поцелуях, и о чём-то большем, и мысленно примеряла всё это к себе.

Их встречи с Коптильниковым были нечастыми, но очень насыщенными эмоционально. Конечно, были балы и совместные чаепития на обеих сторонах, но этого не хватало. Время, когда каждого из них отпускали в город, совпадало редко, но они оба постоянно думали друг о друге. Он был счастлив, что сбылась его мечта завести себе подругу, и не какую-нибудь, а умную и симпатичную. Она же, предаваясь мечтаниям по ночам, как-то вдруг отметила для себя, что это всё для неё настолько необычно и настолько в новинку, что как будто мир повернулся к ней другой своей стороной.

Она тщательно старалась скрыть тот факт, что кому-то удалось покорить её сердце (как факт, наносящий ущерб её имиджу), но сделать этого не смогла. Коптильников, человек не столь нелюдимый, как его возлюбленная, поведал о своём романе кому-то из товарищей по корпусу, который, в свою очередь (опять же после знакомства на балу), бил клинья к Марине Лонгиновой, и, в надежде завоевать доверие, рассказал ей услышанную новинку. Нет, большой любви к Инне в гимназии никто не питал, но Лонгинова… В общем, слухи поползли. И если раньше большинство гимназисток глядели на Инну боковым зрением, то теперь начали выпучивать глаза, как бы всем своим видом показывая, что не могут поверить в случившееся. Инна пыталась не обращать на это внимания, и всё же это её задевало.

* * *

В Ахрангельске проливной дождь. Вода из-под колёс фонтаном хлещет на обочину, дворники едва справляются с потоками на лобовом стекле.

Склады наши расположены где-то в Исакогорке, в стороне от жилых домов, и мы правим туда, заезжаем через открытые ворота. Возле пакгаузов и на контейнерном дворе зловещая пустота. Только на подъездных путях, возле ворот, пыхтит и чихает зелёный маневровый тепловоз, да к нему прицеплены две теплушки.

Нурик подруливает мастерски точно, и фура глухо ударяется об отбойники перрона. Наверху, опершись о стену, нас уже поджидает кладовщик в синем козырьке, в руках у него синий же планшет. Я здороваюсь с ним, передаю ему бумаги. Он мне в ответ сообщает, что меня ждёт человек из юротдела, хочет со мной поговорить, я киваю, и, пока грузчики начинают разбираться с фурой, иду туда, куда кладовщик мне указал.

Наш только что оперившийся юрист Длуголенский, отправленный начальством в архангельский филиал, ждёт меня в конторе грузового двора. Известный всей фирме как большой любитель и умелец нагнетать обстановку, только он так мог декорировать своё ко мне дело — с ожиданием в условленном месте и с привлечением кого-нибудь из младшего персонала, дабы мне об этом сообщить. Одет он тоже в своём репертуаре — в клетчатой рубахе, в шерстяном жилете и в шарфе a la Остап Бендер.

Длуголенский сидит в огромном офисном кресле, невесть откуда появившемся в непролазной грязи полуподсобного помещения, смолит какую-то ароматизированную гадость. Вишня, кажется.

— Ave, Caesar, идущие на смерть приветствуют тебя, — говорю ему я. Между прочим, ничего смешного, уж если юрист желает с тобой поговорить, значит, что-то случилось.

— На латыни это будет «morituri te salutant», — отсутствующим голосом говорит Длуголенский.

— А мне больше по-русски нравится, — в самом деле, не говорить же ему открытым текстом, что у менеджеров по логистике (кем я вообще-то являюсь) латынь в программу не входит.

— Ладно, это всё лирика. Как доехал?

— Да ничего вроде, всё нормально. А у вас тут как, на Крайнем Севере?

— Ну, — затянул Длуголенский, — это ещё не Крайний Север, — а затем добавил: — но дыра порядочная. А в целом тоже ничего, сойдёт. Но я-то тебя вот зачем позвал: помнишь, когда стиральный порошок в Северодвинск возили, в сентябре?

— Да, было дело. Так вроде всё довезли, ничего не потеряли.

— Не потеряли. Только там в двадцати трёх коробках вместо порошка оказалась просроченная тушёнка.

Мне и смешно, и страшно. А ну как с меня и спросят?

— Не мы же его сгружали. Мы этот груз, если помнишь, в Казани забрали, с другой машины.

— Помню, помню, — отмахивается Длуголенский. — Только они вот телегу накатали, теперь судятся с нами. Придётся тебе в суд сходить. Так что вспоминай, как оно всё было. Сможешь?

— Смогу, а что не смочь-то?

— Вот и отлично. Надо обмозговать, что тебе там и как говорить. Ты все бумаги сдал?

— Все.

— Ну, тогда что тут торчать, поехали ко мне, там и поболтаем. Я подвезу.

— Ладно, поехали. Только Нурика предупрежу, чтобы он без меня на стоянку ехал.

После закрытия трамваев и троллейбусов перемещаться по Архангельску стало совсем трудно. В городе страшные пробки. Они и в сухую погоду страшные, а в дождь вообще хоть святых вон выноси. Длуголенский сосредоточенно разглядывает приборную доску, благо на дорогу всё равно смотреть нет смысла, но я почти что слышу, как он про себя ругается на эту осень, на этот проклятый город и, конечно, на свою загубленную судьбу, которой надлежит закончиться здесь, в провинции.

Длуголенский снимает крошечную, наглухо зашторенную однёшку в доме напротив вокзала. Кажется, что, если портьеры на окнах этой квартиры раздвинуть, квартира тотчас же сгорит. Но Длуголенскому, похоже, нравится.

…Часа два мы беседовали с ним о предстоящем процессе, о положении дел в фирме и много ещё о чём. Длуголенский оказался на удивление болтливым человеком, и, что самое удивительное, слушать его было ненапряжно. Ни дать ни взять настоящий юрист. Далеко пойдёт. И все эти два часа мою ногу в кармане брюк жгла записка, которую Ипсиланти передал мне в Баламутовке. Она требовала, чтобы её отнесли по адресу, она требовала, чтобы её отдали лично в руки. В конце концов, мне начало казаться, что, если я не уйду от Длуголенского сейчас, то окончательно с ним заболтаюсь и обо всём забуду. Я ему попытался было намекнуть о том, что пора, но не тут-то было. Он, как гостеприимный хозяин и просто как человек, которому смертельно скучно, даже не пытался понять мои намёки. Предложил выпить по стопочке коньячка, покурить хорошую сигару — было видно, что от сердца отрывает. Мне стоило большого труда сослаться на неотложные дела, на усталость и ещё на две тысячи триста тридцать три причины, дабы отделаться от столь радушного хозяина.

Дождь на улице и не думал прекращаться. Стена воды, две стены воды, четыре стены воды… Поганое время — глубокая осень. Я где-

то читал, что именно на этот сезон приходится наибольшее число разводов, депрессий и самоубийств. Ничего удивительного.

Возле вокзала ловлю такси и еду по адресу, который указан на записке.

…Тихая улочка где-то в Соломбале, дома в два-три этажа, проезжая часть от дождя превратилась в направление. «Волга» буксует через каждые пятьдесят метров. Через каждые же пятьдесят метров таксист ругается матом. Заехав в нужный двор, ещё пытается содрать с меня лишний полтинник за профессиональную вредность. Напрасно.

Захожу в первый подъезд. Поднимаюсь на третий этаж. Стучу в девятую квартиру. Почти мгновенно, даже не спрашивая «кто там?», дверь мне открывает женщина лет шестидесяти пяти, невысокого роста, черноволосая, с длинным крючковатым носом и подёрнутым морщинами лицом. В её глазах не читается ни малейшего удивления по поводу появления на её пороге совершенно незнакомого человека. Она меня как будто бы ждёт.

— Ольга Дмитриевна, — спрашиваю я, — это вы?

— Это я, — отвечает она. — Вы по какому вопросу? Если из управляющей компании, я с вашим представителем уже беседовала.

— Да нет, я не из управляющей компании. Меня попросили вам передать, — и протягиваю записку.

Она берёт листок в руки и, даже не разворачивая, начинает его внимательно разглядывать. На её лице не отражено никаких эмоций, но кожа, и без того белая, как извёстка, белеет ещё сильнее. Тут я начинаю беспокоиться. Хватит ещё инфаркт старушку, чего доброго, век потом не отмоюсь. Я в фирме и так в «расстрельном списке» на сокращение. Ольга Дмитриевна меж тем некоторое время беззвучно шевелит губами, а потом спрашивает:

— Он вам сам это передал?

— Сам, — отвечаю я.

— А где это произошло, где вы его встретили? А впрочем, неважно. Заходите, поговорим, если у вас, конечно, есть время.

Я прохожу вслед за хозяйкой на кухню. Она включает чайник, мы садимся у стола, застеленного простой клеёнкой, и молчим. Квартира обставлена бедно, но исключительно чистая. Наконец Ольга Дмитриевна подаёт голос:

— Итак, расскажите мне, где вы его встретили?

— В Баламутовке. На юге области. Видите ли, я экспедитор, езжу с дальнобойщиками, и часто проезжаю через это село.

— И там вы его встретили?

— Да. Он уже давно там. Мы с ним познакомились в придорожном кафе, он там на стоянке часто бывает.

— И чем занимается?

— Торгует вяленой рыбой, вроде сам же её и ловит, — честно отвечаю я.

— Да уж, — говорит Ольга Дмитриевна, — достойное занятие. Но, по крайней мере, он не ворует и честно зарабатывает на хлеб насущный.

— Разве этого мало?

— Видите ли, молодой человек, мой сын мог добиться в жизни куда как большего! Но лень, лень и несобранность!

— Извините, если задел больную тему.

— Конечно, она больная, — здесь голос старушки начинает дрожать, — но вечно нельзя держать это в себе.

— Тогда говорите. Я обещаю, что то, что вы скажете, никогда не выйдет за пределы этой кухни, — фраза получается весьма корявой, но ведь не каждый день изображаешь из себя вежливого человека.

Но Ольге Дмитриевне, похоже, всё равно.

— Видите ли, — говорит она, — Сергей в детстве был умнейшим ребёнком, любознательным и живым. Как его отец, пока он не пропал.

— Пропал?

— Да. Он служил на торговом флоте. Где-то в Африке сошёл на берег и больше не вернулся. Сергею тогда ещё трёх лет не было, — Ольга Дмитриевна снимает с подставки бурлящий чайник, и бережно сливает кипяток в гжелевый заварник. Видимо, принципиально не признаёт пакетиков. Потом садится и продолжает:

— Так вот, Серёжа… Умница был… В школе учился хорошо, если бы не ленился, да если бы не плохая компания. Да вы сами посмотрите на этот район, какая уж тут компания! И что они в его голову вложили — не понимаю. Был хороший, а к концу школы — испортился. Отрастил волосы, слушал какую-то дрянь, а один раз — представляете! — приходит из школы, а от него табаком так и разит!

— Он и сейчас курит.

— Ну и пусть травится. Перед самым выпуском он и с девицами какими-то встречаться начал, ему бы об учёбе думать, о поступлении, а он… А ещё постоянно в лесу пропадал. Но это у него было с самого детства. Любил парки, леса, рощи, зелень всякую, жуков там, пауков. В школе даже в кружок по зоологии ходил, во Дворце пионеров. Потом бросил, конечно, но пару лет ходил. Я его, естественно, одёргивала, что он забыл в этом лесу, а он говорит, скучно мне, говорит, в городе. А в лесу, мол, раздолье, свобода, чистый воздух… Я так старалась, чтобы из него не выросло шалопая, а всё-таки не смогла. Когда он школу окончил, я думала, что он поступит к нам, в Архангельске, в пединститут. Не ехать же в Мурманск или в Ленинград, в самом деле! А он… И откуда столько дури было в его голове? Поругались мы с ним тогда. Я ему говорю — ты мне не сын больше, если так со мной. А он мне — раз так, то и катись к чёрту, знать тебя

не желаю. И уехал. Чёрт те куда уехал. Мне потом говорили город, но я не запомнила, к чему это? Он там вроде выучился на геолога. Как был шалопаем, так и остался. А потом ещё кто-то рассказывал, что он там женился, что у него дочка родилась… А что дальше с ним стало, я не знаю. И знать не хочу.

— И о его дочери тоже?

— А вы что-то знаете о ней?

— Нет, о ней я, увы, ничего не знаю.

— Ах, если бы вы только могли себе представить, как бы дорого я дала, чтобы хоть раз её увидеть! Уж она-то должна быть не чета своему отцу. Если бы она была здесь, если бы я могла её воспитать. Я бы её не заставляла идти учиться, куда мне нужно. Мне это теперь ни к чему. Просто, если бы вы только знали, как грустно, что у меня где-то подрастает внучка, а я даже не могу ничего для неё сделать!..

Мы пьём чай, и ещё о чём-то беседуем… Ольга Дмитриевна, хоть женщина и строгая, но очень радушная хозяйка, постоянно просит меня под страхом своей обиды попробовать «вот это варенье» или «вон ту ягоду», а когда, наконец, темнеет, и я говорю, что мне надо идти, берёт с меня клятвенное обещание, что я, когда ещё раз заеду в Архангельск, обязательно зайду к ней на чай.

В прихожей я молча одеваюсь, открываю дверь и выхожу на площадку. И уже через порог Ольга Дмитриевна вдруг спрашивает меня:

— Скажите всё-таки… Как он там?

— Нормально. Он нормально.

* * *

Прежде всего, для успеха плана нужны были деньги. Инна, как отличница, получала стипендию, и копилку пополняла именно оттуда. Преодолевая все соблазны, она отказывала себе буквально во всём, но таки собрала чуть больше четырёх тысяч рублей.

Другая сторона вопроса — паспорта. То, что без бумажки мы — букашки, Инна усвоила ещё в детстве. Она, быть может, сбежала бы и раньше, но ждала, пока достигнет 14 лет, чтобы обрести в своих передвижениях хоть минимальную самостоятельность. Паспорт ей выдали, но загвоздка состояла в том, что документы всех гимназисток для надёжности (так это объяснялось) хранились в сейфе у завуча по воспитательной работе вместе с частью личных дел. Инне стоило большого труда убедить себя в том, что это — не часть какого-то большого дьявольского заговора администрации против учениц. Однако она смогла решить и эту проблему. Она добилась того, что именно ей как едва ли не самой прилежной и благонадёжной ученице уже упомянутая дама-завуч доверила помогать по части своей канцелярии, в том числе и в работе с личными делами. Сколько нового узнала Инна, читая эти бумаги! Но главное — она

всё же дождалась того прекрасного дня, когда суровая начальница, оставив её в кабинете снимать копии с бумаг и снабдив на всякий случай ключами, ушла на обед. Так у Инны появились их дубликаты.

Затем Инна начала, выходя в свободное время в город, искать место, где будет прятаться первое время, подбирая его с тем расчётом, чтобы оно было достаточно далеко от гимназии, и чтобы оттуда можно было в случае чего легко уйти. Подобрала сразу четыре.

Не последний вопрос — куда бежать. Вопрос был трудный, но Инна решила так — найти работу, а уж следом за этим ориентироваться по обстоятельствам.

Было и ещё одно обстоятельство. Инна не могла не понимать, что вечно на улице ей не выжить, и, если до наступления зимы не удастся создать приемлемых условий — она просто погибнет от голода. Ко всему прочему, шанс на побег у неё был только один, и вот почему. Гимназистки, случалось, бегали и раньше; за этим всегда следовало исключение из гимназии, но если для остальных учениц это было чревато всего-навсего поступлением в обычную школу, то Инне с её семейными обстоятельствами улыбался детский дом, со всеми прелестями тамошней жизни. Будучи наслышанной об этих прелестях, она резонно полагала, что до возможности побега оттуда она может просто не дожить. И, наконец, для неё было важно не просто сбежать, а сбежать так, чтобы НЕ ВОЗВРАЩАТЬСЯ.

Из всего этого следовало, что ей, на случай, если не удастся обустроиться самой, нужно будет иметь некий резервный «план Б», то есть уйти куда-то туда, где её примут, и, по возможности, не изнасилуют и не убьют. Такое место было всего одно — её бабушка, живущая в Архангельске. Наведя кое-какие справки, Инна смогла установить, что она жива, но адрес её так и не раздобыла.

Эти подготовительные мероприятия продолжались бы и дальше, но помешало появление Григория на горизонте.

Она долго не могла решить, посвящать ли Григория в свой план побега. А готовилась она очень тщательно, и потому появление нового неизвестного в уравнении могло всё только испортить. Ей безумно, до боли хотелось вырваться, глотнуть свежего воздуха, и затем — бежать, бежать куда глаза глядят, бежать любой ценой. А он? А вдруг он ей помешает, всё сорвёт, всё испортит? Однако в конце концов Инна поняла, что предать его просто не может. Не имеет права. Не должна.

Раз, в апреле, субботним вечером, они медленно шли по маленькому скверу где-то в новом районе, на востоке города. Уже темнело, но голубоватая ночь, наступавшая на город, была какой-то по-весеннему мягкой, ласковой, хотя и холодной.

Он отпустил её руку, и положил свою на её плечо; она повернула голову к нему и легонько коснулась сухими, холодными губами его

виска, а затем тихо, почти шёпотом, но с какой-то стальной уверенностью в голосе, сказала:

— Я хочу убежать.

— Откуда убежать? — не понял Коптильников. — И куда?

— Из гимназии, — спокойно ответила Инна. — Неважно, куда.

— Ты с ума сошла, — не менее спокойно сказал Григорий, и всё же, хотя и имел намерение заикнуться о причинах такого её решения, от вопроса воздержался. Он-то знал: если она сказала — сбежит, значит, сбежит. Но она не заставила его путаться в догадках:

— Гришенька, пойми, я больше так не могу. Матери моей нет давно, отец не знаю где, может, и его нет, я его и в детстве-то не видела, он же геолог был. Понимаешь, нет у меня никого в мире, кроме тебя, и самой меня нет. Понимаешь?

— Понимаю, — кивнул Григорий, хоть и не понимал. А она продолжала:

— Я сама жить хочу, среди людей жить хочу, а не в этом зоопарке. С тобой хочу, понимаешь?

— И как ты хочешь это сделать, чтобы не нашли? — всё ещё с некоторым недоверием в голосе спросил Коптильников.

После того, как Инна разъяснила ему детали своего замысла, уговаривать Коптильникова участвовать в нём долго не пришлось. Не то чтобы он очень хотел сделать ручкой кадетскому корпусу, но Инной он настолько дорожил, что не мог позволить уйти ей просто так, в никуда. По сарафанному радио он уже достаточно наслушался о том, какой репутацией она пользуется, и вдвойне гордился собой, что такая неприступная девушка выбрала именно его.

* * *

Моя следующая встреча с Ипсиланти состоялась три дня спустя после первой, когда мы с Нуриком возвращались обратно.

Было около шести вечера, когда мы заехали на стоянку. Нурик, которому не терпелось потратить хоть что-то из свежевыданной получки, тут же кинулся в расположенный по соседству с кафешками магазин класса «всего помаленьку», а я остался стоять возле машины.

Сергей сидел на своём обычном месте, но заметил я его не сразу, так как он там был не один. Он сидел на своей табуретке, а рядом с ним стояла невысокого роста темноволосая женщина; они курили и о чём-то разговаривали. Вот никогда бы не подумал, что в таких местах женщины встречаются как вид! Женщины, я подчёркиваю, а не бабы, каких везде хватает. А то, что это была именно женщина, я разглядел метров с восьмидесяти.

Нет, я, конечно, понимал, что отвлекать людей от разговора неприлично, но всё-таки подошёл. Я и так хотел подойти к Ипсиланти и, по крайней мере, поздороваться, а наличие этой незнакомой мне

особы рядом с ним ещё более усиливало это моё желание.

Так я и сделал. Когда я подошёл, Ипсиланти встал, широко улыбнулся, и представил меня собеседнице:

— Вот, Марина, это мой хороший знакомый и хороший человек Виталий.

— Марина, — ответила женщина, и протянула руку, которую я в немного выпендрёжной манере поцеловал.

— Марина, — сказал Ипсиланти, — можно сказать, приехала поднимать село. Вообще она учитель русского и литературы. Но — кризис, работы нет, и вот она здесь. Зато здесь работа есть. Я прав?

— Да, как-то так, — сказала Марина, — но в здешней жизни тоже своя прелесть.

Мы ещё некоторое время стояли, беседовали на отвлечённые темы. Я очень боялся, что Ипсиланти заведёт разговор о своей матери и о записке, но он, к счастью, его не завёл. Потом Марина засобиралась домой, и я вызвался её проводить; Ипсиланти собрал товар, и отправился куда-то по направлению к кафе.

Марина жила на другом конце Баламутовки, возле железнодорожной станции, снимала квартиру в какой-то трёхэтажке. Она пригласила меня на чай, я отказываться не стал.

Оказался ли я с ней в постели, спросите вы? Да, оказался, причём в тот же вечер. Всё вышло как-то само собой, да и Бог с ним, вышло и вышло.

Марина сидела на краю кровати, завернувшись в простынь, и курила. Я лежал на спине и тоже курил. Даже если о чём-то и надо было говорить, то лично я на разговор настроен не был. Но Марина спросила:

— А как ты вообще… связался с этим Ипсиланти?

— Да даже не знаю, — ответил я, — просто часто тут проезжаю, так как-то и познакомились. А что, ты что-то против него имеешь? По-моему, замечательный человек.

— Да я и не спорю, что замечательный. Просто странный слегка. И я ничего против него не имею.

— А чем он странный? Тем, что не спился при таком образе жизни?

— И этим тоже. Но не только. У него вся жизнь очень своеобразная. Он мне много рассказывал.

Так как история уже была мне отчасти знакома, то, больше из вежливости, чем из действительного желания слушать, я спросил:

— А что он рассказывал?

— Долгая история. Попробую начать сначала. Он сам родом из здешних мест, но учиться поехал, насколько я знаю, в Томск, потом куда-то оттуда перебрался, куда именно, не помню, но тоже в Западной Сибири. Его мать воспитывала, женщина строгих правил, властная и сильная. Отец то ли умер, то ли исчез куда-то — я не знаю, он

и сам не знает. Вообще странно, как замечаю по своей жизни, все Сергеи — безотцовщина. Не первый раз уже такое. В общем говоря, у них с матерью отношения были тяжёлые. Он своевольный был, рвался на свободу. И вырвался в конце концов. Поссорился, разругался вдрызг — и уехал. Уехал учиться за тридевять земель. Он, как мне говорил, потому и стал геологом, что хотел на природу, подальше от людей и установленных порядков. Так ему нравилось. И стал. Всё студенчество пропадал в экспедициях, потом тоже пропадал. А ещё через год женился. Он говорил, что даже не помнит, как со своей женой познакомился — не отложилось, наверное, в памяти. А она откуда-то из деревни была родом, правильная девушка, умница, отличница. Бог её знает, что она в нём нашла — может, жильё было нужно и прописка, а может, как говорят, противоположности сходятся. Только я в это не верю.

— Слушай, — говорю я, — ты мне объясни только, зачем он тебе всё это так подробно рассказывал?

— Не знаю. Просто я его попросила рассказать, он и рассказал. Он говорит, что ему за свою жизнь не стыдно, он секрета из неё не делает. Так тебе интересно?

— Конечно, продолжай, — отвечаю я и поудобнее откидываюсь на подушку.

Марина продолжает:

— Потом они, как я говорила, из Томска переехали. А вскоре у него дочка родилась, они её Инной назвали. Он говорил, что это жена на имени настояла, потому что «это звучит». А ему всё равно было, он не возражал. Но всё равно он свою дочь очень любил, возился с ней, как умел, пока она маленькая была. Да только дома его всё равно не было почти никогда, экспедиции, партии, снова экспедиции. Он два раза на зимовке в Арктике бывал, всю тайгу изъездил, в болотах тонул, где он только бывал — в общем, куда Макар телят не гонял. Ему в городе, дома было тяжело, на месте не сиделось. Из-за этого у них с женой начались конфликты, ссоры — будь здоров. Так было — в экспедиции клещи и комары кусают, а дома жена. И так десять лет. А он всё терпел. Это же, долг, ответственность — понимаешь? Они его с дочерью дома ждут, нельзя их совсем оставлять, надо возвращаться иногда — потому что ждут, это главное. И он возвращался. Хоть и скандалы дома, и ругань — всё равно возвращался. А потом… а потом случилось. Жена его подхватила где-то простуду, лечилась как попало, пневмония, и всё. Не спасли. Дочери тогда было десять лет. Так он с ней на руках и остался. А в городе ему работы не было, только экспедиции. Да и не мог он уже без этого. Поэтому и дочку пристроил в женскую гимназию, а сам снова в тайгу. Она девочка тихая была, не спорила с ним, не возражала. Первый год он её, когда мог, навещал. А затем завербовался в экспедицию в Антарктику, за большие деньги. Уехал на целый год, да больше в свой дом так и

не вернулся. Сил у него уже не было. Уволился, деньги быстро кончились, слонялся по городам и весям. Нищий, аки мышь церковная, зато свободный. Он так говорил, это самое главное. На кой чёрт деньги, если полной грудью вздохнуть не можешь? Не знаю, прав ли он был, но говорил так. В конце концов здесь осел. Занял какую-то хибару на отшибе села, там раньше какой-то алкаш жил, потом умер — он там и поселился. Начал рыбу ловить, продавать. Так и перебивается, уже год с лишним. Но ему история с дочерью всё равно спать спокойно не даёт. Совесть мучает, что оставил её и исчез. Всё порывается поехать к ней, да так и не поедет.

— И как тебе такая жизнь? — спрашиваю я, когда Марина, наконец, умолкает.

— Это безответственность, — говорит она, — но это его жизнь. Тем более, что человек-то он всё равно замечательный. Пусть уж живёт как хочет, не нам с тобой его судить.

— И как ты думаешь, он счастлив?

— Свободен, по крайней мере. Свободен от денег — свободен в принципе.

* * *

…бабье лето получилось смазанным и кончилось быстро и внезапно, как и началось. Ночь на 18 сентября была тихой, тёплой и безветренной. Ветер поднялся лишь под утро, пригнал откуда-то с севера серую пелену облаков, и застил ею небо.

19 сентября пошли проливные дожди, а ещё через пару дней ветер снова поменялся, и задул строгий вест. Сменилась и погода: стало прохладно и сухо. Так наступила осень. На пыльном асфальте шуршали, перекатываясь, одноразовые стаканчики и целлофановые пакеты вперемешку с сухими листьями. Из старых кварталов потянуло едковатым дымом мусорных куч, а со стороны дачных посёлков ветер приносил запах перекопанной земли и спелых яблок.

Осенью в городе подорожал бензин. Осенью вообще всё подорожало. Люди, чертыхаясь, ходили по рынкам, и набивали пакеты и авоськи свежей картошкой и капустой, редькой и патиссонами.

С работой ничего не выгорело. Все сезонные приработки были уже закрыты, почты и заправки хотели видеть у себя только совершеннолетних, а больше сунуться было и некуда.

Ночевать в долгострое было уже нельзя. Во-первых, ночи были уже по-настоящему холодные, а во-вторых, вокруг расположенных по соседству теплотрасс начали кучковаться бомжи, видимо, в предвкушении отопительного сезона. Да и запасы подходили к концу. Эти проблемы надо было как-то решать, но у Коптильникова никакого ясного плана на этот счёт не было. У Инны тоже не было, зато было немало решимости его придумать. Она чувствовала на себе какой-то облагораживающий груз ответственности за всё происхо-

дящее. В конце концов, именно она втянула Григория в эту затею. И потому целыми днями ломала свою многоумную голову в поисках решения, пока наконец не подобрала подходящее. Звучало оно примерно так:

— Гриша, — она мягко положила руку на его плечо и наклонилась к его уху, — а что если где-нибудь на даче? А?

— На какой даче? — не сразу понял Коптильников. — У тебя дача есть?

— Да нет же, не у меня. Просто в любом дачном посёлке, где потише. В домиках зимой же всё равно никого нет. Вот там и посидим. Ещё в огороде успеем покопаться, может, там что не убрано осталось.

— А ключи? Как дверь откроем?

— Да откроем как-нибудь, — отмахнулась Инна от вполне резонного вопроса.

— А если там сторож, в посёлке в дачном?

— Ты думаешь, он в каждом посёлке есть?

На это Коптильникову возразить было нечего. Пришлось только пожать плечами, пересчитать мелочь в карманах и поехать осматривать все места скопления мичуринских, какие он только помнил, да ещё те, что Инна подсказала.

Между тем, начало холодать. Где-то в третьей декаде сентября грянули первые заморозки, а через неделю выпал первый снег, и почему-либо зазевавшиеся дачники теперь в панике забегали по своим огородам, спасая всё то, что ещё было можно спасти.

Коптильников возложенные на него обязанности исполнил без особого энтузиазма, но к решению проблемы подошёл очень добросовестно. Потратив в общей сложности четыре дня на осмотр мест для «залегания на зимовку», как он сам это называл, он таки нашёл подходящее. Это был небольшой кирпичный домик на отшибе безымянного посёлка, в народе именуемого «114-й километр». Вид и у дома, и у участка был весьма запущенный — здесь по меньшей мере год явно никто не бывал. Дверь была заперта на замок, но по найденной тут же приставной лестнице Григорий без особого труда проник внутрь через разбитое окно мансарды, и уже изнутри отпер дом. Особенно приятным сюрпризом было то, что ключ нашёлся там же, под порогом. Положив его, после некоторых раздумий, в карман, Коптильников вышел из дома, вновь заперев дверь.

Дорога в посёлок была длинной, путаной и грязной, и потому люди туда предпочитали добираться на пригородном поезде, до одноимённой платформы. Железнодорожная ветка, возле которой посёлок стоял, была неэлектрифицированной, и электричек там просто по определению не было. Итак, две пары поездов в день — один настоящий пригородный, а второй — какой-то 600-й, но в сущности тоже пригородный — из восьми вагонов половина сидячих, да два общих. Ещё был малополезный, без особого расписания, автобус,

который зимой, как говорили, не ходил. Посёлок от ближайшей деревни отделяло бескрайнее картофельное поле. Картофель с него уже убрали, и оно отдыхало — до самой весны.

Коптильников, пиная камни гравийной отсыпки, слонялся без дела по посёлку, а вокруг бегали суетливые, как всегда по осени, дачники, в багажники и на прицепы грузили мешки с урожаем, жгли мусор, топили печи, мыли окна, подметали в домах. А ещё стучали молотки — двери заколачивали на зиму.

…Инну наличие ключа и вовсе привело в восторг. Выслушав рассказ Григория до конца, она тут же, не теряя ни минуты, скидала в рюкзак вещи, и беглецы стремглав ринулись на вокзал — до второго и последнего на сегодня поезда в нужную сторону оставалось минут сорок.

* * *

Прошла ещё неделя, или, может быть, дней десять прежде, чем я снова оказался в Баламутовке. В кафе «Анна» был санитарный день, и потому я сразу направился к Ипсиланти, которого застал за внимательным созерцанием какой-то придорожной травки на тротуаре. Я подошёл к нему со спины, но он, услышав шаги, обернулся заблаговременно:

— А вот и снова ты. Рад видеть.

— Я тоже рад. Чем занимаешься?

— Да вот, видишь, на траву смотрю. Это чина луговая. Просто удивительно, как она тут не помёрзла.

Здесь он был прав. Последние несколько дней по ночам были сильные заморозки, ненадолго выпадал снег.

— Удивительно.

— Слушай, — Ипсиланти встаёт и закуривает, — ты здесь до завтра?

— До завтра. Более того, может быть, даже до послезавтра, как указания от руководства поступят. Но до завтрашнего вечера в любом случае.

— Тогда, может, сплаваешь завтра со мной?

— Куда?

— До острова, у меня там в лабазке рыба осталась вялиться. Я хочу снять, сюда, в дом перевезти, а то как бы, не дай Бог, не перемёрзла, растает потом — сгниёт.

— Могу и сплавать, — отвечаю я, — у меня на завтра особых планов нет. — И это чистая правда. Всё лучше, чем смотреть на Нурика, дрыхнущего в гостинице.

Часов в восемь вечера отправляюсь к Марине. Дверь в квартиру почему-то не заперта, и я захожу без стука. Она сидит за столом в кухне, проверяет тетради. Вид у неё удручённый. Надо полагать,

ничего хорошего там не пишут. Увидев меня, Марина меняется в лице, выходит в прихожую и нежно меня обнимает. И никого ничего не удивляет — она принадлежит к числу тех женщин, которые ни о чём лишнем не спрашивают, и если уж позволяют к себе приходить, то позволяют делать это без приглашения, или просто оставляют ключи от своих дверей; меня же просто трудно чем-то удивить.

— И что, — спрашиваю я, пока Марина накрывает на стол, — как здесь жизнь?

— Всё так же. Кризис — это везде. И ученики умнее не становятся. А ты?

— Я нормально.

— Нормально? И слава Богу. Ладно, давай пей чай, приходи в себя, а то выглядишь совсем плохо.

Это самый простой, дешёвый чёрный чай в пакетиках, а к нему — самое простое, советской закалки, печенье, и три-четыре прошлогодних карамельки. Но это всё куда как приятнее, чем даже самый вкусный борщ в плотниковском заведении — потому что это для меня.

— А ты представляешь себе, — говорю я, — Ипсиланти меня завтра с собой позвал до острова с ним сплавать. Как думаешь, плыть?

— А ты согласился?

— Согласился.

— Тогда плыви. По крайней мере, убить он тебя не убьёт, может, расскажет что-нибудь интересное. У него же всяких баек миллион.

Потом сидим в гостиной. Работает телевизор, но звук выключен, и я его не смотрю. Я смотрю на Марину. Та сидит за журнальным столиком и раскладывает на нём какое-то гадание. Она вообще неплохо гадает на картах, с её слов, она, пока жила в Архангельске, умудрялась на этом зарабатывать.

— Знаешь, — вдруг говорит она, глядя на меня с тревожной улыбкой, — странное дело.

— Что именно?

— Карты. Никогда такого не видела.

— Ты, кстати, на кого гадаешь?

— На тебя.

— И что там?

— Я говорю — странное дело. Получается, что ты, как бы это сказать, что-то соберёшь воедино, соединишь, сам того не подозревая. Не знаю, что это должно быть конкретно, ничего на ум не приходит. Я третий раз перекладываю, всё выходит одно и то же.

— Действительно интересно, — отвечаю я, — что бы это могло быть? Получка и аванс? Или расчёт и отпускные? В наши дни нечего и удивляться.

— Ты не понимаешь. Это что-то большое, важное. Серьёзное.

— За три месяца получка, что ли? — спрашиваю, почти смеясь.

— Да ну тебя. Ничего ты вообще не понимаешь, — говорит она, всё так же улыбаясь, и садится ко мне на колени.

Рано утром, пока Марина ещё спит, я встаю, и тихо, как мышь, выхожу из квартиры, захлопываю дверь; брюки приходится одевать уже на лестничной площадке.

Ипсиланти ждёт меня возле входа в кафе; ни на какое конкретное время мы с ним не договаривались, он просто ждёт. Видимо, он просто мне верит.

— Как спалось? — спрашивает он, пожимая мне руку.

— А ты знаешь, ничего. Мило и тепло. И мухи не кусают.

— Ну что, пошли?

— Пошли.

Ипсиланти хранит своё плавсредство в полуразрушенном бетонном эллинге возле старого причала в затоне на широкой и медленной реке, названия которой я не знаю. Ночью опять подморозило; с неба сыплется ледяная крупа. По реке идут шуга и сало; затон подёрнулся корочкой прозрачного льда. Покрошив лёд ломом для очистки совести, Ипсиланти выводит старенькую лодку на воду и заводит мотор.

До острова плыть почти двадцать минут. Ипсиланти правит, сидя на корме, я полулежу на дне лодки, на носу, и смотрю через борт то на небо, то в воду. Они почти одного цвета — серые и блёклые. А на воде блестят ледяные искорки.

— Здесь даже осенью хорошо, — говорит Ипсиланти, — пожалуй, даже лучше, чем летом.

— Почему?

— Не жарко, и комаров нет. Зато и рыба хуже идёт.

— А как же зимой? Подлёдный лов?

— Прошлую зиму еле перекантовался, а в этот раз в районе обещают общественные работы. Надеюсь, возьмут. К январю запасы кончатся, тогда, боюсь, туго будет. Но авось пронесёт.

— А свалить отсюда ты не подумывал?

— Можно и свалить. Понимаешь, в том вся и прелесть. Решение приходит внезапно, спонтанно, и тогда я куда хочу, туда и еду, чем хочу, тем и занимаюсь. Сегодня здесь, а завтра там.

Тем временем лодка ломает перемёрзшие ветки прибрежного ивняка, и мы причаливаем к заросшему кустами и бурьяном острову. «Лабазок» Ипсиланти стоит метрах в пятидесяти от воды, на пригорке, и скорее напоминает сарай, чем настоящий лабаз — сколочен кое-как, поскрипывает на ветру, но держится. На проволоке, привязанной к шесту, вялится рыба — но каким-то необычным спо-

собом, не продетая через глаз, а иначе: мясистые части, нарезанные кубиками и очищенные от костей, прямо на лентах нечищеной, в чешуе, кожи.

— Что, — спросил Ипсиланти, видя, как я смотрю на рыбу, — удивлён?

— Да. Тебя кто научил так рыбу вешать?

— Это что-то вроде юколы. Национальное блюдо у некоторых северных народов. Так она лучше высушивается и хранится дольше, потому что голов и требухи нет. Хочешь попробовать?

— Нет, спасибо, в другой раз, — я, конечно, Ипсиланти уважаю, но глистов всё-таки побаиваюсь.

Ипсиланти выносит из лабаза старый примус, зажигает его, и ставит старый полуржавый чайник. Когда тот закипает, бросает в кипяток три чайных пакетика, принесённых оттуда же, из лабаза, а полученную жидкость разливает по чашкам; одну чашку даёт мне, из второй начинает пить сам.

Мы садимся на завалинку, возле двери, пьём чай, курим и разговариваем. Над нами на верёвке висят веники из сухой полыни, мелиссы и чего-то ещё столь же душистого; пахнет травами и огоньком от примуса.

— И всё-таки я не понимаю, — говорю я, — что ты делаешь именно здесь? Почему не у себя на родине? Или не где-нибудь ещё?

— Здесь мне просто нравится. Места красивые.

— Но ты ведь много где бывал. Неужели красивее не видел?

— Видел. Но здесь тоже хорошо. Но это не главное. Как-то мне здесь спокойно, меня отсюда пока не тянет куда-нибудь ещё. Когда-то обязательно потянет, но не сейчас.

— А если жить где-нибудь за границей? Ты бы хотел?

— Нет.

— А что так? Ты патриот?

— Да не то чтобы. Просто ты не понимаешь, наверное, даже, в какой прекрасной стране мы живём. И в какое прекрасное время!

— Да ну?

— Ну разумеется! Ну скажи, Виталя, ну где ты ещё в мире найдёшь что-нибудь подобное? Ведь только в нашей чокнутой стране я могу идти по любой дороге, в любом направлении, брать попутки и посылать их к чёрту, сходить с дороги и сворачивать в лес, залезать на любое дерево и пить из любой реки, собирать грибы и ягоды, ловить рыбу, и не платить за это, не получать никаких разрешений и ни перед кем не отчитываться! Конечно, есть много исключений, но главное, что есть возможность! Я могу говорить с людьми, и могу оставаться один, есть куда уходить, где побыть одному, и могу шуметь в любое время суток и никто мне будет не указ! Скажи, где ты ещё найдешь это? Попробовал бы ты в той же Германии без разрешения в лес зайти! Или во Франции мусор выкинуть не в ту урну!

Или в Штатах вывесить рыбу сушиться на балконе! А здесь я могу, и закона не нарушу. Пойми ты, у нас тут полно проблем, но только в этой чёртовой стране я могу сам найти себе еду и воду, и никому за это не платить, и ни у кого не спрашивать о том, чего мне сегодня хочется — щучьей ухи или жареных карасей! Знаешь, с чем я сюда пришёл, в эту Баламутовку?

— И с чем же?

— Вот в этой ветровке у меня были ручка, спички, блокнот и расчёска из поезда. И ещё была закидушка с тремя крючками. И я с этим вот всем выжил, не умер, и, заметь, ни у кого ничего не украл и никого ни о чём не просил. И этим я горжусь.

— Ипсиланти, ты сумасшедший, — почти всерьёз говорю я, хотя после его слов не могу сказать, что стал относиться к нему хуже.

— Да, я, чёрт возьми, сумасшедший. И это хорошо.

— Слушай, неужели тебя никогда не тянуло назад, к тому, что ты где-нибудь да оставил, к нормальной жизни?

— Я много лет жил нормальной жизнью. Только в экспедициях и отдыхал. От матери, от жены, от семьи и от города. Не значит, что я их всех не люблю. Просто мне нравится так жить, и это ещё не значит, что я в чём-то перед ними виноват. Может быть, у меня дромомания, может быть. Но я так долго ждал, пока всё то, что меня связывает, исчезнет, и я свободен, наконец-то, Я ЖИВУ!!! И я просто хочу жить так, как мне хочется. Это же так просто, чёрт возьми!..

— А хоть за что-то тебя совесть мучает, а?

— За дочь. За то, что оставил её, не нашёл сил прийти и просить прощения, за то, что не могу иначе. Она единственная, перед кем мне и вправду стыдно. Надеюсь, она считает, что я умер. Ей на самом деле так будет проще. Она тогда ничем не будет себя терзать.

— А как же надежда? — недоумеваю я. — Надежды ты ей оставить не хочешь?

— Надежды на что? Ты сам на меня посмотри, ну какой из меня отец? Пойми, я, может, умею любить, но совершенно не умею привязываться. Просто я такой, ничего с этим не могу поделать.

— И тебе не жаль?

— Нисколько. Не знаю, понимаешь ли ты меня, надеюсь, что понимаешь. Ай, ладно, — Ипсиланти машет рукой, словно стесняется всего сказанного, — давай рыбу грузить. Поживём — увидим.

Вернувшись в Баламутовку, застаю Нурика в кафе уплетающим щи. Никаких эмоций на его лице по поводу моего возвращения нет. Да и ладно. Я спрашиваю у него:

— Когда поедем?

— Когда скажешь, тогда поедем. Вот только суп доем, да?

— Кушай, кушай на здоровье.

— Обижаешь. Целый день голодный.

Наконец Нурик разбирается со щами, и мы идём на стоянку. У дверей меня караулит Ипсиланти, и, когда я выхожу, спрашивает:

— Слушай, а всё-таки ты записку передал?

— Передал.

— Спасибо. Скажи… а как там она?

— Она в порядке.

* * *

…оказавшись в обезлюдевшем дачном посёлке и кое-как скоротав первую ночь, они следующие четыре дня бродили по картофельному полю, убирая остатки урожая. Набрав полтора мешка полугнилой, перемёрзлой картошки, занятие это бросили, потому что ничего съедобного на поле более не осталось. Потом долго лазили по доступным огородам, но там ничего особенного собрать не смогли — дачники к своим угодьям подходили тщательно. Правда, в доме нашлось некое количество продовольствия — несколько упаковок макарон, килограмм десять различных круп, соль, сахар, семь банок тушёнки, да тридцать две банки консервов, в основном рыбных. Была там и кое-какая зимняя одежда — тулуп, три пары больших валенок и несколько старых свитеров. Это всё тоже оказалось очень кстати.

Печь можно было топить, только открыв все окна, настолько сильно дым валил внутрь. Коптильников, правда, попытался, взобравшись на крышу, прочистить трубу, но упал оттуда и едва не сломал все рёбра, и после этого рисковать не стали. Потом Инна вспомнила о вычитанном где-то старом способе борьбы с сажей в дымоходе — протопить печь осиновыми дровами. Топор и колун в доме были, но вот найти осину оказалось куда как сложнее. Когда её наконец нашли и, после трёхдневных совместных усилий, срубили, от неё отломали ветки и с трудом откололи четыре чурбана, которыми в результате и топили злополучную печь. Это и вправду немного помогло, но до конца справиться с дымом не удалось, и потому тепла в доме всё равно оставалось мало. Когда стало действительно холодно, это превратилось в главную проблему. Тогда же Коптильников, что-то делая во дворе, простудился и серьёзно заболел, и если бы не Инна, не отходившая от него буквально двадцать четыре часа в сутки в течение полутора недель, вполне мог отправиться в мир иной.

К тому же, у него помаленьку начинали сдавать нервы. Он старался не подавать виду и при Инне держаться молодцом, но она понимала, что ему по-настоящему страшно. Ей и самой было не по себе, но она твёрдо знала — она долго шла к осуществлению своей цели, и идти надо до конца. И она шла.

…к середине ноября были съедены консервы, в начале третьей декады кончились макароны, двадцать девятого числа — картофель. Инна понимала, что уходить придётся и отсюда, но как? С одними паспортами и почти без денег добраться до Архангельска, зимой — это выглядело почти неосуществимо. Но другого пути к спасению не было, и рано утром тридцатого ноября она разбудила Коптильникова словами:

— Будет «план Б». Иначе мы до весны не доживём.

— Какой «план Б»? — с напускным спокойствием осведомился он, приученный не удивляться находчивости своей подруги.

— Поедем в Архангельск.

— Поедем хоть к чёрту на рога, — на сей раз совершенно искренне сказал Коптильников, — а то и вправду вымрем, как мамонты. Я как помню из географии, у них там не так холодно?

* * *

Декабрь как-то долго не хотел наступать. Много времени, до второй декады, снег шёл вперемежку с дождём, и по дорогам разлилась ужасная слякоть.

Где-то в десятых числах ходили в Петрозаводск, забирали запчасти. Нурику всё было лень поменять резину, и поэтому наш обратный путь начался с аварии. То есть этот придурок на «Газели», конечно, сам был виноват, но это же не значит, что резину менять не надо!

Разумеется, что в Вологду при такой раскладке нам было не успеть: машину пришлось загнать на сервис, резину менять втридорога, а лично мне коротать бесконечные дни в безымянной придорожной гостинице и ждать разгневанного звонка от начальства.

Он и последовал на четвёртый день нашей остановки. Однако вместо руководства фирмы почему-то позвонил Длуголенский, и не менее гневным голосом потребовал, чтобы мы сгрузили товар и порожняком следовали в Архангельск. Эта перспектива меня совсем не обрадовала, но, дождавшись подошедшей машины, которая забрала наш груз, мы с Нуриком тронулись в путь.

Уже когда мы ехали, я почему-то подумал, что нет худа без добра: по крайней мере, у меня будет очередной повод заехать в Баламутовку и переночевать там у Марины, со всеми вытекающими последствиями. Правда, Ипсиланти к тому времени совсем куда-то пропал. Как пояснил мне индивидуальный предприниматель В. С. Плотников, попыхивая крепкой морской трубочкой, «он в Сибирь поехал, дочку проведать». Это он мне ещё в ноябре сказал.

Днём семнадцатого числа мы наконец-то добрались до места. В Баламутовке было как-то на удивление пусто, по разным углам стоянки спали, присыпанные снежком, два допотопных бензовоза,

возле выезда коптил небо выхлопными газами какой-то автобус, и всё — ни людей, ни машин.

Зато у входа в кафе «Анна» мы с Нуриком застали прелюбопытнейшую картину. Там стояли Марина, Плотников и местный участковый, и о чём-то оживлённо беседовали. Подойдя, я, ничтоже сумняшеся, обнял Марину за плечи, но она обернулась, и, не выказывая ни малейшего удивления по поводу моего внезапного появления, резко одёрнула меня:

— Погоди.

— А что случилось-то?

Вместо Марины ответил участковый:

— Я провожу проверку в рамках отдельного поручения, из другой области. Вы очень кстати приехали.

— Надо же. А чем я, собственно, могу?..

— Вы с Сергеем Ипсиланти знакомы?

— Так, шапочно. Пересекались здесь несколько раз. А с ним случилось что-то?

— Надеюсь, что нет. Но мне бы хотелось с ним переговорить. Вы знаете, куда он уехал?

— Не думаю. Он такой человек, что куда угодно мог уехать, — я не стал вдаваться в подробности, искренне полагая, что Плотников всё, что мог, ему уже изложил.

— Понятно. Просто мне здесь отдельное поручение пришло. Вот, тут, видите ориентировка висит. Но мне Ипсиланти нужен. Сроки-то у меня тоже не резиновые, три дня осталось…

После этого милиционер взял Плотникова под локоть и отвёл в сторону. Вслед за этим Марина, клюнув меня в щёку вместо приветствия, встревоженным голосом спросила:

— Он точно тебе не говорил, куда собрался?

— Да нет, говорю же! Что стряслось, в конце-то концов?

— Вот, смотри, — и Марина указала на висящее на стене свежее объявление, успевшее, однако, уже основательно намокнуть.

Там были две чёрно-белых фотографии; изображение на них было практически неразличимо из-за многочисленных принтеров, ксероксов и факсов, через которые этим снимкам довелось пройти, да и к тому же бумагу размочило снегом и дождём. Текст под фотографиями гласил:

«В связи с безвестным исчезновением и утратой связи с образовательными учреждениями разыскиваются по федеральным учётам: Ипсиланти Инна Сергеевна **.**.**** г.р.; Коптильников Григорий Александрович **.**.**** г.р…», а дальше — такого-то числа ушли оттуда-то и оттуда-то, до настоящего времени не вернулись, одеты в то-то и то-то, особые приметы — такие-то и такие-то, при имеющейся информации сообщить туда-то и туда-то. Да мало ли подобных бумаг треплет ветер по фонарным столбам нашей страны?

Только не говорите, что вы на них когда-то обращали внимание.

Зато, по крайней мере, было понятно, зачем милиции понадобился Ипсиланти. Прав участковый, сроки у него не резиновые. В самом деле, не его же, дочку он вознамерился искать.

Но это всё в моей голове. А вслух я сказал:

— Да уж. Куда папа, туда и дочка. Хороша семейка, — и здесь мне пришло в голову, что, сказав такое, я особо не соврал.

— Ты о чём? — Марина вынырнула откуда-то из-за моего плеча.

— Да так, о своём, о девичьем. Пойдём отсюда, что тут делать…

На другой день погода наконец устаканилась. Столбик термометра немного отлип от нулевой отметки и пошёл крупный мокрый снег. Рано утром, часов в девять, мы выехали из Баламутовки и теперь небыстро шли по ровной, будто свежепобеленной дороге.

Так и ехали. Я молчу. Магнитола молчит. Нурик тем более молчит. Настроение так и осталось испорченным. Из-за того, что вся Баламутовка опустела. Из-за того, какой разнос мне по приезде учинит Длуголенский. Из-за Ипсиланти. Он, думалось мне, так ведь никогда и не узнает, что случилось с его дочерью. Хотя, наверное, нет, узнает. Страна большая, розыск федеральный, ориентировок развешено много. Только вот легче ли с того?

В Исакогорку мы приехали только поздним вечером, затемно. Снег по-прежнему валил не переставая. Успело, однако, немного подморозить, так что назавтра намечался день жестянщика. Да и Бог с ним. Об этом пусть у Нурика голова болит.

На грузовом дворе не было ни души — ни охраны, ни вахтёра, ни водителей. Никого. Даже кладовщика, которому надлежало сдать бумаги, я разыскал в недрах склада с огромным трудом.

Надо ли говорить, что Длуголенского тоже не было? Отвлёкшись на секунду от каких-то коробок, кладовщик (который, как выяснилось, обнаружил крупную недостачу, отчего и не вышел нас встречать) сказал, что юрист всё же приехал и твёрдо намерен меня дождаться. Правда, не здесь, а почему-то на станции.

Вот уж воистину, не человек — загадка. И что ему там в такую пору понадобилось? Я даже не сразу припомнил, что, занимаясь по долгу службы имитацией бурной деятельности (или самой бурной деятельностью, кто разберёт?), наш юрист, бывало, наведывался в товарную контору разобраться насчёт отправляемых и прибывших вагонов, так как, обладая правом на представительство без доверенности, экспедиторов от такой работы устранял.

Чертыхнувшись, я попрощался с Нуриком и поковылял по путям на станцию.

Было темно и тихо; шёл мокрый снег.

Ни звёзд, ни луны, конечно, не было видно. Только прожектора

на сортировочной горке откуда-то издалека били в глаза, и слепили холодным, голубым светом. Да ещё где-то в другой стороне, за перелеском, виднелись жёлтые огни Исакогорки.

Длуголенского я, опять же вопреки ожиданиям, обнаружил не в товарной конторе, а в здании пассажирского вокзала, где он картинно препирался с ЛОВД-шным старшиной. Завидев меня ещё издалека, он преспокойно поздоровался со мной, так, как будто и не поносил меня намедни на чём свет стоит, и на мой вопрос, что он тут забыл, дал не очень понятный, но вполне в своей манере ответ:

— Да вот видишь, пытаюсь навести справедливость.

— Какую справедливость?

— Тут с котласского товарняка двух каких-то подростков сняли. То ли местные, то ли не местные, не понятно, но с документами вроде. Вот, пытаюсь уговорить, чтобы не сразу в ЦВИМП отправляли, а попробовали родственников найти.

— Куда-куда отправляли?

— ЦВИМП. Центр временной изоляции малолетних правонарушителей. Ладно, это всё лирика. Я к тебе вот зачем: помнишь историю с тушёнкой? Так вот. В Арбитражном процесс в понедельник. Так что не уезжай пока, ты мне понадобишься.

А на следующий день где-то далеко, очень далеко, в Сибири, было утро. Раннее, раннее утро, часов пять.

За верхушками строевого соснового леса только-только начинал брезжить рассвет.

Из дали в даль шла скользкая, заснеженная дорога. Нет, не было ни ветра, ни снега. Но дорогу никто не расчищал и по ней почти никто не ездил. Спал лес слева от дороги. Спало поле справа от дороги. Спала подо льдом широкая река где-то у горизонта.

По дороге шёл человек, который не спал. Было ему на вид лет сорок, в чёрных волосах проблёскивала седина, как будто вместе с лесом и полем его припорошило тоже. Он был одет не по погоде: на нём мешком висела зелёная ветровка, а под ней — свитер на голое тело, тоже не по размеру. Человек что-то пел — то ли голосом пел, то ли насвистывал, а может, играл на губной гармошке — кто разберёт, кто услышит? А в руке у него был изорванный, мятый, матовый от клея лист бумаги. Как будто человек сорвал откуда-то объявление.

…по той же дороге, из города, с байк-шоу ехал старый байкер. В клёпаном кожане, в каске, и с бородой, как у Карла Маркса. Увидев идущую впереди фигуру, он не стал дожидаться, пока человек, голосуя, поднимет руку. Он не спеша догнал его и остановил мотоцикл.

Байкер спросил:

— Ты куда?
— Я отсюда откочёвываю, — ответил человек.
— Это как перелётная птица, что ли?
— Да, как-то так.
— Так ты куда?
— А ты куда?
— Я на юг.
— Значит, и я туда же.

2009–2010

ДОКТОР КАНИН

1.

Доктор Канин выехал из Дементьевска-Тиманского рано утром. Доктор Канин ехал в город N где-то в Центральной России, читать лекции для повышения квалификации тамошних эскулапов. На лице у доктора Канина была кислая мина. Доктору Канину было скучно.

Оно и понятно. В купе он ехал один, да и вообще в вагоне народу было мало. Канин находился как раз в том социальном статусе, когда СВ руководство ещё не оплачивает, а в плацкарт садиться уже как-то не с руки. Никакого чтива, кроме свежего номера «Ведомостей» из автомата на нижегородском вокзале, он с собой не прихватил, а рубиться в «Героев-3» на ноутбуке ему уже порядком надоело. Да и несолидно это. Что он, студент сопливый, что ли? Кандидат медицинских наук, доцент на своей кафедре, старший научный сотрудник НИИ пульмонологии, а в игрушки играет. Смех, да и только.

Он смотрел в окно, а видел своё отражение. Физиономия вырисовывалась неприятная, любоваться на неё не хотелось. Канин провёл рукой по седеющим волосам, которые никак не желали лежать по-человечески, зачем-то дотронулся до высокого, чуть скошенного лба, потом махнул рукой и попробовал было читать газету.

Не тут-то было. Глаза начинало резать, чёрные на сером буковки сливались в одно большое сюрреалистичное пятно, и настроение у доктора Канина испортилось ещё сильнее. Самое страшное для врача понимать, что он болен. А в том, что сходить к офтальмологу по возвращении в город всё-таки придётся, у доктора Канина ни малейших сомнений теперь не было. С другой стороны, в очках ещё презентабельнее будет выглядеть.

Потом он попробовал почитать им же написанные лекции (там шрифт был покрупнее). Вышло ещё хуже, чем с газетой. Тему лек-

ций — респираторный дистресс-синдром — он и так знал на ять, рассказал бы и с закрытыми глазами. А открытые всё равно видели плохо.

Вообще, справедливости ради следовало признать, что жизнь была не так уж и отвратна. Не далее, как месяц назад Канин очень удачно сменил свою трёшку на Волобуева (почти центр, но далековато от метро) на четырёхкомнатную на Ясновском Поле, что уже не такой центр, зато метро прямо под носом. Сбор материала на докторскую шёл полным ходом. Ну и так далее, и так далее.

Так он и ехал в одиночестве до самого Глазова, то есть почти до вечера. Сходил в вагон-ресторан, с важным видом постоял у окна в коридоре, почитал с горем пополам газету. Пробовал поспать, но заснуть так и не смог.

Наконец он не выдержал: расстегнул сумку и достал оттуда бутылку сливового вина, подаренную намедни одним пациентом. Тот знал, что доктор Канин любит сливовое вино, и где-то раздобыл его любимый сорт, надо сказать, довольно дорогой. Канин подумывал оставить вино дома в серванте, но не совладал с собой, и в последний момент засунул в сумку.

Поезд уже отъехал от перрона глазовского вокзала, когда доктор Канин, налив вина в маленькую стопку, чокнулся со своим отражением в начинающем чернеть окне, и чуть-чуть пригубил. Вино шикарное. Словами вкус было не передать.

В этот самый момент дверь купе открылась, и вошёл человек. Более от скуки, чем от интереса, Канин внимательно рассмотрел его. На вид вошедшему было примерно столько же, сколько самому доктору — сорок пять, много пятьдесят. У него было очень своеобразное, запоминающееся лицо — сухое, серое, покрытое редкими, но глубокими и длинными морщинами, стянутое в какой-то странной, задумчиво-суровой гримасе. Глаза этого человека отдавали едкой, неприятной желтизной, к тому же постоянно подёргивались, будто их обладатель всё пытался зацепить что-то взглядом и не мог. На человеке этом был недешёвый, но сильно измятый серо-бежевый плащ, не застёгнутый ни на одну пуговицу, чёрная сумка на плече, а в правой руке — какая-то книга. Эту книгу крепко сжимали пальцы — длинные, сухие, костлявые пальцы, с потресканными, совершенно не ухоженными ногтями и страшными кровавыми заусеницами, а один из них явно гноился.

Впечатление оставалось неприятное. Будь дело веке в девятнадцатом, про такого человека сказали бы «желчный субъект». Но на дворе, слава Богу, был двадцать первый, так что награждать соседа по купе таким эпитетом показалось Канину до смешного высоко-

парно. Для приличия, конечно, следовало поздороваться, что Канин и намеревался сделать, но вошедший опередил его.

— Здравствуйте, — почти неразличимо сказал он не то доктору, не то куда-то в сторону, а затем посмотрел на Канина и улыбнулся ему — сдержанно, одним намёком, но как-то очень приветливо, так, что первое впечатление развеивалось как-то само собой.

— Здравствуйте, — кивнул Канин, и, смущённо отставив стопку, посмотрел в окно.

Вошедший же, между тем, сел напротив него, и, не положив в рундук сумку и даже не снимая плаща, открыл книгу и принялся сосредоточенно вглядываться в убористый текст. Затем достал откуда-то огрызок карандаша, и начал им что-то подчёркивать. Надо полагать, со зрением у него тоже было неважно, так низко он нагнулся над столом.

Здесь доктор Канин почувствовал себя неловко. Заниматься какими-то своими делами в присутствии этого человека ему казалось неудобно и почему-то невежливо, и поэтому он просто смотрел в окно. Так прошло полчаса, может, три четверти часа, Канин времени не засекал. Наконец сосед отложил книгу в сторону и поднял глаза.

— Скажите, вы докуда едете? — раздался его тихий, необычайно спокойный и умиротворённый голос.

— В N, — ответил Канин, ожидая, что последует за этим вопросом.

— Правда? — с воодушевлением спросил человек.

— Да.

— Вы тоже… в монастырь?

— Нет, я по работе. А в какой монастырь?

— Z-ский мужской монастырь. Древняя, святая обитель, — и он улыбнулся снова, и снова едва заметно, но очень тепло и мягко.

— Я даже и не знал, что там есть монастырь…

Доктор Канин на этот раз внимательнее всмотрелся в его лицо, и не смог понять, отчего эта улыбка так к себе располагает. Ведь это даже улыбкой назвать было сложно — на лице его попутчика почти не было мимики. К тому же выражение задумчивости, сосредоточенности никуда не исчезало.

Доктор Канин смотрел так, наверное, с полминуты, не отводя глаз. Куда же смотрел незнакомец, сказать было сложно — его взгляд так и не зацепился ни за один предмет в купе, так, как будто бы для этого человека все они были одинаковые.

Наконец, нарушив повисшее молчание, он произнёс:

— Наверное, вы никогда не бывали в этом городе раньше. Все знают об этой обители, все едут туда. И я тоже… надеюсь успеть к Страстной пятнице.

Ах да, вспомнилось Канину, скоро же Пасха. А нынче четверг, Чистый четверг, стало быть.

Тут выяснилось, что сказать им друг другу больше нечего. В воз-

духе повисло ощущение неловкости, которое хотелось как можно быстрее преодолеть.

Вежливо кивнув, Канин снова отвернулся к окну, но боковым зрением поглядывал на лицо своего попутчика. Оно стало напряжённым, черты заострились, как будто человек подавлял мучившую его сильную боль. Но улыбка с его губ никуда не исчезла, и даже не выглядела наигранной и фальшивой — человек действительно улыбался. Напряжённость выражения усиливалась, напряжение передалось на шею и плечи, отчего поза стала ссутуленной, а левая рука сжалась в кулак.

Наконец в какой-то момент он вздохнул, тяжело и раздосадованно, вынул из правого кармана белый флакончик с какими-то таблетками (Канин не успел рассмотреть, какими именно), вытряхнул себе в ладонь три или четыре, и проглотил, не запивая. Затем он откинулся на стенку, закрыл глаза, и несколько минут неподвижно так сидел, еле заметно дыша и ничего не говоря.

Канин, разумеется, понимал, что здесь что-то не так, но долго не мог преодолеть неловкость, пока всё же не спросил — негромко и с какой-то опаской в голосе:

— Вам плохо? Я врач, я могу помочь…

Человек не сразу ответил. Даже глаза открыл не сразу, а едва ли не через минуту.

— Господь с вами, всё нормально, всё хорошо…

— Да нет, я же вижу, вам больно… Скажите, что…

— Язва желудка. Ничего, поболит, пройдёт. Оно в пост всегда сильнее болит, но это ничего, это пост.

— Вы, что, всерьёз думаете, — спросил, нахмурившись, Канин, — это мелочь?

— Всё послано Господом как испытание.

— Знаете, верить — это одно, а так… Скажите, вы когда ели в последний раз? И что ели?

— Как же, утром, картошку варёную, без масла, как положено.

— А когда в следующий раз есть будете?

— В Великую субботу, утром уже можно будет.

— Я думаю, вам не стоит так делать. Здоровье нужно беречь. От него в нашем с вами возрасте уже и так немного остаётся, надо к нему трепетнее относиться.

— Скажите, как вас зовут?

— Евгений Викторович.

— Так вот, Евгений Викторович, вы поймите — в этом весь смысл поста, это испытание и изнурение для души и тела, это доказательство веры человека.

— Испытание не испытание, но вот с язвенной болезнью желудка шутки очень плохи, это я вам как врач говорю.

— Это не шутки. Это попытка смирения. — При этих словах по-

путчик посмотрел куда-то вверх, и после некоторой паузы продолжил: — Христос принял смерть за грехи человеческие, и мы воодушевляемся примером Его. И, значит, в каждом из нас должна быть готовность страдать, и, быть может, не только за себя. Это и есть то, что называется смирение, самая, наверное, большая добродетель.

— Нет, я не понимаю. Зачем заставлять себя терпеть, если этого вполне можно избежать, вовсе не причиняя никому вреда или неудобства? По-моему, извините, это мазохизм…

Человек лишь пожал плечами и ничего на это не сказал, лишь снова взял в руки книгу и продолжил её изучать.

К этому времени за окном уже совсем стемнело, и доктор Канин решил ложиться спать — не то чтобы завтра ему было рано вставать, но делать всё равно было нечего. К тому же ему было стыдно за свою последнюю фразу, она показалась ему звучащей обидно. Но ещё более неудобным ему показалось за неё извиняться.

Раздевшись и укрывшись одеялом, Канин уже сквозь сон видел, как его попутчик по-прежнему сидит за столом, в одной позе, с карандашом в руке.

Нельзя сказать, что постель в вагоне — самая мягкая, чистая или тёплая на свете, но доктор Канин в ту ночь отлично выспался. Он проснулся очень поздно, почти в одиннадцать утра, когда проводница зашла в купе предупредить пассажиров, что через 40 минут — город N, и что бельё пора сдавать.

Канинский попутчик в это время тоже спал — так и не снимая плаща, прислонившись к окну. Перед ним лежала раскрытая книга, по столу с неприятным шорохом перекатывался огрызок карандаша.

Он крепко спал. Голоса проводницы он не услышал, и поэтому Канин, дождавшись, когда та уйдёт, встал с постели, оделся, и, наклонившись к своему спутнику, произнёс:

— Просыпайтесь. Через 40 минут прибываем.

Но он не просыпался. Тогда Канин легонько тронул его за плечо, и это возымело действие — человек дёрнулся всем телом, ещё сильнее вжался в угол, и только потом открыл глаза, а когда понял, в чём дело, растерянно произнёс:

— Извините меня, я, кажется, уснул. Слава Богу, что вы меня разбудили, спасибо.

— Не за что. Это вы меня извините, что так бесцеремонно.

— Нет-нет, ничего…

Он смотрел на доктора, бесцельно моргая глазами, будто пытался сфокусировать взгляд. Вероятно, вновь подумалось Канину, у его попутчика тоже были проблемы со зрением.

Всё-таки он был странный, этот человек — вроде бы первое

впечатление от него осталось пренеприятное, но стоило ему заговорить, и оно тут же поменялось, а ведь это так редко бывает! И какая-то сверхъестественная теплота исходила от его, в общем-то, самых обычных слов, и от его улыбки, такая теплота, от которой хотелось жить.

Перрон вокзала в городе N всегда был многолюднее, чем сам город — здесь была большая станция, часто и надолго останавливались поезда. На платформах шла бойкая, никем и ничем неискоренимая торговля с рук всем, чем только можно — от пирожков и беляшей с неизвестной начинкой до нехитрой радиоэлектроники и мужских журналов за прошлый месяц.

Сойдя с поезда, Канин тут же затерялся в шумной вокзальной толпе, которая перенесла его через путь, высокую платформу, внесла в здание вокзала, вынесла из него, и рассеялась, оставив одного на привокзальной площади.

Там было совсем не то, что у поездов — на большой площади, где проезжая часть была покрыта потрескавшимся асфальтом, а тротуары — битыми плитами, почти никого не было. Правда, у другого конца здания вокзала, где располагалась автостанция, стояли в ожидании пассажиров несколько пригородных «Газелей», и производили некоторое оживление, но в остальном было пустынно и тихо.

В этот самый момент из вокзала вышел ещё один человек, в котором Канин без труда узнал своего попутчика. Подойдя к доктору, он улыбнулся и спросил:

— Вы не знаете, как уехать?

— Если честно, нет, — признался доктор Канин, который, надо сказать, и не задумывался об этом вовсе, рассчитывая взять такси, которое и так куда нужно увезёт.

— А куда вам нужно?

— В больницу для начала.

— А-а-а, садитесь вот прямо здесь на 3-й автобус, и езжайте до конечной. Прямо к больнице приедете. А можете на такси, если хотите. Только здесь вы такси не поймаете, пройдите в-о-о-о-о-он туда, метров сто, они все там стоят.

— Хорошо, спасибо большое.

— Не за что. А вы всё-таки приходите сегодня в монастырь, на службу, и завтра приходите… Приходите.

— Ладно, я попробую, если у меня получится, я приду.

— Что ж, всего доброго.

— До свидания.

Сказав это, человек наискосок пересёк площадь и скрылся в каком-то из дворов.

Канин, никуда не торопясь, по-прежнему стоял на остановке, выбрав место посуше, и щурился от тёплого весеннего солнца. Можно было насладиться тишиной, свежим воздухом, хорошей погодой и ярким солнечным светом. На долю доктора все эти удовольствия редко выпадали. В его кабинете было душно и жарко, в операционных института — ещё душнее и ещё жарче, а при включенных кондиционерах — нестерпимо холодно. А дома? А дома бывало по-разному, но почему-то всегда темновато.

Здесь Канину показалось, что в большом городе, откуда он приехал, вообще было существенно темнее — может быть, потому, что дома там выше, может быть, потому, что сам город — севернее, какая разница? Он постоял так ещё некоторое время, и тоже пошёл наискосок через площадь, только в другую сторону — туда, где, как указал ему попутчик, стояли таксисты.

Носатый седой армянин, водитель неопределённого цвета «семёрки», мирно почивал на разложенном кресле, и на голос Канина никак не реагировал, поэтому доктору пришлось поступить невежливо — он просунул руку в опущенное с водительской стороны окно и легонько постучал по пыльному пластику приборной доски, и это мгновенно подействовало.

Задав дежурный вопрос «Куда?» и услышав ответ на него, армянин назвал дежурную же цену — «пятьдэсят». Будь в городе сто тысяч населения, он попросил бы семьдесят, а если полмиллиона — сто семьдесят. Доктор Канин отлично это знал, поэтому, прикинув в уме примерное население города, вытащил полтинник из кошелька ещё на подходе.

Ехать по городу тоже оказалось одно удовольствие — на улицах не было ни светофоров, ни разметки, ни, собственно, потока — изредка попадавшиеся одиночные машины почти мгновенно терялись из виду. В приоткрытое окно врывался свежий ветер, однообразные и в то же время совсем не надоедающие пейзажи небольшого города проносились мимо, и даже многочисленные выбоины на асфальте почти не ощущались. Таксист ехал быстро, и соблюдением правил себя особенно не утруждал (в чём, впрочем, и не было особой необходимости), так что доехали они минут за десять, если не быстрее.

Собственно занятие было намечено на час пополудни, так что, бросив вещи в гостиничном номере, скромном, но чистом, доктор Канин, которому порядком надоело как сидеть, так и лежать, стал думать о том, чем же здесь можно заняться. Вопрос был отнюдь не праздный, так как обратный поезд был только в субботу утром, и нужно было как-то спланировать время.

Занятый построением этих планов, он зачем-то вышел на улицу, и куда-то пошёл — неизвестно куда. Не то, чтобы он очень сильно

хотел прогуляться — просто ноги сами вынесли его, и он не стал этому противиться. Сами же собой перед его глазами возникли наполовину обшитый сайдингом универмаг с окнами, местами заложенными шлакоблоками, за ним — ещё один торговый центр, который когда-то явно был кинотеатром, а за его углом обнаружился небольшой и нешумный, но колоритный и очень ароматный рынок, мимо которого Канин просто не мог пройти.

Он вспомнил, как в детстве бегал на точно такой же базарчик (в те времена такие ещё были в Дементьевске-Тиманском), покупал там малосольные огурцы, редис, квашеную капусту, зелень, причём покупал всегда больше, чем было нужно — многое съедалось уже по дороге… Доктору Канину вдруг почудилось, что вот здесь, сейчас, он встретит ровно то же самое, такие же огурцы, такую же квашеную капусту, и он был почти уверен, что как найдёт — непременно купит…

Однако ни огурцов, ни квашеной капусты на рынке не нашлось. Там нашлись прошлогодние мандарины, яблоки и хурма, сложенные в аккуратные пирамидки, да ещё очень много крупной, неестественно чистой картошки в фирменных красных сеточках. Доктор Канин даже не сразу понял, что в апреле месяце свежих овощей быть по определению не может.

Отойдя куда-то в сторону от торговых рядов, Канин присел на чистую от снега скамейку. Ему вдруг очень захотелось курить, хотя он бросил ещё лет пятнадцать назад.

Никак не выходил из головы безымянный попутчик. Он вообще редко обращал внимание на дорожные знакомства, и любого другого забыл бы через пять минут, но этого… Какая стойкость, думалось Канину, ведь, как он вспомнил услышанное где-то, больные освобождаются от поста. А ещё этому человеку должно быть больно, очень, очень больно. Канин, конечно, не был гастроэнтерологом, но ощущения представил себе довольно живо. А кругом все снуют, все бегают, все чем-то заняты, и кому какое дело, что нынче Страстная пятница! Все об этом забыли… И тут же в голову пришла крамольная мысль: а может быть, и правильно сделали?

Доктор Канин никогда не считал себя не то что религиозным, но и просто верующим человеком, и потому не смог себе объяснить, откуда у него возникло желание всё же съездить сегодня вечером в этот монастырь. Но сделать это он решил твёрдо — в том числе и потому, что заняться всё равно было нечем. Не пить же с местными коллегами. Тем более, что доктор Канин с кем попало не пил.

2.

Занятие по повышению квалификации получилось неприлично скучным. По ходу лекции доктор Канин всё пытался, но так и не смог

понять, кого сильнее клонит в сон: слушателей или же его самого.

В монастырь он сначала хотел было отправиться пешком, но, когда спросил у местных, куда нужно идти, и услышал от них, что монастырь находится в добром десятке километров от города, решил всё же взять такси.

…машина притормозила метрах в ста от монастырских ворот: ближе таксист подъезжать не рискнул из-за собравшейся под стенами большой толпы. Расположенная справа от ворот стоянка была до отказа забита автомобилями, рядом с выездным шлагбаумом стояли несколько паломнических автобусов.

Лишь только доктор Канин ступил на землю, толпа, как за несколько часов до того, на вокзале, подхватила его и понесла по направлению течения.

Только оказавшись по другую сторону стен, за воротами, Канин смог выбиться из общей толчеи, и, встав на бордюр, немного осмотрелся по сторонам. В огромном комплексе монастырских зданий церквей было, по меньшей мере, восемь, но действовали из этого числа, по-видимому, только три, так как народ стекался туда.

Канин точно не знал, в какую из них следует идти, поэтому пошёл в ту, которая оказалась ближе всего — не очень большую, но, как и все здания в духе классицизма, не лишённую некоторой излишней массивности. За тяжёлыми дубовыми дверьми, в притворе, и далее, в западной части придела, людей было сравнительно немного — отдельные разрозненные группы, но дальше спины смыкались сплошной стеной.

…доктор Канин стоял у западной стены, не пытаясь прорваться через толпу. Нет, он не молился, и не думал о страстях Христовых, и вообще, наверное, в тот момент он ни о чём не думал. Больше в воображении, чем на языке, он перекатывал подхваченное им где-то в притворе словосочетание — не то чтобы совсем незнакомое, но определённо новое: «Великая вечерня». Вот как эта служба, стало быть, называлась.

…священник пел тягучим, тяжёлым голосом, гулкое эхо отражалось от сводов и волна за волной откатывалось от алтарной части к притвору. От этого голоса Канину делалось как-то не по себе, внутри что-то начинало вибрировать и дрожать. Голос проносился над окружавшей людей тишиной, не трогая самой этой тишины — вязкой и плотной… Канину было слышно, как где-то слева от него кто-то чихнул… Было слышно, как ещё левее, у самого окна, какая-то женщина резко и зло цыкнула на не вовремя заплакавшего ребёнка… Как сзади кто-то шуршит пакетом…

Канин осматривался по сторонам, пытался вглядеться в лица рядом стоящих… На службу собрались люди самые разные — старые и

молодые, мужчины и женщины, одетые богато и попроще. Но если во всех этих людях и было что-то общее, то это, несомненно, были выражения их лиц — суровые, нарочито хмурые, даже мрачные, с поджатыми уголками ртов и взглядами, направленными в одну точку, перед собой. Глядя на эти лица, доктор Канин вдруг понял, что же на самом деле означает выражение «постная мина». Ни за одно из них глаз не цеплялся, взгляд хотелось тотчас же отвести.

Поэтому Канин в какой-то момент стал всё больше смотреть вниз, на пол, поэтому не сразу заметил почти прямо перед собой знакомый серо-бежевый плащ. Они с попутчиком и здесь умудрились не разминуться!

Первой мыслью Канина было подойти и поздороваться, но, сразу поняв, что это будет по крайней мере невежливо, он остановился, застыл в полуготовности сделать шаг, с подогнутой в колене правой ногой и головой, наклонённой вперёд. Сразу вслед за тем он почувствовал желание взглянуть этому человеку в лицо, увидеть, что стало с ним, как оно здесь преобразилось. И тогда доктор, осторожно, по миллиметру, ступая, через минуту или две сумел вклиниться во впереди стоящий ряд, и повернул голову влево.

Человек этот, как и все вокруг, смотрел куда-то в одну точку, но не на впереди стоящих, а как будто бы поверх их голов и плеч, на иконостас, или, быть может, сквозь него. Но совершенно другим, отличным от всех прочих, было его лицо — на нём запечатлелись одновременно и скорбь, и недоумение, и скрытый, но неподдельный ужас, как будто бы человек оказался в совершенно неестественной для него ситуации. Было видно, что человек очень внимательно смотрел и слушал — глаза его были широко раскрыты, мимические мышцы предельно напряжены. И потому это лицо казалось по-настоящему живым; Канин подумал, что, будь у него зрение получше, он бы непременно разглядел, как на лбу и на щеках его попутчика собираются и тут же разглаживаются крошечные морщины.

Всё это показалось доктору Канину странным, ведь уж у этого-то человека опыт стояния на службах должен быть огромным! Но подойти и спросить он, конечно, не мог, да и незачем было.

Хотя Канин не обращал ничьё внимание на своё присутствие, человек всё же разглядел его боковым зрением, и, на секунду отвлёкшись, повернулся и кивнул ему, не улыбаясь, впрочем. Канин, также не улыбаясь, кивнул ему в ответ, и тут же сильно зажмурился, так как вдруг ощутил нестерпимую резь в глазах.

…он стоял, разминая глаза пальцами; был вынос Евангелия, и на какое-то время стало тихо.

Как следует проморгавшись, он снова взглянул на своего попутчика, но — снова зазвучало, и доктор Канин волей-неволей отвлекался на слух.

…святаго блаженнаго, Иисусе Христе: пришедше на запад солнца, видевше свет вечерний, поем Отца, Сына, и Святаго Духа, Бога. Достоин еси…

Человек по-прежнему стоял на своём месте, и всё так же внимательно смотрел и слушал, но выражение ужаса с его лица на мгновение исчезло, втянутые щёки расслабились, чуть сощурились глаза. И тут же лицо напряглось снова…

И говорил Господь с Моисеем лицем к лицу, как бы говорил кто с другом своим; и он возвращался в стан; а служитель его Иисус, сын Навин, юноша, не отлучался от скинии.

Моисей сказал Господу: вот, Ты говоришь мне: веди народ сей, а не открыл мне…

Человек вдруг зажмурился, видно, от резкой боли, а открыв глаза, шумно вдохнул, и начал судорожно сглатывать, будто подавляя подступавший к горлу ком.

…кого пошлешь со мною, хотя Ты сказал: «Я знаю тебя по имени, и ты приобрел благоволение в очах Моих»;

итак, если я приобрел благоволение в очах Твоих, то молю: открой мне путь Твой, дабы я познал Тебя, чтобы приобрести благоволение в очах Твоих; и помысли, что сии люди Твой народ.

[Господь] сказал: Сам Я пойду, и введу тебя в покой.

[Моисей] сказал Ему: если не пойдешь Ты Сам [с нами], то и не выводи нас отсюда, ибо по чему узнать, что я и народ Твой обрели благоволение в очах Твоих? не по тому ли, когда Ты пойдешь с нами? тогда я и народ Твой будем славнее всякого народа на земле…

Человек продолжал стоять, не двигаясь, но Канину было видно, как он стискивает зубы, как по морщинистому лицу начинают ходить желваки, как взгляд начинает метаться по церкви из угла в угол. Но на этом лице не появилось ни тени озлобленности, человек стоял и продолжал внимательно слушать.

И сказал Господь Моисею: и то, о чем ты говорил, Я сделаю, потому что ты приобрел благоволение в очах Моих, и Я знаю тебя по имени.

Человек лихорадочно запустил правую руку в карман плаща, пытаясь что-то там найти, но нужного предмета, видимо, не нашлось. «Он всё-таки доигрался со своей язвой, — подумал доктор Канин, — Ах, я же его предупреждал… Надо его отсюда вывести, и в больницу его, срочно в больницу»…

[Моисей] сказал: покажи мне славу Твою.

И сказал [Господь]: Я проведу пред тобою всю славу Мою и провозглашу имя Иеговы пред тобою, и кого помиловать — помилую, кого пожалеть — пожалею.

И потом сказал Он: лица Моего не можно тебе увидеть, потому что человек не может увидеть Меня и остаться в живых.

И сказал Господь: вот место у Меня, стань на этой скале;

когда же будет проходить слава Моя, Я поставлю тебя в расселине скалы и покрою тебя рукою Моею, доколе не пройду;

и когда сниму руку Мою, ты увидишь Меня сзади, а лице Мое не будет видимо.

…но было уже поздно. Лишь только Канин, потеснив стоявшего слева от него, двинулся туда, где стоял его попутчик, он увидел, как тот резко, всем телом, дёрнулся, обеими руками оттолкнул стоящих впереди женщин, и его вытошнило чёрной, зловонной массой. В первую секунду повисла гробовая тишина, человек стоял, наклонившись, упершись руками в колени и тяжело дышал, и в этот момент его вытошнило снова.

«Рвота цвета кофейной гущи… — вспоминал Канин цикл гастроэнтерологии. — Это желудочное кровотечение. И, похоже, очень сильное. Ну всё, труба…»

И благословил Бог последние дни Иова более, нежели прежние: у него было четырнадцать тысяч мелкого скота, шесть тысяч верблюдов, тысяча пар волов и тысяча ослиц…

— Помилуй, Господи! — закричала какая-то женщина. — Нечистый! Здесь нечистый!...

…доктор Канин плохо помнил, что началось потом. Поднятая кликушей волна паники в мгновение разлилась по всей церкви. Поднялся страшный шум: визжали женщины, плакали дети… Все разом рванули к выходу; в притворе началась сильная давка.

Доктор Канин попытался прорваться к своему попутчику, но в начавшейся панике это было непросто.

— Дорогу! Пропустите, пропустите, я врач!! — он кричал, что было силы, но его никто не слушал и в общем шуме не слышал.

…как бы они его не растоптали. Осмотреть, осмотреть, как бы там перфорации не было. Проперкутировать, сохранена ли печёночная тупость, посмотреть на симптом Щёткина-Блюмберга… Только бы он был не в коме…

— Вызовите скорую, кто-нибудь!!! Он же умрёт!!! Ну, пропустите же! Пропустите!

Жалкие три-четыре метра до цели Канин прошёл почти за минуту. Человек, вокруг которого разом образовалось пустое пространство, лежал на полу, на спине, свесив голову вправо, и почти не шевелился, его по-прежнему безостановочно рвало. Канин не мог определить, был ли человек в сознании, или же нет.

Он ещё продирался сквозь толпу, как его окликнул какой-то монах, который до того стоял, склоняясь над лежащим, и что-то бормотал:

— Вы — врач? Что нужно сделать?

— Переверните, переверните его, положите на бок, и рот ему пошире откройте, а то он рвотными массами захлебнётся.

Монах мгновенно всё исполнил.

— Так, я его сейчас осмотрю…

— Ещё что-то? — спросил монах подоспевшего Канина, и после секундной паузы добавил: — Обезболивающее что-нибудь?

— Нет, ни в коем случае… При остром животе — ни в коем случае обезболивающее не давать, вся клиническая картина смажется… У вас лёд есть? Принесите лёд!..

Монах уже развернулся, как Канин окликнул его:

— Скорую вызвали?

— Не знаю, должны были уже.

— Немедленно скорую, немедленно, тут такое сильное кровотечение…

— Хорошо, хорошо…

Толпа к тому моменту почти полностью рассеялась; только лишь бабушки-лампадницы сбились в кучу где-то в уголке, да несколько человек стояли далеко впереди них, у клироса.

Служба, конечно, не прервалась. И не могла она прерваться, ибо служилась она не для собравшихся.

Вот, раб Мой будет благоуспешен, возвысится и вознесется, и возвеличится.

Как многие изумлялись, [смотря] на Тебя, — столько был обезображен паче всякого человека лик Его, и вид Его — паче сынов человеческих!

Так многие народы приведет Он в изумление; цари закроют пред Ним уста свои, ибо они увидят то, о чем не было говорено им, и узнают то, чего не слыхали.

Доктор Канин, как до того монах, склонился над лежащим, присел на корточки. Расстегнул рубашку, проперкутировал правое подреберье.

…живот напряжён, звук тимпанический… значит, там газ, похоже, всё-таки перфорация. Плохо дело.

— Эх, говорил же я тебе, не шути ты с язвой…

— Всё в порядке, — вдруг ответил слабым голосом лежащий, пытаясь приподняться на локте, — А-а-а-а… Не надо было столько шума.

— Да вы что, — Канин начал пальпировать эпигастральную область, справа, — в самом-то деле, хватит бравады. Вера верой, а так нельзя. Сами себя довели. Сейчас уж просто лежите, на спину не переворачивайтесь, скорая едет. Вот так больнее?

— Да, больно…

— А вот так?

— Так… меньше…

— А здесь? И, правда, не нужно бравады, я знаю, я знаю, что больно…

— Нет, не бравады… Больно?.. Больно… Умирать… со Христом в сердце умирать не страшно… А-а-а.. Не бойтесь. А шум… паника,

страшно, что паника… Только бы там… а-а-а… никто не покалечился.

— Ну, вы умирать-то не торопитесь. Я думаю, всё нормально будет, — доктор Канин резко отдёрнул пальцы; лежащий дёрнулся следом. Симптом Щёткина-Блюмберга положительный. Совсем плохо. Можно было бы, конечно, проверить у него ещё несколько симптомов, но доктор Канин решил, что лучше его лишний раз не шевелить — как бы хуже не стало. Да и потом, без препаратов сделать он ничего не мог, а коагулянты в здешней аптечке вряд ли водились. Доктор Канин попытался улыбнуться, но строить из себя оптимиста у него получалось не ахти как. Он-то знал, он-то всё знал.

— И вы не бойтесь, что так обо мне закричали, не бойтесь. Это неважно всё…

Он был презрен и умален пред людьми, муж скорбей и изведавший болезни, и мы отвращали от Него лице свое; Он был презираем, и мы ни во что ставили Его.

Но Он взял на Себя наши немощи и понес наши болезни; а мы думали, [что] Он был поражаем, наказуем и уничижен Богом.

Доктор Канин думал, что к ним кто-нибудь подойдёт. На них двоих и вправду все смотрели, но никто не подходил. Никто. Человек хотел ещё что-то сказать, но застонал, закашлялся, опять лёг на бок, и его тяжёлое, с хрипом дыхание эхом отражалось от свода и стен.

Но Он изъязвлен был за грехи наши и мучим за беззакония наши; наказание мира нашего [было] на Нем, и ранами Его мы исцелились.

Все мы блуждали, как овцы, совратились каждый на свою дорогу: и Господь возложил на Него грехи всех нас.

Он истязуем был, но страдал добровольно и не открывал уст Своих; как овца, веден был Он на заклание, и как агнец пред стригущим его безгласен, так Он не отверзал уст Своих.

Доктор Канин так до конца и не понял, зачем спросил:

— Вы и вправду не боитесь умирать? Даже неисповеданным?

Человек снова приподнялся на левом локте, внимательно посмотрел на Канина, и улыбнулся, но уже не сдерживаясь, широко и ясно:

— Боюсь. Очень боюсь…

Он снова закашлялся, и в этот момент сознание оставило его окончательно.

Прибежал монах, и принёс пузырь со льдом. Доктор Канин приложил лёд к эпигастральной области и, как мог, примотал. Трудно было сказать, дало бы это ощутимый эффект или нет, но доктор Канин старался — свой долг он привык исполнять до конца.

С улицы донёсся звук заглушаемого двигателя, и по тёмному притвору запрыгали синие отблески проблесковых маячков.

Реанимационная бригада действовала быстро, слаженно, почти без слов. Канин сказал о результатах осмотра, его выслушали, но не очень внимательно. Человека осмотрели снова, положили на катал-

ку, как было, на бок, и тотчас же повезли к выходу; Канин следовал за ними.

На улице, когда уже захлопывались двери машины, ему вдруг пришла в голову мысль, что, может быть, стоит поехать с ним, но тут же ей ответила другая, не менее резонная, что в реанимобиль его никто не пустит, и он оставил свою затею.

На подвиг души Своей Он будет смотреть с довольством; чрез познание Его Он, Праведник, Раб Мой, оправдает многих и грехи их на Себе понесет.

Посему Я дам Ему часть между великими, и с сильными будет делить добычу, за то, что предал душу Свою на смерть, и к злодеям причтен был, тогда как Он понес на Себе грех многих и за преступников сделался ходатаем.

Доктор Канин стоял на крыльце, теребя в кармане завалявшиеся там ключи от квартиры и глядя куда-то вдаль. С запада, от начинающего заходить солнца, ветер гнал причудливой формы перистые облака, которые проплывали прямо над головой и скрывались за остриём колокольни. Ветер шевелил верхушки берёз по ту сторону аллеи, потрёпывал волосы на головах прохожих, шуршал пакетами в их руках.

Доктор Канин так и не мог понять, что же это такое. Что такое должно быть внутри тебя, чтобы ты мог терпеть ТАКУЮ боль. А тот ведь терпел… терпел. Странный человек. В сущности, Канина с ним ничто не связывало, но он понимал, что, пожалуй, ни к кому из своих пациентов он не испытывал такого сочувствия, как к этому человеку.

Доктор Канин, конечно, знал, что это такое, когда умирает твой пациент. У него, как у всякого врача, было своё личное кладбище. Но он, в общем, никогда не казнил себя из-за этого. Да и здесь не казнил, но досадно было до слёз. Ему, Канину, будет очень горько, если этого человека не спасут. Что-то светлое было в нём, что-то, что не хотелось отпускать из мира.

Канин боковым зрением уловил, как сзади к нему подошёл давешний монах.

— Что теперь? — спросил он у доктора.

— Теперь — экстренная госпитализация, наблюдение, и, думаю, операция. Резекция желудка, вероятно, хотя я не хирург, я точнее не скажу, там могут быть варианты.

— Это он вас сюда позвал, так ведь? — монах внимательно, испытующе посмотрел на Канина, и тому неизвестно отчего стало немного стыдно.

— Да, это он. Я, знаете, к стыду своему, не так часто в церкви бываю.

— Это личное дело каждого. А вы с ним знакомы?

— Нет, в общем-то. В поезде ехали, в одном купе… А вы?

— Я? Нет, конечно. Сюда ведь много паломников приезжает каждый год. Хотя он часто бывает, я его запомнил. Но по имени, разумеется, не знаю.

— Глупо как-то всё это получилось, глупо. Ведь вдруг такая паника…

— Всякое бывает, и это тоже бывает.

— Да, я понимаю, народ экзальтированный…

— Никого не надо осуждать. Случилось то, что случилось. В этом как раз и есть смысл того, что здесь произошло.

— Вы о чём?

— Я вот о чём. Как вы думаете, в чём смысл чтения Книги «Исход» на Великой вечерне, когда, казалось бы, речь идёт о новозаветных событиях?

— Не знаю, — честно ответил Канин.

— А смысл в том, чтобы напомнить в том числе и о том, что человек может не понимать, и заблуждаться, это свойственно ему. Это что-то вроде наглядного примера: в ветхозаветные времена даже Моисею было невозможно узреть лицо Господа. А когда Христос явился в этот мир, Его лицо могли видеть все. И всё же люди не поняли этого, и осудили Его на крестную смерть…

— Я… — растерянно, и совсем не к месту сказал доктор Канин, — я, что мог, сделал. Я, может, для церкви человек пропащий, но как врач что мог, сделал.

— Для Господа никто не пропащий. Скажите, вы за него переживаете?

— Да. Не понимаю, зачем он так?.. Не ехал бы сюда, не изводил бы себя постом, он же язвенник, ему строжайшая диета нужна…

— Каждый сам выбирает себе путь. Страдание — это тоже выбор. Не нам с вами его осуждать. Не казните себя. Не надо.

…двое послушников нараспашку открыли ворота, и на подворье въехал огромный Dodge Interpid неопределённого цвета. Стоявшие чуть поодаль трое полицейских поспешили к машине, и, когда дверь с водительской стороны открылась, вытянулись по стойке «смирно», разве что под козырёк не взяли.

Из автомобиля вышел парень лет 23, одетый в дорогую, но безвкусную чёрную куртку с воротником из искусственного меха, с огромным портфелем на плече. Не обращая на стражей порядка ни малейшего внимания, он закрыл машину и поднялся на крыльцо, поприветствовав стоявших там лёгким, но изящным кивком головы.

— Здравствуйте, — негромко и нерешительно, так, чтобы, если что, никто не услышал, сказал доктор Канин.

Монах ничего не сказал, только кивнул.

— Добрый день, — сказал парень, — мне отсюда позвонили, попросили заехать…

— А вы кто? — спросил монах.

— Моя фамилия Постышев, я следователь, из района, — парень вынул из нагрудного кармана красное удостоверение и хлопнул им перед лицом у монаха.

— Значит, сказали уже отцу настоятелю…

— Вообще-то сначала позвонили в полицию, а уж потом мне из дежурной части… Меня вообще здесь быть было не должно, меня с трупа из района выдернули. Ладно, давайте пообщаемся с вами, — он посмотрел на Канина.

— Будете меня допрашивать?

— Не допрашивать, а опрашивать, — менторским тоном произнёс Постышев, извлекая из портфеля планшет и бланки. — Пока уголовное дело не возбуждено, никаких следственных действий не проводится, допросов в том числе. Это пока только объяснения.

— Вы понимаете, я не из этого города… И вряд ли скоро сюда приеду. Может, лучше без этого, а то как вы меня искать потом будете?

— Ничего страшного, второй раз вас дёргать никто не станет. Вы же, наверное, сами понимаете, что никакого дела здесь не будет.

Опрос происходил там же, на крыльце. Постышев стряхнул перчаткой снег с балюстрады, и, опершись на неё, начал заполнять бланк.

— Ваша фамилия, имя, отчество?

— Канин Евгений Викторович.

— Дата рождения?

— Двенадцатое июня тысяча девятьсот шестьдесят *****-го года.

— Место рождения?..

— Всё верно записано?

— Да, всё верно вроде…

— Тогда вот здесь напишите: «С моих слов записано верно, мною прочитано», и распишитесь, только дату не ставьте. Вот, возьмите ручку.

— С моих слов… верно… прочитано, — Канин с удовлетворением взглянул на свою размашистую, с претензией на начальственность, подпись, и вдруг понял, что хочет засмеяться.

— Что с вами?

— Да нет, ничего, анекдот смешной вспомнил…

— Понятно… И я всё-таки не понимаю: как так вышло, что вы с ним разговаривали, и даже имя не узнали?

— Да даже и не знаю, — честно ответил доктор Канин, — как-то необходимости в этом не было…

— Да, вам ещё повезло… Человек в прелести, вы с ним говорили… Такие персонажи иной раз даже и не разговаривают…

— Где человек?

— Тут, Евгений Викторович, не «где», тут, скорее, «как»… Когда говорят «в прелести» — это что-то вроде православного сленга. Значит, что человек верующий до такой степени, что кроме веры вообще ничего не интересует. Страшное дело, скажу я вам…

— А вы-то откуда всё это знаете?

— В нашем районе поработаешь — и не такое узнаешь, — невесело усмехнулся Постышев.

— Скажите, а дальше-то что будет?

— Дальше? Дальше будет проверка, будем искать, не было ли у кого умысла на убийство, не отравил ли кто… Но вообще туфта всё это, если честно. Меня лично вообще здесь быть не должно. По-хорошему, такие вещи участковый должен отрабатывать, вон он, кстати, в церкви, протокол ОМП пишет… Тут теперь одна проблема — имя узнать. Документов-то у него при себе не было, оставил, видать, где-то. Эти ж паломники, они же по всяким скитам останавливаются, или ещё где-нибудь в подобных местах. А скитов этих по окрестным деревням…

— А сами-то вы что думаете по этому поводу?

— Да ничего пока не думаю… Я ж с ним не беседовал. По-дурацки как-то всё это. Вот уж правда, заставь дурака Богу молиться… Здесь, помнится, были случаи, когда люди в голодные обмороки падали. Но чтобы так…

Канин хотел спросить что-то ещё на эту же тему, но спросил совсем о другом:

— Как теперь мне выбираться-то отсюда в город?

— Да никак, на такси только. Или, может, к паломникам в автобус впишетесь. Но это вряд ли, у них там всё битком. А вообще, знаете что? Если подождёте, хотите, я вас довезу? Мне в Хлебниково потом, всё равно через город ехать. Только с монахом с этим тоже надо поговорить сначала. Но это недолго.

— Хорошо, я подожду.

Постышев и монах и вправду недолго разговаривали, не больше десяти минут. Потом следователь зашёл в церковь, надо думать, забрать протокол, а выйдя, пошёл заводить машину. Канин последовал за ним.

Ехали быстро, ехали молча. До гостиницы Постышев Канина не довёз (ему было ехать в другую сторону), и высадил в паре кварталов от неё.

Но в гостиницу доктор Канин сразу и не пошёл. Он решил дойти до больницы, благо, было недалеко. Зачем? Нет, не проведать (да и не пустят к такому больному), а, скорее, просто узнать, что да как. А может, ещё и просто прогуляться. Вечер был тёплый, приятный.

В больнице его визиту несколько удивились. Зато доктор Канин ничего нового для себя не узнал. Да, доставлен, осмотрен, в экстренном порядке взят в операционную, скоро, наверное, уже закончат.

…сидя у входа в оперблок, доктор Канин подумал, что так глупо он себя, наверное, никогда не чувствовал. Что он спросит у хирурга? Как прошла операция? Будет ли жить? Ерунда, ей-богу, ерунда…

...«скоро» растянулось на добрых полтора часа. Когда же двери наконец открылись и хирург вышел в коридор, доктор Канин подскочил со скамейки, где сидел, потому что, как ему показалось, он понял, о чём он хочет его спросить…

Но тотчас же сел на место, потому что по одному угрюмо-усталому выражению лица, показавшемуся из-под снятой маски, доктор Канин понял, что уже всё кончено.

Доктор Канин шёл в гостиницу. Если бы у него в тот момент спросили, о чём он думал, он бы, вероятно, ничего не ответил. Вместо мыслей в голове была какая-то несуразица, каша. Пост. Молитва. Страстная пятница. Молитва. Служба. Тишина. Нечистый. Нечистый?.. Шум. Опять тишина. Облака. Небо. Снова тишина. А потом пришла и вовсе странная мысль: что все те люди, которые были там, в церкви, будут помнить об этом случае? О чём расскажут знакомым?

И лишь час или два спустя, в номере, его посетила очень простая, но оттого не менее удивительная мысль — окажись вдруг он когда-нибудь на месте этого человека и уйди тогда со службы — ему было бы очень стыдно. Доктор Канин поморщился от осознания этого явно неудобного факта, рука потянулась в карман брюк за давно не существующими там сигаретами, а когда сигарет не нашлось, ноги сами, как-то против его воли встали и подвели его к окну.

Солнце садилось в тучу. Над тучей плыли всё те же перистые облака, только окрашенные в багряный оттенок.

…хоронили на другой день, в Великую субботу (ибо на Пасху хоронить никого нельзя), под вечер. Хоронили у самого дальнего угла городского кладбища, у самой железной дороги, среди безымянных могил.

Подморозило. Снег, чёрный апрельский снег на ярком солнце снова блестел, как зимой, и неприятно похрустывал под переминающимися от долгого стояния ногами.

Панихиду служил иеромонах Анастасий, в ризе и епитрахили. Доктор Канин молча стоял за его спиной, и слушал. Рядом с ним, плечом к плечу, стоял Постышев, и тоже молчал. Ещё где-то в стороне курили двое могильщиков, и больше на кладбище никого не было.

В какой-то момент следователь, который был повыше ростом, наклонился к Канину и доверительным тоном прошептал:

— Ну, вот и всё. Исследование, слава Богу, быстро сделали, почему я и разрешил его хоронить. Теперь уже всё.

— Вы думаете? — таким же шёпотом ответил Канин.

— Конечно. А что теперь? Где он остановился, будем искать, но это уже мелочи.

— Вы так к этому относитесь? Вам его хотя бы не жалко?

Постышев отрицательно покачал головой.

— Конечно, не по-людски всё как-то вышло, кто же спорит. Но так… Знаете, сколько каждый год безымянными умирает?.. Всех не пожалеешь, — и после некоторой паузы повторил: — Всех не пожалеешь. Да и потом, что здесь не так? Он похоронен с миром, как положено. Он наверняка бы сам этого хотел — почти как Христос, опять же, в Великую субботу. Тем более вот, — Постышев кивнул на иеромонаха Анастасия, — он благословение у настоятеля испрашивал на панихиду, он мне так сказал.

— Да, наверное, ды правы. Только всё равно нельзя так, не должно быть так. Ну, какой он «нечистый», или как это теперь будут вспоминать? Бред же это всё, всё же не так…

— Хм, нечистый? — Постышев странно улыбнулся, и, немного помолчав, добавил: — Хорошо сказано.

…солнце уже клонилось к закату. Где-то вдалеке кричали птицы. И в небо поднималось торжественное и заунывное:

— *Вечная память, вечная память, вечная память!..*

2010; 2012

Николай Хоничев
Родолена 5

Дмитрий Коро
Стихотворения 145

Владимир Пшеничный
Стихотворения 195

Валентина Чубковец
Рассказы, стихотворения 231

Софья Рубакова
Стихотворения 337

Борис Пейгин
Рассказы 367

Библиотека томской поэзии и прозы

Том 9

Хоничев Николай Васильевич
Коростелёв (Коро) Дмитрий Николаевич
Пшеничный Владимир Анатольевич
Чубковец Валентина Анатольевна
Рубакова Софья Борисовна
Пейгин Борис Сергеевич

Координатор, разработчик проекта,
редактор книжной серии *Г. К. Скарлыгин*

Технический редактор *О. В. Карташов*

Корректор *И. А. Сердюк*

Издание Томской писательской организации.
Отпечатано в ООО «Томская полиграфическая компания».
Подписано в печать --.--.2018 г. Печать офсетная.
Формат 140×240 мм. Шрифт Cambria.
Усл. печ. л __.__. Уч. изд. л. __.__. Тираж 1 000 экз.